

ВЕСТНИК МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO-Review of International Relations

Москва

№1(46) 2016

Moscow

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России.

Заместитель главного редактора:

Кожокин Е.М. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО МИД России.

Шеф-редактор:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кожокин Е.М. – проректор по научной работе МГИМО МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО МИД России.

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации - Руководитель аппарата правительства Российской Федерации (Россия).

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Титаренко М.Л. – научный руководитель Института Дальнего Востока РАН, академик РАН (Россия).

Чубарьян А.О. – научный руководитель Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО МИД России.

Барабанов О.Н. – доктор политических наук, профессор РАН, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России.

Булатов А.С. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой мировой экономики МГИМО МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО МИД России.

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии, директор центра региональных политических исследований ИМИ МГИМО МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО МИД России.

Гаман-Голутвина О.В. – доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Казанцев А.А. – доктор политических наук, директор аналитического Центра ИМИ МГИМО МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО МИД России.

Кудрявцев О.Ф. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России.

Ноздрёва Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО МИД России.

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО МИД России.

Подберёзкин А.И. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России, директор Центра военно-политических исследований МГИМО МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО МИД России.

Стрельцов Д.В. – доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России.

Сумский В.В. – доктор исторических наук, директор Центра АСЕАН ИМИ МГИМО МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Хенкин С.М. – доктор исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

Холопов А.В. – доктор экономических наук, декан факультета международных экономических отношений МГИМО МИД России.

Шаклеина Т.А. – доктор политических наук, заведующая кафедрой прикладного анализа международных проблем (ПАМП) МГИМО МИД России.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО МИД России.

Редколлегия:

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, шеф-редактор журнала "Вестник МГИМО-Университета", доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника управления научной политики МГИМО МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России.

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, декан факультета прикладной экономики и коммерции.

Editor-in-Chief:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the Russian Academy of Sciences (RAS).

Deputy Editor-in-Chief:

Kozhokin E.M. – Vice-Rector for Research Work at MGIMO University, Doctor of Historical Sciences, Professor.

Editor-in-Charge:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University.

Editorial Council:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Chairman of the Editorial Council, Academician of the RAS (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Dynkin A.A. – Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Kozhokin E.M. – Pro-Rector for Research Work of MGIMO University, Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Historical Sciences, Professor (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Malghin A.V. – PhD of Political Sciences, Rector for General Issues of MGIMO University (Russia).

Naryshkin S.E. – Chairman of the 6th State Duma (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Prikhod'ko S.E. – First Deputy Prime Minister of the Russian Federation - Chief of the Government Staff (Russia).

Rogov S.M. – Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Titarenko M.I. – Research Director of the Institute of Far-East of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Tchubar'yan A.O. – Research Director of the Institute of World History of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Scientific Council:

Alexeeva T.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Political Theory Department, MGIMO University.

Barabanov O.N. – Doctor of Political Sciences, professor of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Integration Processes, MGIMO-University.

Bulatov A.S. – Doctor of Economic Sciences, Head of the World Economy Department, Russian Foreign Ministry MGIMO.

Bulatov Y.A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of International Relations Department, MGIMO University.

Busygina I.M. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, Director of the Center for Regional Political Studies at Institute of International Studies, MGIMO-University.

Gaman-Golutvina O.V. – Doctor of Political Sciences, head of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Il'in M.V. – Doctor of Political Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Director of the Analytical Center at the Institute of International Studies, MGIMO-University.

Khenkin S.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor of Comparative Politics Department, MGIMO-University.

Kholopov A.V. – Doctor of Economic Sciences, Dean of International Economic Relations Faculty, MGIMO-University.

Kirillov V.B. – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Vice Rector for Academic Work, MGIMO-University.

Kravchenko S.A. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sociology Department, MGIMO-University.

Kudryavtsev O.F. – Doctor of Historical Sciences, Professor of World and National History Department, MGIMO-University.

Lebedeva M.M. – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of World Politics Department, MGIMO-University.

Legoyda V.R. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of International Journalism Department, MGIMO-University.

Narinsky M.M. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of International Relations and Russian Foreign Policy Department, MGIMO-University.

Nozdreva R.B. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Management and Marketing Department, MGIMO-University.

Orlov A.A. – PhD in Historical Sciences, Director of Institute of International Studies, MGIMO-University.

Pechatnov V.O. – Doctor of Historical Sciences, Head of Department of History and Politics in Europe and America, MGIMO-University.

Platonova I.N. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of International Economic Relations and Foreign Economic Ties Department, MGIMO-University.

Podberezkin A.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, Director of Center of Military-Political Studies, MGIMO-University.

Salyghin V.I. – Doctor of Engineering Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO University.

Shakleina T.A. – Doctor of Political Sciences, Head of Department of Applied Analysis of International Issues, MGIMO-University.

Stolbov M.I. – Doctor of Economics, Deputy Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Sumsky V.V. – Doctor of Historical Sciences, Director of the ASEAN Centre at MGIMO-University.

Ukolova V.I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of World and Russian History Department, MGIMO University.

Voskresensky A.D. – Doctor of Political Sciences, PhD, Professor, Dean of School of Political Sciences, MGIMO-University.

Yuldashev R.T. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Risk Management and Insurance Department, MGIMO University.

Editorial Staff:

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Editor-in-Charge of «the Journal of MGIMO-University», Associate professor, World Politics Department, MGIMO University.

Myagkov M.U. – Doctor of History, Professor of World and Russian History Department, MGIMO University.

Svishchev A.V. – PhD in Economics, Associate Professor, Dean of the School of Applied Economics and Commerce, MGIMO University.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал		66009 (индекс издания)																								
	Вестник МГИМО-Университета		КОЛИЧЕСТВО КОМПЛЕКТОВ 1																								
	На 2016 год по месяцам																										
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		Кому																									
(почтовый индекс)		(адрес)																									
(фамилия, инициалы)		(фамилия, инициалы)																									
	ДОСТАВочная КАРТОЧКА		66009 (индекс издания)																								
	на журнал		66009 (индекс издания)																								
	Вестник МГИМО-Университета		1																								
	ПВ	место	литер	1																							
	Стоимость		подписки	1																							
	переадресовки руб.		Количество комплектов	1																							
На 2016 год по месяцам																											
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>				1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
Куда		Кому																									
(почтовый индекс)		(адрес)																									
(фамилия, инициалы)		(фамилия, инициалы)																									

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74; веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., Крупнов А.А., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 26,5 усл. п. л. Заказ № 216.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;

e-mail: vestnik@mgimo.ru. ISSN 2071 – 8160.

Published by MGIMO University Press.

Number of printed copies: 2000.

Содержание

ИСТОРИЯ

- Романова Е.В.** Трактовки «Европейского концерта» в британской и американской историографии.7
Черникова Т.В. Московское царство и европейские «новшества» в начале Смутного времени.18

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Тимофеев И.Н.** Дилеммы государства в современном мировом порядке.29
Астахов Е.М. БРИКС: перспективы развития.42
Борщевский Г.А. Процессы интеграции в сфере государственной службы и её реформирование на евразийском пространстве.51
Андрюхина Т.В. Межкультурные параметры метафорического моделирования в политическом дискурсе.63

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

- Байков А.А.** «Золотой стандарт» подготовки международного и эффективность внешней политики. . .70
Барабанов О.Н. Роль истории во внешнеполитической стратегии В.В. Путина.84
Стрельцов Д.В. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? .93
Батакова А.А. Подходы правительства Японии к проблемам «исторического прошлого».106
Рустамова Л.Р. Особенности «мягкой силы» во внешней политике ФРГ.118

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- Комаровская Н.В.** Эволюция «homo economicus».129
Кониная Н.Ю. Важнейшие аспекты развития крупных международных компаний в меняющемся мире.143
Панова Г.С. Банки в условиях международных санкций: стратегия и тактика.154
Ревенко Л.С., Ревенко Н.С. Политические и экономические аспекты участия России в Вассенаарских договоренностях.169
Швец Н.Н. Импортзамещение: границы энергетической безопасности.180
Онучак В.А. Социальный аспект поддержки малого бизнеса и проблемы миграции в Германии.188

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Харкевич М.В.** МГИМО в Пенсильванском рейтинге 2015 г.: мировые тенденции, локальные ответы. .196

РЕЦЕНЗИИ

- Аникеева Н.Е.** Письма испанского дипломата.202
Зарубина Н.Н. Научное обоснование гуманистического поворота в социологии.204
Кузнецов Д.А. «Запад»/«не-запад»: новый взгляд на старую дихотомию.207

Table of Contents

HISTORY

Romanova E.V. “The Concert of Europe” In 20th Century British and American Historiography.	7
Chernikova T.V. Moscow Kingdom and the European Innovation of the Time of Troubles.	18

WORLD POLITICS

INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

Timofeev I.N. State Dilemmas in Contemporary World Order.	29
Astakhov E.M. The Place of BRICS in World Politics.	42
Borshevskiy G.A. Integration Processes on Civil Service Reform in the Eurasian Space.	51
Andryukhina T.V. Ross-Cultural Aspects of Metaphorical Framing in Political Discourse.	63

FOREIGN POLICY

Baykov A.A. "Golden Standard" in International Relations Training and The Effectiveness of Foreign Policy. ...	70
Barabanov O.N. Role of History in Vladimir Putin's Foreign Policy.	84
Streltsov D.V. Russian-Japanese Trade and Economic Relations: Is There a New Fulcrum?	93
Batakova A.A. Differing Approaches of the Japanese Government Towards the “History Issues”.	106
Rustamova L.R. The Defining Features of Soft Power Strategy in German Foreign Policy.	118

GLOBAL ECONOMY

Komarovskaia N.V. The Evolution of Homo Economicus.	129
Konina N.Yu. Major Aspects of Transformations of International Companies in a Changing World.	143
Panova G.S. Banks and Banking Business in Russia in the Face of International Sanctions.	154
Revenko L.S., Revenko N.S. The Wassenaar Arrangement and Russian High-Tech Export.	169
Shvets N.N. Import Substitution: the Borders of the Energy Security.	180
Onuchak V.A. Support of Small Business and Problems of Migration in Germany.	188

SCIENTIFIC LIFE

Kharkevich M.V. MGIMO-University in “Go To Think Tanks” 2015 Ranking: Global Trends, Local Responses.	196
--	-----

BOOK REVIEWS

Anikeeva N.E. The Letters of Spanish Diplomat.	202
Zarubina N.N. Scientific Substantiation of the Humanistic Turn in Sociology.	204
Kuznetsov D.A. The West and Non-West: A New Approach to the Old Dichotomy.	207

ТРАКТОВКИ «ЕВРОПЕЙСКОГО КОНЦЕРТА» В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е.В. Романова

Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1.

Статья посвящена анализу трактовок «европейского концерта» в британской и американской историографии XX в. Актуальность изучению этого феномена придает его связь с проблемой поддержания международного порядка и стабильности. Внимание к теме «европейского концерта» британских и американских историков определяется не только академическим интересом, но и тем фактором, что на протяжении XX столетия сначала Великобритания, а затем США находились на вершине международно-политической иерархии и, соответственно, играли одну из ведущих ролей в выстраивании и поддержании международного порядка. Текущая международная конъюнктура, опыт мировых войн XX в. задавали ракурс для анализа феномена «европейского концерта». Если во второй половине 1910-х – начале 1920-х гг. историки обращали внимание на несовершенства международной системы предшествовавшего столетия (и в частности – института «европейского концерта»), то для исследователей, создававших свои труды после Второй мировой войны, период 1815–1914 гг. в сфере международных отношений представлялся относительно стабильным в сравнении с краткой межвоенной интерлюдией. В качестве одного из факторов стабильности и мира рассматривался «европейский концерт». В развитии историографии вопроса заметна определенная логика, в какой-то мере отражающая эволюцию взглядов на проблемы организации и управления международными отношениями. В то же время различия в трактовке «европейского концерта» являются производной от того факта, что само это понятие в XIX в. не было единым и статичным. Готовность великих держав к сотрудничеству не устраняла различий в интересах, борьбы за лидерство в рамках «концерта» и, соответственно, за то, чтобы придать ему собственное понимание.

Ключевые слова: «европейский концерт», Венская система, Венский Конгресс, пентархия, система Конгрессов, Каслри, Меттерних, режим безопасности, миропорядок, «английская школа», историография.

В последнее время в сфере внимания специалистов по международным отношениям все чаще попадает проблема управления международными процессами [2,3,4,5,6,8,9]. Актуальность обращения к ней обусловлена растущей нестабильностью и конфликтностью современного мира. В качестве одного из возможных режимов безопасности и типов управления в международной системе на страницах ряда современных работ рассматривается «концерт держав» [4,5,22].

Исторически феномен «европейского концерта» относится к Венской системе XIX в., становление которой часто называют первой попыткой сознательного конструирования международного порядка, призванного создать условия для мирного сосуществования государств [22]. В связи с этим объясним рост интереса специалистов-международников к событиям, отделенным от нас двухсотлетней дистанцией. Вместе с тем внимание к теме «концерта» – предмета не только современности. На протяжении отмеченного масштабными потрясениями XX века историки и политологи анализировали опыт Венской системы, порой прямо указывая на связь предмета исследования с современными им проблемами: урегулирования после мировых войн или создания институтов для поддержания мира [23, 24, 34]. Закономерно внимание к этой теме британских и американских ученых. Оно определялось не только академическим интересом, но и тем, что на протяжении XX в. сначала Великобритания, а затем США находились на вершине международно-политической иерархии и, соответственно, играли одну из ведущих ролей в выстраивании и поддержании международного порядка.

Не претендуя на исчерпывающий анализ развития британской и американской историографии проблемы «европейского концерта», данная статья призвана выявить основные трактовки этого феномена, а также проследить изменения в акцентах при его изучении в контексте развития системы международных отношений XX в.

Еще в преддверии Первой мировой войны тема становления Венской системы попадает в поле зрения британского историка У.А. Филлипса: в год ее начала под общим заглавием «Конфедерация Европы: исследование Европейского Союза 1813–1823 гг. как эксперимента по созданию международной организации для поддержания мира» вышли в свет лекции, прочитанные им в 1913 г. в Оксфорде. На фоне роста международной напряженности, с одной стороны, и развития движения за мир как реакции на нее – с другой, Филлипс обратился к анализу того, что считал первой попыткой практического воплощения идеи европейского объединения с целью сохранения мира [24].

Разразившаяся мировая война более остро поставила проблему создания и поддержания стабильного международного порядка. В год ее

окончания была опубликована книга еще одного британского историка Дж. А. Р. Марриотта «Европейское содружество: проблемы исторические и дипломатические» [23]. Тогда же по поручению Форин-офис Ч. Уэбстер написал краткое исследование о Венском конгрессе [34]. В дальнейшем историк не раз возвращался к темам Венского урегулирования, британской дипломатии первой половины XIX в. и «европейского концерта» [33, 35, 36, 37]. В первые послевоенные годы эти же вопросы рассматривались в трудах Г. Темперли, сотрудничавшего (как и Уэбстер) с британскими правительственными структурами и входившего в состав британской делегации на Парижской мирной конференции [32, 33].

Уже в этих работах видны истоки двух трактовок «европейского концерта», которые более отчетливо проявятся в историографии второй половины XX в. С одной стороны, он рассматривается как созданный великими державами механизм, нацеленный на сохранение территориальных установлений системы (или контроль над их изменениями), недопущение доминирования одной державы и поддержание европейского мира. В таком качестве он предстает в английской (а затем – и в американской) историографии как творение британской дипломатии и ее главы виконта Каслри. С другой стороны, «европейский концерт» ассоциируется с деятельностью, направленной на обеспечение внутреннего порядка и подавление революций. Подобная трактовка связывает его с политикой Австрии, Пруссии и России и воплощается в фигуре австрийского министра иностранных дел К. фон Меттерниха [16, 21].

В интерпретации исследователей попытка со стороны «трех восточных дворов» придать «концерту» консервативную идеологическую основу неизбежно привела к его распаду в первой половине 1820-х гг. [23, 24, 33, р. 20 – 23, 34, р. 148]. Крах «концерта» как «международной полицейской силы» [23, р. 347] связывается с окончанием действия «системы Конгрессов». При этом акцент может делаться на неприемлемости «деспотизма» для Великобритании (и Франции), что соответствует духу вигской историографической традиции и в большей степени характерно для Г. Темперли и Ч. Уэбстера, или на утопическом характере проектов создания международной системы на единой идейной основе, будь то консервативной или либеральной, что отличает работы Филлипса и Марриотта.

Последние видели основную проблему при создании международной системы как дилемму между свободой и порядком. Так, Филлипс рассматривал мирный проект Александра I как попытку создать «международную судебную систему» и «международное правительство» во имя поддержания спокойствия и мира. Однако его реализация потенциально ставила под угрозу свободу государств. Сохранить эту свободу, в трактовке исследователя, стремилась, прежде всего, британская дипломатия, готовая заклю-

читать лишь прагматичный союз с четко оговоренными ограниченными обязательствами [24, р. 150 – 152]. Для Марриотта привлекателен общий принцип, лежащий в основе идеи «европейского концерта». «Однако, – пишет историк, – несомненно, что эта конструкция, без тщательной работы и длительного наблюдения, под покровом содействия делу мира и даже больших усилий, которые могут предприниматься в этом направлении, способна серьезно угрожать политической свободе в отдельных государствах» [23, р. 345].

Основываясь на анализе процесса становления Венской системы, историки делают более широкие обобщения – об опасности любых проектов создания всеохватывающей международной организации, «всеобщего союза», поскольку они, независимо от лежащих в их основе принципов, несут угрозу свободе и суверенитету. Примечательно, что Филлипс, по сути, приравнивает проводившиеся под либеральными лозунгами интервенции США в ряд латиноамериканских государств в начале XX в. к политике Священного союза в отношении европейских революций [24, р. 296 – 298]. Пафос работы Марриотта в том, чтобы предостеречь современников против слишком больших надежд на Лигу Наций, проекты создания которой активно обсуждались на завершающем этапе Первой мировой войны, и против создания в ее рамках слишком широкой системы гарантий, в которую может быть вовлечена Великобритания.

Несколько иные акценты расставлены в книге Ч. Уэбстера, менее склонного к теоретическим рассуждениям об основаниях международной системы. В центре его внимания – политика великих держав и методы управления международными отношениями. Для него важно то, что на Венском конгрессе впервые была установлена иерархия государств: четко выделились великие державы, взявшие на себя функции контроля над европейскими делами [34, р. 61]. Воплощением этого и явился «концерт», реализуемый посредством встреч их представителей для обсуждения международных проблем. Казалось бы, Уэбстер ограничивал действие «европейского концерта» второй половиной 1810-х – первой половиной 1820-х гг. Историк пишет, что «концерт» распался достаточно быстро, когда «континентальные державы» стали использовать его, чтобы «утвердить легитимизм в противовес либеральным и конституционным идеям». В то же время он признает, что «изобретя «концерт», архитекторы Венской системы способствовали значительному укреплению европейской безопасности и «сделали много для XIX в.» [34, р. 148]. Подобный тезис наводит на мысль о том, что «концерт» продолжал существовать и после краха системы Конгрессов.

В некоторой степени проясняет позицию исследователя статья «Пальмерстон, Меттерних и европейская система», написанная в 1934 г. В ней «концерт» рассматривается скорее не как

принцип организации европейского порядка, а как инструмент политики великих держав и механизм решения ряда международных проблем. Становившийся все более заметным во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. раскол Европы на консервативный и либеральный блок сделал невозможным функционирование «европейского концерта» на постоянной основе. В то же время великие державы нуждались в «Европе»: односторонняя или блоковая дипломатия не всегда позволяла достичь внешнеполитических целей. «Меттерних, Пальмерстон, Луи Филипп и Николай I играли ведущую роль в политике в 1830–1840-е гг., и у каждого из них было свое представление о европейской системе» [37, р. 153]. Каждая из держав пыталась выстроить соответствующий ее интересам «европейский концерт». Наиболее отчетливо это стремление проявилось у Меттерниха. Статья Уэбстера повествует о том, как австрийскому канцлеру не удалось реализовать свою цель и превратить Вену в центр европейской дипломатии и как направлявший британскую внешнюю политику Пальмерстон преуспел в том, чтобы, хотя и временно – на периоды работы конференций по бельгийскому и Восточному вопросам – сделать таким центром Лондон. Представляется, что исследователь солидаризуется с приведенным им высказыванием главы британского Форин-офис, взятым из его письма послу в Вене: «Концерт... между державами полезен или необходим, когда какой-либо имеющий силу договор не только требует, но и регулирует их общие действия, но было бы очень сложно установить постоянный концерт, не сопровождаемый каким-либо зафиксированным или определенным обязательством» [37, р. 179]. Уэбстер проводит различие между подходами к трактовке «концерта» английской и австрийской дипломатией, что характерно и для других британских исследователей этого периода. При этом, подобно Филлипсу, Марриотту и Темперли, он выступает апологетом дипломатии Форин-офис.

Такой взгляд отчасти являлся отражением определенной преемственности британской внешней политики. Примечательно, что в середине 1920-х гг. глава Форин-офиса О. Чемберлен не раз сравнивал себя с Каслри [31, р. 403]. Об определенных параллелях с событиями конца 10-х–20-х гг. XIX в. писал в конце 1920-х гг. британский историк и советник по истории Министерства иностранных дел Дж. Хедлэм-Морли, уподоблявший вступление Германии в Лигу Наций принятию Франции в лоно «европейского концерта». «Концерт» для него – уже не утопический проект или механизм, действующий от случая к случаю, а принцип согласованного подхода великих держав к решению международных проблем, который «был принят на Венском конгрессе, а затем расширен конвенцией о проливах, Парижским договором и Берлинским трактатом...» [13, р. 117]. Важным для историка является то, что механизм «концерта» позволял

осуществлять пересмотр статус-кво невоенными методами, и то, что этот принцип, придающий гибкость и динамизм системе, был закреплен в Уставе Лиги Наций.

Рассмотрение «концерта» как института, функционирование которого выходило за рамки «эпохи Конгрессов», получило более значительное распространение после Второй мировой войны. Если во второй половине 1910-х – начале 1920-х гг. историки в большей степени обращали внимание на несовершенства международной системы предшествовавшего столетия (не отрицая при этом определенных заслуг творцов Венской системы), то для исследователей, создававших свои труды после Второй мировой войны, период 1815–1914 гг. в сфере международных отношений представлялся относительно стабильным в сравнении с краткой межвоенной интерлюдией. «Европейский концерт» рассматривался в качестве одного из факторов стабильности и мира. Именно после Второй мировой войны трактовка «европейского концерта» как механизма поддержания мира и регулирования изменений в системе получила более значительное распространение.

Примечательно, как меняются в этот период акценты в характеристике «европейского концерта» Уэбстера. В лекции о разработке Устава ООН, прочитанной в 1946 г. в Лондонском университете, он рассматривает «европейский концерт» как предтечу международных организаций по поддержанию мира – Лиги Наций и ООН [36]. Его рождение знаменовало признание того факта, что наряду с государственными интересами существует общий интерес Европы, заключающийся, прежде всего, в поддержании мира, и готовность держав сотрудничать во имя его обеспечения. Создание Лиги Наций, по сути, институционализировало систему конференций, конгрессов, совещаний послов, которые в XIX в. служили площадкой для обсуждения международных проблем [35, 36].

Следуя либеральной традиции, Уэбстер характеризует Лигу Наций и ООН как гораздо более демократичные институты, чем «европейский концерт», являвшийся в периоды своего существования, то есть «когда великие державы могли договориться между собой», инструментом их деспотичного контроля над Европой. «Концерт» часто бывал репрессивен по отношению к малым и средним государствам. В то же время идея особой ответственности великих держав за состояние международных дел, воплотившаяся, по мнению Уэбстера, в институте «европейского концерта», нашла свое продолжение в создании Совета Безопасности ООН, хотя, как подчеркивал историк, он все же не стал органом их исключительного представительства [35, р. 64 – 68; 36, р. 73 – 75].

Для работ послевоенного периода характерна большая степень концептуализации понятия «европейский концерт». В начале 1960-х гг. к этой теме обращается британский историк Ф. Хинсли,

исследования которого носят более академический характер, чем рассмотренные выше работы Хедлэма-Морли или послевоенные статьи Уэбстера. Он более склонен вписывать «европейский концерт» в реалии XIX в., рассматривая его как важнейшую характеристику системы международных отношений этого столетия. Период функционирования «европейского концерта» продлевается им до Крымской войны, а отдельные его принципы прослеживаются в европейской дипломатии и после 1871 г. «Европейский концерт», с точки зрения Хинсли, базировался на признании великими державами общей ответственности за сохранение территориального статус-кво в Европе и необходимости согласованного подхода к его возможным изменениям. В качестве причин функционирования такой системы исследователь называл социально-политическую ситуацию внутри стран, образующих «концерт», определенную экономическую динамику, относительное равновесие сил в Европе, и, во многом как производную от всего этого, отсутствие устремления у какой-либо из великих держав к господству. Максимум их амбиций, как отмечает Хинсли, заключался в том, чтобы превратить столицу своей страны в центр «европейского концерта» [14, 15].

После Второй мировой войны проблемы становления и функционирования Венской системы попали в поле зрения американских историков и политологов. До этого они оставались в тени исследовательского внимания, что, как представляется, во многом соответствовало внешнеполитическому курсу США и идейным представлениям американских лидеров. Так, характерный эпизод из истории Парижской мирной конференции 1919 г. приводит Ч. Уэбстер. В ходе одного из заседаний Совета десяти премьер-министр Новой Зеландии позволил себе заговорить о Венском конгрессе, однако его тут же осадил президент Вильсон. Американский лидер выразил пожелание, чтобы «даже посредством упоминаний дух Венского конгресса не был привнесен» в работу конференции [38, р. 28]. Изоляционистская политика последующих американских администраций также не способствовала вниманию к этой теме. Однако ситуация радикально изменилась в результате Второй мировой войны. На смену изоляционизму в качестве внешнеполитической доктрины пришел глобализм, а идеализм Вильсона уступил место политическому реализму.

В 1957 г. была опубликована книга Г. Киссинджера «Восстановленный мир: Меттерних, Каслри и проблемы мира, 1812 – 1822». «Европейский концерт» не является предметом исследования автора; в центре его внимания – искусство государственных деятелей в деле создания и поддержания стабильного международного порядка. Монография Киссинджера повествует о том, как благодаря усилиям глав британской и в еще большей степени австрийской дипломатии в Вене был сконструирован такой порядок. В его

основе – баланс сил и легитимность, понимаемая как «согласие в отношении природы действующих в системе установлений, а также допустимых целей и средств внешней политики» [21, р. 2]. В отличие от характерного для британской историографии противопоставления подходов к «европейскому концерту» Каслри и Меттерниха, Киссинджер трактует их как взаимодополняющие, а их сочетание – как условие стабильности системы. Сложившийся порядок, с точки зрения американского исследователя, был направлен на сдерживание потенциально экспансионистского участника, каковым в его работе предстает Россия. Лишь изредка упоминаемый в книге «концерт», таким образом, становится воплощением легитимности, а также инструментом ограничения амбиций России.

Как справедливо отметил в рецензии на работу Киссинджера американский политолог К. Райт, она – «в меньшей степени история победы Европы над Наполеоном и последующего восстановления, чем интерпретация этой истории в универсалистских категориях». Для рецензента очевидны параллели между Россией эпохи Александра I и Сталина, наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, Францией времен Талейрана и Германией периода канцлерства Аденауэра, Великобританией, чья внешняя политика направлялась Каслри, и США времен Ф. Д. Рузвельта, Австрией Меттерниха и Великобританией Черчилля [39, р. 953 – 955].

Как представляется, более глубокое осмысление системы XIX в. было дано в трудах американского историка П. Шредера, которые интересны постановкой проблемы трансформации системы международных отношений и авторским взглядом на специфику европейской политики XIX в. В качестве сущностных характеристик любой системы международных отношений Шредер называет не только количество великих держав, распределение мощи между ними, характер противоречий, но и специфику внешнеполитического поведения государств на международной арене, принятые нормы и практики международного взаимодействия и ведения дипломатии. Изменения в этой области Шредер считает важнейшим аспектом трансформации, произошедшей в Европе в ходе войн французской революции и наполеоновских войн [28, 29]. Они проявились в возникновении феномена «европейского концерта» – «комплекса практик и договоренностей, посредством которых пять великих держав сотрудничали в целях урегулирования опасных европейских проблем и предотвращения столкновений между собой» [27, р. xi].

Характерной чертой работ Шредера является то, что он смотрит на «европейский концерт» скорее из Вены, чем из Лондона. Это отчасти сближает его с Киссинджером (хотя Шредер далек от характерной для Киссинджера идеализации Меттерниха) и в то же время отличает от большинства британских историков, на фоне

которых его взгляды выглядят более консервативными.

Так, в опубликованной в 1972 г. монографии «Австрия, Великобритания и Крымская война: уничтожение европейского концерта» в сложившейся историографической традиции противопоставляются «две дипломатические системы и модели поведения» – австрийская и британская. Политика и Вены, и Лондона в преддверии Крымской войны и в ее ходе носила антирусский характер. Однако различие, согласно Шредеру, заключалось в том, что «Австрия стремилась предотвратить войну и сдержать Россию в рамках установленного концерта, принудить ее взаимодействовать с Турцией посредством этого концерта, таким образом сохранив действующие договоры и границы Европы», а «вигско-пальмерстоновская тактика конфронтации... стремилась вынудить Россию отступить перед лицом превосходящей коалиции и создать новую ведомую Западом Лигу государств в Европе...» [27, р. xii]. Великобритания, в отличие от Австрии, добивалась односторонних выгод: своей победы и поражения России. В конечном итоге, по мнению Шредера, именно британская политика в наибольшей степени ответственна за начало войны и подрыв «европейского концерта», что в свою очередь открыло дорогу череде европейских конфликтов в 1860-е – начале 1870-х гг. Это контрастирует с трактовкой Крымской войны Хинсли, утверждавшего, что она велась за «дело концерта», расширение сферы его действия на Ближний Восток в противовес односторонней политике России [15, р. 227 – 230].

Показательно и еще одно сравнение – оценок Шредером и Темперли отношения Дж. Каннинга к «европейскому концерту». Для Темперли Каннинг, разваливавший «европейский концерт», – прогрессивный государственный деятель, боровшийся против реакционной «системы Меттерниха» [32]. Шредер же называет разрыв Каннинга с «системой Конгрессов» – возвращением к политике XVIII в. с его неограниченной конкуренцией государств на международной арене [27, р. 406]. Вряд ли такое определение в полной мере правомерно – политика Каннинга, а впоследствии и Пальмерстона, была скорее не шагом назад, а шагом вперед – к эпохе конкуренции национальных промышленных держав. Однако мысль, которую пытается донести Шредер, ясна. Для него критерием прогресса является многосторонняя дипломатия, а регрессом – односторонняя политика.

Интересны рассуждения П. Шредера о соотношении феномена «европейского концерта» и идеологии. Историк отмечает, что за «европейским концертом» не стояло какой-либо «четкой идеологической или политической программы» [27, р. 405]. Любая попытка положить в основу концерта идеологию – консервативную (как это пытались сделать Меттерних и Александр I в 1820-е гг.) или либеральную (ассоциирующуюся с дипломатией У. Гладстона в 1880-е

гг.) – ослабляла и подрывала его. Такая оценка смыкается с тем, что писали Филлипс и Марриотт об утопизме проектов создания всеохватывающего союза. Идеология, в конечном итоге стремящаяся к универсализму, вряд ли может лежать в основе международной системы, состоящей из разных по своему политическому строю государств.

Вместе с тем подобный взгляд не противоречит той точке зрения, что «европейский концерт» был в большей степени консервативен, направлен скорее на сохранение статус-кво, чем на его изменение. На это, как представляется, справедливо указывает в статье «Концерт Европы: свежий взгляд на международную систему» еще один американский исследователь и специалист по австрийской политике Р. Элрод [12]. Его работа не претендует на исследовательскую новизну, а скорее является обобщением на основе уже существующих интерпретаций этого феномена. Элрод разделяет принципы, лежащие в основе систем «концерта» и «баланса сил», выявляет границы и возможности «концертной дипломатии». В интерпретации Элрода, «концерт», безусловно, не являлся единственной причиной мира в период 1814 – 1854 гг., однако способствовал его поддержанию; он не мог устранить разногласия между державами, однако снижал их накал. Его функционирование показало, что «определенные практики, процедуры, представления могут с течением времени стать установленными правилами международного поведения..., он привнес стандарт ответственной политики и создал инструментарий, который периодически напоминал даже наиболее мощным государствам об их обязанности соответствовать этому стандарту» [12, p. 170].

Работы П. Шредера и Р. Элрода стали одним из факторов, подтолкнувших к исследованию феномена «европейского концерта» специалистов по теории международных отношений. Всплеск их интереса к этой проблеме пришелся на 1980-е – 1990-е гг. Он был актуализирован дискуссиями о возможности новой архитектуры европейской безопасности в связи с кризисом и крахом биполярной системы.

Специфика политологических работ состоит в том, что их авторы не связывают функционирование этого механизма исключительно с Венской системой, называя в качестве отличительной черты «системы концерта» высокий уровень сотрудничества между великими державами (или сверхдержавами). Их интересует не столько история XIX в. и Венская система, сколько возможность выявления универсальных закономерностей функционирования международных систем. Политологи рассматривают «европейский концерт» как определенный режим безопасности, соотносят его с такими механизмами поддержания порядка как баланс сил или система военно-политических союзов, анализируют границы эффективности «концертного регулирования» в период международных

кризисов [11, 17, 18, 19, 22, 25, 26]. Их концепции требуют особого рассмотрения.

В рамках данной статьи кратко остановимся лишь на характеристике подхода к феномену «европейского концерта» одного из наиболее видных американских специалистов в области теории международных отношений Р. Джервиса. В 1982 г. в авторитетном журнале «International Organization» вышла его статья «Режимы безопасности», в которой «европейский концерт» рассматривался в качестве примера подобного режима. Под «режимом безопасности» американский исследователь понимает «принципы, правила и нормы, которые создают условия для того, чтобы государства были сдерживаемы в своем поведении уверенностью в том, что другие государства будут отвечать им взаимностью» [19, p. 357].

Из приведенной цитаты следует, что автор руководствуется постулатами политического реализма в определении природы государств и характера их действий на международной арене – не случайно, достижение стабильности связывается им с эффективностью механизмов сдерживания. В то же время его, очевидно, не устраивает объяснение функционирования системы международных отношений с позиций неореализма. «Если модель поведения государств определяется распределением мощи в системе, концепция режима лишена смысла», – пишет американский специалист. Однако Джервис склонен допустить – и именно этим объясняется его внимание к проблеме «концерта» – что связи между этими двумя переменными более сложные и опосредованные, что есть определенное пространство для выбора государствами своей политики, на который могут оказывать влияние, в частности, международные институты и режимы [19. P. 357 – 358]. Учет принятых в системе международных отношений ценностей, норм, институтов, дипломатического искусства государственных деятелей как факторов международной безопасности характерен для работ этого автора, появившихся уже после краха биполярной системы [18, 20].

Подход Джервиса показателен как отражение зародившихся в конце XX в. тенденций в развитии теории международных отношений [1, 7, 10] – прежде всего, завершения периода доминирования неореалистов в трактовке вопросов международной безопасности. В этом же русле находятся возврат от неореализма, делающего акцент на структуре системы, к политическому реализму, изучающему скорее поведение ее субъектов; попытки синтеза неореализма и институционализма; появление школы конструктивизма, рассматривающей государства как социальные субъекты и подчеркивающей то влияние, которое оказывают как на их политику, так и на общее состояние системы, фактор восприятия и складывающиеся в ходе взаимодействия государств ментальные структуры; растущая популярность «английской

школы» с ее концепцией «международного общества». Все это свидетельствует о происходящем в настоящее время изменении взглядов на сущностные характеристики системы международных отношений и, соответственно, проблемы управления международными процессами. Не случайно именно в этих условиях феномен «европейского концерта», демонстрирующий многогранность, динамичность и изменчивость сферы международных отношений, привлекает внимание исследователей.

Краткий обзор даже нескольких, наиболее показательных, с нашей точки зрения, работ, посвященных проблеме «европейского концерта», – пример того, как взгляд на историю и ее осмысление формировался под влиянием опыта пишущего эту историю поколения (или отдельного автора) и восприятия им международных проблем современности. Тема «европейского концерта», как правило, попадала в поле зрения ученых в периоды поиска новых путей организации мирового сообщества: на завершающем этапе Первой мировой войны и на протяжении нестабильного межвоенного времени; в 50-е–70-е гг. XX в., когда восстановившаяся после Второй мировой войны Европа столкнулась с проблемой определения своей роли в мире, а две сверхдержавы нащупывали модус взаимоотношений; в середине 1980-х – начале 1990-х гг. – во время кризиса и распада Ялтинско-Потсдамской системы. Как было указано выше, этот сюжет не теряет актуальности и в наши дни [4, 5, 30].

Конечно, различия в оценках «европейского концерта» нельзя объяснить только временем написания работ. Они отчасти являются производной от того факта, что само это понятие в XIX в. не было единым и статичным. Готовность

великих держав к сотрудничеству не устраняла различий в интересах, борьбы за лидерство в рамках «концерта» и, за то, чтобы придать ему собственную трактовку.

Подчеркнем, что феномен «европейского концерта» довольно редко становился отдельным объектом исследования историков. Подобный подход характерен скорее для политологов – специалистов по теории международных отношений. В исторических работах «европейский концерт» рассматривался в контексте мирного урегулирования после наполеоновских войн и европейской дипломатии последующего столетия. Отталкиваясь от реалий сложной и изменчивой политики XIX в. с ее отсутствием формальных международных институтов, историки не ставили задачи четко определить это понятие, нередко придавая ему различные смысловые оттенки. «Европейский концерт» трактовался и как инвариант системы, и как механизм, работающий от случая к случаю, и как тип внешне-политического поведения.

Может показаться, что подобное многообразие трактовок снижает ценность попыток концептуализации понятия «европейский концерт» или даже совсем лишает их смысла. Однако это не так. Именно сочетание эмпирического и теоретического подходов к исследованию истории международных отношений, на наш взгляд, дает возможность выявить специфику той или иной системы и ее место в общем контексте их эволюции. Обращение же к истории изучения «европейского концерта» позволяет проследить в развитии историографии вопроса определенную логику, которая отражает эволюцию взглядов на проблемы организации и управления международными отношениями.

Список литературы

1. Алексеева, Т.А., Лебедева, М.М. Что происходит с теорией международных отношений / Т.А. Алексеева, М.М. Лебедева // ПОЛИС. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 29 – 43. doi: 10.17976/jpps/2016.01.03
2. Богатуров, А.Д. Современный международный порядок / А.Д. Богатуров // Международные процессы. – 2003. – Т.1. – № 1. Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/one/001.htm> (дата обращения 10.02.2016)
3. Войтоловский, Ф. Проблематика глобального управления в западной политологии / Ф. Войтоловский // Международные процессы. – 2005. – Т. 3. – № 1(7). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/seventh/004.htm> (дата обращения 10.02.2016)
4. "Концерт великих держав" XXI века – многосторонний диалог великих держав в пост-трансатлантическую эпоху / под ред. А. И. Никитина. М.: МГИМО/ ИМЭМО, 2015. – 79 с.
5. Никитин, А.И. Новая система отношений великих держав XXI века: "концерт" или конфронтация? / А.И. Никитин // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 44-59. doi: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.01.04>
6. Романова, Е.В. Структурные факторы системной стабильности // Е.В. Романова // Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Маныкина. М.: Издательство Московского университета, 2009. С. 511 – 545.
7. Соловьев, Э. Возвращение истории - конец эры либерализма? / Э. Соловьев // Международная жизнь. – 2015. – № 12. – С. 63 – 75. Режим доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/45997487> (дата обращения 10.02.2016)

■ История

8. Темников, Д. Проблемы мирового регулирования в современной зарубежной политологии / Д. Темников // *Международные процессы*. – 2004 – Т.2. № 2(5). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/five/007.htm> (дата обращения 10.02.2016)
 9. Шаклеина, Т. Лидерство и современный международный порядок / Т. Шаклеина // *Международные процессы*. – 2015. – Т. 13. – № 4(43). – С. 6 – 19. doi: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1
 10. Buzan, B. *From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation* / B. Buzan. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 318 p.
 11. Clark, I. *The Hierarchy of States: Reform and Resistance in the International Order* / I. Clark. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 254 p.
 12. Elrod, R. *The Concert of Europe: A Fresh Look at an International System* // *World Politics*. – 1976. – Vol. 28. – № 2. – P. 159 – 174.
 13. Headlam–Morley, J. *Studies in Diplomatic History* / J. Headlam–Morley. – London: Methuen & Co, 1930. – 312 p.
 14. Hinsley, F.H. *The Development of the European States System since the Eighteenth Century* / F. H. Hinsley // *Transactions of the Royal Historical Society*. – 1961. – Vol. 11. – P. 69–80.
 15. Hinsley, F. H. *Power and the Pursuit of Peace* / F.H. Hinsley. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988 (reprinted). – 415 p.
 16. Holbraad, C. *The Concert of Europe: a study in German and British international Theory, 1815 – 1914* / C. Holbraad. – Harlow: Longmans, 1970. – 234 p.
 17. Holbraad, C. *Middle Powers in International Politics* / C. Holbraad. – London: Macmillan, 1984. – 234 p.
 18. Jervis, R. *A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert* // *The American Historical Review* – 1992. – Vol. 97. – № 3. – P. 716 – 724.
 19. Jervis, R. *Security Regimes* / R. Jervis // *International Organization*. – 1982. – Vol. 36. – № 2. – P. 356–378.
 20. Jervis, R. *System Effects: Complexity in Social and Political Life* / R. Jervis. – Princeton: Princeton University Press, 1997. – 309 p.
 21. Kissinger, H. *A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace* / H. Kissinger. – Boston: Houghton Mifflin, 1957. – 354 p.
 22. Kupchan, Ch.A., Kupchan, C.A. *Concerts, Collective Security, and the Future of Europe* / Ch. A. Kupchan, C.A. Kupchan // *International Security*. – 1991. – Vol. 6. – № 1. – P.114–161.
 23. Marriott, J. A. R. *The European Commonwealth: Problems Historical and Diplomatic* / J. A R. Marriott. – Oxford: Clarendon Press, 1918. – 383 p.
 24. Phillips, W. A. *The Confederation of Europe: A Study of the European Alliance, 1813 – 1823, as an Experiment in the International Organization of Peace* / W.A. Phillips. – 2nd edn. – London, New York: Longmans Green and Co, 1920. – 336 p.
 25. Rendall, M. *A Qualified Success for Collective Security: The Concert of Europe and the Belgian Crisis, 1831* // *Diplomacy and Statecraft*. – 2007. – Vol. 18. – № 2. – P.271 – 295.
 26. Rendall, M. *Defensive Realism and the Concert of Europe* / M. Rendall // *Review of International Studies*. – 2006. – Vol. 32. – № 3. – P. 523–540.
 27. Schroeder, P.W. *Austria, Great Britain, and the Crimean War: The Destruction of the European Concert* / P. W. Schroeder. – Ithaca, NY: Cornell University Press, 1972. – 584 p.
 28. Schroeder, P.W. *Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power?* / P.W. Schroeder // *American Historical Review*. – 1992. – Vol. 97. – №. 3. – P. 683–706.
 29. Schroeder, P.W. *The Transformation of European Politics, 1763 – 1848* / P.W. Schroeder. – Oxford: Clarendon Press, 1996. – 920 p.
 30. Simms, B. *Castlereagh's Catechism: A Statesman's Guide to Building a New Concert of Europe* / B. Simms // *Foreign Affairs*. – 2013. – March – April Issue. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/castlereaghs-catechism> (дата обращения: 26. 12. 2015).
 31. Steiner, Z. *The Lights that Failed: European International History 1919 – 1933* / Z. Steiner. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 954 p.
 32. Temperley, H. *The Foreign Policy of Canning, 1822 – 1827: England, the neo-Holy alliance, and the New World* / H. Temperley. – London: Bell, 1925. – 636 p.
 33. Temperley, H.W.V., Webster, C.K. *The Congress of Vienna 1814 – 15 and the Conference of Paris 1919* / H.W. V. Temperley, C.K. Webster // *From Metternich to Hitler. Aspects of British and Foreign History 1814–1939* / ed. by W. N. Medlicott. – Westport, CT: Greenwood Press, 1963. – P. 1 – 24.
 34. Webster, C. K. *The Congress of Vienna, 1814–1815* / C. K. Webster. – London: Humphrey Milford, Oxford University Press, 1919. – 186 p.
 35. Webster, C. K. *The Council of Europe in the Nineteenth Century* / C. K. Webster // *The Art and Practice of Diplomacy*. – New York: Barnes & Noble, 1962. – P. 55–69.
-

36. Webster, C. K. The Making of the Charter of the United Nations / C. K. Webster // The Art and Practice of Diplomacy. – New York: Barnes & Noble, 1962. – P. 70–91.
37. Webster, C.K. Palmerston, Metternich, and the European System 1831 – 1840 / C. K. Webster // The Art and Practice of Diplomacy. – New York: Barnes & Noble, 1962. – P. 152–180.
38. Webster, C.K. The Principles of British Foreign Policy in the Nineteenth and Twentieth Centuries / C. K. Webster // The Art and Practice of Diplomacy, Barnes & Noble, New York, 1962. – P. 13 – 31.
39. Wright, K. Review. (Reviewed Work: A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812 – 22. By Henry A. Kissinger) // The American Historical Review. – 1958. – Vol. 63. – №. 4. – P. 953 – 955.

Об авторе

Романова Екатерина Владимировна – к.и.н., доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
E-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com.

THE CONCEPT OF “THE CONCERT OF EUROPE” IN XX CENTURY BRITISH AND AMERICAN HISTORIOGRAPHY

E.V. Romanova

Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Abstract: *The article provides a critical analysis of the interpretations of the Concert of Europe by British and American historians of the XXth century. The interest in the study of this phenomenon is rooted in its relation to the problems of the maintenance of international order and stability. It is not only academic, being partly determined by the fact that throughout the XX century first Britain and then the USA was at the top of the world hierarchy, and accordingly played a leading role in the construction and maintenance of the European order. Current international environment, the experience of the two World Wars of the XXth century determined the angle from which the phenomenon of the Concert of Europe was studied. Whereas in the second half of the 1910s – early 1920s historians pointed to the deficiencies of the international system of the preceding century (and in particular, the institution of the Concert of Europe), the students of the Vienna system working after the Second World War regarded the period of 1815–1914 as relatively stable, compared to the short interwar interlude. The Concert of Europe was named as one of the factors contributing to stability and peace. Certain logic can be discerned in the development of the historiography of the problem, which to some degree reflected the evolution of ideas about international relations management. At the same time, the differences in the interpretations of the Concert of Europe derive from the fact that this very concept in the XIXth century was not fixed and static. Great Powers' readiness to cooperation did not mean that there were no conflicts of interests. They struggled for leadership within the Concert and sought to impart to it their own interpretation.*

Key words: Concert of Europe, Vienna System, Congress of Vienna, pentarchy, Congress System, Castlereagh, Metternich, world order, security regime, English school, historiography.

References

1. Alekseyeva T.A., Lebedeva M.M. Chto proiskhodit s teoriei mezhdunarodnykh otnoshenii [What is Happening to the Theory of International Relations]. POLIS. Politicheskie issledovaniia – POLIS. Political Studies, 2016, no. 1, pp. 29–43. doi: 10.17976/jpps/2016.01.03 (In Russian).
2. Bogaturov A.D. Sovremennyi mezhdunarodnyi poriadok [Contemporary International Order]. Mezhdunarodnye protsessy – International Trends, 2003, vol. 1, no. 1. Available at: <http://www.intertrends.ru/one/001.htm> (Accessed 10.02.2016). (In Russian).
3. Voitovskii F. Problematika global'nogo upravleniia v zapadnoi politologii [Problems of Global Governance in Western Political Science]. Mezhdunarodnye protsessy – International Trends, 2005, vol. 3, no. (7). Available at: <http://www.intertrends.ru/seventh/004.htm> (Accessed 10.02.2016). (In Russian).
4. Twenty-First Century Concert of Powers - Promoting Great Power Multilateralism for the Post-Transatlantic Era. Ed. by Mueller H., Rauch C. Frankfurt-am-Main, PRIF, 2015. 83 p.
5. Nikitin A.I., Novaia sistema otnoshenii velikikh derzhav XXI veka: "kontsert" ili konfrontatsiia? [New System of Relations between Great Powers for the XXI century: "Concert" or Confrontation?]. Polis. Politicheskie issle-

■ История

- dovaniia. – POLIS. Political Studies, 2016, no. 1. pp. 44–59. doi: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2016.01.04> (In Russian).
6. Romanova E.V. 'Strukturnye faktory sistemnoi stabil'nosti' [Structural factors of Systemic Stability]. Osnovy obshchei teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Foundations of the General Theory of International Relations]. Ed. by A.S. Manykin. Moscow: Moscow University Press, 2009. (In Russian). Pp. 511 – 545.
 7. Solov'ev E. Vozvrashchenie istorii - konets ery liberalizma? [Return of History – End of the Liberal Era]. Mezhdunarodnaia zhizn' – International Affairs, 2015, no. 12, pp. 63 – 75. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/45997487> (Accessed 10.02.2016). (In Russian).
 8. Temnikov D. Problemy mirovogo regulirovaniia v sovremennoi zarubezhnoi politologii [Problems of Global Governance in Foreign Contemporary Political Science]. Mezhdunarodnye protsessy – International Trends, 2004, vol. 2, no. 2(5). Available at: <http://www.intertrends.ru/five/007.htm> (Accessed 10.02.2016). (In Russian)
 9. Shakleina T. Liderstvo i sovremennyi mezhdunarodnyi poriadok [Leadership and Contemporary World Order]. Mezhdunarodnye protsessy – International Trends, 2015, vol. 13, no. 4(43), pp. 6 – 19. doi: 10.17994/IT.2015.13.4.43.1 (In Russian).
 10. Buzan B. From international to world society? English school theory and the social structure of globalisation, Cambridge University Press, Cambridge, 2004. 318 p.
 11. Clark I. The Hierarchy of States: Reform and Resistance in the International Order, Cambridge University Press, Cambridge, 1989. 254 p.
 12. Elrod R. The Concert of Europe: A Fresh Look at an International System, World Politics, 1976, 28 (2), 159 – 174.
 13. Headlam–Morley J. Studies in Diplomatic History, Methuen & Co, London, 1930. 312 p.
 14. Hinsley F.H. 'The Development of the European States System since the Eighteenth Century'. Transactions of the Royal Historical Society, 1961, 11, 69–80.
 15. Hinsley F.H. Power and the Pursuit of Peace, Cambridge University Press, Cambridge. 1988 (reprint). 415 p.
 16. Holbraad C. The Concert of Europe: a study in German and British international Theory, 1815 – 1914. Longmans, Harlow, 1970. 234 p.
 17. Holbraad C., Middle Powers in International Politics. Macmillan, London, 1984. 234 p.
 18. Jervis R. A Political Science Perspective on the Balance of Power and the Concert. The American Historical Review, 1992, vol.97, no.3, pp. 716 – 724.
 19. Jervis R. 'Security Regimes', International Organization, 1982, vol. 36, no. 2, pp. 356–378.
 20. Jervis R. System Effects: Complexity in Social and Political Life. Princeton, Princeton University Press, 1997. 309 p.
 21. Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace. Houghton Mifflin, Boston, 1957. 354 p.
 22. Kupchan Ch.A. & Kupchan C.A. Concerts, Collective Security, and the Future of Europe. International Security, 1991, vol. 6, no. 1, pp. 114–161.
 23. Marriott J.A.R. The European Commonwealth: Problems Historical and Diplomatic. Clarendon Press, Oxford, 1918. 383 p.
 24. Phillips W.A. The Confederation of Europe: A Study of the European Alliance, 1813 – 1823, as an Experiment in the International Organization of Peace, 2nd ed. Longmans Green and Co, London, New York, 1920. 336 p.
 25. Rendall M.A. Qualified Success for Collective Security: The Concert of Europe and the Belgian Crisis, 1831. Diplomacy and Statecraft, 2007, vol. 18, no. 2, pp. 271 – 295.
 26. Rendall M. Defensive Realism and the Concert of Europe. Review of International Studies, 2006, vol. 32, no. 3, pp. 523–540.
 27. Schroeder P.W. Austria, Great Britain, and the Crimean War: The Destruction of the European Concert. Cornell University Press, Ithaca, NY. 1972. 584 p.
 28. Schroeder P.W. 'Did the Vienna Settlement Rest on a Balance of Power?'. American Historical Review, 1992, vol. 97, no. 3, pp. 683–706.
 29. Schroeder P.W. The Transformation of European Politics, 1763 – 1848, Clarendon Press, Oxford, 1996. 920 p.
 30. Simms B. Castlereagh's Catechism: A Statesman's Guide to Building a New Concert of Europe', Foreign Affairs, March – April 2013. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/castlereaghs-catechism> (Accessed 26.12.2015).
 31. Steiner Z. The Lights that Failed: European International History 1919 – 1933. Oxford University Press, Oxford, 2005. 954 p.
 32. Temperley H. The Foreign Policy of Canning, 1822 – 1827: England, the neo-Holy alliance, and the New World, Bell, London, 1925. 636 p.
 33. Temperley, H.W.V., Webster, C.K. 'The Congress of Vienna 1814 – 15 and the Conference of Paris 1919'. From Metternich to Hitler. Aspects of British and Foreign History 1814–1939. Ed. by W.N. Medlicott. Greenwood Press, Westport, CT, 1963, pp. 1–24.
-

34. Webster C.K. *The Congress of Vienna, 1814-1815*. Humphrey Milford, Oxford University Press, London, 1919. 186 p.
35. Webster C.K. 'The Council of Europe in the Nineteenth Century'. *The Art and Practice of Diplomacy*. Barnes & Noble, New York, 1962, pp. 55–69.
36. Webster C.K. 'The Making of the Charter of the United Nations'. *The Art and Practice of Diplomacy*, Barnes & Noble, New York, 1962, pp. 70–91.
37. Webster C.K. 'Palmerston, Metternich, and the European System 1831 – 1840'. *The Art and Practice of Diplomacy*, Barnes & Noble, New York, 1962, pp. 152–180.
38. Webster C.K. *The Principles of British Foreign Policy in the Nineteenth and Twentieth Centuries*. *The Art and Practice of Diplomacy*, Barnes & Noble, New York, pp. 13 – 31.
39. Wright K. Review. (Reviewed Work: *A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812 – 22*. By Henry A. Kissinger), *The American Historical Review*, 1958, vol. 63, no. 4, pp. 953 – 955.

About the author

Ekaterina V. Romanova – PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, Department of History, Lomonosov Moscow State University. Email: ekaterinavlromanova@gmail.com.

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО И ЕВРОПЕЙСКИЕ «НОВШЕСТВА» В НАЧАЛЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Т.В. Черникова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

.....
Данная статья посвящена вопросам заимствования Россией военно-технического и культурного опыта Запада в начале Смутного времени в правление Фёдора I Ивановича (1584–1598), Бориса Годунова (1598–1605) и Дмитрия Самозванца (1605–1606). Одним из каналов знакомства России с достижениями западноевропейской «пороховой революции» и культуры были служилые московские иноземцы. Среди них наибольшее число составляли военные, огромным влиянием отличались царские врачи, а некоторые купцы, к примеру, Джером Горсей, выполняли ответственные поручения русского правительства.

В статье дана характеристика положения служилых западных европейцев как в начале Смутного времени, когда московское правительство проявляло большой интерес к европейским инновациям, так и после 1606 г., когда ситуация изменилась. Автор выясняет, в каких областях и какие иностранные специалисты работали в России, в чём состояли причины обращения к западноевропейским специалистам, каковы были итоги и значение данного явления.

Анализируя «Записки» иностранцев, живших в России в начале Смутного времени, автор рассматривает достижения «бытовой революции» начала XVII

.....

Ключевые слова: Московское царство в конце XVI – начале XVII вв., Смутное время, Борис Годунов, Дмитрий Самозванец, европейские новшества, иностранцы на русской службе, заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, «Записки» иностранцев о России.

XVII в. выдался суровым для всех европейских стран. Падение солнечной активности вызвало резкое похолодание. Начались природные бедствия, неурожай, эпидемии, мор. На этом неблагоприятном фоне происходили многочисленные внутренние и внешние войны. Однако в условиях борьбы «всех против всех», а часто и благодаря ей, шёл процесс тесного взаимодействия различных европейских народов. Военные, технические и культурные инновации, появившись в одном уголке Европы, быстро, как круги по воде, распространялись по всему континенту. Захватывали они и Россию, для которой начало XVII в. ознаменовалось Смутой.

Смутное время¹ было первым в истории России внутренним системным кризисом, принявшим с 1604 г. форму гражданской войны, отягощённой иностранным вмешательством. В 1684–1605 гг. и государство, и отчасти русское общество (верхи служилого сословия, купцы и зажиточные посадские люди) проявляли большой интерес к европейским «новинам». Крах попыток 1606–1610 гг. прекратить интервенцию через внешнеполитические союзы или приглашение на московский престол зарубежного принца привели россиян к отрицанию всего иноземного. Но, как ни парадоксально, в итоге именно Смута во многом определила один из главных трендов последующей русской истории – тенденцию к усилению западного социокультурного влияния.

Задачей данной статьи будет рассмотрение пролога этого феномена в начальный период Смутного времени в 1584–1606 гг.

Особенности положения западных иностранцев в Смутное время

Одним из главных каналов, по которому западноевропейские «новшества» и опыт проникали в Московское царство, была служба выходцев из Западной Европы и Речи Посполитой.

К концу XVI в. процесс заимствования Россией европейского военного, технического, строительного и культурного опыта (что условно и можно назвать процессом европеизации России) насчитывал более столетия. К 1584–1585 гг. немецкие слободы, районы компактного проживания служилых западных европейцев и купцов, имелись в Москве, Вологде, Холмогорах, Архангельске, Нижнем Новгороде, Ярославле и Костроме.

С точки зрения положения служилых иностранцев в Смутное время следует выделить два периода. Первый пришёлся на 1584 – май 1606 г. В царствования Фёдора I, Бориса Годунова и Дмитрия Самозванца статус служилых «фрязей» (итальянцев) и «немцев» (выходцев из остальных западноевропейских стран) строго

регламентировался верховной властью, а число их росло. Второй период начался с истребления в Москве гостей свадебных торжеств Лжедмитрия I. Самозванец погиб в преддверии этого в результате заговора Шуйских 17 мая 1606 г. С воцарения Василия IV Шуйского (1606–1610) положение московских иностранцев пошатнулось. Лишившись службы, многие бежали. Очевидец событий Исаак Масса, голландский купец происхождения, который прожил в Москве непрерывно с 1601 по 1609 гг. и позже бывал на Руси, свидетельствовал, что более 500 служилых иностранцев покинули Россию после майских событий 1606 г.

Московские служилые иностранцы в 1584–1606 гг.

Главным лицом, определявшим курс России в начале Смутного времени, был Борис Годунов, фактический регент царя Фёдора I в 1584–1598 гг. и первый избранный русский монарх в 1598–1605 гг. Ярчайшей стороной его натуры была тяга к европейской учёности – явление исключительное в то время, когда большинство его соотечественников, в том числе политическая элита и духовенство, считали европейскую образованность дьявольским наваждением. Борис испытывал к новшествам из-за границы неподдельный интерес как к чему-то более совершенному в сравнении с родной стариной. Скорее всего, это было следствием его понимания эффективности западных «новин» для России, особенно в военной и технической областях.

По выражению С. М. Соловьева, Годунов начал настоящую «гоньбу» за иностранцами. Иностранных специалистов, прибывших в Россию ранее (служилых «иноземцев старого выезда») не отпускали на родину, а попутно пытались завербовать как можно больше «иноземцев нового выезда», причём не только военных с оружейниками, но также врачей, музыкантов, ювелиров, зодчих и каменных дел мастеров. Последние приняли участие в колоссальном строительстве новых оборонительных сооружений Москвы – каменного Белого города (линия современного Бульварного кольца) и деревянно-земляного Скородома (линия современного Садового кольца). Впервые в отечественной истории европейские и русские картографы произвели замеры и описания различных территорий, на основе которых были составлены реальные карты Москвы и царства в целом («карта царевича Фёдора Годунова», «Сигизмундов план Москвы» и пр.).

Флетчер в 1588 г. насчитал в России 4300 иностранных военных наёмников. По данным Жака Маржерета, телохранителя Годунова и Лжедмитрия I, в 1600–1607 гг. на московской службе находилось до 2500 «немцев», фрязей, поляков и греков. Насколько они ценились вла-

¹ В историографии встречаются разные примеры периодизации Смуты. Мы относим её к 1584–1613/1618 гг. Такая периодизация исходит из понимания Смуты именно как системного (экономического, социального, политического, династического, нравственного, международного) кризиса.

стью, говорит тот факт, что рядовые служилые иноземцы получали денежные оклады от 12 до 60 рублей в год, что попадало в вилку окладов столичных дворян (от 20 до 100 рублей). Некоторые капитаны были пожалованы окладами в 120 рублей и земельными дачами от 600 до 1000 четвертей (равносильно думному чину окольного) [10, с. 41]. Провинциальные дети боярские, рядовые конники дворянского ополчения, получали в то время поместья размером от 100 до 300 четвертей, а денежные оклады в 4–6 рублей – один раз в 6–7 лет [там же].

За что так ценились европейские наёмники? Прежде всего за то, что именно они приезжали в Московию с образцами нового огнестрельного оружия, новыми приёмами его использования, со знанием тактических и стратегических новшеств в искусстве пехотного и кавалерийского боя, военно-инженерного дела. От них всё это постепенно перетекало к русским воеводам, стрельцам, пушкарям и конникам. В итоге русское войско заметно превосходило многих своих восточных противников и было вполне конкурентным на западных рубежах. Но «пороховая революция» на Западе продолжала толкать военное искусство вперед, что и порождало *гоньбу* московского правительства за иностранцами, как носителями необходимого России, но не создаваемого ею опыта.

Ещё один телохранитель Бориса Годунова и Лжедмитрия I, Конрад Буссов, в своей «Хронике» под 1601 г. поместил рассказ о принятии на московскую службу на выгоднейших условиях группы случайных беженцев из Лифляндии. Эти люди, родом немцы и латыши из лифляндских земель вблизи русской границы, присягнули шведскому королю, но были вынуждены бежать от поляков, занявших их крепости (сам Буссов, прежде комендант замка Нейгауз, оказался в России по той же причине). Беженцы остановились около Печёрского монастыря, где русские «начальные люди» предложили им поступить на московскую службу. Это очень смутило их, т.к. «будучи свободными людьми, – объясняет Буссов, – они не имели охоты попасть в постоянную зависимость» [там же]. В Европе из «Записок о Московии» С. Герберштейна и других авторов XVI в. знали, что мало кто из «служилых немцев» был отпущен потом на родину. Но лифляндцам дали понять, что у них нет иного выхода. 13 декабря 1601 г. уже в столице они слушали речь Бориса Годунова: «Иноземцы из Римской империи, немцы из Лифляндии, немцы из Шведского королевства, добро пожаловать в нашу страну... не горюйте, мы дадим вам снова втрое больше того, что вы там имели. Вас, дворяне, мы сделаем князьями, а вас, мещане и дети служилых людей, – боярами. И ваши латыши и кучера будут в нашей стране тоже свободными людьми. Мы дадим вам вдоволь земли и крестьян, и слуг, оденем вас в бархат, шелка и парчу, снова наполним деньгами ваши пустые кошельки. Мы будем вам не царём и государем, а отцом, и вы

будете нам не подданными нашими, а нашими немцами... и никто, кроме нас, не будет повелевать вами. Мы будем судьёй вашим, если у вас возникнут спорные дела. Веры своей, религии и богослужения вы вольны держаться тех же, как в своем отечестве» [там же, с. 25–26].

Стоит обратить внимание на фразу «вы будете нам не подданными нашими, а нашими немцами». Она указывает на особый статус служилого иноземца при Борисе Годунове, который мог во многом копировать положение наёмных военных в европейских странах и был более привилегированным, нежели статус коренных служилых людей. Однако у всякой медали есть две стороны. Подозрения лифляндцев, что из Московии их не выпустят, подтвердились. Дворянину Дитлофу фон Тизенгаузену пришлось от имени всех произнести клятву, что они никогда не уедут из страны без царского дозволения, не перейдут «ни к турку», «ни к полякам», «ни к шведам», «ни к какому-либо другому государю» [там же].

18 декабря 1601 г. после пира в царском дворце дьяки разбили беженцев на 4 группы. Старые и знатные дворяне получили «сверх ежемесячных кормов по 50 рублей деньгами, по венгерскому кафтану из золотой парчи, по куску чёрного бархата и по 40 прекрасных соболей», а главное — поместье с сотней «обеспеченных крестьян». Во вторую группу вошли 30 и 40-летние мужчины. «Им выдали по 30 рублей, по куску красного шёлка на кафтан, по 40 соболей, по 30 обеспеченных крестьян к поместью, и 20 рублей были их годовым жалованьем». Третья группа состояла из молодых дворян и нескольких «опытных воинов» недворян. «Им выдали по 20 рублей, по куску простого бархата, по куску красного шёлка на кафтан, по 40 соболей, по 30 обеспеченных крестьян к поместью, и 20 рублей были их годовым жалованьем. В четвёртую группу определили молодых простолюдинов и тех, кто был «слугами и мальчишками» у дворян. Им дали по 15 рублей, по куску шарлаховского сукна на камзол, по куску жёлтой камки, по 40 простых соболей и каждому — поместье с 20 обеспеченными крестьянами, их годовое содержание было 15 рублей» [там же, с. 27]. Как мы видим, на новой родине все вновь прибывшие «немцы» (ливонские немцы и латыши) встали вровень с русским дворянством, причём иностранцы-простолюдины явно прибавили в социальном статусе. Надо сказать, эти ливонские беженцы оказались благодарными людьми, по заверениям Буссова, они везде рассказывали, какой милостивый царь Борис.

Ради справедливости отметим, что и другие служилые «немцы» в деле весьма оправдывали ожидания власти. Показателен пример борьбы войска Бориса Годунова с отрядом Лжедмитрия I. Осенью 1604 г. на перехват «царевича» выступило большое войско во главе с одним из знатнейших бояр Иваном Мстиславским. С его войском отправились все московские «немцы». По дороге

к ним присоединились ещё 700 западноевропейских кавалеристов («которые...пришли в стан из своих поместий» [2, с. 40]). В то время многие русские дворяне уже дезертировали. Неурожаи и голод 1601–1603 гг. привели к распространению мнения о божьем наказании за грех избрания «неприродного» царя Бориса. Буссов намекает, что среди «начальных людей» в царском войске имелись «изменники Бориса», с которыми, правда, главнокомандующий Мстиславский «не знался» [там же, с. 39–40].

На подходе к осаждённому самозванцем Новгороду-Северскому Мстиславский был неожиданно атакован тяжёлой кавалерией Лжедмитрия – польскими гусарами. Это внесло неразбериху в царское войско, сам главнокомандующий получил 15 ран. Однако удар немецкой тяжёлой конницы заставил поляков ретироваться, а самозванца бежать от Новгорода-Северского [там же, с. 40]. 21 января 1605 г. под Добрыновичами разыгралась вторая битва. Лжедмитрий опять рассчитывал на атаку своих польских гусар, но воевода В.И. Шуйский (будущий последний Рюрикович на московском троне) удачно противопоставил им огонь артиллерии и контратаку немецкой конницы, подержавшую стрельцами.

Вопреки распространённому мнению о ненадёжности иностранных наёмников следует отметить, что у них было представление о чести. Покуда им платили, выполняли договор, «немцы» редко изменяли. 13 апреля 1505 г. неожиданно скончался Борис Годунов. Все присягнули его сыну Фёдору II. Однако уже 7 мая царское войско под Кромами во главе с главнокомандующим Петром Басмановым перешло на сторону самозванца. 14 мая Иван Голицын с выборными от всех полков был в Путивле у самозванца. Лишь горсть русских дворян во главе с князьями Ростовским и Телятевским вернулась в Москву. Служилые немцы все остались верны Годунову и отъехали к нему. Они не попытались спасти юного царя, когда 1 июня грянул в столице бунт в поддержку Лжедмитрия, однако не послали своих гонцов, когда 3 июня Воротынский и Телятевский, выборные от всех московских людей, поехали в Тулу молить «природного царевича» о прощении. Иноземцы подали севшему на московский трон Дмитрию Самозванцу челобитную только тогда, как боярская дума и весь русский приказной и служилый люд уже ему присягнули. Новый царь оценил их верность. 20 июня 1605 г. большинство военных «немцев» было снова зачислено на службу. Из «немцев нового выезда» в январе 1606 г. было сформировано три сотни царских телохранителей. Первой сотней копейщиков командовал француз Яков (Жак) Маржерет (в своих «Записках» он отстаивал версию, что «царь Дмитрий Иванович» был настоящим сыном Грозного). Вторую сотню «алебардников» возглавил лифляндец из Курляндии Матвей Кнутсон, третью — шотландец Альберт Вандтман, больше известный как пан

Скотницкий (Шотландский). Под этим именем он перешёл на московскую службу с польской. Каждые три месяца телохранители получали такое жалованье, «что большинство могли заказывать себе бархатные плащи с золотыми позументами и дорогое платье» [там же, с. 54].

Западноевропейским офицерам на русской службе поручали не только военные дела. Борис Годунов послал своего сподвижника, а потом врага Богдана Бельского в ссылку воеводой на границу с османским Азовом. Туда же поехали служилые иностранцы — военные инженеры. Они участвовали в возведении пограничной крепости Царёв-Борисов, а попутно присматривали за воеводой. От Конрада Буссова мы знаем, что эти иностранные «приставы» сообщили в Москву о крамольных словах Бельского, заявившего, что в Москве — царь Борис Фёдорович, а он, Богдан, «теперь царь в Борисграде» [там же, с. 28]. Бельский тут же был доставлен в столицу. «Одному шотландскому капитану по имени Габриэль царь приказал вырвать у самозваного царя пригоршнями всю густую длинную бороду» [там же, с. 29], после чего Бельского отправили в изгнание.

Помимо московского войска выходцы из разных европейских стран служили в Посольском приказе. В 1593 г. имперского посла Николая Варкоча встречал под Москвой в деревне Мамонново переводчик Посольского приказа ливонец Георг Майнерс [3, с. 134]. Константинопольского патриарха Иеремию в Смоленске в 1588 г. встречали два переводчика из Посольского приказа — греки Иван из Ипира и Константин Сфотий [8, с. 167, 174]. Последний слыл лучшим драгоманом. Кроме греческого и русского он знал турецкий, грузинский и татарский языки. Известно, что по мере успехов в 1604–1605 гг. Лжедмитрия, силы которого после каждого поражения воскресали, словно феникс из пепла, Борис стал задумываться о возможном приглашении на русскую службу западноевропейского полководца. По сообщению Исаака Массы, для зондажа на этот счёт в Швецию ездил немец, переводчик Посольского приказа Ганс Ангелар. Он должен был выведать, «что говорят о Дмитрие и какого держатся о сем мнении и, для крайности, поискать какого-нибудь принца, который бы принял начальство над московским войском; но этот Ганс Ангелар не возвратился из Швеции, и полагают, что король Карл заточил его в темницу и казнил неведомо за что» [12, с. 148]. Мы думаем, что с Ангеларом расправились, приняв его за русского шпиона.

Европейские «учёные люди» и медики

С начала XVI в. в числе советников московских монархов были «немцы-астрологи». В XVI–XVII вв. и православная, и католическая церковь отвергали астрологию, однако с Ренессанса в Западной Европе астрология числилась среди востребованных наук. Все европейские правители имели придворных астрологов. У

Василия III таким был его врач Николай Булев, при Иване Грозном астрологами были два царских лейб-медика – вестфалец Елисей Бомелий и Иоганн Эйлоф из испанских Нидерландов. Борис Годунов, став царём в 1598 г., выписал из Ливонии некоего старого астролога, с которым советовался о всевозможных приметах и знамениях [2, с. 38].

Как и прежде, в Смутное время медицина оставалась монополией «немцев». Наиболее известными лейб-медиками времен царствования Фёдора Ивановича (1584–1598) были миланец Паоло (Павел), лечивший ещё Ивана Грозного, британцы Роберт Якоби и Марк Ридли, голландец Болдуин Хаммей. О приезде Якоби и Ридли велись особые переговоры с английской королевой Елизаветой, поэтому их не могли вечно держать в России, как случилось с большинством служивых медиков². Болдуин Хаммей, прибывший в Россию по рекомендации Лейденского университета, тоже сумел со временем уехать домой, но с куда большим трудом.

Марк Ридли, доктор Кембриджского университета и член королевского коллежа врачей, за время службы в России в 1594–1598 гг. выучил русский язык и составил русско-английский и англо-русский словари, в которых русские слова были написаны старославянскими буквами. Словари Ридли были востребованы среди купцов Английской московской компании. Вообще интерес «немцев» к изучению русского языка, зафиксированный источниками начального периода Смуты, стимулировался, прежде всего, торговыми мотивами. В 1600 г. как минимум три торговых иноземца учились в Москве русскому: прибывший с дьяком А.И. Власьевым из Любека Ганс Лакман, а также англичанин Вильям Колер и француз Жан Паркет, которых привёз агент английской Московской компании Джон Мерик. В 1603 г. в Кольской крепости русский язык изучал другой агент этой компании, Джосиян Логан, который попутно собирал информацию о северо-восточных владениях России и возможном пути через них в Китай.

Подобная активность встречала настороженное отношение русских местных и центральных властей, которые опасались перерастания европейской (особенно английской) торговой экспансии в колониальную. Влияние англичан старались уменьшить, противопоставляя им голландских купцов, не имевших столь обширных торговых привилегий в России. Косвенно это отразилось и на английских врачах. Борис Годунов, отпуская Марка Ридли на родину, написал королеве Елизавете: «Ежели и впредь пожелают приезжать в Россию английские врачи, аптекари и иные учёные люди, то всегда будут пользоваться хорошим приёмом, пристойным местом и свободным допуском» [11]. Однако

дьяк Василий Щелкалов (он вместе с братом Андреем возглавлял «антианглийскую партию» при русском дворе), «проэкзаменовав» прибывшего в 1598 г. Виллиса, доктора медицины Оксфордского университета, остался недоволен. Виллис не был принят на службу, и до 1620-х гг. англичане в лейб-медиках больше не значились.

О лейб-медиках царствования Бориса Годунова (1598–1605) подробно рассказывает А. Гюльденстиерне, сопровождавший в Россию жениха Ксении Годуновой принца Ганса, младшего сына датского короля и голштинского герцога. Гюльденстиерне сообщает о пяти придворных врачах, которых Борис Годунов отрядил лечить занемогшего принца. Это были Каспер Фидлер, Иоганн Хилькен, Генрих Шрёдер, Давид Висмар и Христофор Рейтлингер [5, с. 145]. Конрад Буссов называет те же имена, добавляя, что Давид Фасмар (Висмар) и Генрих Шрёдер приехали из Любека, Иоганн Хильшениус – из Риги, Каспар Фидлер – из Кёнигсберга, а Христофора Рейтлингера царь «выпросил у английского посла». Эти медики, подчёркивает Буссов, были «все со степенью доктора и очень умные люди», а Рейтлингер, родом венгр, был «очень сведущий человек и хороший врач, кроме того, знал много языков». Ещё среди лекарей находился Эразм Бенский, студент-медик из Праги.

Как и во времена Ивана Грозного, служба лейб-медиков не ограничивалась медициной. Борис Годунов видел в них опытных советников. К. Буссов замечает, что царь оказывал своим врачам такое же уважение, как знатнейшим боярам и князьям. Каждому было выделено поместье с 300–400 крестьянами. Врачи получили годовое жалованье в 200 рублей плюс 12–14 рублей (примерно 33–36 рейхсталеров) для закупки свежих припасов, а также ежемесячные «корма»: пропитание для всех домочадцев и слуг, плюс с царского стола три–четыре блюда, ежедневно полторы кварты уксуса и через день – боковину шпика, доставляемых на дом; питье – четыре бочки мёдов, четыре бочки пива, ежедневно полторы кварты водки; другие натуральные поставки (например, 60 возов дров). Сверх того, «царь пожаловал каждому доктору пять хороших коней из своей конюшни, для которых ему отпускалось столько сена и соломы, что он вполне смог бы вдоволь прокормить этим семь лошадей; кроме того, каждый получил ещё одного хорошего коня, чтобы летом каждое утро ездить верхом во дворец и в аптеку, одного коня особо для упряжки в сани зимой, затем двух лошадей для кареты жены, чтобы ездить ей на богослужение, затем одну рабочую лошадь – возить воду» [2, с. 19–20].

«Признательность иноземцев к милостям царя, – констатировал Н.М. Карамзин, – не осталась бесплодной для его славы: муж учёный, Фидлер, житель Кёнигсберга (брат одного

² К примеру, миланец Паоло, прослуживший в России к 1595 г. более 20 лет не был отпущен даже в отпуск, несмотря на то, что об этом просил французский король Генрих IV. Судя по информации флорентийского посольства, домой Паоло уехал в глубокой старости в 1600 г.

из Борисовых медиков), сочинил ему в 1602 г. на латинском языке похвальное слово, которое читала Европа» [9, с. 52–54]. Речь идёт о трактате жившего в Москве рижского немца Константина Фидлера, брата царского врача Каспара Фидлера. Как установил Устрялов, в 1602 г. К. Фидлер опубликовал в Кёнигсберге «Constantini Fiedleri oratio luculenta in Borissum Godunovium» (похвальное слово Борису Годунову) [1, с. 91]. Это сочинение было известно и за пределами Москвы и Кёнигсберга. Его текст, как полагает С. Кинзер, был даже у знаменитого гуманиста французского историка Жака Огюста де Ту [там же, с. 91–92]. На похоронах Бориса Годунова, по сообщению очевидца шведа Петра Петрея (Патерсона Упсальского), Константин Фидлер выступил с панегириком почившему.

Помимо врачей, на московской службе состояли западные аптекари. С 1581 г. до московского пожара 1611 г. в Кремле работала первая в России царская аптека, очевидно созданная трудами английского аптекаря Джеймса Френча (служил в Москве до 1584 г.). Лекарственные травы для неё поставлялись из специальных русских аптекарских огородов. Один из них располагался прямо у Кремля между Троицкой и Боровицкой башнями. Обслуживала аптека только царскую семью и тех, кого укажет царь. Впрочем, по известию Исаака Массы, долго служивший в царской аптеке голландец Арендт Классен фон Стелингсверф часто помогал русским вельможам (по царскому приказу или нет – неизвестно) и пользовался большим почётом у московской знати. Он жил в России с 1576 г. и в русских источниках именовался Захарием Николаевым.

1 июня 1605 г. мятежной толпой, свергнувшей с престола Фёдора Годунова и разграбившей царский дворец, начался погром близких к Годуновым людей. Из «немцев» пострадали именно царские медики. Толпу, намеревавшуюся двинуться к царским винным погребам, переправил к лекарским погребам Богдан Бельский. До ночи шёл разгул у лекарских погребов. Водку, мёд и заморские вина черпали ковшами, горстями, шапками и даже сапогами. Чернь растащила деньги, утварь и платья врачей, увела их лошадей. Правда, «душ не губили». Разорённых было много, но убитых не было.

Английский купец Джером Горсей в роли «русского агента»

В конце XVI – начале XVII вв. приближённые ко двору западные купцы, особенно англичане, часто играли роль русских агентов, выполняя официальные дипломатические и секретные миссии. «Слуга», а потом «фактор» (глава) конторы Английской компании в Москве Джером Горсей (ок. 1550–1626), в русских источниках Еремей Ульянов, находился в России с 1573 по 1591 г. и хорошо владел русским языком. В 1580 г. он ездил послом Ивана Грозного к королеве Елизавете и вернулся весной 1581 с 13 кораблями, нагруженными оружием, порохом, медью и другими това-

рами, необходимыми для продолжения Москвой Ливонской войны. С 1584 г. это любимец Грозного числился Борисом Годуновым среди своих «близких и слуг» [4, с. 121]. Уже в день смерти Ивана IV мы видим Горсея предлагающим шурина царевича Фёдора «людей и военные припасы». Он возглавлял русские посольства в Англию в 1585 (сообщало о воцарении Фёдора Ивановича) и в 1587 г. По версии Горсея, Годунов обсуждал с ним план своего возможного бегства в Англию и эвакуации туда спрятанных в Соловецком монастыре личных богатств [там же]. Поводом к ослаблению тогда позиций Бориса стала его попытка тайно, при посредничестве Горсея, выписать из Англии врачей для своей сестры Ирины, супруги царя Фёдора Ивановича. Царица Ирина часто беременела, но либо не могла выносить плод, либо рожала детей, не способных к жизни. Королева Елизавета не поняла, что подобную просьбу стоит держать в секрете, и написала письмо царю Фёдору, где сообщала, что пошлёт с началом навигации в Россию опытную повивальную бабку и доктора. Это известие взорвало боярскую думу: врач-еретик будет помогать рождению православного царевича?! Прибывшая «дохторица» год провела в Вологде, но так и не была доставлена в столицу. Конечно, за этим крылось не медицинское невежество членов Думы, а боярский заговор, целью которого было свержение Годунова, а средством – развод царя Фёдора с Ириной из-за её неспособности родить наследника [15, с. 31]. Однако Борис сумел оправдаться, в итоге И. В. Шуйский и И. Ф. Мстиславский, вожди заговора, сами оказались в ссылке. В 1586–1588 гг. царицу Ирину уже лечил личный врач английской королевы Елизаветы Роберт Якоби, некогда в 1581–1584 гг. лечивший Ивана Грозного. Судя по письму королевы Фёдору I, Якоби прибыл в Москву именно для обслуживания царицы Ирины. Этот доктор, как сообщала Елизавета, «...женские болезни всякие знает и родильные болезни всякие лечит; а нас в наших болезнях... лечил» [14].

Обращение за европейской медицинской помощью было не единственным европейским новшеством, касавшимся положения царицы Ирины. Из отечественных и зарубежных источников известно, какой затворнический образ жизни вели женщины русских привилегированных сословий, а особенно царской семьи. Даже в середине XVII в. Мария Милославская, первая супруга Алексея Михайловича, посещала церковную службу, отгороженная от остальных прихожан полотнами и щитами. Однако Горсей, описывая коронацию Фёдора Ивановича, утверждал, что на ней открыто присутствовала Ирина Годунова. «Во дворце императрица воссела на престол, установленный перед большим открытым окном, в самых дорогих и богатых одеждах, сияющих драгоценными камнями и усыпанных восточными жемчугами, на голове у неё была корона; царицу сопровождали княгини и знатные дамы» [4].

Ещё более шокирующей для русских стала впоследствии свадьба Лжедмитрия I. Его польская невеста Марина Мнишек, как известно, была не только открыто венчана с царём при большом скоплении русских и зарубежных гостей, но и коронована в личном качестве – единственный случай в нашей истории до XVIII в. (следующий произойдет лишь в 1724 г., когда Пётр I коронует свою вторую супругу Екатерину.) Впрочем, как мы знаем, столь решительное отрицание Дмитрием Самозванцем старомосковских правил сыграло не последнюю роль в его гибели.

Однако вернёмся к Горсею. Среди деликатных миссий, выполненных им, было возвращение в Россию племянницы Ивана Грозного и супруги принца Магнуса королевы Марии Владимировны с дочерью. Русские не хотели оставлять её за рубежом, боясь неприятностей для престола со стороны какой-либо иностранной державы. На родине Мария оказалась в монастыре, где вскоре умерла её дочь.

Выполняя секретные поручения Бориса Годунова, англичанин пытался поддерживать связи и с другими русскими «партиями», о чём потом написал в своих воспоминаниях. Горсей имел дело с явными врагами Бориса Годунова – Нагими, родственниками по матери царевича Дмитрия, погибшего в 1591 г. в Угличе. Расторопный англичанин наладил контакт с семьёй Никиты Романовича Захарьина-Юрьева. Горсей сообщал, что для его старшего сына Фёдора (будущего патриарха Филарета Романова) он «написал латинскую грамматику, как смог, славянскими буквами». Фёдору Никитичу «она доставила... много удовольствия» [4, с. 128]. Инсульт, очевидно постигший главу рода Романовых боярина Никиту Романовича, Горсей трактовал как дело рук Бориса, «который теперь не хотел терпеть никаких соперников у власти» [там же].

Участие Горсея в придворных тайнах, как и ссоры с купцами-соотечественниками чуть не привели его к гибели. В 1589 г. Горсей был выслан из России за долги казне и незаконную торговлю у границы. Но в 1590 г. мы опять видим его прибывшим в Смоленск через владения Речи Посполитой под чужим именем с грамотами королевы Елизаветы. Позже она писала царю, что направляла Горсея «по причине знания им нравов и обычаев вашей страны» [17, с. 48]. Думный дьяк Андрей Щелкалов заподозрил Горсея в шпионаже и тот оказался в ссылке в Ярославле, откуда ему удалось выбраться в 1591 г. с помощью Бориса Годунова.

В Англии Джером Горсей между 1592–1620 гг. заседал в парламенте, в 1603 г. получил рыцарское звание, в 1610 г. стал букингемским шерифом. Сэр Джером продолжал интересоваться русскими новостями. Как и многие англичане, побывавшие в Московии, Горсей оставил записки. Сохранились его письма по русским делам и три сочинения, из которых главными

были «Воспоминания», изданные в 1626 г. Из них многие европейцы впоследствии черпали свои представления о России. Мемуары Горсея представляют ценный источник для историков, хотя не ко всем его сообщениям стоит относиться с доверием. Писал Горсей на склоне лет, неточно помнил даты и многое путал. К примеру, неверно изложил историю опалы сыновей Никиты Романовича. По версии Горсея, после пострижения в монахи старшего – Фёдора, его брат Александр Никитич вместе с Богданом Бельским бежал в Польшу, где они и затеяли интригу с самозванцем. Это вымысел, но намёк на некую связь Лжедмитрия I с Романовыми усматривали здесь В.О. Ключевский, В.Б. Кобрин и некоторые другие исследователи.

Попытки освоения западной «учёности» и «открытости»

Два смертельных врага – Борис Годунов и Лжедмитрий I – мечтали, чтобы их русские подданные овладели теми знаниями, за которые они так ценили немцев. Буссов сообщает, что однажды Годунову пришла в голову идея устроить в России школы наподобие имевшихся в других европейских странах «для того, чтобы в будущем иметь среди своих подданных мудрых и способных людей». Борис «предложил оказать всей стране милость и благоволение и выписать из Германии, Англии, Испании, Франции, Италии и т.д. учёных, чтобы учредить преподавание разных языков. Но монахи и попы воспротивились этому и ни за что не хотели согласиться, говоря, что земля их велика и обширна и ныне едина в вере, в обычаях и в речи и т.п. Если же иные языки, кроме родного, появятся среди русских, то в стране возникнут распри и раздоры и внутренний мир не будет соблюдаться так, как сейчас» [2, с. 17].

Тогда Борис «выбрал восемнадцать дворянских сынов, из которых шесть были посланы в Любек, шесть – в Англию и шесть – во Францию, чтобы их там обучили». Как к этому отнеслись современники и соотечественники Бориса Годунова, видно из другого пассажа «Хроники» Буссова: «Московиты, особенно знатные люди, скорее дали бы своим детям умереть какой угодно смертью, чем добровольно отпустить их из своей земли в чужие страны, разве только их принудил бы к этому царь» [там же, с. 81]. Судьба первых наших студентов не совсем ясна. По сообщению Буссова, «они легко выучили иноземные языки, но до настоящего времени (Буссов имел в виду 1610-е гг. – Т.Ч.) из них только один вернулся в Россию – тот, которого Карл, король шведский и прочая, дал в толмачи господину Понтусу Делагарди. Его звали Дмитрий. Остальные не желали возвращаться в своё отечество и отправились дальше по свету» [там же, с. 18]. Возможно, так оно и было. По крайней мере, беглец из России времён царя Алексея Михайловича – подьячий Посольского приказа Григорий Катошихин утверждал, что русские, если бы они свободно

бывали в европейских странах, со временем оценили бы преимущества тамошней жизни.

Для общества первая поездка русских студентов в Европу не дала ощутимых результатов. Великому посольству 1697–1698 гг. пришлось решать эту задачу вновь. На преодоление феномена закрытости и особенностей средневековой самоидентификации потребовалось столетие – срок немалый для быстро менявшегося европейского мира.

Идея отправить русских людей учиться на Запад занимала и Дмитрия Самозванца. Заняв престол, он «часто... укорял (однако весьма учтиво) своих знатных вельмож в невежестве, в том, что они необразованные, несведущие люди, которые ничего не видели, ничего не знают и ничему не научились, помимо того, что казалось им, с их точки зрения, хорошим и правильным. Он предложил позволить им поехать в чужие земли, испытать себя кому где захочется, научиться кое-чему, с тем чтобы они могли стать благопристойными, учтивыми и сведущими людьми» [там же, с. 51]. Но тогда дальше разговоров дело не двинулось.

В отношении к служилым иноземцам между Борисом Годуновым и Лжедмитрием I имелось одно существенное отличие. Самозванец начал ломать барьеры, которые Борис, как и прежние правители Руси, призывая к себе на службу «немцев», старательно возводил между ними и русскими. Годунов не допускал общения россиян с иноземцами вне служебной или торговой надобности. Лжедмитрий I в 1605–1606 гг., напротив, несмотря на ропот духовенства поощрял неформальные связи русских с иностранцами. Однако лишь отдельные вельможи – царский фаворит Пётр Басманов, князь И.А. Хворостинин, Молчанов, несколько Салтыковых, не стесняясь, приятельствовали с обитателями Немецкой слободы. Молодой придворный Иван Хворостинин, знавший латынь и польский, начал интересоваться западными книгами, включая труды отцов католической церкви. У себя дома он завёл латинские иконы, которые почитал наравне с православными.

Если говорить о западных новшествах времен Лжедмитрия I, то нельзя обойти вниманием церемонию его венчания на царство. Самозванец был коронован дважды двумя наборами са크ральных регалий, которые были расставлены в идеологически значимую иерархию. Сначала в Успенском соборе патриарх грек Игнатий венчал «Дмитрия» «венцом, диадемою и короною отца его Ивана Васильевича, присланною от кесаря, великого царя Алемании» [8, с. 179], потом в Архангельском соборе архангельским архиепископом греком Арсением на самозванца была возложена шапка Мономаха. Так старомосковский венец уступил первенство западноевропейской короне Габсбургов.

Впрочем, это не помешало Лжедмитрию I, опершись на «византийский подтекст» шапки Мономаха, писаться «императором». Тем он под-

чёркивал, что его статус выше титула польского короля, с которым он заключил кондиции, но ни одну из них, став русским царём, не выполнил. Интересно, что «императорами» называли русских царей в своих сочинениях о Московии почти все английские авторы и француз Жак Маржерет, хотя никто из русских монархов XVI–XVII вв., кроме Лжедмитрия I, этого титула себе не присваивал.

Пролог «революции русского быта»

Если с освоением «европейской учёности» дело продвинулось мало, то в области быта Смутное время стало преддверием настоящей революции, которая к концу XVII – началу XVIII вв. изменила быт высших русских сословий и отчасти проникла в дома простых людей. Тон и здесь задавал царский дворец, откуда «новины» растекались по стране.

Если верить Исааку Массе, первый «переворот» в гардеробе одежд знати (причём женщин) задолго до Петра I желал произвести старший сын Ивана Грозного, царевич Иван. Рассуждая о причинах убийства царевича, Массе передавал сведения, которые он, очевидно, почерпнул в Москве у русских и здешних немцев. «Говорят, – пишет Массе, – отец подозревал, что его сын, благородный молодой человек, весьма благоволил к иноземцам, в особенности немецкого происхождения. Часто приходилось слышать, что по вступлении на престол он намеревался приказывать всем жёнам благородных носить платья на немецкий лад. Эти и подобные им слухи передавали отцу, так что он стал опасаться сына» [12, с. 21]. Лжедмитрий I, самозванный «брат» царевича Ивана, уже на второй день после свадьбы позволил своей супруге царице Марине Мнишек носить привычное ей западное платье. Мнишки были знатным чешским родом, переехавшим в Речь Посполитую, где была распространена французская мода. Исаак Массе заверял, что при въезде в Москву «Марина была одета по французскому обычаю – в платье из белого атласа, всё унизанное драгоценными камнями» [там же, с. 205].

О «новых покроях одежды, о пестроте тканей, проникавших от чужих народов» сообщает также Конрад Буассов. Эти новшества, по его утверждению, в начале XVII в. охватывали не только элиту, но и простых горожан. Конрад, будучи приверженцем протестантской этики, расценивал такое стремление как «грубое, нелепое чванство и мужицкую кичливость, приводившие к тому, что каждый мнил себя во всём выше остальных» [2, с. 38].

Ещё в конце царствования Грозного в царских и боярских хоромах помимо лавок появились пришедшие с Запада кровати. «Искусной работы кровать, сделанная весьма красиво» [10, с. 123] значилась среди подарков английской королевы, присланных с послом Ричардом Ли по случаю коронации Бориса Годунова. Помимо кроватей в придворный быт вошли: кресла, вер-

тикальные вместилища для одежды, называемые на немецкий лад «шкапами»; вместилища для посуды, именовавшиеся на французский манер «буфетами». Во дворце, построенном Борисом Годуновым в подмосковных Вязёмах, пан Мартын Стадницкий из свиты сандомировского воеводы Юрия Мнишека видел «буфет», «шкапы» и столы, а также наличники и оконные рамы из модного в Европе «чёрного дерева» [16, с. 233].

Как и в Западной Европе, некоторые столичные дома уже не топились по-чёрному, а имели трубы. В том же дворце в Вязёмах стояли изразцовые «зелёные печи» с трубами, обнесённые серебряными решётками [там же]. Таким же печным совершенством отличался царский дворец в Кремле. Станислава Немоевского, польского придворного шведской королевы, весьма предвзятого в отношении всего в России, в новом дворце Лжедмитрия I (дворец Бориса Годунова самозванец сровнял с землёй) поразила одна «чудно сделанная печь в виде небольшого грота», окружённая позолоченной решёткой. Вдоль стены стояли лавки, но покрыты они были «голландскими шёлковыми с золотом коврами», а на полу лежал огромный персидский ковёр.

В начале XVII в. дворцы уже знали обои (тисненные золочёные кожи или цветные ткани). В подмосковной царской резиденции Вязёмы пан Мартын Стадницкий видел столовую, обитую богатой персидской тканью, а Немоевский подробно описал царские покои в новом московском дворце. Передняя была обита «голландскими занавесами с фигурами», следующий покой имел «сводчатый потолок, как бы выложенный мозаикой» и был обит «довольно богатой турецкой парчой». Здесь на квадратном, в четыре ступени, подиуме, покрытом красным сукном, стоял небольшой трон, весь окованный золотом и украшенный такими крупными рубиновыми зёрнами и бирюзой турецкой работы, что краковский дворянин, привыкший к скандинавским интерьерам, не мог поверить, что все эти камни настоящие («Их пришлось бы оценить в большую сумму!» – добавляет он). Две смежные с тронной комнаты были обиты «одна красною камкою, другая, сбоку, – пёстрым ормезином». Правда, с точки зрения Немоевского, сам дворец был построен не по-европейски: деревянный, из круглого бревна, покои «довольно низки и мелки», «окна малые – полтора локтя в вышиину и в ширину» [7, с. 208–209].

В 1580-х гг. обои помимо царского дворца видели в боярских теремах Годуновых, Шуйских и Голицыных, но они были исключением даже для домов знати. Неслучайно Немоевский заявляет: «Ни у кого из бояр собственного... замка нет – одни деревянные дворцы из круглого нетёсаного дерева, в которых редкость – светлая горница; обыкновенно курные избы; об обоях и не спрашивай» [там же, с. 215]. Впрочем, Немоевский заметил, что некоторые русские дворяне

и купцы начали строить дома из тёсаного леса, как в Польше, и им никто не запрещает этого, в отличие от старых времён. «При великом князе Иване, – рассказывает далее пан Станислав, – один боярин, будучи послом в Польше, присмотрелся там к нашим постройкам и по возвращении приказал ставить избу из тёсаного дерева. Когда об этом узнал великий князь, он приказал народу весь этот дом разметать, предварительно вымазавши его грязью» [там же, с. 216].

Весной 1606 г. в самом роскошном из шатров, поставленных для отдыха Марины Мнишек и её свиты у Вязём, среди прекрасно вышитых картин на сюжеты Ветхого и Нового Заветов были помещены надписи «на латинском, персидском (арабском) и русском языках» [там же, с. 201]. Иезуит Ян Велевицкий, со слов духовника Марины Мнишек ксёндза Каспара Савицкого, утверждал, что эти надписи объясняли смысл каждой сцены, а по кругу «был написан 21-й псалом на четырёх различных языках: русском, латинском, сирийском и арабском, украшение истинно царское и достойное христианского монарха» [6, с. 219]. На алебардах царских телохранителей надпись «Димитрий Иванович» была выведена золотыми латинскими буквами (до 1605 г. в России ни русские, ни иноземцы не вооружались алебардами) [13, с. 228].

«В царском дворце находилось много «немецкой, английской, польской серебряной посуды – это или подарки государей, полученные через послов, или приобретения, сделанные ради редкостной работы» [10, с. 181]. Служители расставляли большие золотые бокалы и фигурки серебряных и золотых львов, грифонов, ящериц, единорогов, оленей. Имелся умывальник в форме серебряного дельфина, «из ноздрей которого струилась вода в три раковины: перламутровую, золотую и серебряную». Имелись «большой серебряный чан, в нём золотая Диана с нимфами, Актеон, превращённый в оленя и держащий лук и стрелы», десять серебряных миланских собак, золотой Юпитер на серебряном орле и прочие греческие боги [16, с. 233].

Русские мастера начала XVII в. уже сами изготавливали «новые вещи» (различные виды посуды, кровати, кресла, шкафы и буфеты) и быстро успели забыть, откуда эти предметы пришли в русский обиход. Забегая вперед, отметим, что подобная «метаморфоза памяти» постигнет в будущем самовары, балалайки, бело-синюю палитру гжельской керамики и даже матрёшек, заимствованных из Японии в начале XX в. Можно ли считать эту «регулярную забывчивость» случайным историческим курьёзом? Скорее, перед нами стойкая ментальная особенность, возникшая давно и служащая для примирения заимствований с традиционным консерватизмом, стремящимся отгородиться от чужого – «еретического».

Список литературы

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. М., 1976.
2. Буссов К. Московская хроника 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998.
3. Гейс (Гизен) С. Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варковича// Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII вв. М., 1991.
4. Горсей Дж. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве.
5. Гюльденстиерне А. Путешествие герцога Ганса // Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
6. Дневник иезуита Яна Велевицкого о событиях московских // Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
7. Записки Станислава Немоевского // Иностранцы о древней Москве.
8. Елассонский А. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. III. Т. XI.
10. Маржерет Ж. Состояние Российской державы и великого княжества Московского // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
11. Бэр Мартин. Летопись Московская с 1584 по 1612. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Ber/frameset1.htm>
12. Масса И. Краткое известие о Московии // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
13. Патерсон П. Историческое известие о царе Димитрии и о событиях в Москве// Иностранцы о древней Москве.
14. Придворная медицина в России в X–XVIII веках. URL: http://www.world-history.ru/countries_about/2194.html.
15. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1983.
16. Стадницкий М. История Димитрия, царя Московского и Марины Мнишек...// Иностранцы о древней Москве. М., 1991.
17. Толстой Ю. В. Первые 40 лет сношений между Россией и Англиею. 1553-1593. СПб., 1875.

Об авторе

Черникова Татьяна Васильевна – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД России. E-mail: Tchernikova1961@mail.ru.

MOSCOW KINGDOM AND THE EUROPEAN INNOVATION OF THE TIME OF TROUBLES

T.V. Chernikova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: The article is devoted to the examination of the issue of Russian borrowing of military and technical as well as cultural experience of the West at the beginning of the Time of Troubles during the reign of Feodor I Ivanovich (1584–1598), Boris Godunov (1598–1605) and Dmitry the Pretender (1605–1606). One of the channels of the Russian contact with the west-European “powder revolution” and culture was foreigners on Moscow service. A lot of them were the military; doctors of the Tsar had a huge power; some merchants (for example, Jerome Horsey) carried out special orders of the Russian government.

The article gives the description of western foreigners' position both, at the beginning of the Time of Troubles, when the Moscow government was interested in western innovation, and after 1606, when the situation changed. The author tries to find out in which areas and what kind of foreign experts were used in Russia; what were the reasons for the use of the Western European experts; what were the results of this phenomenon.

While analyzing the “Notes” of foreigners, who were on the Russian service at the beginning of the Time of Troubles, the author examines the achievements of the “common revolution” at the beginning of XVII century.

Key words: Moscow Kingdom in the end of XVI – early XVII century, the Time of Troubles, Boris Godunov, Dmitry The Pretender, european innovation, foreigners on the Russian service, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, “Notes” of foreigners about Russia.

References

1. Alpatov M.A. Russian historical thought and Western Europe. Moscow, 1976. (In Russian).
2. Bussow K. Moscow Chronicle 1584–1613. Chronicles of the Time of Troubles. Moscow, 1998. (In Russian)
3. Geis (Giesen) C. Description of travel in Moscow after the Roman Emperor Nicholas Varkovich. Foreigners about ancient Moscow. Moscow XV–XVII centuries. Moscow, 1991. (In Russian).
4. Horsey J. Journey of Sir Jerome Gorseya. Foreigners about ancient Moscow. (In Russian)
5. Gyuldenstierne A. Duke Hans. Foreigners Journey of ancient Moscow. Moscow, 1991. (In Russian)
6. Diary of Jesuit Jan Velevitskogo about events in Moscow. Foreigners about ancient Moscow. Moscow, 1991. (In Russian)
7. Notes Stanislaus Nemoevsky. Foreigners about ancient Moscow. (In Russian)
8. Elassonsky A. Memoirs of Russian history. Chronicles of the Time of Troubles. Moscow, 1998. (In Russian)
9. Karamzin N.M. History of Russian Goverment. Moscow, 1989. Book. III. Vol. XI. (In Russian)
10. Margeret G. Status of the Russian state and the Grand Duchy of Moscow. Russia XVII century. Memories of foreigners. Smolensk, 2003. (In Russian)
11. Baer M. Annals of Moscow from 1584 to 1612. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Ber/frame1.htm> (In Russian)
12. Mass I. Brief news of Muscovy XVII century. Russia. Memories of foreigners. Smolensk, 2003. (In Russian)
13. Paterson P. Historical news of King Demetrius, and the events in Moscow. Foreigners about ancient Moscow. (In Russian)
14. The court medicine in Russia in X–XVIII century. URL: http://www.world-history.ru/countries_about/2194.html. (In Russian)
15. Skrynnikov R.G. Boris Godunov. Moscow, 1983. (In Russian)
16. Stadnitskii history Demetrius, king of Moscow and Marina Mniszek // Foreigners about ancient Moscow. Moscow, 1991. (In Russian)
17. Tolstoy V. The first 40 years of relations between Russia and Britain. 1553-1593. SPb., 1875. (In Russian)

About the author

Tatiana V. Chernikova – phd (History), Professor of Department of world and national history at MGIMO-University. E-mail: Tchernikova1961@mail.ru.

ДИЛЕММЫ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ

И.Н. Тимофеев

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Проблематика мирового порядка в современной литературе зачастую рассматривается через взаимодействие ведущих центров силы. Возможен и другой подход. Мировой порядок образуют государства. От имени государства отправляются международные дела, оно имеет право на легитимное насилие, оно же обладает возможностью концентрировать экономические и человеческие ресурсы. Очевидно, что природа государства как элемента международной системы оказывает влияние и на саму эту систему, задает её ключевые параметры.

Возникает вопрос: что происходит с современным государством? Как влияют его трансформации на облик современного мирового порядка? Почему меняется государство? Какая иерархия государств просматривается в современном мировом порядке? Мы исходим из следующих тезисов.

Во-первых, национальное государство перестаёт быть универсальной формулой государственного строительства. В этой формуле так и не был достигнут баланс справедливости и эффективности – двух ключевых основ легитимного порядка. Причём происходит это и в развитом, и в развивающемся мире.

Во-вторых, современный мировой порядок представляет собой мозаику принципиально разных по своей природе государств. Каждое пытается найти свою формулу сочетания справедливого и эффективного государства. Эти формулы далеко не всегда совпадают друг с другом, что закладывает нестабильность в международные отношения.

В-третьих, ключевая роль в мировом порядке всё ещё принадлежит узкой группе крупных держав. Вопрос о суверенитете и реальной субъектности многих государств остается открытым. Мировому порядку, как и современному государству, свойственна разбалансировка между справедливостью и эффективностью. Желаемое многими гармоничное сочетание двух этих принципов на основе международных институтов снова может быть подменено торжеством эффективности над справедливостью – обеспечением порядка через баланс сил и жёсткую иерархию.

Ключевые слова: государство, мировой порядок, справедливость, эффективность, демократия, великие державы, международные отношения, институты.

Дискуссия о мировом порядке не утрачивает актуальности в политической и экспертной среде на протяжении последних двадцати пяти лет. В ходе этой дискуссии выработался консенсус по поводу того, что после окончания холодной войны международные отношения находятся в переходном состоянии, а вопрос об их новой структуре всё ещё остаётся открытым.

Преимущественно дискуссия ведётся вокруг представлений о полярности существующего миропорядка. До недавнего времени она сводилась к спору между сторонниками однополярной и многополярной концепций. Первая предполагала восприятие США как единственного центра мировой силы, задающего правила игры и обладающего неоспоримым военно-экономическим потенциалом. Вторая – это восприятие мира как полицентричной системы, в которой сосуществуют несколько сильных государств или их сообществ. Каждый центр имеет свои конкурентные преимущества, а значит и своё слово в определении глобальной повестки дня. Концепция многополярности превратилась в один из стержневых элементов российской внешней политики. Она полагалась более демократичной, открытой и гибкой в сравнении с биполярной и, тем более, однополярной системами. Весь этот спор ложился в традицию структурного реализма, прекрасно понятного в России, в США и на Западе в целом¹.

Существует и целый ряд других измерений этого вопроса. Они остаются за скобками дискуссии о центрах силы, но представляются критически важными для понимания будущего миропорядка. Мировой порядок, как устойчивая система международных отношений, формируется из государств, их альянсов или сообществ. Государство остаётся краеугольным камнем этой системы. От его имени отправляются международные дела, оно имеет право на легитимное насилие, оно же обладает возможностью концентрировать сравнительно большие экономические и человеческие ресурсы. Природа государства задает ключевые параметры системы международных отношений. Отделять внешнюю политику государства от внутренней, сводить всю систему международных отношений к балансу сил и хаотичному движению бильярдных шаров означало бы чрезмерно упрощать её. Сила – важный, но далеко не единственный параметр.

Четверть века назад это показал пример СССР – мощнейшей сверхдержавы, рухнувшей почти в одночасье под грузом внутренних проблем. Сегодня таким примером становится

Украина, где кризис государственности породил сильнейшую цепную реакцию и привёл едва ли не к новому континентальному расколу. В данном контексте стоит также отметить кризис модели светского государства на Большом Ближнем Востоке и появление «Исламского государства»². В том же ряду – кризис государства всеобщего благоденствия в Европе, усиление Евросоюза как качественно новой надгосударственной структуры, откат от третьей волны демократизации и многие другие процессы, характеризующие изменение природы современного государства.

Возникает вопрос: что происходит с современным государством? Как влияют его трансформации на облик современного мирового порядка? Почему меняется государство? Какая иерархия государств просматривается в современном мировом порядке? Отправной точкой ответа на эти вопросы станут следующие тезисы.

Во-первых, национальное государство (nation state) образца XX в. перестанет быть универсальной формулой государственного строительства. В этой формуле так и не был достигнут баланс справедливости и эффективности – двух ключевых основ легитимного порядка. Попытка уравновесить их через опору на ценности свободы и прогресса терпит неудачу и в развитом, и в развивающемся мире. Национальное государство либо трансформируется в иное качество, либо ему на смену приходят новые формы организации общества.

Во-вторых, современный мировой порядок представляет собой мозаику принципиально разных по своей природе государств. Они образуют кластеры или своего рода «созвездия»³. Каждый такой кластер, исходя из своих типологических особенностей и повестки дня, пытается найти собственную формулу сочетания справедливого и эффективного государства. Эти формулы далеко не всегда совпадают друг с другом, что закладывает нестабильность в международные отношения, а попытка навязывания универсальных схем одними государствами другим раскачивает систему ещё сильнее.

В-третьих, хотим мы того или нет, но ключевая роль в мировом порядке всё ещё принадлежит узкой группе крупных держав или их альянсов. В их взаимоотношениях, характеризующиеся сочетанием конкуренции, сотрудничества и компромиссов, вовлечены меньшие страны. Вопрос о суверенитете и реальной международно-политической субъектности многих государств остаётся открытым. Сами крупные державы и отношения этих держав между собой могут стать заложниками внутренних измене-

¹ В основе такого подхода лежат принципы неореализма, широко используемые в российской и западной теории международных отношений. Концептуальным каркасом здесь являются разработки Кеннета Уолтса, сделанные еще в период холодной войны. См. [1].

² Исламское государство (ИГ) является террористической организацией. Её деятельность на территории России запрещена.

³ Это наглядно показало количественное исследование «Политический атлас современности» под руководством А.Ю. Мельвиля. См. [3].

ний в меньших странах. Мировому порядку, как и современному государству, свойственна разбалансировка между справедливостью и эффективностью. Желаемое многими гармоничное сочетание двух этих принципов на основе международных институтов снова может быть подменено торжеством эффективности над справедливостью – обеспечением порядка через баланс сил и жёсткую иерархию.

1

Спор междунариков о роли государства традиционно имел свою специфику. Как известно, реалисты выводили на первый план фактор силы, имея в виду, главным образом, военно-экономический потенциал. Стремление к гегемонии, защите и продвижению своих интересов полагалось универсальной чертой государств, независимо от их устройства. Значит, укрощение анархии и мировой порядок возможны только через выстраивание баланса сил. Противники реалистов, либералы, наоборот, придавали устройству государства большее значение. Взаимосвязь международных отношений с государством они сводили к природе политического режима, основываясь на постулате Иммануила Канта: демократии склонны в меньшей степени воевать друг с другом и в целом менее агрессивны на международной арене [5]. Демократические правительства в большей степени подотчётны обществу, которое не заинтересовано в войне. Следовательно, по Канту, «вечный мир» возможен тогда, когда все государства превратятся в демократии, а правительства будут подотчётны гражданскому обществу.

Явный недостаток этого спора состоит в том, что дискуссия междунариков о сущности государства свелась преимущественно к обсуждению его политического режима. Такой подход страдает излишним упрощением. Нельзя сводить всё богатство внутренней природы государства к его режиму, не говоря уже о том, что связь между режимом и международными отношениями далеко неочевидна. Однако это упрощение становится понятным, если обратиться к дискуссии о самом государстве без привязки к международным делам.

На Западе системообразующими этой дискуссии выступали два вопроса: о *справедливом* и об *эффективном* государстве. Своё современное звучание эта связка получила на фоне развития капитализма, буржуазных революций и утраты властью традиционных основ легитимности. Проблема состояла в том, как добиться баланса интересов граждан, ограничить произвол элит и при этом выстроить действенные механизмы управления и перераспределения благ. Эффективность далеко не всегда гарантирует справедливость, ведь эффективное государство вполне может использоваться для террора и подавления граждан. А значит, справедливость и эффективность не тождественны друг другу, как не тождественны мораль и политика. Но по-

скольку мораль – важный источник легитимности власти, игнорировать её не получается даже у самых убежденных прагматиков.

В XX в. формулой решения проблемы стало так называемое современное государство, или государство модерна. Эта идея, зародившаяся несколькими столетиями ранее, получила наиболее широкое практическое воплощение именно в XX в. И справедливость, и эффективность сводились к понятию рациональности. Человеческий разум полагался универсальной преобразующей силой, а благо человека – целью, достижимой с помощью разума. Для этого требовалось максимальное раскрепощение индивида, его освобождение от нерациональных форм – сословных ограничений, религиозных предрассудков и т.п. Соответственно, базовыми ценностями в этой формуле стали свобода как торжество разума над традиционными условностями и прогресс как поступательное развитие человека и общества, рациональное преобразование мира.

Справедливость понималась как состояние, в котором каждый индивид мог на равных с другими реализовать свои возможности. Она гарантировалась правом и выражалась в равенстве индивидов перед законом. При этом сам закон носил рациональный и светский характер, будучи хотя бы формально отделённым от религии. Гарантия справедливости через право потребовала и пересмотра понятия суверенитета. Его источником теперь выступал народ (nation) как политическое сообщество равных индивидов. А законодательство и само отправление власти осуществляли его представители. Выборы или назначение этих представителей, разделение властей между ними, опять же, осуществлялись через систему рациональных институтов, закреплённых законом.

По сути, в такой схеме справедливость стала не только моральной, но и правовой категорией. Каждый гражданин получил возможность иметь собственное представление о справедливости (ценности и мораль), но реализовывать их в рамках общих правовых установлений. Государство же оставалось монополистом на справедливость только в пределах установления правовых норм и только в рамках контролируемых обществом процедур. Но не имело монополию на справедливость. Конечно, государство оставалось мощным источником формирования ценностей и национальной идентичности, но за индивидом закреплялась автономия в определении собственных предпочтений. Важным элементом автономии можно считать и экономическую свободу, выражаемую в свободном труде и независимости капиталистического предприятия от государства. Мера ценностной и экономической автономии стала фундаментальной основой в дискуссии о пределах вмешательства государства в жизнь общества – от патерналистского государства до «государства – ночного сторожа».

■ Мировая политика

Естественно, проблема эффективного государства также получила удобное решение через рациональность⁴. Огромную роль в проникновении этой установки на уровень государства сыграл капитализм. Планирование, жёсткий контроль и учёт, концентрация управления предприятием, минимизация затрат и максимально возможное расширение рынка превратились в принципы правильно функционирующего государства⁵.

Эффективное государство приобрело, как минимум, три важные черты. Во-первых, оно стало «самоописывающейся системой»: все ключевые стороны его жизни непрерывно фиксируются и стандартизируются. Постоянный сбор и анализ важных для государства статистических данных – то, что в своё время Уильям Пэтти называл политической арифметикой – прочно вошли в повседневную практику.

Во-вторых, государство значительно глубже проникло в ткань общества. Изменилось качество его власти. Сохраняя функции гаранта правопорядка, оно стало регулировать всё больше элементов общественной жизни, наращивая свою дисциплинарную власть. Это привело к взрывному росту качества жизни и организованности общества, но существенно сузило сферу автономии индивида. Рост формальной свободы сочетался с сокращением свободы частной, пусть и под лозунгами просвещения и прогресса.

В-третьих, современное государство стало массовым. С одной стороны, в политику были вовлечены огромные массы, имеющие реальное или хотя бы формальное право голоса. С другой стороны, государство мобилизовало эти массы для решения своих внутренних и внешних задач, организовало и стандартизировало их, превратило в хорошо отлаженный механизм.

Подобная концепция справедливого и эффективного государства стала предметом конкуренции как минимум трёх ключевых идеологических доктрин современности: либерализма, социализма и консерватизма. Общим для них оказалось понимание одной важной вещи. Эффективное и мощное государство можно использовать для утверждения определённых принципов справедливости, закрепляя их в праве либо минувя его.

Здесь и заискрила связка эффективности и справедливости. Эффективное государство стало самостоятельной силой и вместе с тем – смертельной угрозой справедливости. По иронии, первую злую шутку государство сыграло именно с капитализмом. Ещё в XIX в. марксистский тезис об экономическом базисе и политической надстройке воспринимался в Европе вполне серьёзно. Однако в первой половине

XX в. на этой иллюзии был поставлен жирный крест. Государство показало себя во всей своей новой силе. Сам капитализм приобрёл иное качество, либо сопрягаясь с интересами государства, либо становясь жертвой его экспериментов. Не менее злую шутку государство сыграло и с обществом. Вместо сообщества рациональных индивидов со своими представлениями о справедливости, оно оказалось массой, на инстинктах которой можно было легко играть с помощью новых инструментов пропаганды. Суверенитет народа превращался в фикцию, а «железный закон олигархии» выделял бюрократию в господствующий политический класс даже при наличии демократических процедур. Не случайно именно сдерживание государства стало лейтмотивом современной политической философии.

На практике выделилось несколько сценариев балансировки справедливого и эффективного государства⁶. В одних случаях государствам удалось добиться высочайшей эффективности. Причём этот процесс шёл параллельно с ростом эффективности экономики, что предопределило лидерство этих государств на мировой арене. Одновременно стремительный рост дисциплинарной власти породил системное сопротивление государству со стороны общества. В результате предпринимательский класс и гражданское общество сохранили свою автономию, пусть с определёнными оговорками и отклонениями. Однако баланс оставался весьма хрупким. Стимул очередному наступлению дисциплинарной власти дала недавняя «цифровая революция». Чем в большей степени деловая и частная жизнь гражданина проникает в цифровую среду, тем больше возможностей для контроля появляется у государства. Парадоксальным образом демократичный по своей природе интернет даёт прекрасную почву для дисциплинарной власти. Это несёт угрозу правам граждан, а значит, и фундаментальным основам справедливости национального государства. Давая качественный рост эффективности, «цифровая революция» бросает новый вызов справедливости, на который гражданскому обществу ещё только предстоит найти ответ⁷.

В других случаях развитие инструментов дисциплинарной власти и повышение эффективности государства в целом привело к формированию жёстких тоталитарных или авторитарных режимов. Сам феномен тоталитаризма стал возможен именно благодаря новым технологиям организации власти и появлению массового общества. Отсылка к справедливости была критически важна для формирования идеологии данных режимов. Но на деле её реализация в

⁴ Иллюстрацию этого процесса показал в своих работах, в частности, Мишель Фуко. См., например: [6].

⁵ На примере развития вооружённых сил это прекрасно показал Уильям Макнил в своём историческом анализе военной промышленности и способов её организации. См. [2].

⁶ Идею подобных сценариев автору подсказала статья Андрея Цыганкова, см. [7]

⁷ Этому вопросу посвящена одна из Валдайских записок. См: [11].

лице права было полностью подмято под себя государством, а любые очаги сопротивления в обществе подавлены. В краткосрочном плане это позволяло государству достигать амбициозных задач развития и громко заявлять о себе на международной арене. В долгосрочном – породило кризис модели государства модерна, причём именно с точки зрения эффективности. В дальнейшем это способствовало переходу к более мягким формам авторитарного правления. Их можно охарактеризовать парой «нестабильная эффективность (впечатляющие достижения и риск не менее впечатляющих откатов)/подавленная справедливость».

Таким путём последовали не только некоторые крупные державы, но также и многие страны, получившие независимость в XX в. и выстраивавшие свою государственность едва ли не с чистого листа. Всеобъемлющее государство стало для них удобным инструментом форсированного строительства нации. Некоторым странам удалось добиться ощутимого социально-экономического прогресса, причём в ряде случаев сформировался запрос общества на политическое представительство и реальное главенство закона. Сегодня наиболее яркий пример такого парадокса – революции «арабской весны». Как правило, они произошли после нескольких десятилетий устойчивого роста качества жизни. Дисбаланс эффективности и справедливости привёл к глубокому кризису этих государств даже притом, что их эффективность была относительно высокой.

Наконец, третий сценарий – провал как эффективного, так и справедливого государства. Опыт XX в. выявил важную закономерность: эффективное государство представляет угрозу главенству права, то есть справедливому государству. Всегда существует риск того, что бюрократия выйдет из-под контроля, подмяв под себя и закон, и капитал, и гражданское общество. Но без эффективного государства справедливость невозможна по определению, её просто некому и нечем будет гарантировать. Демократические институты без эффективных инструментов государственного управления во многом становятся бесполезными. Можно принять сколько угодно хороших законов сколь угодно демократическими процедурами, но если отсутствует эффективный аппарат их исполнения, они так и останутся на бумаге. Поэтому в случаях, когда выстраивание эффективного государства потерпело крах, вопрос о справедливости не стоял в принципе, поскольку справедливость пала жертвой анархии, а не сильного государства. Такое положение дел наблюдается во многих странах третьего мира и в некоторых постсоветских государствах⁸. Всеобъемлющая коррупция, внутренние конфликты, отсутствие монополии на

насилие блокируют законность, а вместе с ней и справедливость.

2

Все три сценария по-своему меняют национальное государство, порождая различные кластеры, «созвездия» или типы государств. Можно выделить как минимум несколько таких кластеров. В первую очередь внимания заслуживает Европа (в границах ЕС) – родина самой идеи нации и национального государства. У этого кластера есть несколько особенностей.

Во-первых, это реализация во многих европейских странах принципа эффективного государства в виде идеи государства всеобщего благосостояния. Помимо главенства закона и демократии, велферизм стал также и одним из оснований справедливости⁹. Это подразумевало весьма существенное вмешательство государства в экономику (жёсткая налоговая политика, индикативное планирование), но при эффективности государственных механизмов перераспределения в сочетании с рынком модель оказалась вполне успешной. Тем не менее, сегодня её будущее стоит под вопросом на фоне экономической стагнации и беспрецедентного притока мигрантов. В случае с мигрантами важно не только то, что они забирают часть ресурсов социального государства. Важно, что собственные представления гражданина о справедливости начинают отклоняться от изначального идеала. Даже правовая концепция справедливости (при всей своей абстрактности и рациональности) основана на культурном пласте – индивидуальные «концепции» справедливости в целом признают справедливость правовую. Ситуация меняется с появлением мигрантов из дальней культурной дистанции [12]. Они готовы потреблять социальные блага, но их представления о справедливости могут быть принципиально иными, чем у принимающего общества (например, тесно связанными с религиозными нормами). Это ставит многие европейские страны перед дилеммой: либо подавлять и жёстко ассимилировать мигрантов средствами эффективного государства (контроль в обмен на блага), либо менять собственные представления о справедливости. Обе модели несут риски. В первом случае – риск сопротивления мигрантов, во втором – коренного населения.

Во-вторых, это относительно стабильные партийные и в целом демократические институты, которым свойственны снижающиеся политическое участие и падающая мобилизация. Стабильная демократия породила спад политической активности масс. По меньшей мере, электоральное участие здесь остаётся весьма низким. У граждан имеются инструменты отстаивания своих интересов и прав. В институциональ-

⁸ Об угрозе анархии и слабом государстве, в частности, пишет Ричард Лахманн в одной из Валдайских записок. См.: [10].

⁹ См., например: [9].

■ Мировая политика

ном плане принципы справедливости в Европе остаются, похоже, наиболее защищёнными, но спрос на них со стороны самого общества вряд ли можно назвать растущим.

В-третьих, практически все эти государства делегировали часть суверенитета своему ключевому союзнику – США. Они утратили часть международной субъектности с точки зрения силы, но смогли сконцентрировать ресурсы на задачах развития.

Создание Европейского союза – ключевой и во многом беспрецедентный элемент трансформации европейских государств. Наряду с делегированием части военного суверенитета США, они также делегируют некоторые полномочия союзным институтам. Это приводит к нескольким следствиям. Прежде всего, снятие многих барьеров даёт колоссальный рост эффективности с точки зрения движения труда и капитала. Появление наднациональных институтов в перспективе превращает Союз в крупного игрока на международной арене. Пока он остаётся в рамках экономической и «мягкой» силы, но сама институциональная консолидация в перспективе превращает его в самостоятельный полюс на мировой арене.

А вот вопрос справедливости, как обычно, остаётся наиболее чувствительным. Проблема начинает звучать по-новому по мере укрепления политической роли Брюсселя. Греческий кризис наглядно показал взаимную уязвимость: Греции – перед мощью европейской бюрократии, а самого Евросоюза – перед проблемами отдельных стран и попытками местных политиков сыграть на отстаивании национальных интересов. В итоге вопрос вновь останавливается перед проблемой суверенитета и его легитимности. Распыление суверенитета народа (нации) на весь Европейский союз неизбежно порождает кризис его легитимности, когда дело доходит до интересов граждан отдельных государств. Справедливость через главенство права упирается в вопрос реального соотношения права ЕС и права отдельных государств. В перспективе это вызов всему европейскому проекту, особенно учитывая разный уровень развития старых и новых членов. Конечно, институты ЕС по своей структуре являются демократическими. Но далеко не очевидно, что им удастся одновременно решить извечную проблему «железного закона олигархии» и избежать намечающийся кризис легитимности власти ЕС.

В качестве отдельного кластера, неразрывно связанного с «созвездием» стран ЕС, следует выделить европейскую периферию – посткоммунистические или постсоветские страны. Грань между этими двумя кластерами стала весьма подвижной – некоторые из них сохранили признаки периферийности, но смогли войти в число членов ЕС. В большинстве своём они являются либо осколками крупных государств (СССР, Югославия), либо странами, чья роль и до распада этих государств была подчинённой или

периферийной, то есть эффективность экономики и государства была сравнительно низкой, а суверенитет частично или полностью подавлен.

Почти все эти страны ставили перед собой задачу стать «нормальными» национальными государствами, выстроить рыночную экономику, демократические институты и эффективную бюрократию. Решение этой задачи должно было удовлетворить спрос на справедливость, обострённый издержками распада крупных государств или же авторитарным прошлым. Некоторым это удалось – Польша, Чехия, Словакия и даже Венгрия могут считаться самыми удачными примерами. Другие смогли попасть в ЕС, что можно рассматривать в качестве признания Брюсселем успеха их социально-экономической трансформации. Однако практически во всех случаях уже в полный рост проявляют себя издержки делегирования суверенитета, о которых упоминалось выше. Даже в случае успешных транзитов конечный пункт оказался отличным от предполагавшегося. Суверенного национального государства, в строгом смысле этого слова, не получилось ни у кого из «отличников» и «хорошистов».

Иным оказался конечный пункт у «двоечников» и «троечников» – в основном постсоветских государств, оставшихся за бортом европейской интеграции. Три из них (Украина, Грузия и Молдавия) прошли или проходят через гражданскую войну и территориальную дезинтеграцию. Они стали объектом жёсткой конкуренции крупных центров силы (России, США и ЕС), которая спровоцировала многие проблемы. Этим государствам не удалось выстроить эффективные и не коррумпированные государственные институты (исключением стала Грузия, хотя и здесь успешные реформы полиции и государственного аппарата ещё требуют проверки временем). В результате их демократические институты повисли в воздухе – демократия оказалась неподкреплённой достаточной государственностью.

Попытка вовлечения Брюсселем государств подобного типа в орбиту своего влияния дала неоднозначные результаты. В случае Молдовы и Грузии она прошла почти незамеченной и, возможно, даст некоторые позитивные результаты для развития этих стран. Однако в случае Украины система дала сильнейший сбой. На поверхность вышел весь комплекс проблем – и слабые институты, и отставание в развитии, и геополитическая конкуренция крупных игроков, и родовые травмы европейского порядка постбиполярной эпохи. Все эти проблемы буквально разрывают украинскую государственность. Примечательно, что украинская революция 2014 г. стала следствием стихийного запроса общества на справедливость и эффективность власти. Способность удовлетворить этот запрос во многом будет определять будущее Украины как государства, а заодно покажет жизнеспособность проекта, предлагаемого стране Западом.

В этом контексте интересна судьба России. После окончания холодной войны она вошла в число транзитных государств, ставя перед собой задачу строительства рынка и демократии. Она могла либо разделить судьбу «отличников» и «хорошистов», успешно интегрировавшись в западные структуры, но отдав часть своего суверенитета. Либо стать «двоечником» или «троечником» - хрупким государством, бесконечно стремящимся «в Европу», но не способным интегрироваться в неё под грузом внутренних проблем. К середине нулевых годов стало окончательно понятно, что Россия отказывается от этих ролей. Ни делегировать суверенитет, ни оставаться хрупким государством Россия была не готова. Украинский кризис лишь расставил последние точки над і.

Принципиально иные «созвездия» образовали государства не западного мира. Несмотря на культурное и цивилизационное разнообразие, в XX в. многие из них предпринимали попытки модернизации и выстраивания национального государства по западному образцу. Вопрос справедливости здесь стоял принципиально в ином ключе. Она понималась преимущественно в утилитарном смысле, по сути, отождествлялась с эффективностью. Если государство эффективно, то есть способно добиться роста качества жизни, решить внутренние проблемы и постоять за себя на международной арене, то оно и является справедливым. В незападном мире доминирование государства в экономике и его приоритет над обществом традиционно воспринимались как норма. Поэтому, в отличие от Запада, и вопрос о свободе стоял здесь как «свобода для», а не «свобода от». Свобода понималась как независимость государства и его самостоятельность, а не как раскрепощение индивида. Рациональный прогресс становился средством реализации такой свободы, в отличие от Запада, где прогресс рассматривался скорее как результат свободы.

Однако жёсткая связка эффективности и справедливости таила в себе серьёзный вызов. Любой сбой государственного механизма грозил потерей легитимности и ставил власть под удар. Проблемы исходили, в числе прочего, от экономики, ведь во многих не западных обществах государство играет самую активную роль в управлении хозяйством. Капиталистическими их можно назвать весьма условно, лишь с точки зрения включённости в мировую капиталистическую систему, но никак не с точки зрения реальной автономии капиталистического предприятия.

Ирония в том, что пределы рациональности показали именно эти государства, а вовсе не Запад, поставивший разум во главу угла. Оказалось, что попытка выстроить государство по принципу часового механизма – хорошо отлаженной рациональной системы – наталкивается на сложность и нелинейность экономики, общества и международных отношений. Конечно, рациональная вертикаль может давать впечат-

ляющие результаты. Но она не застрахована от сбоев, каждый из которых приводит к откату от достигнутых результатов. Запад в этом смысле сохранил для себя подушку безопасности в виде относительной свободы экономики и гражданского общества. Эффективное государство как бы разделяло ответственность с независимым капиталистическим предприятием, а обратная связь гражданского общества смягчала ошибки вертикали власти. В случае кризисов государство – не единственный ответчик за происходящее и не единственное средство спасения отдельного индивида. Ещё большая ирония в том, что очередное наступление эффективного государства на Западе может похоронить эту страховочную систему. Усиливая вертикаль и сужая пространство свободы, сами западные государства могут оказаться в уязвимом положении.

Но вернёмся в незападный мир. Проблемы с эффективностью здесь рано или поздно порождали проблемы со справедливостью, а значит – и с легитимностью. История XX и XXI вв. показала разные формы проявления этой проблемы и разные способы её решения, образовав в незападном мире целый ряд своих «созвездий» государств. Здесь тоже можно выделить свои истории успеха и провала.

Истории успеха сосредоточились в Азиатско-Тихоокеанском регионе, который сегодня многими рассматривается как мотор глобального экономического роста. Здесь выделилась группа государств, добившаяся колоссальных успехов в контроле качества и эффективности производства. Наиболее яркие примеры – Япония и Южная Корея, сделавшие ставку на крупные вертикально интегрированные компании, далёкие по своей структуре от идеалов западной свободной конкуренции. За счёт тесного вовлечения в глобальную капиталистическую систему были получены беспрецедентные результаты. Государства региона также напоминают вертикально-интегрированные корпорации с институтами демократии. Однако именно эффективность выделяется их сущностной чертой. Сингапур в этом плане стал хрестоматийным примером форсированного решения проблем эффективной государственности.

Борьба за эффективное государство характерна для стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Даже те, кому не удалось взять планку Японии, Южной Кореи и Сингапура, добились ощутимых результатов, решения многих внутренних конфликтов и устойчивого экономического роста.

Особое место, конечно, занимает Китай. Он сохранил всю полноту государственного суверенитета в военно-политическом отношении: на его территории нет иностранных баз, он не находится в поле притяжения других держав. При том, что ещё сто лет назад ситуация была кардинально иной. Эффективное государство превратилось едва ли не в национальную идею.

■ Мировая политика

Сохраняя жёсткую вертикаль власти, руководство КНР предпринимает шаги по демократизации на местах. Прорыв в эффективности производства, большие ресурсы для экстенсивного роста, самая тесная интеграция в глобальный капиталистический рынок дали Китаю феноменальные темпы роста.

Однако и Китай, и многие другие страны региона стоят перед общим вызовом – пределами роста глобальной экономики и ёмкости своего внутреннего рынка. Не исключено, что ёмкость ресурсной ниши для глобального роста исчерпана, а внутренние источники недостаточны даже для Китая с его огромным внутренним рынком. Глобальный кризис перепроизводства и рецессия могут больно ударить и по государственным проектам стран региона. Формула «рост в обмен на политическую лояльность» в этих условиях окажется под вопросом. В одних случаях страховкой станут демократические институты национального образца, в других – элементы традиционной «подданической» культуры. Но пределы экономического роста снова выведут на передний план проблему справедливости распределения ресурсов и власти. А значит, элитам придётся приспосабливать модели государства к новым условиям.

На Большом Ближнем Востоке истории успеха государственных проектов имели свою специфику. Эффективное государство здесь тоже выступало приоритетной целью. Дух технократии с уровня экономики проникал на уровень государства. Целому ряду стран удалось достичь серьёзных результатов в области развития, пусть и авторитарными методами. Но появились и проблемы. Одна из них – огромный демографический резерв молодого и грамотного населения. Темпы роста экономики просто не успевали за приращением этого резерва. И здесь привязка справедливости к эффективности государства заискрилась в полную силу, чем воспользовались, прежде всего, радикальные исламисты. Они поспешили дать альтернативную концепцию справедливости, которая базируется на идее возврата к «истинному исламу». Попробовали использовать момент и западные державы во главе с США с идеей демократизации исламских государств.

Революции «арабской весны», подъём радикального исламизма и вмешательство Запада заставили светские государства региона трансформироваться. В одних случаях светское государство буквально прошло «по краю». Наиболее показателен в этом отношении пример Египта, где военные, по сути, вырвали власть у исламистов и пресекли расползающийся кризис государства. В других случаях революция и последовавшее вмешательство извне привели к фактическому распаду и трайбализации – превращению государства в конгломерат враждующих кланов и племён. Случаи Ливии и Йемена здесь наиболее иллюстративны, хотя у каждой страны есть свои особенности. Нако-

нец, гражданская война в Сирии в комбинации с крахом государственности в «демократизированном» Ираке стали благоприятной средой для появления «Исламского государства» (ИГ) [8, 4].

Вряд ли стоит напоминать о том, что принципы построения ИГ в корне отличаются от западных принципов национального государства и даже светских режимов в исламских странах. Это жестокое, террористическое и радикальное государство. Уместно ли определять ИГ как «государство»? Обычно (и в данной статье) указывается, что это террористическая группировка. Однако важно другое. При всей своей внешней архаичности, ИГ предпринимает активные попытки выстроить эффективные институты, то есть взять на вооружение самые передовые технологии власти, том числе цифровые. В сочетании с радикально религиозной концепцией справедливости, а также претензией на её экспорт (построение халифата) ИГ становится опасным врагом любого светского режима на огромном пространстве исламского мира. Одновременно ИГ выпускает на волю практики, давно ставшие табу в «цивилизованном» мире: рабство, публичные казни, пытки и многое другое.

Парадоксальным образом ИГ добилась крайне успешного для реализации своих целей сочетания эффективности и «справедливости». Этот успех измеряется, как минимум, двумя параметрами. Первый – неоспоримое влияние ИГ на умы и сердца жителей многих исламских стран. Ряды добровольцев ИГ, по всей видимости, пополняются без перебоев. Второй – военные успехи. С «Исламским государством» воюют все ключевые западные державы, но высокоточные и высокотехнологичные удары их вооружённых сил позволяют лишь тактически сдерживать ИГ. На этом фоне вмешательство России в конфликт для многих из них оказалось шоком. Сам факт того, что Запад не рискует идти дальше воздушных бомбардировок, говорит о многом. Внутри ряда западных государств уже образовались крупные анклавы исламского населения, что порождает риски для внутренней стабильности этих стран. Расстрел редакции Шарли Эбдо – наверное, самый яркий символический сигнал просвещенческим принципам национального государства.

Одним из следствий успеха ИГ и угрозы легитимности светской власти вполне может стать растущее увлечение лидеров светских государств традиционными и религиозными ценностями. Её границы будут разными, но так или иначе этот процесс уже заметен. Попытка сменить конкуренцию светского и религиозного на их конвергенцию может оказаться единственной оптимальной стратегией для многих режимов, но институты демократии такой конвергенции явно не помогут.

Следует обратить внимание на особый кластер ближневосточных государств – нефтяные монархии Персидского залива. Здесь сложилась

интересная модель, сочетающая традиционные устои власти с попытками выстроить общество с высокими потребительскими стандартами. Нефтяная рента выступает залогом стабильности государства и растущего качества жизни, а опора на религиозные нормы стала мощным компонентом власти. Затяжное падение цен на нефть – серьёзный экономический вызов, но сама политическая конструкция вряд ли существенно изменится.

Выделяется на этом фоне Иран. Он являет пример сочетания официального религиозного государства и ставки на ускоренный технический прогресс. Фактически, в отличие от многих стран региона, Иран решил для себя проблему баланса справедливости и эффективности. Иранская модель может оказаться одной из наиболее устойчивых. А возвращение на нефтяной рынок, снятие санкций и развитие программы мирного атома в перспективе делают из Ирана крупного регионального игрока.

Наконец, необходимо коснуться ещё двух крупных региональных кластеров: Африки южнее Сахары и Латинской Америки. В первом случае задача заключается в построении эффективного государства, способного к решению многочисленных проблем качества жизни. Понятно, что страны региона серьёзно отличаются друг от друга. Но все они отличаются низким качеством и уровнем жизни при наличии острых внутренних конфликтов. Вопрос справедливости во многих из них сводится к способности государства решить существующие проблемы хотя бы на базовом уровне.

В Латинской Америке выделяются несколько моделей, сочетающих в себе устоявшиеся традиции суверенной государственности, развития демократических институтов и решения проблем развития. В этом регионе сосредоточилась «скамейка запасных» национальных государств. Если западноевропейские демократии ушли в своего рода постмодерн, то в Латинской Америке национальное государство ближе к изначальному западному проекту. Прорыв в решении проблемы эффективности властных институтов даст заявку на то, что именно в этом регионе проект национального государства получит шанс сохраниться в своём изначальном виде.

3

На мировой порядок продолжают оказывать сильное влияние крупные державы. Все они характеризуются одной общей чертой. В сравнении с другими странами, они обладают максимальной полнотой суверенитета, хотя их внутренняя природа довольно разнообразна. Изменение их внутренней сущности оказывает влияние на международные дела.

Несомненно, самой влиятельной державой мира остаются США. В последнее время и в самой Америке, и за её пределами много говорится о закате американского могущества. Дей-

ствительно, в мире появляются новые центры силы. США вряд ли могут решать международные проблемы в одиночку, жёстко навязывая свою волю остальным. Однако если посмотреть на само американское государство, то картина предстаёт в ином измерении.

Как бы мы ни относились к США, следует признать наличие у этого государства ряда сильных сторон. Во-первых, это одно из наиболее эффективных государств в плане и властных технологий, и развития. Во-вторых, эффективность власти сочетается здесь с устойчивостью институтов и большим запасом легитимности. Америка известна своими диспропорциями социального неравенства. Но сами принципы функционирования государства, при всех оговорках, близки идее правовой справедливости. Ещё важнее то, что мощная капиталистическая экономика позволила Америке возглавить процесс глобализации, круто поменяв природу государства с точки зрения рыночных отношений. Обладая существенными конкурентными преимуществами, США смогли сделать принцип открытых дверей и свободной торговли едва ли не всемирной нормой. Государство перестало быть ключевой единицей рынка. Он в значительной большей степени стал всемирным, при том, что сами США оказались в центре этой системы, по меньшей мере, с финансовой и технологической точек зрения. Многие страны выиграли от такого положения дел, получив глобальный рынок в отдельных нишах производства. Интересно, что это касается и стран, считающихся геополитическими соперниками США, прежде всего, Китая.

Конечно, перед американской системой стоят вызовы, которые будут толкать её к изменениям. Усиление бюрократии грозит девальвацией системы сдержек и противовесов. Дилемма эффективного и справедливого государства стоит на повестке дня и здесь. Нос точки зрения перспектив национального государства более важной представляется другая проблема.

Свою политическую систему американцы рассматривают в качестве универсального образца, который может и должен быть использован в остальном мире. Иными словами, распространение своей концепции справедливости американцы видят средством достижения справедливости и в международных делах. Демократия и правовое государство стали ключевыми элементами внешнеполитической идеологии США. Однако идеологизация этих принципов привела к их содержательному выхолащиванию. В результате реакция многих стран на распространение американских стандартов справедливости была сродни реакции подростков на нотации директора школы. При всей разумности и рациональности нотаций, «подростки» (многие из которых старше «директора») делали наоборот или по-своему, мобилизуя собственные традиции, опыт и культуру. Подводит американцев и явная политизация идеи демократии – её

■ Мировая политика

экспорт начинает рассматриваться как угроза существующим режимам и средство негласного механизма вмешательства во внутренние дела. В лучшем случае американское мессианство за рубежом встречают с настороженностью. Всё это, конечно, не угрожает американской политической системе как таковой, но её глобальная привлекательность оказывается под большим вопросом.

Модель глобализации также находится под угрозой. Её конкурентами могут стать проекты региональной экономической интеграции. Но даже в этой ситуации у США есть альтернативные возможности. С одной стороны, они могут возглавить региональную интеграцию, сосредоточившись на наиболее перспективных точках мирового роста (Трансатлантическое и Транстихоокеанское партнёрства). С другой стороны, они могут получить выгоду от роста издержек производства за рубежом, запустив реиндустриализацию у себя дома.

Иными словами, лидерство США в будущем мировом порядке будет определяться не только и не столько их мощью и степенью контроля над международными делами. Оно будет определяться также высокой устойчивостью американской политической системы и многовариантностью адаптации к кризисам глобального рынка, в котором США продолжают играть весомую роль.

Устойчивость политической системы представляется важным конкурентным преимуществом и ряда других крупных государств, в том числе Бразилии и Индии. В обеих странах выстроены достаточно гибкие демократические институты, при этом в определенной мере реализованы принципы правовой справедливости и сохранён собственный суверенитет. Решение проблем внутреннего развития в будущем вполне может привести и к росту роли в международных делах этих стран, особенно Индии – ядерной державы с колоссальным демографическим резервом, растущим научным и технологическим потенциалом.

Положение КНР представляется менее устойчивым. Впечатляющие темпы роста и скачок в развитии действительно вывели Китай в число мировых лидеров. Но трансформация политической системы, повышение её гибкости и демократичности всё ещё остаются на повестке дня, а сокращение темпов экономического роста вполне может обострить проблему. КНР крайне осторожно реформирует свою политическую систему, оглядываясь на неудачный опыт советской «перестройки». Стабильность положения Китая на международной арене будет во многом зависеть от успеха этих реформ.

Ещё менее устойчивым может оказаться положение России. Распад Советского Союза был вызван кумулятивным спадом эффективности

государства и растущим запросом общества на большую открытость, свободу и правовую справедливость. Пережив дезинтеграцию и тяжелейший политический транзит, страна так и не добилась системного решения этих проблем. Их остроту снизил экономический рост нулевых годов. Рост цен на сырьё увеличил ресурсный пирог и позволял удовлетворять экономические запросы элиты и общества. Заодно он дал возможность отложить решение имеющихся проблем на будущее. Но сегодняшняя рецессия вновь ставит их в полный рост. Ситуацию усугубляет разрыв отношений с Западом и выросшая изоляция на международной арене. Разрыв с Западом, в свою очередь, ставит под вопрос успешность курса на централизацию и усиление роли государства в экономике. По аналогии с некоторыми азиатскими государствами такая модель могла бы быть эффективной, но не в условиях изоляции от глобальной капиталистической системы. С другой стороны, и децентрализация таит в себе массу рисков. Оптимально было бы осуществлять её постепенно. Так или иначе, у России мало времени, кризис может оказаться затяжным и адаптироваться к новым условиям следует очень быстро.

В сухом остатке, России необходимо меняться, решая проблемы эффективности и справедливости одновременно. В отличие от других мировых держав, по всей видимости, она будет вынуждена сделать это в предельно сжатые сроки. При этом спектр возможностей узок, а риски высоки, как никогда. Дальнейшее усиление вертикали власти при сокращении ресурсов, падении эффективности, отчуждении общества от власти и сокращении пространства свободы чревато тупиком. С другой стороны, стихийная демократизация и либерализация угрожают распадом государства и анархией, как это произошло в Советском Союзе в результате перестройки. В обоих случаях давление извне лишь усугубит последствия.

Надежду даёт то, что в последние двадцать пять лет Россия стала капиталистической страной, а общество – значительно менее закрепощённым. Значит, остаётся возможным третий путь, когда бизнесу и обществу придётся взять на себя больше ответственности и, одновременно, свободы. Государство должно будет гарантировать законность и соблюдение правил игры. У России не остаётся иной альтернативы, кроме строительства настоящего национального государства¹⁰. В отличие от исламских государств, у нас нет возможности найти источник справедливости в традиционных и религиозных ценностях: они были подорваны или уничтожены в XX в. В отличие от азиатских государств и СССР 1930-х гг., у нас уже нет возможности для экстенсивного роста и решения проблемы справедливости за счёт рывков в развитии. В

¹⁰ Естественно, речь идёт о таком государстве, где власть народа не подменяется «говорением от лица народа». См., например, [1].

отличие от стран ЕС, мы не можем поступиться суверенитетом, отказаться от нашей роли в мире даже ради выигрыша в развитии. Нам остаётся последовательно добиваться главенства закона как фундаментальной основы справедливости.

Эта цель вряд ли нуждается в монолитной идеологической базе. Россию сегодня часто критикуют за отсутствие проекта или модели, привлекательных для других стран. Однако на данном этапе это обстоятельство представляется нашим конкурентным преимуществом. Опыт Советского Союза показал, что в случае, когда такая модель становится самодовлеющей, она всё дальше уходит от реальности, требуя всё новых и новых затрат ради достижения политических целей. То же показывает сегодня опыт США, да и пример ЕС, внешнеполитические идеологии которых становятся всё более догматичными, а значит и сильнее оторванными от реальности. Наша задача – прагматично выстраивать правовое и эффективное государство, дающее пространство свободы для капитала и гражданского общества. При этом Россия может позволить себе роскошь делать это самостоятельно, не оглядываясь на предписания из-за рубежа. Решение данной задачи сделает Россию привлекательной для окружающего мира без помпезных идеологий и затратных пиар-компаний.

Одновременно России придётся найти прагматичную стратегию поведения в современном мировом порядке с его перекосами и дисбалансами. Идеальным вариантом было бы укрепление международного права и усиление ООН, а на уровне европейской политики – ОБСЕ при снижении роли НАТО. Подобная установка была стартовой для нашей внешнеполитической доктрины двадцать пять лет назад. Учитывая последующий опыт, сегодня она утратила актуальность как для самой России, так и для многих её зарубежных партнёров. Один из альтернативных вариантов стабилизации мирового порядка – формирование двух или нескольких полюсов,

баланс сил которых стабилизировал бы международные отношения. Но сама возможность создания такой конструкции вызывает большие вопросы. Если с полюсом западных держав всё более или менее понятно (он институционально оформлен в виде НАТО, а неформально – в виде большой семёрки), то с альтернативными полюсами ситуация гораздо менее очевидна. Похоже, что незападные державы стараются избегать позиционирования себя в виде конкурентных полюсов. При этом появляются силы, вроде радикального исламизма, которые претендуют на транснациональный масштаб и в привычную полюсную структуру просто не вписываются. А какие ещё силы, кроме исламизма, удовлетворяют этим критериям?

Во всей этой мутной воде было бы разумно вести многовекторную политику, избегая конфронтации. Препятствие для реализации этой тактики обнаруживается на уровне государства. Кризисы «хрупких государств», особенно на стыке интересов крупных держав, порождают международные последствия непропорционального масштаба. К сожалению, прекрасной иллюстрацией тому является украинский кризис. Он начался в результате кризиса государственности, а его следствием стал разрыв отношений России и Запада практически во всех сферах, включая те из них, которые не имели непосредственного отношения к Украине. Вдобавок ко всему, война взаимных санкций не решила ни одной собственно украинской проблемы, лишь дополнительно усугубив их и резко снизив уровень безопасности в Европе. В конечном счёте, Украина вынуждена будет сама справляться с проблемами своей государственности. А последствия кризиса для европейского, да и для международного порядка, России и её партнёрам из числа крупных игроков придётся решать сообща – либо договариваясь, либо возвращаясь к балансу сил. На фоне многих других угроз последний сценарий вызывает большие вопросы.

Список литературы

1. Капустин Б.Г. Постсоветская история России: взгляд снизу [Электронный ресурс]. // Национальный интерес, 31.07.2015. Режим доступа: <http://ni.globalaffairs.ru/postsovetskaya-istoriya-rossii-vzglyad-snizu/> (дата обращения 13.02.2016).
2. Макнил У. В погоне за мощью. Технология, вооружённая сила и общество в XI-XX веках / Пер. с англ. Т. Ованнисяна; предисловие Г. Дерлугьяна; научная редакция и послесловие С.А. Нефедова. М.: ИД Территория будущего, 2008. 456 с.
3. Мельвиль А.Ю., Ильин М.В., Полунин Ю.А., Миронюк М.Г., Мелешкина Е.Ю., Тимофеев И.Н. Политический атлас современности. М.: РОССПЭН, 2007. 272 с.
4. Мирский Г.И. Радикальный исламизм. Идеино-политическая мотивация и влияние на мировое мусульманское сообщество. М.: МДК Валдай, 2015. 52 с.
5. Сергунин А. Иммануил Кант: роль в развитии теории международных отношений. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: AdMarginem, 1999. 504 с.
7. Цыганков А.П. Сильное государство: теория и практика в XXI веке [Электронный ресурс]. // Национальный интерес, 12.05.2015. Режим доступа: <http://ni.globalaffairs.ru/silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-xxi-veke/> (дата обращения 13.02.2016).

■ Мировая политика

8. Filiu J.-P. From Deep State to Islamic State: The Arab Counter Revolution and its Jihadi Legacy. Oxford University Press, 2015. 240 p.
9. Greve B. Welfare and Welfare State: Present and Future. Routledge, 2014. 234 p.
10. Lachmann R. After Hegemony and Before Global Climate Change: The Future of States. // Valdai Paper. 2015. No. 18.9 p.
11. Sergeev V., Alekseenkova E. Discipline and Punish Again? Another Edition of Police State or Back to the Middle Ages. // Valdai Paper. 2015. No. 27.12 p.
12. Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work? Ed. by L. Morales and M. Guigni. (Migration, Minorities and Citizenship). Palgrave Macmillan, 2011. 308 p.
13. Waltz K. Chapter 1. Laws and Theories // Theory of International Politics. Long Grove: Waveland Press, 2010. 256 p. Pp. 1-17.

Об авторе

Тимофеев Иван Николаевич – к.полит.н., доцент кафедры политической теории МГИМО МИД России, программный директор Российского совета по международным делам, руководитель программы «Государство в современном мире» МДК «Валдай». E-mail: mctimoff@mail.ru.

Статья подготовленная в рамках программы «Государство в современном мире» МДК «Валдай».

STATE DILEMMAS IN THE CONTEMPORARY WORLD ORDER

I.N. Timofeev

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The problems of the world order is often seen through the interaction of the leading centers of power. Nevertheless there is another approach, locating actorhood in the state, which forms the world order. State acts in international affairs, it has the right of legitimate violence, it also has the ability to concentrate the economic and human resources. Obviously, the nature of the state as part of the international system has an effect on the system itself, defining its key parameters.*

From that point of view, some questions arise: what happens to the state? What is the effect of its transformation on the contemporary world order? Why the state is changing? What hierarchy of states exists in the contemporary world order? The author proceed from the following theses.

First, the nation state is no longer a universal formula of nation building. However, there is no balance between two key foundations of a legitimate order - fairness and efficiency.

Second, the current world order is a mosaic of fundamentally different states. Each state is trying to find a formula for the combination of a fairness and efficiency. These formulas do not always coincide with each other, and it underlays the stability in international relations.

Third, a small group of major powers still play the key role in the world order. The issue of sovereignty of many countries remains open. World order, as well as a state, is characterized by imbalance between equity and efficiency. The awaited harmony of these two principles may be spoofed again the triumph of efficiency over justice – maintenance of order through the balance of power and a rigid hierarchy.

Key words: world order, state, hierarchy, legitimate order, fairness and efficiency.

References

1. Kapustin B.G. Postsovetskaia istoriia Rossii: vzgliad s nizu [The post-Soviet history of Russia: a view from the bottom]. Natsional'nyi interes, 31.07.2015. Available at: <http://ni.globalaffairs.ru/postsovetskaya-istoriya-rossii-vzglyad-snizu/> (Accessed: 13.02.2016). (In Russian)
2. McNeill W.H. The Pursuit of Power. Technology, Armed Force and Society since A.D. 1000. The University of Chicago Press, 1982. 416 p. (Russ. ed.: Maknil U. V pogonezamoshch'iu. Tekhnologiya, vooruzhennaia sila i obshchestvo v XI-XX vekakh. Moscow, ID Territoria budushchego, 2008. 456 p.)
3. Mel'vil' A.Iu., Il'in M.V., Polunin Iu.A., Mironiuk M.G., Meleshkina E.Iu., Timofeev I.N. Politicheskii atlas sovremennosti [Political Atlas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 272 p. (In Russian)

4. Mirskii G.I. Radikal'nyi islamizm. Ideino-politicheskaia motivatsiia i vliianie na mirovoe musul'manskoesobshchestvo [Radical Islamism. The ideological and political motivation and impact on the global Muslim community]. Moscow, MDK Valdai, 2015. 52 p. (In Russian)
5. Sergunin A. Immanuel Kant: rol' v razvitii teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Immanuel Kant: the role in the development of international relations theory]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 196 p.
6. Foucault M. Surveill e retpunir: naissance de la prison. Gallimard, 1975. 424 p. (Russ. ed.: Fuko M. Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniie i smert' mozhnosti. Moscow, AdMarginem Publ., 1999. 504 p.)
7. Tsygankov A.P. Sil'no gosudarstvo: teoriia i praktika v 21 veke [Strong State: The Theory and Practice in the 21st century]. Natsional'ny i interes, 12.05.2015. Available at: <http://ni.globalaffairs.ru/silnoe-gosudarstvo-teoriya-i-praktika-v-xxi-veke> (Accessed: 13.02.2016). (In Russian)
8. Filiu J.-P. From Deep State to Islamic State: The Arab Counter Revolution and its Jihadi Legacy. Oxford University Press, 2015. 240 p.
9. Greve B. Welfare and Welfare State: Present and Future. Routledge, 2014. 234 p.
10. Lachmann R. After Hegemony and Before Global Climate Change: The Future of States. Valdai Paper, 2015, no. 18. 9 p.
11. Sergeev V., Alekseenkova E. Discipline and Punish Again? Another Edition of Police State or Back to the Middle Ages. Valdai Paper, 2015, no. 27. 12 p.
12. Social Capital, Political Participation and Migration in Europe: Making Multicultural Democracy Work? Ed. by L. Morales and M. Guigni. (Migration, Minorities and Citizenship). Palgrave Macmillan, 2011. 308 p.
13. Waltz K. Chapter 1. Laws and Theories. Theory of International Politics. Long Grove: Waveland Press, 2010. 256 p. Pp. 1-17.

About the author

Ivan Timofeev – PhD in Political Science, assistant professor of political theory of MGIMO-University, program director of the Russian International Affairs Council. E-mail: mctimoff@mail.ru.

БРИКС: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Е.М. Астахов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Однополярная модель не справляется с глобальным управлением. Исчерпали себя и его финансовые структуры, которые фактически обслуживают только интересы развитых стран. Это не устраивает восходящие развивающиеся страны, которые выдвигают новые подходы к реформированию системы мирового регулирования. Страны БРИКС будут способствовать рождению новой экономической системы, основанной на равном доступе стран к источникам финансирования и рынкам сбыта.

Внутри и вне БРИКС имеется запрос на превращение этого объединения не только в другой полюс политического влияния, но и в принципиально новую конструкцию будущего мироустройства, свободного от геополитических расчетов и навязывания своих общественных моделей и стандартов. В стратегическом плане основной упор делается на реформирование глобальных центров управления. В долгосрочном плане, возможно, будет взята линия на создание альтернативных мировых финансово-экономических институтов. БРИКС может стать локомотивом усилий развивающихся стран с целью установления новых, более справедливых правил в международных политических и экономических отношениях.

Россия видит в БРИКС важную площадку для обсуждения международной политики и мировой экономики. БРИКС представляет интерес с точки зрения потенциально важного экономического сотрудничества с членами этого объединения. Вместе с тем для России целесообразно развивать сотрудничество одновременно как с Востоком, так и с Западом. Такой линии отвечает географическое положение России и ее культурно-цивилизационная специфика. С учетом сложной международной конъюнктуры желательно содействовать укреплению позиций БРИКС. Однако действовать в этом объединении следует осмотрительно, не допуская отхода от многовекторной политики.

Ключевые слова: БРИКС, глобальное управление, альтернативные институты, полюс влияния, геополитические интересы.

Возникновение БРИКС связано со многими факторами. Однополярная модель, установившаяся в мире после разрушения СССР, не справляется с глобальным управлением. Исчерпали себя и его финансовые институты, которые фактически обслуживают только интересы развитых стран. Это не устраивает восходящие развивающиеся страны, которые выдвигают новые подходы к реформированию системы международного регулирования. Именно в этом смысл возникновения и существования БРИКС, как союза реформаторов [6. С.8]. Эти, казалось бы, экономические задачи БРИКС одновременно имеют и политический подтекст. Сегодня большинство стран стоят перед выбором: либо встроиться в блоковую военно-политическую и экономическую структуру США и их союзников по НАТО и утратить, возможно, самостоятельность и идентичность, либо попытаться изменить в свою пользу сложившийся несправедливый порядок вещей.

Вторую альтернативу представляет пятерка стран-членов БРИКС.

При всей размытости нынешних очертаний БРИКС уже можно говорить о его концептуальных характеристиках, которые представляются следующими.

1. Страны БРИКС исходят из того, что мировая экономическая система переживает серьезный кризис. В его основе преобладание спекулятивного финансового капитала в ущерб реальному производству, резкое увеличение долларовой эмиссии и заливание кризиса деньгами.

2. БРИКС будет содействовать рождению новой экономической системы, основанной на равном доступе стран к источникам финансирования и рынкам сбыта, сочетании государственного планирования и рыночной экономики.

3. БРИКС выступает за сотрудничество всех стран при соблюдении их суверенитета и культурно-цивилизационной идентичности.

4. Международные экономические связи должны основываться на поливалютной финансовой системе. Этот последний тезис является не столько экономическим, сколько политическим, а возможно и военно-политическим. История демонстрирует, что любые действия, направленные на подрыв мировой долларовой системы, жестко пресекаются США, вплоть до применения военной силы.

5. БРИКС – одна из площадок сетевой дипломатии для обсуждения мировых проблем. Пока не просматриваются перспективы превращения БРИКС ни в военно-политический союз, ни даже в экономическую интеграционную организацию. Сегодня БРИКС – только диалоговый формат. Такая форма сотрудничества, а не институциональное объединение с программой и уставом, имеет определенные преимущества. Диалоговый режим предполагает «свободу действий» и одновременно возможность сотрудничества в случае заинтересованности его участников. [1. С.42]

6. БРИКС выгодно отличается от стран «семерки». БРИКС объединяет страны с различными культурно-цивилизационными, историческими, религиозными и этническими характеристиками. В этом плане БРИКС – качественно новая, уникальная модель полицентрического мира. [2]

При всем цивилизационном разнообразии в БРИКС пока нет исламских или арабских стран, что заметно расширяет свободу маневра этого формирования. Однако нельзя исключать в будущем включение в БРИКС страны с преобладанием мусульманского населения, например, Индонезии. Возможно также присоединение к БРИКС арабской страны. Это даст возможность ослабить радикализацию ислама и опасность его конфронтации с другими цивилизациями.

7. Страны БРИКС символично представляют все континенты, отражая интересы всего развивающегося мира. Но все они расположены вне границ «золотого миллиарда». Однако БРИКС – не другой «лагерь». Это просто другая часть мира, не связанная евроатлантической блоковой дисциплиной. Вместе с тем, нельзя не заметить, что БРИКС, как и ШОС, развивают интеграционные процессы там, где США не присутствуют.

8. При всей нечеткости организационной структуры БРИКС вес этого формирования определяется влиянием и экономическим потенциалом его членов. Китай и Россия являются постоянными членами СБ ООН, эти страны, а также Индия, Бразилия и ЮАР принимают участие в работе «двадцатки». ЮАР играет заметную роль на африканском континенте. Бразилия – несомненный лидер Латинской Америки. Индия и Китай – два полюса Азии, Россия занимает уникальное «евразийское» положение, ее интересы и в Европе, и в Азии.

Доля стран-членов БРИКС в мировом ВВП по паритету покупательной способности составляет около 25%, на них приходится 30% территории, 49% трудоспособного населения планеты, 29% производимой в мире электроэнергии. У стран БРИКС имеются значительные природные ресурсы, в том числе, обеспечивающие факторы выживания: энергоносители, огромные пространства, пригодные для аграрного использования земель, уникальные экологические, в частности, пресноводные резервы, а также «легкие планеты» в Сибири и Амазонии. В случае необходимости экономическая и ресурсная база БРИКС может обеспечить потребности всего человечества.

По прогнозам экспертов, ВВП стран БРИКС превысит ВВП «семерки» к 2032 г. Примерные показатели обгона: ВВП Китая, который уже сейчас является второй экономикой мира, догонит ВВП США к 2027 г., а к 2050 г. – превысит его на 84% [3].

Примерные сроки обгона другими членами БРИКС третьей экономики мира – Японии:

ВВП Индии превысит ВВП Японии к 2031 г., Бразилии – к 2037 г., России – к 2038-2039 гг. [3]

■ Мировая политика

Из этих прогнозов видно, что, примерно, через 15 лет в первую пятерку мировых экономик, вероятно, войдут Индия, Бразилия и Россия.

Однако реальные темпы развития стран БРИКС могут превысить предварительные расчеты. К тому же желательно исходить из того, что при нынешней конъюнктуре объемы ВВП можно считать только по показателям реального производства, не включая данные по сфере услуг. Такой подход усиливает позиции БРИКС, чья экономика основывается преимущественно на производстве, а не на «пузырях» финансовых спекуляций.

На стороне БРИКС и динамика его развития. Ранее «коллективный Запад» представлял около 80% мировой экономики, а сегодня, примерно, 20%.

9. Нарращивание экономических «мускулов» позволит БРИКС провести конкретный разговор о своей роли в глобальном управлении, причем, не только в экономике. Тем более, что трое из пяти стран-членов БРИКС, обладают ядерным оружием.

В США уже высказываются опасения, что в среднесрочном плане БРИКС может представить угрозу американским интересам. Однако пока преобладает тезис о БРИКС как формировании потенциально значимых, но отстающих от Запада стран. Подобное восприятие свойственно и для части российской политической и экономической элиты, для которой традиционно характерен «евроцентризм». Российские «западники» продолжают считать Китай, Индию и Россию нациями с более низким цивилизационным статусом.

Рассуждения о цивилизационном статусе всерьез принимать трудно. Однако очевидно, что в БРИКС входят страны с отставшим от «семерки» уровнем ВВП на душу населения. БРИКС предстоит пройти еще долгий путь, чтобы выиграть экономическое соревнование с «золотым миллиардом».

10. В восприятии БРИКС свою роль играет и отличная от Запада внешнеполитическая линия. Инициатива в мировых делах принадлежит США и НАТО, которые действуют наступательно, а подчас и агрессивно. БРИКС остается пока на втором плане, на периферийном поле внимания общественного мнения.

На данном этапе для внешнеполитической линии БРИКС характерны следующие элементы:

- стремление решать эти стратегические задачи без конфронтации с НАТО, играть «вторым номером», отстаивая свои интересы, но избегая лобовых столкновений;

- заинтересованность в реформировании мировой финансово-экономической системы, установлении справедливых правил торгового обмена, правил доступа к финансовым ресурсам и мировым рынкам. [6. С.12.]

Примечательно, что в части общественного мнения стран БРИКС имеется запрос на превращение этого объединения не только в другой по-

люс политического и экономического влияния, но и в принципиально новую конструкцию будущего мироустройства, свободного от геополитических расчетов и навязывания политических и экономических моделей. Подобные «моральные» ожидания вряд ли скажутся на реальной политике правящих элит стран БРИКС, но они могут способствовать усилению имиджевых позиций этого объединения.

Выше обозначенные факторы в целом способствуют укреплению БРИКС. Однако некоторые из них, например, религиозная специфика, различные уровни экономического развития и связанные с этим разные задачи, предопределяют особые подходы стран-членов к глобальной и региональной проблематике. На прочности БРИКС могут сказаться и нерешенные проблемы в двусторонних отношениях.

Эти факторы, которые условно можно квалифицировать как негативные, не являются непреодолимым барьером для развития БРИКС. Однако они могут сказаться на оценке целей и пределов практической политики его членов.

11. БРИКС пока успешно функционирует в формате диалогового механизма. Однако практические результаты деятельности по становлению организационной структуры и налаживанию взаимодействия внутри и вне этого формирования пока не столь эффективны.

Приобрели регулярный характер встречи на высшем уровне, контакты между министрами иностранных дел и главами других министерств и ведомств. Укрепляются связи по линии муниципалитетов, университетов, гражданских обществ. Функционируют деловые советы и экспертные центры.

Результативно прошло председательство России в БРИКС в 2015 году. Было проведено более 100 мероприятий, в том числе – парламентский, гражданский и академический форумы.

Особое значение имеет продвижение в экономической сфере. На Саммите в Нью-Дели (март 2012 г.) были подписаны Генеральное соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах и Многостороннее соглашение о подтверждении аккредитивов. Эти документы фактически стали первым шагом к повышению роли национальных валют во взаиморасчетах между странами. На этом этапе речь идет в основном о юане, за которым стоит мощная экономика.

Решение о национальных валютах имеет существенное значение. Отказ от традиционных мировых валют пока не просматривается, но в любом случае их позиции во взаиморасчетах внутри БРИКС будут ослабляться.

На саммите в Уфе в 2015 году официально объявлено о создании Нового банка развития и пула резервных валют. На эти два финансовых института выделяется 200 млрд долларов. Это решение имеет принципиальное значение для развития экономического сотрудничества и по другим направлениям. [6. С.13] Обсуждаются

меры по созданию совместной базы данных по сельскому хозяйству стран-членов, обмену технологиями, предоставлению взаимной помощи. В краткосрочном плане намечены перспективы инвестиционных проектов, в частности, в энергетике, спутниковом мониторинге Земли, машиностроении, металлургии, горнодобывающей промышленности, использовании минеральных ресурсов. С учетом нынешней кризисной конъюнктуры инвестиционное взаимодействие представляется наиболее перспективным, в том числе, в рамках предложенной Россией Стратегии экономического сотрудничества [6]. Важно отметить, что во всех сферах деятельности БРИКС, как по внутренним, так и внешнеполитическим вопросам, взята линия на согласование позиций, подчас без обязательного выхода на конкретные обязательства.

В стратегическом плане основной упор делается на реформирование глобальных центров управления, прежде всего мировой финансовой системы. Ставится задача усиления позиций БРИКС в МВФ, включения юаня и, возможно, других валют стран-членов в корзину основных мировых валют. В долгосрочном плане, возможно, будет взята линия на создание альтернативных мировых финансово-экономических институтов. Не исключено, что в этом контексте в качестве первых шагов можно рассматривать создание Нового банка развития и пула резервных валют. Есть все основания предполагать, что БРИКС станет локомотивом усилий развивающихся стран с целью установления новых, более справедливых правил в международных политических и экономических отношениях. [7. С.168.]

Здесь мы подходим к одному важному обстоятельству. Философия и практическая деятельность БРИКС объективно способствует укреплению многополярного мира, а, следовательно, противоречит интересам США и НАТО. В этой связи вероятно усиление информационной войны против БРИКС. Странам-членам БРИКС необходимо координировать свои усилия и на этом направлении. Было бы желательно вести дело к созданию информационного агентства [6. С.13.], которое бы не только разъясняло цели, задачи и повседневную деятельность объединения, но и осуществляло контрпропагандистские функции.

Все эти факторы в целом способствуют укреплению БРИКС. Однако историческая, религиозная и цивилизационная специфика, различные уровни экономического развития, нерешенные проблемы в двусторонних отношениях предопределяют особые подходы стран-членов к глобальной и региональной проблематике. Вполне очевидно, что эффективное взаимодействие в рамках БРИКС наладить будет непросто. У каждой страны есть свои интересы как внутри, так и вне этого объединения.

Позиции стран-членов представляются примерно следующими.

Китай

В Пекине исходят из того, что по абсолютному объему ВВП по паритету покупательской способности китайская экономика уже фактически является первой в мире. В этой связи параметры своего участия в БРИКС рассматриваются Китаем под углом зрения стратегических целей. В отличие от Бразилии, Индии и ЮАР, Китай является членом Совета Безопасности ООН и его политические задачи носят глобальный характер, главная из которых – выход на первые позиции в реконструированном мировом порядке. Статус «главной фабрики», а в перспективе и крупнейшего рынка, включение юаня в число основных резервных валют, позволяют Китаю играть важную роль в определении основных направлений реформы мировой финансово-экономической системы: установление справедливых правил международной торговли и разделения труда с учетом интересов развивающихся стран. Одновременно Пекин будет продвигать собственную концепцию глобального многополярного устройства без американской или евроатлантической гегемонии. Участие в БРИКС рассматривается Китаем через призму глобальной стратегии усиления своих политических и экономических позиций. При этом Китай вряд ли будет форсировать политическую составляющую своей стратегической линии. Скорее всего, Пекин будет предпочитать политику «низкого профиля», оставаясь как бы на вторых ролях, без конфронтации с основными мировыми игроками, прежде всего, США. В расчет берется озабоченность не только Запада, но и ряда азиатских стран, которые исторически опасаются китайской гегемонии. Можно предполагать, что политика «низкого профиля» - временное явление, пока Китай не нарастит военно-политические и экономические мускулы. Нельзя исключать и стремления не повторять негативный опыт СССР и США, бравших на себя дорогостоящее бремя мирового лидерства.

В этой связи Китай, возможно, будет препятствовать превращению БРИКС в политическую организацию и даже в экономический блок с конкретными обязательствами его участников. В рамках своих геополитических целей Китай рассматривает БРИКС лишь как один из механизмов их реализации, наряду с Великим шелковым путем и другими направлениями расширения экономического влияния в мире. Об этом свидетельствуют практика реального сотрудничества со странами-членами формирования, а также китайские инвестиции, которые вкладываются не столько внутри, сколько вне БРИКС.

Это подтверждается и опытом экономического сотрудничества Китая с Россией. При всей благожелательной к нам риторике Китай остается жестким (в отличие от России) переговорщиком, ориентированным только на свои интересы. Китайские финансовые учреждения неохотно идут на кредитование российских

■ Мировая политика

банков и промышленных компаний, которые лишились дешевого финансирования на Западе. Пользуясь тяжелым экономическим положением России, Китай добился выгодных для себя цен на закупки газа по будущим сибирским маршрутам и стремится получить доступ к активам российских предприятий. Но есть и другая сторона этой проблемы. Сама Россия недостаточно активно работает на китайском направлении. Политическое взаимодействие находится на самом высоком уровне, а экономическое сотрудничество тормозится из-за нерасторопности некоторых российских ведомств и соответствующих государственных и частных корпораций.

Индия

Индия – одна из наиболее влиятельных участниц БРИКС. Сегодня вполне очевидно ее позиционирование в качестве не только регионального центра силы, но и глобальной державы. Претензии на ведущие позиции в мире вполне обоснованы. Огромные трудовые ресурсы, высокие темпы экономического развития, в том числе в создании высокотехнологических производств (Индия является мировым поставщиком компьютерного программного обеспечения) в долгосрочной перспективе могут вывести эту страну в тройку наиболее крупных мировых экономик по абсолютным объемам ВВП. Растущий экономический потенциал позволяет Индии проводить независимую внешнюю политику на всех международных площадках. Индия входит в «Группу двадцати», которая становится наиболее влиятельным «клубом» крупнейших экономик, а также в другое мощное формирование – Шанхайскую организацию сотрудничества. Одновременно Дели сохраняет свою лидирующую роль в Движении неприсоединения и в Группе 77, активно работая с развивающимися странами на всех континентах.

Индия рассматривает свое участие в БРИКС, прежде всего, через призму достижения стратегических целей. Главное здесь – добиться избрания в Совет Безопасности ООН в качестве постоянного члена. Решение этой задачи будет непростым делом, особенно в краткосрочном плане. Доступу Индии в СБ ООН будут противодействовать Китай и Пакистан, однако, эта цель остается в числе внешнеполитических приоритетов.

Для понимания подходов Индии к БРИКС желательно учитывать два специфических фактора. Первый связан со сложной проблематикой отношений с Китаем и Пакистаном. Участие Индии в БРИКС может снизить остроту ряда вопросов в этом треугольнике, однако, снять главные проблемы вряд ли удастся. Второй фактор связан с США, которым Дели отводит ведущее место в своих политических и экономических раскладах.

Относительно низкая активность Индии в БРИКС связана, в частности, и с этими двумя факторами. Вместе с тем в стратегическом плане

для политического дискурса Индии характерны те же цели, что и для остальных членов БРИКС: реформирование мировой финансово-экономической системы, которая в общественном мнении воспринимается как «несправедливая». Индия разделяет и другие общие установки БРИКС. В экономическом измерении цели Индии в основном совпадают с задачами развивающихся стран: расширение доступа к источникам финансирования, рынкам сбыта, новым технологиям.

Бразилия

Интерес Бразилии к БРИКС проявился еще до первой встречи министров иностранных дел стран-членов БРИКС (сентябрь 2006 г., Нью-Йорк), давшей старт реальному функционированию этого объединения. В 2003 году был оформлен диалоговый механизм ИБАС между Бразилией, Индией и ЮАР. Бразилию в этом механизме интересовала в первую очередь возможность обсуждения проблематики акваторий Южной Атлантики. Это направление получило логическое завершение в подключении Бразилии к БРИКС.

При анализе подходов Бразилии к БРИКС желательно иметь в виду следующие обстоятельства. В первое десятилетие XXI века Бразилия переживала пассионарный период своей истории. Рекордно быстрыми темпами росла экономика, основанная во многом на реальном производстве и новых технологиях. Сегодня Бразилия располагает всеми необходимыми для самодостаточного развития отраслями промышленности, в том числе, информационно-телекоммуникационными комплексами. С другой стороны, Бразилия входит в число основных мировых производителей сельскохозяйственной продукции и сегодня способна прокормить более одного миллиарда человек.

Огромный природный и ресурсный потенциал и растущий объем промышленного и сельскохозяйственного производства подкрепляют геополитические претензии Бразилии на выход в статус великих держав.

Достижение этой стратегической цели политико-экономическая элита Бразилии видит в многовекторной политике. Главное внимание уделяется интеграционным процессам в Южной Америке, в которых Бразилия играет лидирующую роль. В эти процессы США не пускают, во многом из-за противодействия со стороны Бразилии, которой не нужен сильный конкурент в зоне ее первоочередных интересов. США, разумеется, остаются первоочередным экономическим партнером Бразилии, однако, она сохраняет политическую самостоятельность по принципиальным для нее позициям.

Важным для Бразилии остается и вектор отношений с Европейским союзом, в котором бразильцы видят необходимые источники финансирования и рынки сбыта своей продукции. Существенное значение имеет и другой фактор.

В бразильских элитах есть понимание, что как от США, так и от Европейского союза во многом зависит реализация геополитических расчетов и экономических задач.

С учетом этих факторов связана и определенная сдержанность Бразилии по ряду аспектов проблематики БРИКС. Общие цели этого формирования Бразилия в основном разделяет. Ей импонирует сама философия БРИКС, где на первый план выносятся задачи реформирования системы глобального управления в интересах развивающихся стран. Бразилия воспринимает БРИКС как полезный механизм для достижения своих политических и экономических целей. Однако Бразилия стремится не противопоставлять свое участие в БРИКС отношениям с США и Европейским союзом. Бразилия пытается проводить прагматическую линию на одновременное использование отношений с США, ЕС и БРИКС для избрания в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН, активизации своего участия в «Группе двадцати», выхода в «клуб великих держав».

В экономической проекции в Бразилии не склонны преувеличивать реальные возможности отношений со странами-членами БРИКС. Серьезные перспективы связываются лишь с Китаем, который быстро осваивает рынки Бразилии и других латиноамериканских стран.

Все эти факторы и предопределяют ограничения активности Бразилии в практическом функционировании БРИКС. Она участвует во многих сферах деятельности этого формирования. Однако становится заметным, что первоначальная инициативность Бразилии в БРИКС постепенно снижается. Это связано главным образом с осложнением внутривнутриполитической обстановки в Бразилии, где набирают силу оппозиционные настроения. Нельзя исключать, что в случае смены политического режима в Бразилии ее активность в БРИКС будет резко снижена.

ЮАР

Политическое руководство ЮАР проявляет интерес к участию в различных формированиях развивающихся стран еще с конца XX века. Первым шагом к вступлению в БРИКС стало подключение ЮАР к ИБАС в составе Индии, Бразилии и ЮАР. В Претории БРИКС рассматривается с точки зрения своих стратегических целей: избрание в постоянные члены Совета Безопасности ООН, закрепления лидирующих позиций на африканском континенте. При этом преследуются и другие прагматические задачи, в частности, строительство трансафриканской железной дороги Кейптаун – Каир с привлечением соответствующих инвестиций и технологий.

В политической проекции БРИКС воспринимается как масштабный проект объединения крупнейших экономик развивающихся стран с целью реформирования мировой финансово-экономической системы, которая в общественном мнении ЮАР характеризуется как неспра-

ведливая. В целом для политического дискурса ЮАР, особенно для гражданского общества, характерны антиглобалистские настроения, что стимулирует интерес местной политической элиты к усилению взаимодействия с БРИКС.

Россия

России в целом выгодно участие в БРИКС. Это дает дополнительную, в рамках сетевой дипломатии, площадку для обсуждения проблем мировой экономики и глобального управления, а также международной политики. Обсуждения, а не координации, по крайней мере, на данном этапе. Эта площадка важна и с учетом значительного потенциала стран-участниц. Для России она полезна также под углом зрения ее отношений с НАТО и Евросоюзом. Западу, особенно в условиях мирового экономического кризиса, приходится учитывать фактический разворот России на Восток.

Вместе с тем, подобный разворот, в частности, в сторону более активного подключения к БРИКС, может ограничить свободу маневра России. К тому же в российской элите есть опасения такого рода, что движение на Восток и Юг, усиление сотрудничества с развивающимися странами, ослабит связи с Западной Европой, которая цивилизационно ближе России. [4]

В этом контексте для России целесообразнее развивать сотрудничество одновременно и с Западом и Востоком. Такой линии отвечают и географическое положение России, и ее культурно-цивилизационные особенности. В долгосрочной перспективе такая роль может расширить возможности России для решения главной задачи – модернизации ее экономики. Особых иллюзий в отношении Запада питать не стоит. США и «старая Европа» заинтересованы в сохранении своей ведущей роли в технологических сферах, и делиться с Россией вряд ли станут. В этом плане перспективы технологического сотрудничества со странами БРИКС более реальны, хотя и здесь есть свои сложности.

БРИКС может представить интерес для России в таких сферах, как энергетика, сельское хозяйство, биотехника, фармацевтика и другие. Сотрудничество в этих областях важно и с учетом значительных инвестиционных возможностей БРИКС. Расчеты России на получение крупных инвестиций в качестве компенсации за разрушение СССР и Варшавского блока не оправдались. Демонтаж планового хозяйства, подключение к мировой экономике, переход к демократии – все это Западом принято, но без ответных шагов. Напротив, огромные инвестиции Западом последние десятилетия направлялись не в «демократическую» Россию, а в «авторитарный» Китай с правящей компартией и «ущемлением прав человека».

Отдельно следует остановиться на подходах России к сотрудничеству с Китаем. Есть разговоры о том, что сближение с Китаем может снизить статус России до уровня младшего партнера Ки-

■ Мировая политика

тая [8]. Подобные настроения представляются неосновательными. Совершенно очевидно, что работать с Китаем будет непросто. При всей благожелательной к нам риторике Китай остается жестким (в отличие от России) переговорщиком, ориентированным в основном на свои интересы. Китайские финансовые учреждения неохотно идут на кредитование российских банков, которые лишились дешевого финансирования на Западе. Пользуясь тяжелым экономическим положением России, Китай добился выгодных для себя цен на закупки газа по будущим сибирским маршрутам и стремится получить доступ к активам российских предприятий. В целом Китай использует БРИКС, как и ШОС, прежде всего, в своих интересах и России следует это учитывать при планировании параметров участия в этих объединениях.

Вместе с тем, другой альтернативы у России нет. Западное направление остается важным во всех сферах, но политической воли к реальному сотрудничеству с Россией в Вашингтоне и Брюсселе сейчас нет. А в Пекине есть заинтересованность в сотрудничестве с Россией, в том числе, и в целях использования евразийского пространства для продвижения на рынки Европейского союза.

Все эти факторы предопределяют необходимость активизации российской политики в БРИКС. Сейчас это один из самых статусных клубов, уступающий только СБ ООН и «двадцатке». Однако действовать в БРИКС следует осмотрительно, не допуская «идеологических» или конъюнктурных перекосов и отхода от многовекторной политики.

С учетом осложнения международной обстановки Россия продвигает линию на организационное оформление БРИКС. На первом этапе предусматривается создание виртуального секретариата, а в последующем и постоянно-го секретариата с штаб-квартирой в одной из стран-членов. В стратегическом плане интересам России, возможно, отвечала бы более тесная интеграция в рамках БРИКС вплоть до создания военно-политического блока с собственной военной структурой. Подчеркнем, что этот тезис не отражает нынешнюю философию БРИКС,

однако, в будущем международная ситуация может поставить этот вопрос в практическую плоскость. При этом следует исходить из следующего. Пока БРИКС не представляет прямой угрозы американским интересам. Однако если деятельность этого объединения начнет реально затрагивать мировую долларовую систему, то США будут жестко пресекать подобные попытки, вплоть до применения военной силы.

О расширении БРИКС

Сейчас выстроилась очередь на вступление в него новых членов. На этот счет есть разные точки зрения. Одни считают, что расширение БРИКС приведет к размыву и без того неясных очертаний этого формирования, его философии и целей. При этом ссылаются на негативный опыт Евросоюза, форсировавшего прием в него стран Восточной Европы из-за геополитических расчетов «освоения» постсоветского пространства. Другие полагают, что подключение новых государств, в частности, Мексики, Индонезии, Турции, возможно даже Южной Кореи, усилит влияние БРИКС в мире, расширит масштабы взаимодействия в рамках «двадцатки» и ООН.

В последнее время просматривается рост интереса к БРИКС со стороны Западной Европы. Не исключено, что в будущем этот интерес может материализоваться в попытках координации позиций с БРИКС по отдельным направлениям. Это может помочь Западной Европе ослабить политическую и экономическую зависимость от США.

Пока БРИКС удастся избежать конфронтации с Западом и противопоставления «Севера» «Югу». Однако многое будет зависеть от обострения кризисов глобальной экономики и борьбы за природные ресурсы. Пока же философия БРИКС и его практическая политика затрудняют прогнозы о его роли в будущих геополитических раскладах.

В целом представляется, что процесс самоопределения БРИКС еще не завершен. Дальнейшие перспективы будут зависеть от готовности к реальному сотрудничеству как внутри, так и вне этого объединения.

Список литературы

1. БРИК как новая форма многовекторной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С.38-64.
2. Виноградов А.В. Диалоговый формат БРИКС и его роль в становлении многополярного мира // Сб. статей под редакцией В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. С. 47-52.
3. Давыдов В.М. Перспективы БРИКС и некоторые вопросы формирования многополярного мира. Материалы доклада на общем собрании Отделения общественных наук РАН 2 апреля 2008 года // ИЛА РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ilaran.ru/?n=495> (дата обращения: 08.02.2016)
4. Михайлов Н.Н. Страны БРИКС и межкультурный диалог // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. С.409-428.
5. Тезисы о внешней политике России (2012-2018 гг). М.: Спец книга, 2012. 32 с. // РСМД [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy\(1\).pdf](http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy(1).pdf) (дата обращения: 08.02.2016)

6. Толовая Г.Д. Россия и БРИКС. Перспективы и возможности / Г.Д. Толорая // Стратегия России. 2015. № 5. С.8-14.
7. Трифонов В.И. Взаимодействие стран БРИКС в международных структурах // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты: сб. статей / под ред. В.А. Никонова, Г.Д. Толорая. М.: РУДН, 2013. С.166-171.
8. Уянаев С.В. Сотрудничество в формате БРИКС в контексте основных тенденций современного мира // Китай в мировой и региональной политике: История и современность. М., 2011. Вып.16. С.44-74.

Об авторе

Астахов Евгений Михайлович – к.и.н., профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России, чрезвычайный и полномочный посол. E-mail: elastakhova@yandex.ru.

THE PLACE OF BRICS IN WORLD POLITICS

E.M. Astakhov

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *The unilateral model of international relations is not capable to execute global governance. The existing financial institutes serve only the interests of few highly developed countries. This situation does not satisfy developing countries. The latter put forward new approaches to the important task of reforming the world order system.*

BRICS countries will contribute to the elaboration of a new economic system based on equal to financial sources and trade markets. BRICS countries have the sufficient potential to become a new pole of political and economic influence free from geopolitical calculation and the temptation to impose their social models and political standards.

Russia sees in BRICS an important place to discuss problems of international politics and world economy. At the same time Russia is interested in a dynamic economic cooperation with members of the group.

Taking into consideration the current international situation, Russia will help to strengthen the political and economic position of BRICS. At the same time it is desirable to maintain a prudent policy of cooperation in both directions with East and with West.

Key words: BRICS, global governance, alternative institutions, pole of influence, geopolitical interests.

References

1. BRIK kak novaja forma mnogovektornoj diplomatii [BRIC as a new form of multi-vector diplomacy]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2010, no. 1, pp. 38-64. (In Russian)
2. Vinogradov A.V. Dialogovyy format BRIKS i ego rol' v stanovlenii mnogopoljarnogo mira [The interactive format of BRICS and its role in the formation of a multipolar world]. Ed. by V.A. Nikonov, G.D. Toloraja. Moscow, RUDN Publ., 2013. Pp.47-52. (In Russian)
3. Davydov V.M. Perspektivy BRIKS i nekotorye voprosy formirovaniia mnogopoliarnogo mira. Materialy doklada na obshchem sobranii Otdeleniia obshchestvennykh nauk RAN 2 apreliia 2008 goda. [Prospects for BRICS and some questions of the formation of a multipolar world. Content of the report at the general meeting of the Division of Social Sciences April 2, 2008]. ILA RAN. Available at: <http://www.ilaran.ru/?n=495> (Accessed: 08.02.2016) (In Russian)
4. Mihajlov N.N. Strany BRIKS i mezhcivilizacionnyj dialog [BRICS countries and inter-civilization dialogue]. Strategija Rossii v BRIKS: celi i instrument [Russian BRICS strategy: objectives and instruments]. Ed. by V.A. Nikonov, G.D. Toloraja. Moscow, RUDN Publ, 2013. Pp. 409-428. (In Russian)
5. Tezisy o vneshnej politike Rossii (2012-2018 gg) [Abstracts of Russia's foreign policy (2012-2018)]. Moscow, Spets kniga Publ., 2012. 32 p. Available at: [http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy\(1\).pdf](http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_foreign_policy(1).pdf) (Accessed: 08.02.2016) (In Russian)
6. Tolovaia G.D. Rossiia i BRIKS. Perspektivy i vozmozhnosti [Russia and the BRICS. Prospects and Opportunities]. Strategiiia Rossii, 2015, no. 5, pp. 8-14. (In Russian)

■ **Мировая политика**

7. Trifonov V.I. Vzaimodejstvie stran BRIKS v mezhdunarodnyh strukturah [Interaction of the BRICS countries in international structures]. Strategija Rossii v BRIKS: celi i instrument [Russian BRICS strategy: objectives and instruments]. Ed. by V.A. Nikonov, G.D. Toloraja. Moscow, RUDN Publ., 2013. Pp.166-171. (In Russian)
8. Ujanaev S.V. Sotrudnichestvo v formate BRIKS v kontekste osnovnyh tendencij sovremennogo mira [Co-operation in the BRICS format in the context of the major trends of the modern world]. Kitaj v mirovoj i regional'noj politike: Istorija i sovremennost' [China in world and regional politics: history and modernity]. Moscow, 2011, iss.16, pp.44-74. (In Russian)

About the author

Evgueni M. Astakhov – PhD in Historical Sciences, professor at the Department for Diplomatic Studies, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Ambassador extraordinary and plenipotentiary.
E-mail: elastakhova@yandex.ru.

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ЕЁ РЕФОРМИРОВАНИЕ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Г.А. Борщевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119606, Москва, пр-т Вернадского, 84.

В статье проведён анализ процессов развития государственной службы в России, Белоруссии и Казахстане с целью определить, в какой из стран эти процессы идут успешнее и что этому способствует. Актуальность статьи обусловлена тем, что при планировании управленческих реформ уделяется недостаточно внимания практике государственного управления в постсоветских странах. Это представляется неверным ввиду их территориальной, исторической и ментальной близости к России, сходному кругу проблем и сопоставимости уровней экономического развития.

В ходе исследования изучены правовые основы государственной службы анализируемых стран и выявлены пределы их сопоставимости. Проверена гипотеза о наличии связей между динамикой развития национальных систем государственной службы и трендами социально-экономического развития каждой из анализируемых стран. Указанные тенденции определены с использованием факторного анализа и метода главных компонент на временном горизонте с 2000 по 2014 гг.

Сравнительный уровень эффективности реформирования государственной службы предложено оценивать через сочетание двух параметров: 1) возрастание значений индексов внутреннего развития государственной службы и индексов социально-экономического развития государства, 2) наличие тесной статистической связи между обоими индексами. Сделан вывод о том, что оптимальное сочетание обоих оцениваемых параметров наблюдается в Казахстане.

Выявлены «точки роста» казахстанской модели государственной службы, в качестве которых видятся: наличие органа, осуществляющего централизованное управление государственной службой; применение программно-целевых методов; институционализация этического регулирования государственной службы и проведение кадровой политики в рамках всей системы управления.

Доказано, что в реформировании государственной службы на евразийском пространстве имеются общие тенденции, и это способствует углублению интеграционных процессов. Полученные результаты указывают на целесообразность более внимательного изучения опыта реформирования государственной службы в странах евразийского пространства в целях использования передового опыта этих государств, приемлемого для нашей страны.

Ключевые слова: государственная служба, реформирование, кадры, органы государственного управления, интеграция, евразийское пространство.

К настоящему времени в результате активной внешней политики Российской Федерации удалось выстроить систему жизнеспособных экономических, политических и военных альянсов на евразийском пространстве. Данная система не в последнюю очередь способствует успешному преодолению санкций и повышению стабильности нашей страны. Партнёры России заинтересованы в укреплении сотрудничества с ней, так как это создаёт альтернативу однополярному миру и формирует новый баланс сил.

Не секрет, что наиболее динамично евразийское сотрудничество развивается на постсоветском пространстве, в первую очередь, между Россией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан (далее также РФ, РБ и РК). Названные страны движутся по пути интеграции в единый политико-экономический блок. Ещё в 2000 г. образовано Союзное государство России и Белоруссии. В 2001 г. Россия, Казахстан и Беларусь, наряду с Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном, объединились в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). В 2010 г. создан Таможенный союз (ТС) в составе России, Казахстана и Белоруссии, к которому с 2014 г. присоединилась Армения, а с 2015 г. – Киргизия. В конце 2011 г. создан наднациональный орган трёх стран — Евразийская экономическая комиссия. В 2012 г. вступил в силу договор о Едином экономическом пространстве (ЕЭП). Наконец, с 2015 г. начали действовать Евразийский экономический союз и Зона свободной торговли.

Россия, Белоруссия и Казахстан выступают основными носителями интеграционного потенциала, будучи наиболее развитыми и экономически самостоятельными государствами региона, которые, в отличие от других бывших советских республик, не спешат войти в орбиту центров силы, будь то западных или азиатских. Названные страны укрепляют производственные и торговые связи, унаследованные от СССР.

На фоне кризисных явлений в мире описанный интеграционный потенциал только усиливается. Вместе с тем, основное внимание экспертов привлекают финансово-экономические и внешнеполитические аспекты сотрудничества, в то время как возможности интеграции в иных областях остаются, на наш взгляд, мало исследованными.

Административная сфера представляет собой важный элемент, обеспечивающий эффективность современного государства. Функционирование института государственной службы как центрального звена в подготовке и исполнении государственных решений – это немаловажный фактор достижения целей государственной политики. В настоящее время подготавливается новый этап реформирования отечественной системы государственной службы. Разрабатывается соответствующий программно-целевой инструментарий, намечено очередное (второе за

последние пять лет) массовое сокращение численности государственных служащих.

Эксперты формулируют вектор реформы, традиционно ориентируясь на опыт передовых стран Запада, при этом уделяя недостаточное внимание практике государственного управления в близких нам странах, в частности, в Белоруссии и Казахстане. Между тем, опыт этих стран чрезвычайно важен ввиду их территориальной, исторической и ментальной близости к России, сходному кругу проблем и сопоставимому уровню экономического развития. Указанные страны имеют сходные системы законодательства, а также доступные для исследования русскоязычные правовые и статистические ресурсы, что открывает широкие возможности для сопоставительных исследований.

В настоящей работе предпринят анализ процессов развития государственной службы в России, Белоруссии и Казахстане с целью определить, в какой из стран эти процессы идут успешнее и что этому способствует. Ответ на эти вопросы позволит планировать реформирование государственной службы с опорой на лучшую практику стран евразийского пространства.

Теоретические предпосылки исследования

В последние годы в мире наблюдается кризис идей, связанных с теоретическим осмыслением проблем государственного управления. Начиная с 1970-х гг., приоритеты реформ в данной сфере задавала концепция, известная как «новое государственное управление». Её центральными элементами были сближение параметров управления в государственном и в коммерческом секторах, ориентация на оказание услуг и внедрение количественно измеримых показателей эффективности.

В русле данной концепции был реализован ряд радикальных менеджеристских реформ в англосаксонских странах, а впоследствии и в государствах «новой Европы». Как указывают Барабашев и Штраусман, в России эти реформы проводились без учёта особенностей национальной административной модели и в целом носили характер поверхностных заимствований [8, с. 380].

Эксперты (в частности, Л.В. Сморгун) констатируют, что концепция «нового государственного управления» лишь предлагает набор технологий, не будучи целостной идеологией развития государственного аппарата [5, с. 10]. Реализация этой концепции может быть успешной лишь в случае опоры на ценностный базис конкретной страны и органичного встраивания в функционирующую систему государственного управления.

Ряд авторов указывают на потенциал концепции Governance, или Good Governance (хорошее государственное управление). Б.Г. Питерс связывает данную концепцию с определёнными политическими ценностями (сотрудничество граждан и власти, верховенство права, подот-

чётность власти обществу и др.), в соответствии с которыми должно осуществляться современное государственное управление [16, с. 18–20]. Эти ценности значимы, но сами по себе они не являются инструментами для построения эффективного государственного управления. В политических реалиях переходных обществ, существующих на постсоветском пространстве, данная концепция выглядит абстрактной и труднодостижимой.

Таким образом, современная управленческая наука не имеет магистральной теории реформирования государственного аппарата, и на практике правительства ориентируются, главным образом, на уже известный опыт.

Накопленный опыт каждой страны нуждается в обобщении и критическом изучении. Однако среди работ, посвященных реформированию государственной службы, преобладают исследования, основанные на материалах какого-либо одного ведомства, причём на временном горизонте, не превышающем 3–5 лет. Проведению более широкого анализа препятствуют следующие факторы:

1) проблема методологии (трудность разработки корректной методики ввиду неявной связи между деятельностью органа управления и получаемым общественно-экономическим эффектом);

2) проблема информационной базы (ограниченность и/или несопоставимость данных).

Для получения более универсальных результатов необходимо учитывать, что изменения в системе государственного управления происходят медленно, и эффект от реформирования зачастую виден лишь спустя годы [17, с. 210].

Хотя оценка реформирования государственной службы не является разработанным научным направлением, международная практика даёт возможность выделить ряд аспектов, методологически важных для исследования данного вопроса.

– Принципиальная возможность сравнения эффективности систем управления в межстрановом и межотраслевом разрезах [9].

– Целесообразность измерения эффективности государственного аппарата с использованием показателей внутренней результативности и внешнего социально-экономического эффекта [15].

– Фокус на построении количественных моделей эффективности, основанных на эмпирических данных [10].

Операционализация понятия эффективности применительно к реформированию государственной службы затруднена необходимостью соотнесения результатов деятельности органов управления с неоднозначным общественным эффектом. Если в коммерческом секторе эффективность измеряется полученной прибылью, то в государственном управлении, по справедливому утверждению О.В. Гаман-Голутвиной, подобный универсальный показатель отсутствует, и ре-

зультативность трудно поддаётся измерению [4, с. 118]. Свои ограничения накладывает эффект запаздывания результата от управленческих воздействий, проблема валидности используемых количественных показателей и моделей оценки. Ряд экспертов (И.В. Быков, М.Г. Решетников) полагают целесообразным измерять эффективность управления уровнем общественной удовлетворённости. Однако справедливо и то, что результаты таких опросов в значительной степени субъективны.

В любом случае, эффективность государственного управления и государственной службы не является чисто экономической категорией и при её оценке важно учитывать показатели общественного развития. Функция современного государственного аппарата состоит в обеспечении согласованного взаимодействия общественных институтов и повышении качества жизни граждан [14, с. 81–82]. Данные предпосылки учтены в настоящем исследовании.

Методология исследования

Методика оценки динамики развития систем государственной службы в изучаемых странах строится на сборе и анализе количественных данных, характеризующих этот процесс. Для повышения объективности результатов не используются показатели, полученные опросным путём, в частности, известные международные индексы GRICS Всемирного банка.

Эмпирическую базу исследования образуют данные официальных статистических наблюдений анализируемых стран и международных организаций. Необходимость подбора единых по содержанию показателей в разных системах национальной статистики требует единства используемой терминологии. Эта задача решается на первом этапе исследования.

Исходя из авторской гипотезы, процессы должны быть рассмотрены в динамике, поэтому данные собраны за относительно продолжительный промежуток времени с 2000 по 2014 г.

Используются две группы показателей. Показатели первой группы характеризуют внутреннюю результативность государственной службы. В качестве таковых используются следующие показатели:

– общая численность государственных служащих в стране, в понимании государственных служащих, общем для всех трёх стран (тыс. человек);

– средний возраст государственных служащих (лет);

– средний стаж лиц, замещающих должности государственной службы (лет);

– доля лиц с высшим образованием среди государственных служащих (%).

Значения показателей определяются для каждой страны в каждом анализируемом году. Указанные показатели характеризуют внутренние процессы в кадровом составе государственной службы. Их целенаправленное изменение

■ Мировая политика

составляет предмет кадровой политики и управления государственной службой.

Уменьшение общей численности аппарата и снижение среднего возраста государственных служащих рассматривается как положительная тенденция. Для остальных показателей положительно оценивается их рост.

Ясно, что четырьмя социально-демографическими показателями многоаспектное функционирование государственной службы не исчерпывается. Однако требование полноты и сопоставимости данных обуславливает выбор лишь наиболее распространённых показателей, данные о которых присутствуют для всех стран за все анализируемые годы. Привлечение в дальнейшем более широкого спектра показателей будет способствовать получению более точных и специфичных результатов. На данном этапе речь идёт об апробации принципиальной возможности комплексных межстрановых сопоставлений, примеры которых ранее отсутствовали в отечественных источниках.

Вторая группа показателей характеризует внешний социально-экономический эффект от деятельности системы государственного управления. Здесь также использованы лишь обобщающие показатели:

- общая численность населения страны по итогам года (млн человек);
- среднедушевой размер ВВП (долл. США);
- численность работников, занятых в национальной экономике (млн человек);
- индекс развития человеческого потенциала (ИЧП).

При подборе перечисленных показателей учитывались те же принципы и ограничения, что и для показателей первой группы. Динамика данных показателей, на наш взгляд, характеризует общий тренд социально-экономического развития страны.

Динамика численности населения указывает на результативность демографической и миграционной политики государства, развитие здравоохранения, наличие или отсутствие вооружённых конфликтов.

Динамика численности занятых характеризует состояние национальной экономики и политику государства в сфере занятости.

Среднедушевой ВВП характеризует успех экономической, а ИЧП – социальной политики страны. Источником двух последних показателей являются международные базы данных, формируемые, соответственно, Всемирным банком и ПРООН.

Сбор показателей первой и второй группы завершается построением индексов по каждой группе с применением метода главных компонент. Данный метод позволяет уменьшить размерность данных с сохранением полноты исходной информации. Существует практика применения данного метода для исследования нелинейных процессов, как политических и социально-экономических, так и административных.

Метод позволяет представить тренды по каждой группе показателей в общей двухмерной шкале координат, чтобы выявить направление происходящих изменений.

Для определения тесноты статистической связи между индексами по обеим группам показателей рассчитывается среднее квадратическое отклонение.

Задача установить наличие причинно-следственных связей между процессами в системе государственной службы и в социально-экономической сфере не ставится, так как метод главных компонент не даёт ответа на этот вопрос, а применение регрессионно-корреляционного анализа затруднено ограниченностью объёма выборки.

Вместе с тем, полученные результаты характеризуют наличие связей между динамикой развития национальных систем государственной службы и трендами социально-экономического развития каждой из анализируемых стран.

Третья задача исследования, напомним, состоит в выявлении «точек роста». В рамках настоящей работы национальная модель, в которой будут наблюдаться, во-первых, возрастание значений обоих индексов и, во-вторых, более тесная, чем в других странах, статистическая связь между индексами, будет считаться наиболее эффективной. Сделать такой вывод позволит совпадение повышательной динамики значений показателей внутренней результативности и внешнего социально-экономического эффекта.

По итогам визуализации результатов будут сформулированы предположения о факторах, способствовавших большей эффективности одной национальной модели государственной службы по сравнению с другими и о возможности экстраполяции этой практики на системы других стран.

Сопоставление систем государственной службы России, Белоруссии и Казахстана

Цель настоящего раздела состоит в сравнении правовых рамок государственной службы в России, Белоруссии и Казахстане. Сначала остановимся на различиях, потом определим сходства и сделаем вывод о принципиальной возможности соотнесения национальных моделей государственной службы.

Корни государственной службы во всех постсоветских странах восходят к общей модели, существовавшей в СССР. Со времени обретения независимости каждое государство строит собственную модель, и к настоящему времени между ними имеются существенные различия. Одни страны пошли по пути широких заимствований западного опыта, другие придерживались более консервативного подхода к проведению управленческих реформ.

Действующий в России подход к пониманию государственной службы сложился к середине 2000-х гг. В соответствии с ним, под государственной службой понимается деятельность

по обеспечению исполнения полномочий государственных органов и лиц, замещающих государственные (политические) должности [1]. Последние (должности депутатов, министров, судей) не относятся к государственной службе.

Круг государственных служащих ограничен штатными работниками органов власти, должности которых внесены в особый реестр. Работники бюджетных учреждений (врачи, учителя) не относятся к государственным служащим. Функции государственных служащих сведены к обеспечению исполнения (не к исполнению!) государственных полномочий. В этом видится одна из причин той безответственности, в которой общество часто обвиняет чиновников.

Выделяются несколько видов государственной службы: гражданская, военная и иных видов. Гражданская служба может быть федеральной и региональной. Гражданская служба субъектов РФ регулируется федеральным и региональным законодательством. Кроме того, предусмотрена служба в органах местного самоуправления – муниципальная служба. Принципы её регулирования похожи на гражданскую службу, но при этом муниципальная служба не является государственной, а составляет особый вид службы.

Таким образом, Россия как федеративное государство имеет сложную многоуровневую систему государственной службы, правовое регулирование которой существенно отличается от иных видов трудовой деятельности.

В *Казахстане* республиканский закон 1999 г. определил государственную службу как деятельность, связанную с осуществлением должностных полномочий, не обязательно предполагающих властный характер.

Казахстан – унитарное государство, поэтому государственная служба регулируется только на общегосударственном уровне. Должности государственной службы подразделяются в зависимости от подчиненности государственного органа, начиная от органов в ведении Президента РК, а также региональных органов (акиматы) и кончая органами управления населённых пунктов (маслихаты) [2]. Должности государственной службы, кроме того, разделены на политические и административные. С 2011 г. административные должности подразделяются на руководящие и исполнительские.

Кроме того, в *Казахстане* существуют специальная служба (депутаты, судьи) и гражданская служба (учителя, врачи). На эти должности не распространяется действие законодательства о государственной службе.

Таким образом, границы государственной службы в *Казахстане* шире, чем в России. Законодательство о государственной службе распространяется на весь аппарат управления, за исключением должностей специальной службы.

В *Республике Беларусь* законом 2003 г. установлено, что государственная служба предусмотрена в органах законодательной, исполнительной, судебной власти, в органах,

обеспечивающих деятельность Президента, в органах контроля, организации выборов, в министерствах и ведомствах, их территориальных органах, органах местного управления, в прокуратуре, таможне, нотариате и в дипломатическом корпусе [3].

Государственные служащие по объёму полномочий классифицируются на должностных лиц, административных, функциональных и обслуживающих работников. Отдельно выделяется понятие «руководящие кадры», унаследованное от советской модели государственной службы. Для данной категории существует особый правовой режим, установленный указом президента «О работе с руководящими кадрами в системе государственных органов и иных государственных организаций» от 2004 г.

Законодательство Белоруссии о государственной службе носит фрагментарный характер. Каждый вид службы регулируется отдельным законом, что вызывает критику со стороны ряда экспертов [7, с. 11–14].

Несмотря на выявленные различия, общая история и сходные проблемы развития обуславливают значительное сходство в практике и механизмах государственного управления анализируемых стран. Это сходство проявляет себя вне зависимости от различий в теоретических подходах, которых придерживаются инициаторы реформ. Как указывает Кочегура, любые попытки насадить в постсоветских странах элементы «нового государственного управления» или концепции Governance реализуются лишь в той мере, в которой они не противоречат существующим традициям государственной службы [12].

В таблице 1 представлены результаты сопоставления национальных моделей государственной службы по ряду общих оснований.

Видно, что различия между анализируемыми системами проявляются, главным образом, в определении границ государственной службы. В России практикуется более узкое, чем в *Казахстане* и *Беларуси*, понимание государственной службы. В отличие от России, в РБ и РК вследствие их государственного устройства региональная и муниципальная служба рассматриваются как часть государственной службы.

Наряду с этими различиями, во всех странах государственная служба понимается в основном как синоним гражданской службы, а военная и правоохранительная служба регулируется отдельными законами. Во всех странах выработался совпадающий набор кадровых инструментов и технологий.

Таким образом, сопоставление процессов, происходящих в национальных системах государственной службы возможно, но с определёнными ограничениями.

Для того, чтобы анализировать круг работников, сходный по составу и функциям, в Белоруссии и *Казахстане* следует выявить количественные характеристики аппарата государственной службы в понимании их национальных

Таблица 1.

Сравнение моделей государственной службы России, Белоруссии и Казахстана

Параметр сравнения	Россия	Белоруссия	Казахстан
Определение государственной службы	профессиональная служебная деятельность граждан РФ по обеспечению исполнения полномочий РФ, субъектов РФ; государственных органов РФ и субъектов РФ; лиц, замещающих государственные должности	профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и/или обеспечения выполнения функций государственных органов	деятельность государственных служащих в государственных органах по исполнению должностных полномочий, направленная на реализацию задач и функций государственной власти
Круг государственных служащих	Штатные работники аппаратов органов законодательной, исполнительной и судебной власти РФ и субъектов РФ, иных государственных органов (кроме военнослужащих и лиц, имеющих специальные звания)	Руководители и штатные работники государственных органов управления республики, их территориальных подразделений, органов управления областей, районов, населённых пунктов	Руководители и штатные работники аппаратов органов законодательной, исполнительной, судебной власти, органов контроля, таможни, нотариата, иных органов на общегосударственном и местном уровне
Классификация должностей	4 группы, 5 категорий, 15 классных чинов	Высший класс и 12 административных классов	Политические и административные, всего 7 категорий
Форма договора	Служебный контракт	Контракт	Трудовой договор
Форма оплаты	Денежное содержание	Заработная плата	Заработная плата
Конкурс	Есть	Есть	Есть
Аттестация			
Стажировка			
Предотвращение и урегулирование конфликта интересов			
Испытание			
Кадровый резерв			
Декларирование доходов и имущества			
Присяга	Нет	Есть	Есть
Муниципальная служба	Есть	Нет	Нет
Орган управления	Нет	Нет	Есть
Квалификационный экзамен	Есть	Нет	Нет
Этический кодекс	Есть	Нет	Есть
Ротация	Есть	Нет	Есть

Источник: составлено автором по материалам [1], [2], [3].

законодательств. В России получить аналогичные данные можно, используя показатели для федеральной гражданской, региональной и муниципальной службы (без учёта персонала по охране и обслуживанию зданий). Такие данные имеются в официальной статистике, и их использование позволит осуществить корректные межстрановые сопоставления.

Интерпретация результатов исследования

Собранные значения показателей первой группы позволяют проанализировать тенденции внутреннего развития национальных систем государственной службы.

Абсолютная численность государственных служащих в Казахстане за период 2000–2014 гг. увеличилась на 34% с 70,6 тыс. до 94,3 тыс. человек. При этом максимальная численность наблюдалась в 2009 г. (почти 97 тыс.). В Белоруссии численность аппарата государственной службы демонстрировала рост с 50 до 56,7 тыс. чел. в 2000–2009 гг., после чего снизилась до 49 тыс. человек. В России максимальная численность государственных гражданских и муниципальных служащих (1221 тыс. чел.) также была достигнута в 2009 г. К 2014 г. этот показатель увеличился на 30% по сравнению с 2000 г. (824, 1 тыс.) до 1069 тыс. человек. Видно, что динамика во всех стра-

нах сходная: рост численности с 2000 по 2009 г. и некоторое снижение к 2014 г. [6].

Сами по себе рост или снижение численности аппарата государственной службы не свидетельствуют об эффективности. Косвенно её может характеризовать соотношение численности государственных служащих с численностью населения страны и численностью занятых в экономике.

Доля государственных служащих в общей численности населения и среди занятых в России в среднем выше, чем в других анализируемых странах. Это говорит об относительно более высокой бюрократизации российского общества (численность государственных служащих прирастает быстрее, чем численность населения и занятых). Казахстан, напротив, демонстрирует самую низкую долю работников аппарата управления. Показатели Белоруссии ближе к казахстанским, чем к российским. Ни в одной из стран за 14 лет доля государственных служащих среди населения не достигала 1%, а среди занятых – 2%. Значения менялись мало, что свидетельствует об устойчивости тенденций.

Рост численности аппарата может объясняться объективными факторами, такими как появление новых государственных функций, поэтому описанные тенденции нельзя рассматривать в отрыве от динамики других показателей.

Средний возраст государственных служащих в Казахстане повысился за 14 лет с 38 до 39 лет; в Белоруссии отмечена та же тенденция. В России в начале 2000-х гг. средний возраст чиновников составлял 40 лет, но к 2014 г. вернулся к уровню 39 лет. В России и Белоруссии средний возраст государственных служащих несколько ниже, чем средний возраст работников в целом по экономике, а в Казахстане, напротив, несколько выше.

Доля молодёжи до 30 лет на государственной службе в России (27% в 2014 г.) выше, чем в Казахстане (25%) и Белоруссии (16%). Доля работников старших возрастов (50–59 лет) в России ниже (19%), а в Белоруссии в среднем выше (24%), чем в Казахстане (20%).

Средний стаж государственной службы увеличился в Казахстане с 9 до 10,5 лет, в Белоруссии – с 10 до 15 лет и в России с 5 до 10 лет. Обращает на себя внимание, что в России доля работников со стажем службы свыше 20 лет незначительна, в отличие от Казахстана и, особенно, от Белоруссии, где таковых около 40%. Обновление кадрового состава в нашей стране идёт быстрее, а в Белоруссии наблюдаются застойные явления.

Доля лиц с высшим образованием среди государственных служащих выросла в Казахстане с 50 до 89,7%, в Белоруссии – с 60 до 93%, в России – с 66 до 92%. Эта тенденция соответствует общему тренду в экономике. Однако во всех странах доля лиц с высшим образованием среди государственных служащих существенно выше, чем соответствующий показатель по экономи-

ке в целом (например, в России соответственно 92,3% и 24%). Это свидетельствует об опережающем росте требований к профессиональному уровню кадров государственной службы.

Рассмотрение динамики показателей внутреннего развития государственной службы указывает на положительные тенденции, проявившиеся особенно за последние пять лет. Тренды в анализируемых странах по этим показателям различны по масштабу, но совпадают по своему вектору: наблюдается ограничение бюрократизации, омоложение кадрового состава и постепенная профессионализация государственной службы. При этом, как указывалось ранее, показатели внутреннего развития не позволяют судить об эффективности реформирования государственной службы. Эти тенденции следует рассматривать на фоне социально-экономического развития стран.

Численность населения в Казахстане в 2000–2014 гг. увеличилась на 15% в связи с высокой рождаемостью и сокращением смертности. В Белоруссии, напротив, наблюдается депопуляция: население сократилось на 5%. В России происходило сокращение населения в 2000–2009 гг., после чего наметился рост, вызванный отчасти внешним миграционным притоком. В целом за 14 лет население РФ сократилось на 2%.

Рынок труда Казахстана неуклонно расширялся, вследствие чего численность занятых в 2000–2014 гг. увеличилась на 41%. В Белоруссии численность работников сокращалась до 2005 г., а в целом за 14 лет выросла на 1,7%. В России численность занятых возрастала до 2008 г., в 2009–2010 гг. снижалась и далее снова росла. В итоге за 14 лет этот показатель увеличился на 9,3%.

Среднедушевой ВВП в Казахстане и Белоруссии увеличился в анализируемый период в 3,1 раза, а в России – в 3,7 раза. По ИЧП все рассматриваемые страны входят в группу государств с высоким качеством жизни, занимая в мировом рейтинге 2014 г., соответственно, 53-е (Белоруссия), 57-е (Россия) и 70-е (Казахстан) места. В относительных значениях ИЧР в Казахстане за 14 лет увеличился на 12%, в Белоруссии на 17%, в России на 6% [11].

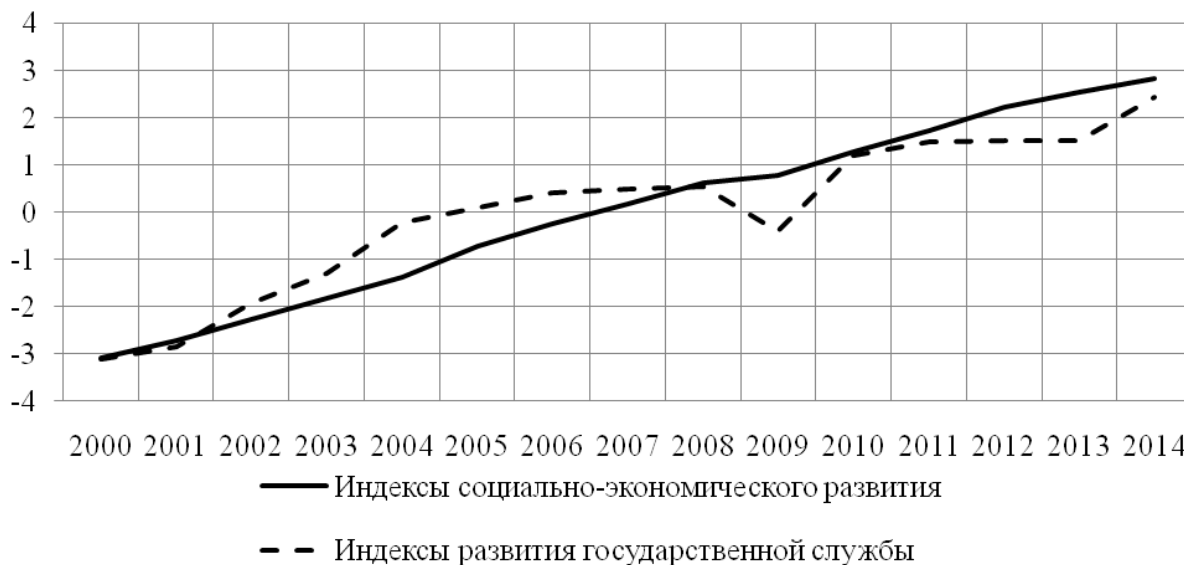
Видно, что динамика проанализированных показателей социально-экономического развития трёх стран в основном совпадает, что указывает на сходство как процессов развития, так и проблем, стоящих перед государственным аппаратом.

Наличие связей между динамикой развития национальных систем государственной службы и трендами социально-экономического развития каждой из анализируемых стран проверим с использованием метода главных компонент. Индексы построены в статистическом пакете анализа и обработки данных Stata по группам показателей для каждой страны.

Для показателей внутреннего развития государственной службы объяснённая дисперсия

Рисунок 1.

Динамика социально-экономического развития Республики Казахстан и развитие национальной системы государственной службы (2000–2014 гг.)

Составлено автором.

(коэффициент детерминации) находится на приемлемом уровне: 50% для РФ, 65% для РБ и 69% для РК. Таким образом, используемая модель соответствует данным, между которыми существует статистически значимая зависимость.

Для показателей социально-экономического развития объяснённая дисперсия принимает оптимальные значения: 74% для РФ, 92% для РБ и 95% для РК. В двух последних случаях между переменными существует зависимость, близкая к функциональной.

Полученные наборы индексов по первой и второй группам показателей визуализированы на рисунках 1–3.

Обнаруживается тенденция к сближению индексов по обеим группам показателей во всех

странах. Точки наибольшего и наименьшего совпадения различаются, и в краткосрочных периодах наличие связи может не просматриваться. Однако в длительном горизонте такая связь носит очевидный характер. Данная связь не причинно-следственная, она характеризует только соответствие повышательных и понижающихся трендов во времени.

Расчёт среднеквадратического отклонения между парами изучаемых индексов показывает, что рассеивание значений по РФ равняется 0,8, по РК 0,7 и по РБ 0,5. Таким образом, теснота связи между индексами, значения которых могут рассматриваться как случайные величины, выше всего в случае Беларуси и ниже всего в РФ.

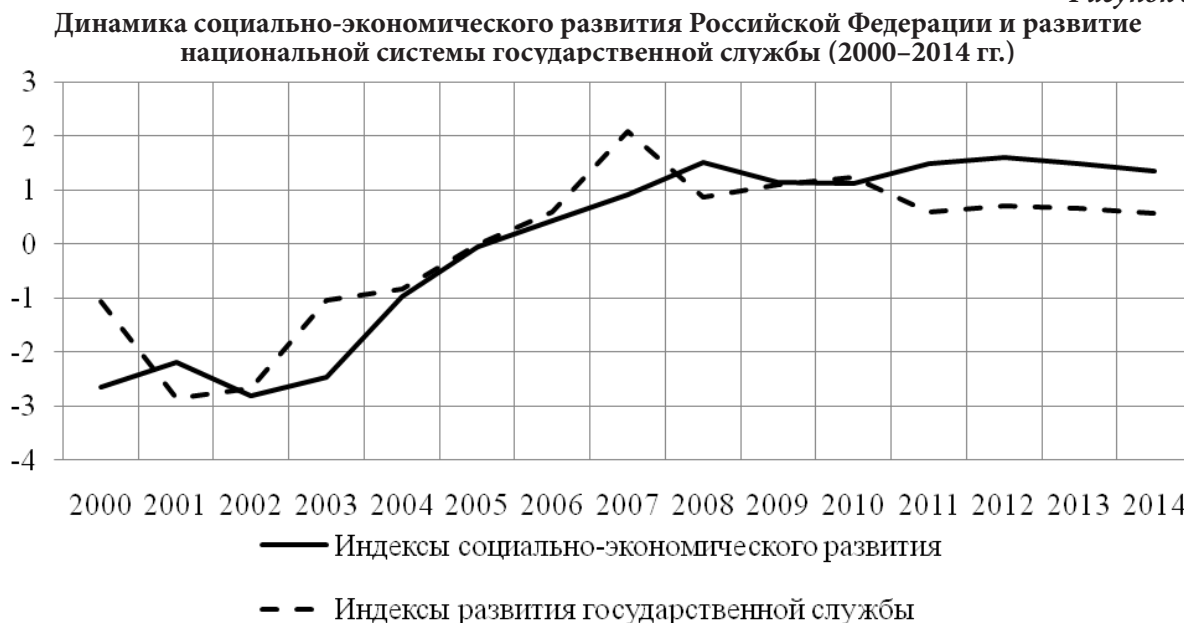
Рисунок 2.

Динамика социально-экономического развития Республики Беларусь и развитие национальной системы государственной службы (2000–2014 гг.)

Составлено автором.

Рисунок 3.

Составлено автором.

Вместе с тем, согласно нашей гипотезе, более эффективной признаётся национальная модель, характеризующаяся одновременно более тесной статистической связью между индексами и возростанием значений обоих индексов. В случае модели Белоруссии эти условия не выполняются, так как после 2010 г. наблюдается снижение обоих индексов.

Россия также не может рассматриваться в качестве образца эффективности, ибо в нашей стране связь между индексами наименее тесная, а значения индексов после 2012 г. снижаются (см. рис. 3).

Таким образом, в результате проведённого анализа мы приходим к выводу, что оптимальное сочетание обоих оцениваемых параметров наблюдается в Казахстане. С одной стороны, теснота связи между внутренними показателями развития государственной службы и внешним социально-экономическим эффектом находится на среднем уровне. С другой стороны, несмотря на мировой кризис, динамика значений обоих индексов повышательная. Опыт реформирования государственной службы в Казахстане следует изучить и использовать при проектировании аналогичных реформ в других странах евразийского пространства.

Выводы и рекомендации

Анализ доступных источников позволяет выявить следующие сильные стороны реформирования государственной службы в Казахстане.

1) Применение программно-целевых методов обеспечивает увязку целей, механизмов, ресурсов и сроков реформы в единую систему.

Реформирование государственной службы в Казахстане было начато программой, утверждённой постановлением правительства республики от 9 июня 1997 г. № 940. По этому поста-

новлению организация учёта и финансирования государственных служащих была возложена на министерство финансов. В настоящее время разработка и реализация государственных программ в данной сфере продолжаются.

2) Наличие органа, осуществляющего централизованное управление государственной службой.

В 1998 г. было организовано Агентство по делам государственной службы, непосредственно подчинённое Президенту РК. Данный орган проводит государственную политику в сфере государственной службы, организует подбор кадров в государственные органы через свои территориальные подразделения, контролирует повышение квалификации и профессиональную подготовку государственных служащих.

С 2008 г. Агентству подчинена Академия государственного управления – центральный орган подготовки кадров. Агентство опирается на 191 региональную службу управления персоналом, которые не находятся в подчинении государственных органов и координируются Агентством.

В марте 2013 г. создана Национальная комиссия по кадровой политике при Президенте РК, которая организует подбор руководителей на меритократических (конкурсных) началах. [13, р. 49].

3) Институционализация этического регулирования государственной службы и комплексный подход к противодействию коррупции.

В 2005 г. был утверждён Кодекс чести государственных служащих, для контроля за исполнением которого созданы дисциплинарные советы, действующие по территориальному принципу.

4) Проведение кадровой политики в рамках всей системы управления.

■ Мировая политика

Описанный ранее расширительный подход к пониманию государственной службы в Казахстане позволяет относить к ней как работников центральных органов, так и служащих регионального и местного уровня. Это создаёт предпосылки для усиления центральных государственных органов кадрами из органов нижнего уровня в порядке ротации.

Перечисленные факторы могут стать «точками роста» для реализации нового этапа реформы государственной службы в России.

Напомним, что федеральная программа развития государственной службы в настоящее время не реализуется, центральный орган управления государственной службой отсутствует, этическое регулирование носит рамочный ха-

рактер, а между федеральной, региональной и муниципальной службой созданы правовые перегородки. Эти факторы отличают российскую систему от казахстанской и понижают, на наш взгляд, эффективность отечественной государственной службы.

В целом можно заключить, что в реформировании государственной службы на евразийском пространстве имеются общие тенденции, и это способствует углублению интеграционных процессов. Полученные результаты указывают на целесообразность более внимательного изучения опыта реформирования государственной службы в странах евразийского пространства в целях и использования передового опыта этих государств, приемлемого для нашей страны.

Список литературы

1. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.06.2003. N 22, ст. 2063.
2. Закон Республики Казахстан от 23 июля 1999 г. № 453 «О государственной службе» [Электронный ресурс]. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000453_ (дата обращения: 15.04.2015).
3. Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953> (дата обращения: 15.04.2015).
4. Гаман-Голутвина О.В., Сморгун Л.В., Соловьев А.И., Туровский Р.Ф. Эффективность государственного управления, компетентность государства / Ежегодный доклад ИНОП «Оценка состояния и перспектив политической системы России». М.: ИНОП, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.inor.ru/files/Chapter2.pdf> (дата обращения: 15.04.2015)
5. Баширина Е.Н. Особенности модернизации политической системы российского общества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02: Уфа, 2011. 151 с. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/osobennosti-modernizatsii-politicheskoy-sistemy-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 15.04.2015)
6. Сморгун, Л.В. Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «Governance» // Полис. 2003. № 4. С. 7–11.
7. Труд и занятость в республике Беларусь (статистические сборники). Минск: НСК РБ, 2012, 2013. Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_268/ (дата обращения: 15.04.2015)
8. Чуприс О.И. Теоретические проблемы правового регулирования государственной службы Республики Беларусь: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2010. 46 с.
9. Barabashev, A.G. and Straussman, J.D. Public Service Reform in Russia, 1991–2006 // Public Administration Review, 2008, no. 67, pp. 373–382.
10. Evans P., Rauch J.E. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth // American Sociological Review, 1999, no. 64, vol. 5, pp. 748–765.
11. Gehlbach S. What Is a Big Bureaucracy? Reflections on Rebuilding Leviathan and Runaway // Czech Sociological Review, 2008, vol. 44, no. 6, pp. 1189–1197.
12. Human Development Index trends, 1980–2013. United Nations Development Programme [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://hdr.undp.org/en/content/table-2-human-development-index-trends-1980-2013> (дата обращения: 17.10.2015).
13. Kotchegura, A. Civil Service Reform in Post-Communist Countries. Leiden University Press: Netherlands. 2008. 286 p.
14. Kurmankulov A., Makhmutov B., Mamanova K., Kuanyshbayeva Z., Mussabekov M., Serickbayev A. Political Management in the Republic of Kazakhstan and Russian Federation: Comparative Analysis // Middle-East Journal of Scientific Research (Special issue of Politics and Law), 2013, no 13, pp. 48–56.
15. Lodge G. The Civil Service Reform Plan One Year On, and the International Evidence // The Political Quarterly, 2014, vol. 85, no. 1, pp. 81–83.
16. Moon M.J., Hwang C. The State of Civil Service Systems in Asia-Pacific Region: A Comparative Perspective // Review of Public Personnel Administration, 2013, vol. 33, no. 2, pp. 121–139.

17. Peters, B.G. Managing Horizontal Government. The Politics of Coordination // Public Administration, 2008, no. 2, pp. 11–30.
18. Repucci S. Designing Effective Civil Service Reform Lessons From Past Experience // Public Administration and Development, 2014, vol. 34, iss. 3, pp. 206–217.

Об авторе

Борщевский Георгий Александрович – к.и.н., в.н.с., доцент кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru.

INTEGRATION PROCESSES ON CIVIL SERVICE REFORM IN THE EURASIAN SPACE

G.A. Borshevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 84, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119606.

Abstract: *In the article was studied the process of reforming the institute of civil service in the countries of the Eurasian space (e.g. Russia, Belarus and Kazakhstan). The integration of national systems of public administration and, in particular, the civil service, is an important factor contributing to the implementation of the centripetal tendencies in the post-Soviet space.*

The research methodology is based on a combination of comparative legal analysis, historical retrospective method, normalization and scaling, structural-functional and system analysis. A comparison of the legal models of public service was made in research. The author puts forward the hypothesis that it is presence the relationship between the quantitative changes (for example, number of employees) of civil service and the dynamics of macroeconomic indicators (e.g. number of employed in the economy). In this regard were observed common trends.

On materials of the statistical surveys were considered quantitative changes in national systems of civil service. The study of the socio-demographic characteristics of the public service (gender, age, profession) allowed to formulate conclusions about the general and specific trends in the reform of the civil service of the analyzed countries. A number of values were first calculated by the author. The work is intended to become the basis for a broad international research on the development of civil service, which is the central mechanism for implementation the integration in the post-Soviet space.

Key words: public service reform, human resources, public administration, integration, the Eurasian space.

References

1. RF Federal Law "On the System of Civil Service of the Russian Federation" of May 27, 2003, no. 58-FZ. Collection of the legislation of the Russian Federation, 02.06.2003, no. 22, art. 2063. (In Russian).
2. Law of the Republic of Kazakhstan "On civil service" of July 23, 1999, no. 453. Information-legal system of normative legal acts of the Republic of Kazakhstan. Available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000453_ (Accessed: 04.15.2015). (In Russian).
3. Act of the Republic of Belarus "On state service in the Republic of Belarus" of June 14, 2003, no. 204-Z. The National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. Available at: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p2=2/953> (Accessed: 04.15.2015). (In Russian).
4. Gaman-Golutvina, O.V., Smorgunov, L.V., Solov'yev, A.I. and Turovskiy, R.F. Effektivnost' gosudarstvennogo upravleniya, kompetentnost' gosudarstva [The efficiency of public administration, the competent State]. Moscow, 2009. Available at: <http://www.inop.ru/files/Chapter2.pdf> (Accessed: 15.04.2015) (In Russian).
5. Bashirina E.N. Osobennosti modernizatsii politicheskoi sistemy rossiiskogo obshchestva [Features of modernization of political system of the Russian society]. Kand. dis. Ufa, 2011. 151 p. Available at: <http://che-loveknauka.com/osobennosti-modernizatsii-politicheskoy-sistemy-rossiyskogo-obshchestva> (Accessed: 15.04.2015) (In Russian).
6. Smorgunov, L.V. Sravnitel'nyy analiz politiko-administrativnykh reform: ot novogo gosudarstvennogo menedzhmenta k kontseptsii «Governance» [A comparative analysis of the political and administrative reforms from new public management to the concept of «Governance»]. Polis, 2003, no. 4, pp. 7–11. (In Russian).

■ **Мировая политика**

7. Trud i zanyatost' v respublike Belarus' (statisticheskie sborniki). [Work and employment in the Republic of Belarus (statistical compilations)]. Minsk, 2012, 2013. (In Russian). Available at: http://www.belstat.gov.by/bgd/public_compilation/index_ Accessed: 15.04.2015)
8. Chupris, O.I. Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya gosudarstvennoj sluzhby Respubliki Belarus' [Theoretical problems of legal regulation of the civil service of the Republic of Belarus]. Dis. ... Dr. just. Sciences. Minsk, 2010. (In Russian).
9. Barabashev, A.G. and Straussman, J.D. Public Service Reform in Russia, 1991–2006. *Public Administration Review*, 2008, no. 67, pp. 373–382.
10. Evans, P. and Rauch, J.E. Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of the Effects of “Weberian” State Structures on Economic Growth. *American Sociological Review*, 1999, no. 64, vol. 5, pp. 748–765.
11. Gehlbach, S. What Is a Big Bureaucracy? Reflections on Rebuilding Leviathan and Runaway. *Czech Sociological Review*, 2008, vol. 44, no. 6, pp. 1189–1197.
12. Human Development Index trends, 1980–2013. United Nations Development Programme. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/table-2-human-development-index-trends-1980-2013> (Accessed: 17/10/2015).
13. Kotchegura, A. Civil Service Reform in Post-Communist Countries. Leiden University Press: Netherlands, 2008. 286 p.
14. Kurmankulov, A., Makhmutov, B., Mamanova, K., Kuanyshbayeva, Z., Mussabekov, M., and Serickbayev, A. Political Management in the Republic of Kazakhstan and Russian Federation: Comparative Analysis. *Middle-East Journal of Scientific Research (Special issue of Politics and Law)*, 2013, no. 13, pp. 48–56.
15. Lodge, G. The Civil Service Reform Plan One Year On, and the International Evidence. *The Political Quarterly*, 2014, vol. 85, no. 1, pp. 81–83.
16. Moon, M.J., and Hwang, C. The State of Civil Service Systems in Asia-Pacific Region: A Comparative Perspective. *Review of Public Personnel Administration*, 2013, vol. 33, no. 2, pp. 121–139.
17. Peters, B.G. Managing Horizontal Government. The Politics of Coordination. *Public Administration*, 2008, no. 2, pp. 11–30.
18. Repucci, S. Designing Effective Civil Service Reform Lessons From Past Experience. *Public Administration and Development*, 2014, vol. 34, iss. 3, pp. 206–217.

About the author

George A. Borshevskiy – PhD (history), Leading Researcher, Associate Professor, Department of Civil Service and Personnel Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
Email: ga.borshchevskiy@migsu.ranepa.ru.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ МЕТАФОРИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Т.В. Андрюхина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

В статье рассматриваются межкультурные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе как актуального направления политической метафорологии. Отмечается, что в рамках изучения метафорики этого дискурса большое внимание уделяется функции концептуальной метафоры моделировать понятийную сферу политики, дискурс в целом, его восприятие, а также саму политическую реальность. Автор разделяет мнение о том, что структура основных концептов какой-либо культуры всегда согласуется с наиболее фундаментальными культурными ценностями. Однако при изучении политического дискурса в межкультурной перспективе выявляются случаи использования метафоры, не отвечающие требованиям культурной когерентности и поэтому способные привести к негативным когнитивным и коммуникативным последствиям. На фоне часто прямого несовпадения ряда метафорических моделей в политической коммуникации стран Запада и Востока, автор приводит примеры метафорической когерентности, а также её нарушения в части базовых метафор в российском, европейском и американском политическом дискурсе. Влияние межкультурных факторов на специфику метафорического моделирования прослеживается в статье на примере эволюционирующей метафорической модели, которая может реализоваться в национальных дискурсах по разным сценариям. Делается вывод о зависимости сценария развертывания такой модели в национальных политических дискурсах от культурно-исторических и социально-политических компонентов национальной картины мира. В статье подчёркивается, что языковая картина мира неоднородна, так как она конструируется индивидуальной, групповой и национальной вербальной и невербальной практикой данного языкового коллектива. Исследование показывает, что в разных по идеологии партийных дискурсах, а также в речах политиков разных поколений одного и того же национального сообщества могут также наблюдаться как случаи совпадения, так и вариативности метафорических моделей. Сделанные выводы иллюстрируются в статье языковым материалом, подтверждающим динамичность метафорической модели, её способность видоизменяться и передавать нюансы значения, отражая в дискурсе культурно-обусловленные особенности политической ситуации.

Ключевые слова: межкультурный, политический дискурс, политическая метафорология, метафорическое моделирование, эволюционирующая метафорическая модель.

В связи с высокой метафоричностью политического дискурса параллельно с самостоятельной научной областью метафорологии стало развиваться и направление изучения политической коммуникации, получившее название политической метафорологии. Объектом изучения последней являются как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все понятийные механизмы этой деятельности в политическом дискурсе [3]. Метафорология объединяет усилия философов, логиков, социологов, психологов, лингвистов и литературоведов для более адекватного и всестороннего анализа феномена метафоры. Политическая метафорология также отражает междисциплинарность современной науки и приложение разнообразных методов анализа живого дискурса. «Настольной книгой» современной лингвистики называют работу Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [14], которая привнесла когнитивную перспективу в многовековую трактовку образного и риторического аспектов лингвистической метафоры.

Исследование Дж. Лакоффа и М. Джонсона дало начало разным направлениям в исследовании метафоры. Последняя изучалась как средство познания, как часть концептуальной системы человека [14], как средство связности репрезентации текста в сознании человека и, значит, связности самого дискурса [8], как инструмент концептуального построения понятийных областей, в том числе, идеологий [12;13]. Признана роль метафоры в концептуальном моделировании действительности на основе набора базовых моделей, включающих человека, окружающие его предметы, природу, социум как источников порождения метафорических моделей [5;6]. Большое внимание последнее время привлекает к себе вариативность метафорических моделей, их изменчивость в национально-исторической перспективе [17;18], способность к образованию национальных «гибридов» в результате «глобализации» дискурса [16], то есть вопросы сочетания в них универсального и культурно-специфического [20].

Целью данной статьи является рассмотрение влияния лингвокультурологических факторов на метафорическое моделирование в политическом дискурсе.

Широкое распространение получила трактовка концептуальной метафоры как инструмента познания, средства освоения сложной абстрактной сферы политики. Учёных интересует, как моделируется эта понятийная область, какие *сферы-источники* актуализируются при метафорическом осмыслении *сферы-цели*. При этом элементы знаний из понятийной области источника проецируются в область цели и используются в качестве смысловых «строительных лесов» для её построения. Межкультурный подход позволяет выявить закономерности в моделировании понятийной сферы политики

в разных национальных разновидностях политического дискурса.

Изучение кросс-культурных аспектов метафорического моделирования позволяет сделать вывод о наличии двух противоположных типов метафоры в международном политическом дискурсе. С одной стороны, лингвисты склонны называть международный политический дискурс «интердискурсом» [7], одной из черт которого является универсальность метафорических моделей. С другой стороны, растёт количество данных, подтверждающих национальную специфику метафор в политическом дискурсе [4; 16].

Отмечается общность и системность использования некоторых концептуальных метафор и метафорических сценариев [1; 10]: политика – это война, строительство, дом, дорога, бизнес, человеческий организм, спорт, криминал, механизм и др. Анализ метафорических моделей, использованных в политическом дискурсе в нашем материале, также указывает на их систематическую повторяемость. Последняя обеспечивает постоянство ассоциации между некоторыми понятийными доменами, связность дискурса и его понимание. Следующие примеры демонстрируют и подтверждают метафорическую когерентность американского, британского и российского политического дискурса:

1) концептуальная метафора ПОЛИТИКА – ЭТО СТРОИТЕЛЬСТВО

Let us remember that America was *built* not by government, but by people—not by welfare, but by work—not by shirking responsibility, but by seeking responsibility. (Richard Nixon, 1969).

Let us resolve that we the people will *build* an American opportunity society... (Ronald Reagan, 1985).

Как строитель могу сказать: мы уже давно прошли «нулевой цикл», *воздвигли стены, подвели их под крышу*. И мы все живем на этой стройке в разгар *строительства*. Это и неудобно, и опасно. Мы видим здесь беспорядок, *строительный мусор, грунтовые воды, подмывающие заложенный нами фундамент*. [...] Однако новое здание российской государственности в основном уже построено. Можно переходить к следующему этапу, выражаясь тем же языком, – к *отделочным работам*. И думать о дальнейшем – как жить в этом *доме*. (Борис Ельцин, 1996 г.).

Pledging to "*build* a bridge to the 21st century," President Bill Clinton accepted his party's nomination in a forward-looking speech which outlined an agenda for a diverse but united American family. (Bill Clinton, 1996).

And I believe we stand a much, much better chance of *building* a more prosperous future together. (David Cameron, 2014).

2) концептуальная метафора ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА

There is crime to be *conquered*, the rough crime of the streets. (George Bush, 1989).

We will stand mighty for peace and freedom, and maintain a *strong defense* against terror and destruction. (Bill Clinton, 1997).

Our 'war on terror' begins with al-Qaeda, but it does not end there. It will not end until every terrorist group of global reach has been found, stopped and defeated. (George Bush, 2001).

Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их *сдавать, отступать* неизвестно куда. (Владимир Путин, 2014 г.).

3) концептуальная метафора ОБЩЕСТВО/НАЦИЯ – ЭТО СЕМЬЯ

And then there are those – a few – who think we'd be better off if Scotland did leave the UK, that this *marriage* of nations has run its course and needs a *divorce*. Over 3 centuries we've lived together, worked together – and frankly we've got together *getting married, having children, moving back and forwards across borders*. (David Cameron, 2014).

И наша обеспокоенность понятна, ведь мы не просто близкие соседи, мы фактически, как я уже много раз говорил, *один народ*. Киев – *мать городов русских*. (Владимир Путин, 2014 г.).

4) ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС

In and outside Washington, there are expressions of concern that Americans have not fully explored whether the human and financial costs of war in the gulf, not to mention the potential political consequences in the Middle East, are *worth the hoped-for gains*. (The New York Times, November 12, 1990).

We come as a brand – a powerful brand (David Cameron, 2014).

How Russia's economic *loss* in Ukraine crisis could be Canada's *gain*. (Canadian Business, March 5, 2014).

Is Losing Crimea a *Loss*? Ukraine's initial losses are obvious: defeat in a land war, surrender of territories and populations. (Foreign Affairs, March 10, 2014).

Крым – это наше общее *достояние*. (Владимир Путин, 2014 г.).

Порой складывается впечатление, что наши коллеги и друзья постоянно борются с результатами своей собственной политики, бросают свою мощь на устранение рисков, которые сами создают, *платят за это все возрастающую и возрастающую цену*. (Владимир Путин, 2014 г.).

5) ПОЛИТИКА – ЭТО ДОРОГА

I want to thank my partner in this *journey*, a man who campaigned from his heart... [...].

The road ahead will be long. Our *climb* will be steep. We may not *get there* in one year or even in one term. But, America, I have never been more hopeful than I am tonight that we will *get there*... (Barak Obama, 2008).

Из поколения в поколение россияне искали *дорогу* к счастью и справедливости, *сбивались с пути* и снова упрямо стремились к лучшей доле; Россия переживает в последнее время *крутые повороты*; *движение вперёд* идет трудно, болезненно, противоречиво. (Борис Ельцин, 1996 г.).

Мы осознали неразрывность, цельность *тысячелетнего пути* нашего Отечества. (Владимир Путин, 2014 г.).

Одновременно в политическом дискурсе отмечаются и национально-обусловленные различия используемых метафорических моделей. Показательны черты мусульманского политического дискурса, метафоры которого отражают восточную культуру и значительно отличаются по привлекаемым *сферам-источникам* от таковых западного дискурса. Примерами служат понятие верховой езды как модель лидерства или преобладающая горизонтальная концентрическая пространственная модель в отличие от вертикальной пространственной метафоры западного политического дискурса [15] как, например, в политической программе президента Обамы:

It moves forward because of you. It moves forward because you reaffirmed the *spirit* that has *triumphed over war and depression*, the *spirit that has lifted this country from the depths of despair to the great heights of hope*, the belief that while each of us will pursue our own individual dreams, we are an American family, and *we rise or fall together* as one nation and as one people. (President Obama's Victory Speech, November 7, 2012).

В мусульманском политическом дискурсе отмечается также отсутствие западных метафорических моделей, заимствование которых так распространено, например, в европейском политическом дискурсе [15].

Влияние лингвокультурологического фактора на процесс метафорического моделирования прослеживается в исследованиях так называемой эволюционирующей метафорической модели [17; 18]. Учёные заметили, что в противовес когнитивной теории метафоры ее *целевая область* (в данном случае «политика»), моделируется не только по образцу и подобию *донорской*, но и под влиянием национальной картины мира, что приводит к актуализации разных сценариев разрывывания метафоры в соответствующих национальных политических дискурсах. Изучая европейский дискурс, лингвисты приходят к выводу о том, что метафора может *конструировать* понятийное пространство политики как сходным, так и национально специфическим образом в зависимости от культурно-исторических и социально-политических обстоятельств конкретной ситуации, так как метафоры косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи. Рассматривая дискурсы, отражающие отношение европейских стран к евроинтеграции, учёные приходят к выводу о том, что одна и та же *сфера-источник* LOVE-MARRIAGE-FAMILY развивается по различающимся сценариям в политических дискурсах разных стран. Британский дискурс уподобляет сложности франко-германских отношений проблемам супружеской пары и выражает надежды на ее распад, что могло бы дать Великобритании возможность создать *ménage à trois*.

В германском дискурсе выражается сожаление по поводу этих «семейных» проблем. Одновременно Великобритания постоянно заявляет о своем «разводе», выходе из общеевропейской «семьи». Для понимания такого политического дискурса, по мнению исследователей, необходимо понимать не только базовые метафорические концепты, но и их национально-обусловленные варианты и сценарии развития [18]. Последние указывают на способность метафорической модели эволюционировать, видоизменяясь в национальных дискурсах.

Однако, и национальная концептуальная система неоднородна. В ней отражается опыт различных индивидуумов и групп людей. В частности, политическая национальная картина складывается из разных идеологических фрагментов. Метафора может отражать морально-этические или мировоззренческие различия, одновременно сосуществующие внутри культурного сообщества, что демонстрирует анализ метафоры «семья». В американском обществе она реализуется в варианте *strict father* в республиканском дискурсе и *nurturant parent* в демократическом [11; 12; 13]. Подобные же морально-этические и поколенческие различия компонентов национальной американской культуры проявляются и в широко известном случае использования темпоральной метафоры «мост» в предвыборном дискурсе Б. Клинтона и Б. Доула. Б. Доул предложил политическую программу строительства моста в прошлое, а Б. Клинтон – моста в будущее. Сравните следующие фрагменты из предвыборных речей:

1)... *Age has its advantages. Let me be the bridge to an America that only the unknowing call myth. Let me be the bridge to a time of tranquillity, faith, and confidence in action. And to those who say it was never so, that America has not been better, I say, you're wrong, and I know, because I was there. And I have seen it. And I remember.* (B. Dole's Acceptance Speech August 15, 1996).

2)... *Now, here's the main idea. I love and revere the rich and proud history of America. And I am determined to take our best traditions into the future. But with all respect, we do not need to build a bridge to the past. We need to build a bridge to the future... Tonight, let us resolve to build that bridge to the 21st century, to meet our challenges, protect our basic values and prepare our people for the future. I want to build a bridge to the 21st century in which we expand opportunity through education... I want to build a bridge to the 21st century in which we create a strong and growing economy to preserve the legacy of opportunity for the next generation by balancing our budget... I want to build a bridge to the 21st century that ends the permanent underclass, that lifts up the poor and ends their isolation, their exile, and they are not forgotten anymore. I want to build a bridge to the 21st century where our children are not killing other children any more. My fellow Americans, if we're going to build that bridge to the 21st century, we have to make our children*

free — free of the vise grip of guns and gangs and drugs; free to build lives of hope. I want to build a bridge to the 21st century with a strong American community beginning with strong families. (B. Clinton's Acceptance Speech August 29, 1996).

В основе метафоры строительства моста лежит темпорально-пространственная метафора «ВРЕМЯ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ», которая в речах политиков актуализирует слот «направление движения». Победа Б. Клинтона показала, что метафорическое моделирование его президентского дискурса как движения вперед по мосту в будущее, совпало с национальной картиной мира, характеризующейся в целом ориентированностью американцев в будущее. В рамках этой метафорической модели Б. Доул осмысливался как человек, принадлежавший к уже уходящему поколению.

В силу культурных различий механизм концептуальной метафоры и её использования в дискурсе очень сложен и тонок. Недостаточно точно выбранная метафора, несогласованная до конца с национальными культурными кодами, снижает силу убеждения и может привести к непониманию предлагаемой политики. Так, в исследованиях политического дискурса находим описание возможных причин несогласия европейцев с инициативой М.С. Горбачева, получившей название «Европа — это наш общий дом». По мнению исследователей, начальная привлекательность идей Горбачева объяснялась актуализацией ими своего национального представления о ДОМЕ. В основе несогласия Запада с этой инициативой – неприятие коллективистских идей об устройстве европейской жизни, вытекающих из использованной М.С. Горбачевым метафоры [9; 19]. Согласимся с тем, что представления разных европейских народов о своем ДОМЕ далеки от представлений, характерных для советского и российского национального в целом коллективистского сознания. Вряд ли люди, живущие в собственном доме или снимающие мансарду в центре европейской столицы, могут разделять озабоченность российского гражданина, например, совместным поддержанием порядка в подъезде муниципального дома.

Слабость метафор, допускающих возможность различных культурологических интерпретаций в том, что они лишены аргументативной силы, так как не совпадают с культурными концептами того или иного национального сообщества. Так случается не только при международной коммуникации, но и внутри одной культуры. Интересен в этом отношении анализ роли метафоры ЧЕХОСЛОВАКИЯ – ЭТО ДВОЙНОЙ ДОМ в кризисе чехо-словацких отношений накануне распада страны, описанный Э.В. Будаевым со ссылкой на работу П. Друлака [4]. Чешский премьер-министр, пытаясь ослабить межнациональные разногласия, предположил, что обе нации могли бы и дальше жить в рамках одного государства, употребив при этом метафору «двойной дом» (DVOJ DOMEK). Метафора

«двойной дом», не использовавшаяся до этого в чехословацком политическом дискурсе, вызвала бурные споры, и страна впоследствии разделилась на два отдельных государства. В основе неприятия метафор «государство как общий дом» или «двойной дом» лежит их не соотносённость с базовым для человеческого мышления представлением о доме как «контейнере с четкими внутренними и внешними границами» [14, 19].

Представляется, что культурологически адекватное использование метафор позволяет им выполнять функцию моделирования не только политического дискурса, но и самой политической реальности. Коммуникативно эффективной и культурологически корректной оказалась метафора ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ – ЭТО БРАЧНЫЙ СОЮЗ, моделирующая отношения Шотландии и Англии накануне референдума по вопросу о независимости Шотландии (18 сентября 2014 года) и доминировавшая в официальном британском политическом дискурсе. Метафора супружеского союза, характеризовавшая отношения двух членов в составе Великобритании, успешно использовалась представителями центральной власти премьер-министром Д. Камероном и мэром Лондона Б. Джонсоном:

(1) And then there are those – a few – who think we'd be better off if Scotland did leave the UK, that this marriage of nations has run its course and needs a divorce.

Over 3 centuries we've lived together, worked together – and frankly we've got together getting married, having children, moving back and forwards across borders.

Such is the fusion of our bloodlines that my surname goes back to the West Highlands and by the way, I am as proud of my Scottish heritage as I am of my English heritage. The name Cameron might mean 'crooked nose' but the clan motto is 'Let us unite' – and that's exactly what we in these islands have done.

Those voting are our friends, neighbours and family. (David Cameron's speech on Scottish independence, 7 February 2014 the Spectator).

(2) **A divorce from Scotland would be stupid, wretched and painful.**

Like a *bickering couple*, our countries need a *counsellor* to step in and make us see sense.

I find it positively (heart) breaking to find that *the union* between England and Scotland –

a gigantic political fact for 306 years – is under threat...

What both sides are forgetting – and they have this in common with *divorcing couples* – is that it may look OK on day one, but on day two *the lawyers come in*. There is the *division of property to work out, the rights of access to be determined*. The longer the *marriage* has lasted, the more there is to unpick, and the more hellish and self-flayingly painful the whole process becomes.

We need someone — the Americans? — to step in as a kind of *marriage guidance counsellor* and tell us to stop being so damn stupid. *Divorce* will diminish us both. It will be unutterably wretched and painful, and it will eliminate the most successful political *union* in history. (Boris Johnson, 24 Nov 2013 the Telegraph).

Итоги референдума показали, что избиратели поверили созданной в политическом дискурсе виртуальной картине отношений между Англией и Шотландией и, своим голосованием против независимости Шотландии показали, что перенесли черты этой концептуальной модели крепкой семьи на реальность.

Стоит отметить, что параллельно с теоретическими исследованиями концептуальной метафоры растет число прикладных работ, доказывающих ее практическую значимость, например, при обучении иностранным языкам и межкультурной коммуникации. Методологическим основанием преподавания и изучения иностранных языков должна быть теория формирования сознания человека, изучающего иностранный язык. Такой подход в лингводидактике совпадает с основаниями когнитивной лингвистики, рассматривающей язык в когнитивно-дискурсивной парадигме как средство вербализации ментальных репрезентаций окружающего мира [2, 170]. Представляется, что данный принцип важен при подготовке не только лингвистов, но и широкого круга специалистов-международников – дипломатов, политологов, журналистов. Эксперименты показывают, что понимание, интерпретация и использование метафоры в родном и иностранном языках не универсальны, а вариативны и культурно обусловлены [21]. Поэтому высокая метафорическая компетенция специалистов-международников является залогом безошибочного владения межкультурным политическим дискурсом и его правильного понимания и интерпретации.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. М.: Помовский и партнеры, 1994. 351 с.
2. Беляевская Е.Г., Маляр Т.Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. 180 с.
3. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Методологические грани политической метафорологии // Политическая лингвистика. Вып. 21. №1. Екатеринбург, 2007. С. 22-31.

■ Мировая политика

4. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: американский, европейский и российский варианты исследования // Политическая лингвистика. Вып. 17. Екатеринбург, 2006. С. 35-77.
5. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
7. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика // Лингвистика: бюл. урал. лингвист. о-ва. Екатеринбург, 2001. Т. 7. С. 4-15.
8. Albritton, D. W. When Metaphors Function as Schemas: Some Cognitive Effect of Conceptual Metaphors. // Metaphor and Symbolic Activity. 1995. No. 10 (1). Pp. 33-46.
9. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: The Case of the 'Common European House'. // Discourse and Society. January 1993. .Vol. 4. No. 1. Pp. 7-31.
10. Koteyko N., Ryazanova-Clarke L. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? // Slavonica. Vol. 15. No. 2. W. S. Maney & Son Ltd, 2009. Pp. 112-127.
11. Lakoff G. Moral politics: What Conservatives Know that Liberals Don't. University of Chicago Press, 1996. 413 p.
12. Lakoff G. The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain. Viking Adult, 2008. 292 p.
13. Lakoff G. The All New Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2014. 192. p.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphor We Live By. University of Chicago Press. 2003. 256 p.
15. Lewis B. The Political Language of Islam. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 168 p.
16. Metaphor and Intercultural Communication. Editor(s): Musolff A., MacArthur F., Pagani G. Bloomsbury Publishing, 2014. 233 p.
17. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution. // Metaphorik.de. no. 7, 2004. Pp. 55-75.
18. Musolff A. Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates about Europe. Palgrave Macmillan, 2004. 224 p.
19. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. No. 21 (3). Pp. 216-229.
20. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. Bloomsbury Academic, 2016. 208 p.
21. Musolff A. Metaphor Interpretation and Cultural Linguistics. // Language and Semiotic Studies. Vol. 1. No. 3. Autumn 2015. Pp. 35-51.

Об авторе

Андрюхина Татьяна Владимировна – к.ф.н., доцент кафедры английского языка № 4 МГИМО (У) МИД России. E-mail: anaitat@yandex.ru.

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF METAPHORICAL FRAMING IN POLITICAL DISCOURSE

T.V. Andryukhina

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *The article examines cross-cultural aspects of metaphorical framing in political discourse. The author notes the importance of conceptual metaphor in framing the conceptual domain of politics, political discourse as a whole, its perception as well as political reality itself. The author shares an opinion that the metaphorical structure of basic concepts of a nation always correlates with its fundamental cultural values. However, the examination of political discourse from the cross-cultural perspective reveals the cases of metaphor uses that don't meet the requirements of cultural coherence and may lead to negative cognitive and communicative consequences. Along with admitting a wide discrepancy between metaphorical models in western and oriental political discourse, the author gives some examples of metaphorical coherence as well as its violation in a number of basic metaphors in American, British and Russian political discourse. To illustrate how cross-cultural factors determine the specific character of metaphorical framing, the article analyses the dynamic character of metaphorical models that can realize diverse scenarios in different national varieties of political discourse. An observation is made about the dependence of metaphoric*

scenarios in different national varieties of political discourse on the cultural, historical, social and political components of the national cultural cognitive map. The latter is heterogeneous as it is structured by the objectified individual, group, and national verbal and nonverbal experience. This explains, for instance, why there are examples of similarity as well as discrepancy between metaphorical framing in ideologically different party varieties of political discourse within the national political discourse as well as in the rhetoric of politicians belonging to different generations. The observations are illustrated by cross-linguistic data proving the dynamic character of metaphorical models, their variability and potential for conveying new meaning nuances that reflect culture-specific characteristics of the political situation in discourse.

Key words: cross-cultural, political discourse, political metaphorology, metaphorical framing, evolutionary metaphorical model.

References

1. Baranov A.N., Karaulov Y.N. Slovar' russkikh politicheskikh metafor [Dictionary of Russian Political Metaphors]. Moscow, Pomovsky i Partnyory Publ., 1994. 351 p. (In Russian).
2. Belyaevskaya E.G., Malyar T.N. Printsipy minimizatsii interferentsii rodnogo yazyka pri obuchenii inostrannomu yazyku (kontseptual'nye struktury prostranstva i vremeni v angliyskom i russkom yazykah) [minimization of native tongue interference in teaching a foreign language]. Moscow, IPK MGLU "Rema" Publ., 2012. 180 p. (In Russian).
3. Budayev A.V., Chudinov A.P. Metodologicheskie grani politicheskoy metaforologii [Methodological Facets of Political Metaphorology]. Politicheskaya lingvistika - Political linguistics, no. 21(1), 2007, pp. 22-31 (In Russian).
4. Budayev A.V., Chudinov A.P. Kontseptual'naya metafora v politicheskom diskurse: amerikanskiy, evropeyskiy i rossiyskiy varianty issledovaniya [Conceptual metaphor in political discourse: American, European and Russian variants of research]. Politicheskaya lingvistika - Political linguistics, no. 17, 2006, pp. 35-70. (In Russian).
5. Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication]. Yekaterinburg, 2003. 248 p. (In Russian).
6. Chudinov A.P. Rossiya v Metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory [Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor] (1991-2000). Yekaterinburg, 2001. 238 p. (In Russian).
7. Shmeleva T.V. Morbual'naya optika [Morbial optics]. Lingvistika: bulletin' Ural'skogo lingvisticheskogo obshchestva - Linguistics: Bulletin of Ural linguistic society, 2001, vol. 7, pp. 4-15. (In Russian).
8. Albritton D.W. When Metaphors Function as Schemas: Some Cognitive Effect of Conceptual Metaphors. Metaphor and Symbolic Activity, 1995, no. 10 (1), pp. 33-46.
9. Chilton P., Ilyin M. Metaphor in Political Discourse: The Case of the 'Common European House'. Discourse and Society, 1993, vol. 4, no. 1, pp. 7-31.
10. Koteyko N., Ryazanova-Clarke L. The Path and Building Metaphors in the Speeches of Vladimir Putin: Back to the Future? Slavonica, vol. 15, no. 2, 2009, pp. 112-127.
11. Lakoff G. Moral politics: What Conservatives Know that Liberals Don't. University of Chicago Press, 1996. 413 p.
12. Lakoff G. The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain. Viking Adult, 2008. 292 p.
13. Lakoff G. The All New Don't Think of an Elephant!: Know Your Values and Frame the Debate. Chelsea Green Publishing, 2014. 192. p.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphor We Live By. University of Chicago Press, 2003. 256 p.
15. Lewis B. The Political Language of Islam. Chicago: University of Chicago Press, 1988. 168 p.
16. Metaphor and Intercultural Communication. Ed. by Musolff A., MacArthur F., Pagani G. Bloomsbury Publishing, 2014. 233 p.
17. Musolff A. Metaphor and conceptual evolution. Metaphorik.de, no. 7, 2004, pp. 55-75.
18. Musolff A. Metaphor and Political Discourse: Analogical Reasoning in Debates about Europe. Palgrave Macmillan, 2004. 224 p.
19. Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? Journal of Multilingual and Multicultural Development, 2000, no. 21 (3), pp. 216-229.
20. Musolff A. Political Metaphor Analysis: Discourse and Scenarios. Bloomsbury Academic, 2016. 208 p.
21. Musolff A. Metaphor Interpretation and Cultural Linguistics. Language and Semiotic Studies, 2015, vol. 1, no. 3, pp. 35-51.

About the author

Tatyana V. Andryukhina – PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Language №4, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: anaitat@yandex.ru

«ЗОЛОТОЙ СТАНДАРТ» ПОДГОТОВКИ МЕЖДУНАРОДНИКА И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.А. Байков

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

В статье рассматриваются основные аспекты процесса подготовки специалиста-международника с точки зрения повышения эффективности кадрового состава внешнеполитических ведомств. Предложен новый взгляд на проблему актуализации и совершенствования существующих образовательных программ (прежде всего подготовки магистров) с целью повышения конкурентоспособности отечественного образования на мировом рынке образовательных услуг. Первостепенное значение уделяется не маркетинговой, а качественной, «контентной», составляющей профессиональной подготовки по профилю «международные отношения».

Автор статьи использует эмпирический материал, полученный в результате анализа, обработки и обобщения экспертных оценок российских и зарубежных участников международных факультетских и институтских форумов в области международных исследований, прошедших в 2015 году. В результате в статье предложена идеальная, по мнению опрошенных респондентов, модель магистерской программы, разработанная автором исходя из «эталонных» программ по международным отношениям и мировой политике. Рассмотрены наиболее актуальные вопросы, касающиеся формата обучения студентов (в том числе подготовки магистерских диссертаций), дальнейшего трудоустройства выпускников программ и, наконец, развития профессорско-преподавательского состава.

В заключение даны рекомендации по возможным направлениям реформирования вузовского образования по профилю «международные отношения». Речь идет о необходимости гармоничной конвергенции лучших качеств отечественной и зарубежной высшей профессиональной подготовки. Статья может представлять интерес для педагогов и методистов работающих в сфере высшего образования, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами образования и профессиональной подготовки сотрудников внешнеполитических ведомств.

Ключевые слова: эффективность внешней политики; внешняя политика и образование; прикладные образовательные программы; специалист-международник.

Смысл и предназначение настоящей статьи в том, чтобы, обобщив опыт ведущих мировых университетских центров образования в области международных отношений, сформулировать набор типических черт и критериев идеальной образовательной программы по международным отношениям, программы, работающей не столько на конкретно взятый вуз или конкретно взятого студента, сколько – кумулятивно и синергетически – на повышение эффективности внешней политики того или иного государства в целом. Вопрос верификации меры влияния такой «идеальной программы» на эффективность внешней политики в рамках предлагаемой модели не рассматривается в данной статье как минимум по двум причинам. *Во-первых*, реконструкция эталонной программы в любом случае предстает как «идеальный тип» и отсутствует в завершенном виде в каждом из проанализированных кейсов. Её построение носит в контексте данной статьи исключительно нормативный характер, поскольку является результатом умозрительного синтеза наиболее востребованных с точки зрения экспертов, институциональных и субстантивных черт. *Во-вторых*, очевидно, что при всей важности системы образования в общей структуре предпосылок и условий эффективной внешней политики, природа и направленность существующей между ними коррелятивной связи далека от линейности. Вместе с тем косвенно о взаимосвязи между эффективностью внешней политики – то есть её способностью достигать поставленных целей – и содержанием образования сотрудников внешнеполитического аппарата можно судить по стране принадлежности программ, наиболее близко подошедших к идеальному состоянию (как правило, это программы очень дорогостоящие, с чрезвычайно развитой системой стипендиальной поддержки и крайне селективные). Своего рода мерилom программ в области международных отношений сегодня выступают рейтинги журнала «Foreign Policy»¹; рейтинг Пенсильванского университета лучших мозговых центров мира, один из разделов которого ранжирует вузы с точки зрения располагающихся на их базе экспертно-аналитических центров², и предметные рейтинги международных рейтинговых агентств (например, предметный рейтинг по политическим наукам и международным отношениям³ QS).

Методологически статья построена вокруг анализа, обработки и обобщения результатов глубинных экспертных интервью, проведенных автором в январе 2015 г. (Вашингтон, США) и

сентябре 2015 г. (Варшава, Польша). Институциональным фоном исследования стали два наиболее авторитетных форума факультетов и институтов международных отношений – APSIA (Ассоциация профессиональных школ международных отношений) и IFDT (Международный форум по подготовке дипломатов).

APSIA включает в себя 34 полноправных (в том числе из России – МГИМО и СПбГУ) и 36 аффилированных членов. Среди членов APSIA – ведущие, главным образом американские, университеты с традиционно сильными позициями в соответствующих предметных рейтингах. Это факультеты международных отношений Джорджтаунского, Йельского, Принстонского, Гарвардского, Американского университетов, Университета Дж. Хопкинса, Сингапурского национального университета им. Ли Куан Ю и др.

IFDT – менее формализованная ассоциация, накопившая тем не менее богатые традиции и функционирующая в какой-то степени как одновременно «эпистемическое» сообщество и транснациональная сеть поддержки (transnational advocacy network) и в этом смысле выступающая инструментом выравнивания по единому стандарту методики подготовки дипломатов по всему миру. На счету форума – 42 встречи деканов и директоров дипломатических академий и институтов международных отношений. В 2015 г. форум собрал рекордное количество участников – 68 представителей соответствующих заведений из 41 страны, а также Агентства ООН по образованию и исследованиям (ЮНИТАР).

Содержание экспертных интервью включало в себя пять блоков вопросов:

- (1) параметры «идеальной магистерской программы» – контентные и формально-организационные;
- (2) роль научно-исследовательской работы при подготовке дипломатов и специалистов-международников;
- (3) педагогические технологии, соответствующие, по мнению респондентов, современным требованиям к подготовке специалистов-международников;
- (4) возможности вузов по операционализации, то есть приданию прикладного характера предлагаемому образованию, установлению и поддержанию каналов эффективного взаимодействия между университетом и работодателем;
- (5) трудности и условия интернационализации магистерского образования (имеется в виду структура контингента обучающихся и преподавателей) как предпосылка обеспечения его международно признаваемого качества.

¹ The best International Relations Schools in the World [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2015/02/03/top-twenty-five-schools-international-relations/> (дата обращения 03.02.2016).

² Global Go To Think Tank Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gotothinktank.com/> (дата обращения 03.02.2016).

³ QS World University Rankings by Subject 2015 - Politics & International Studies [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2015/politics> (дата обращения 03.02.2016).

■ Мировая политика

Всего в качестве респондентов согласились принять участие 30 экспертов – деканов и директоров соответствующих «школ» из США, Франции, Швейцарии, Великобритании, Италии, Польши, Чехии, Австрии, Канады, Мальты. Репрезентативность выборки и мнения участников, на наш взгляд, определяется функциональным характером репрезентации экспертов (каждый из них представляет высшую административную страту школы-лидера соответствующей страны).

1

При анализе эффективности внешней политики как системы целенаправленных действий, связанных с реализацией внешнеполитического курса государства в условиях анархичной международно-политической среды, важно установить «управляющий параметр» этого вида социальной деятельности, воздействие на который способно создать эффект общей мультипликации усилий и максимизации их результативности [3]. Определение такого параметра крайне необходимо в целях оптимизации имеющихся в распоряжении государства ограниченных ресурсов, особенно в кризисный период, но без снижения полезности внешнеполитической активности как таковой.

В наиболее общем виде эффективность внешней политики может быть представлена как результат синергетического взаимодействия трех переменных, образующих своего рода «магический треугольник» внешней политики:

- объективных характеристик мощи государства, то есть ее ресурсного потенциала (*power*), включая наличие у государства развитой внешнеполитической идеологии и «комплекса привлекательности» на международной арене [1, 2];
- институционально-организационной способности государственного аппарата адекватно определять интересы и цели внешней политики в соотношении с относительно постоянными потребностями и более изменчивым ресурсным обеспечением внешней политики, измеряемой, прежде всего, эффективностью государственного аппарата в целом, в том числе в части социально-кадровой и управленческой политики специализированных ведомств, в первую очередь «внешнеполитической триады» (министерства иностранных дел, министерства обороны и спецслужб) [18];
- научно-концептуальная «насыщенность» внешнеполитической программы, выражающаяся в ее экспертно-аналитической проработке в каждом звене процесса принятия решения [10]. Эта насыщенность возможна при: (а) доминировании политической науки в структуре политического сознания государства и (б) сохранении и усилении ведущей роли теоретических наук в системе политического знания в целом (то есть по отношению к прикладной политологии и политической публицистике) [4].

Фундаментально успех, то есть достижение внешнеполитических целей государства, обеспечивается первым компонентом этого «магического треугольника». Объем ресурсов, главным образом материальных, детерминирует общее соотношение силовых позиций государств на мировой арене и их рудиментарную (первичную) иерархию [33]. Рассуждая в терминах образов действия «по Хрусталеву», объективное распределение материально-силовых возможностей между государствами формируют не менее объективную кристаллическую решетку взаимодействий, статусную ранжировку государств, ограничивающую анархию среды культурой и практикой квази-иерархических *стратегических* отношений [27]. Именно последнее дает основание реалистам всех мастей рассматривать мировую политику, то есть внешнеполитическую подструктуру взаимодействий в рамках системы международных отношений, как типологически сходную с внутривнутриполитическими отношениями и, следовательно, интерпретировать их как принципиально *политические*, не выходя за пределы привычного контекста теоретико-методологической совокупности понятий и категорий политической науки.

Вместе с тем, опускаясь на уровень *тактических* действий, преследующих краткосрочные цели или, напротив, поднимаясь к уровню «*принципов внешней политики*», оперирующих в формате перспективных целей, не ограниченных тем или иным временным горизонтом целеполагания, комплексный материальный потенциал государства, очевидно, уступает место информационно-коммуникативным аспектам государственной политики, воплощенным в различных операционализируемых формах: информационное превосходство (разведданные, преобладание в медиапространстве); скоординированность действий различных элементов государственного аппарата; ценностно-идеологическая привлекательность государства-актора; практика экспертизы внешнеполитических решений и «длинного» внешнеполитического планирования (выходящего за горизонт двух электоральных циклов, то есть более 10 лет) [18].

Еще одна черта «магического треугольника» — наличие общего элемента в каждом из трех составляющих эффективности, который, очевидно, и может рассматриваться в качестве управляющего параметра описываемой модели. Речь идет о роли фактора особого типа подготовки лиц, задействованных во внешнеполитическом процессе, то есть специализированного профессионального образования в области международных отношений, разумеется – высшего. В самом деле, в системе ресурсов вещно-энергетического воздействия и информационного влияния образованию принадлежит основная роль при формировании и распространении базовых представлений о стране и, соответственно, при воспроизведении требуемых стереотипов ее вос-

приятия контрагентами⁴. Отсюда – важнейшая роль международных образовательных программ в арсенале орудий «мягкой мощи» крупнейших государств и обостряющаяся конкуренция на мировых образовательных рынках [17].

В рамках второго компонента «триады» — государственного аппарата — образование выступает ключевым инструментом рекрутирования сотрудников госаппарата и его ротации, формирования особого типа социальной корпорации государственных служащих, ориентированных на внешние сношения государств и поддерживающих свою качественную определенность (идентичность) в плане принадлежности к обособленной бюрократической когорте, но не замыкающихся при этом в жестких корпоративных рамках. (В данном контексте образование выступает *ресурсом условий* и относится к внутреннему потенциалу государства.) Отсюда – важнейшая роль, которая во всех крупных государствах отводится системам подготовки дипломатических кадров, их отбора и интеграции. Поиском наиболее эффективных принципов построения механизма этого отбора объясняется весьма широкий диапазон вариативности черт и моделей национальных систем подготовки дипломатических кадров ведущих мировых держав [7, 12, 27]. Но роль образования, по-видимому, не ограничивается участием в социально-кадровой политике. Ведь если и можно говорить о влиянии образования на практическую сферу принятия политических решений, то это прежде всего и главным образом косвенное влияние через образовательный уровень лиц, принимающих решения, через формирование у них базовых (невербальных) когнитивных моделей («картины мира») по наиболее важным аспектам международной и внутриполитической реальности [11]. В этом отношении роль образования трудно переоценить.

Наконец, в рамках третьего – высшего – уровня «магического треугольника» роль образования состоит в наличии (или отсутствии) системы подготовки не только исполнителей и аналитиков бюрократического типа, но и высококлассных экспертов, сотрудников «мозговых центров», публичных интеллектуалов, наконец, профессорского корпуса, ориентированного на работу – в ротационном режиме – в системе внешнеполитических учреждений и университетских центрах [12]. Очевидно, что набор компетенций, присущих такому типу акторов внешнеполитического процесса, часто игнорируемых, между прочим, при анализе национальных моделей принятия решений, существенно отличается от модели компетентности внешнеполитических чиновников. Следовательно, должны различаться и применяемые при их подготовке педагогические стратегии и технологии [9].

Все три обозначенных аспекта подчеркивают особую роль университета как уникальной среды формирования, с одной стороны, микроакторов обоих типов (бюрократов и экспертов-прикладников), а с другой – воспроизведения и тиражирования в глобальном информационном универсуме необходимых моделей национального восприятия. Сказанное требует реконцептуализации наших представлений об оптимальных параметрах «идеал-типической образовательной программы», способной эффективно решать поставленные задачи.

2

«Идеальная магистерская программа»

Проведенное исследование показало, что консенсусными параметрами идеальной магистратуры по международным отношениям, то есть такими, по которым наблюдается согласие всех респондентов, служат следующие критерии и признаки:

(1) постоянный состав ведущей профессуры с широким национальным и международным признанием;

(2) наличие групповых исследовательских проектов под эгидой университета и реализация масштабной издательской программы по тематике международных отношений;

(3) высокие академические показатели зачисленных на программу студентов, демонстрируемые как при поступлении (результаты вступительных испытаний, а также – сам факт их наличия, независимо от формы проведения; как правило, это конкурс портфолио), так и в ходе обучения (высокий средний балл);

(4) наличие программ обучения студентов за границей, включая модули двойного диплома;

(5) двухлетний цикл обучения по международным отношениям с обязательным углубленным изучением, в частности, экономической теории, процессов принятия внутри- и внешнеполитических решений, нескольких иностранных языков, истории международных отношений, мировой финансовой и торговой систем, хотя бы одного региона, а также методологии прикладного политического анализа;

(6) наличие в программах подготовки по международным отношениям расширенных элективных профилей специализации по политологии, экономике, финансам, регионоведению, вопросам международной торговли, международной безопасности и содействию международному развитию;

(7) наличие среди реальных работодателей выпускников магистерских программ внешнеполитических ведомств, международных бизнес- и финансовых структур, международных

⁴ В рамках классификации ресурсов на ресурсы средств (дающие возможность субъекту воздействовать на среду и других субъектов отношений) и ресурсы условий (дающие возможность действовать в принципе) образование в рамках общего потенциала государства, будучи инструментом информационного влияния, является ресурсом средств и относится к внешнему потенциалу государства. Подробнее см.: [1, с. 77-81].

организаций, университетов и иных исследовательских структур;

(8) половозрастное, социальное, этническое и конфессиональное разнообразие (*diversity*) контингента обучающихся, без чего, по мнению участников опроса, невозможно развитие у будущих выпускников критически важных в современном контексте «глобальных» компетенций – умения нестереотипно воспринимать вариантность развития современного мира и его отдельных сегментов;

(9) не менее трех успешных выпусков по магистерской программе.

Отдельное внимание в ходе ответов респонденты уделяли конкретным примерам программ, соответствующих, в их определении, «эталонным» – как по структуре организации, так и по качеству подготовки. Таковыми были институт политических наук (Sciences Po) и Школу перспективных международных исследований Университета Джонса Хопкинса (School of Advanced International Studies, SAIS).

Идеальная магистратура по международным отношениям, таким образом, – это очная двухгодичная программа, в которой каждый студент одновременно имеет сразу три разноплановые специализации: одну – обязательно финансово-экономическую (в Университете Джонса Хопкинса, например, все международники в обязательном порядке проходят микро- и макроэкономику продвинутого уровня, а при поступлении от них требуется сдача GMAT), вторую – функциональную (например: международная безопасность, энергетика, устойчивое развитие и политические проблемы экологии, дипломатия и конфликты), а третью – региональную (углубленное изучение хотя бы одного региона мира).

При этом американские и неамериканские коллеги – вполне предсказуемо – расходятся в вопросе о роли «международного» компонента в образовательной траектории студентов, а именно о наличии обязательного требования хотя бы одной семестровой учебной стажировки за рубежом в течение цикла подготовки. Если для всех неамериканских вузов это почти обязательное условие получения диплома, то для американских вузов – в силу высокой стоимости программы – около 40 000 долларов в год (фактически, конечно, с учетом различного рода стипендий, около 25 000 долларов в год, но без учета расходов на проживание), это, напротив, не приветствуется, по крайней мере на магистерском уровне. В бакалавриате же семестр за границей на практике обязателен и в американских университетах. Речь, разумеется, идет о ведущих вузах.

Судя по всему, более сдержанным становится отношение к **роли и формату магистерских диссертаций**, что связано с двумя причинами. Во-первых, в Ассоциации представлены факультеты международных отношений, которые

позиционируют себя как «профессиональные школы», для которых академические критерии диссертационного исследования менее актуальны. Во-вторых, в силу меньшей строгости требований к магистерским диссертациям (по сравнению с докторскими) общий уровень готовящихся сегодня магистерских диссертаций – как по причине большого объема (в среднем порядка 80 страниц) и загруженности студентов, так и в силу дефицита квалифицированной профессуры для руководства ими – весьма разнороден и варьируется от действительно сильных работ (то, что по-английски называется *publishable*) до откровенно слабых.

Выход респонденты видят либо в подготовке коллективных практико-ориентированных аналитико-прогностических проектов (как в Сьянс По), либо в написании *capstone papers* объемом до 40 страниц (по существу наших курсовых работ). В целях обеспечения единого стандарта качества студенты готовят эти работы под руководством одного профессора, обычно академического директора программы, в ходе научно-исследовательского семинара в третьем семестре обучения (в режиме еженедельных занятий). Выбор тем работ происходит в первом – втором семестрах, тогда же студенты начинают собирать и начитывать соответствующую литературу. В третьем семестре студенты докладывают о промежуточных результатах работы на семинаре и готовят первичный вариант текста, который в четвертом семестре доводится до финальной стадии и отсылается руководителю семинара для выставления итоговой оценки.

Третий блок вопросов – **карьерные перспективы выпускников программ по международным отношениям**. Его актуальность продиктована, с одной стороны, большим количеством качественных программ по этой специальности и невозможностью традиционных работодателей (прежде всего, органов государственной власти и аналитических центров) абсорбировать растущую массу их выпускников, а с другой – наблюдаемым на фоне кризисных явлений в экономике общим снижением поступающих в высшие учебные заведения США абитуриентов (снижение на 2,3% только за последний год), что, прежде всего, сказывается на менее «монетизируемых» специальностях, таких, как «международные отношения» (*International Relations*) и «зарубежное регионоведение» (*Area / Regional Studies*).

Подходы экспертов, а, следовательно, и представляемых ими вузов (в данном случае – руководители соответствующих учреждений) можно резюмировать в следующих макрорекомендациях.

1. Более четкая ориентация потенциальных абитуриентов и студентов на работу не только в органах государственной и муниципальной власти, международных организациях и экспертно-аналитических центрах, но и в подразделениях международных финансово-экономических и коммерческих структур в

качестве консультантов по управлению страновыми и политическими рисками, развитию бизнеса в новых регионах, коммуникациям и взаимодействию с органами власти в стране, с которой планируется экономическое сотрудничество. Как правило, в этих подразделениях они будут работать в мультидисциплинарной команде с коллегами из финансово-аналитических, правовых и иных департаментов. *Отсюда – необходимость:*

2. ввести в учебный план курсы, которые помогут работать в таких мультидисциплинарных командах и понимать, о чем говорят коллеги. Это могут быть курсы по базовому финансовому анализу (умение прочесть финансовый отчет компании), организационному поведению и процессу принятия решений в компаниях, управлению страновыми рисками.

3. Включение в список факультативных дисциплин, открытых для студентов всех магистерских программ, курсы, развивающие компетенции, необходимые для построения более эффективных стратегий на рынке труда: по эффективной бизнес-коммуникации в различных контекстах (коммерческие переговоры, переговоры с работодателем, выступление на конференции с презентацией и последующей дискуссией, рекламная презентация продуктов компании, прохождение собеседования и самопрезентация).

Наконец, последний большой блок повестки дня – **качественное развитие профессорско-преподавательского состава**. В последнее время в ведущих профессиональных школах наметился явный тренд: увеличение, в ряде случаев до 50%, доли курсов, читаемых практиками. Этот тренд наталкивается на ряд проблем, применимых, в частности, к российским вузам. Прежде всего, на какие позиции и на каких условиях трудоустраивать приглашенных практиков в случае, если они переходят в вуз на основное место работы? Американцев – не меньше чем наших коллег-россиян – беспокоят вопросы формального обозначения их должности и участия в управлении факультетом. Американские и некоторые европейские университеты (в частности, Сьянс По) решают эту проблему путем введения специальных должностей – «профессора практики», «клинического профессора» или, как, например, в Университете Дж. Хопкинса «*distinguished practitioner in residence*». В каких-то случаях назначение происходит приказом декана школы, и тогда этот профессор не может участвовать в советах факультета и голосовать по кадровым и организационным вопросам, решаемым на уровне школ. В других случаях, особенно когда речь идет о должности «профессора практики», вопрос о назначении выносится на заседание совета факультета, что предполагает наделение соискателя соответствующими правами. При этом и в том, и в другом случае такие преподаватели не допускаются к руководству магистерскими диссертациями, даже если речь

идет о действительно выдающихся экспертах и аналитиках. Вообще говоря, в этих школах преподаватели без степени не допускаются даже до чтения лекций. Им отводится роль ведущего мастер-класса или практикума [22].

Пример сопоставления магистратур (МГИМО, Сьянс По и Университет Дж. Хопкинса) исходя из заданных параметров приведен в Табл. 1.

3

«Революция в образовательных технологиях: от педагогической вертикали к саморазвитию и взаимному обучению»

В дискурсе о качестве магистерских программ при подготовке дипломатов и специалистов-международников современной формации центральное место последние несколько лет занимает тема (1) внедрения компетентностного подхода и (2) перестройки традиционных образовательных технологий в пользу применения более эффективных методик обучения и в целом организации учебного процесса.

В России и за рубежом на официальных и неофициальных площадках давно и много рассуждали (и писали) про компетентностный подход. Вместе с тем приходится констатировать, что на деле, как правило, речь идет о консервативных подходах к обучению, основанных на классической триаде «знаний, навыков и умений», а термины «компетенция» и «компетентность» используются без привязки к их истинному содержанию [8].

В действительности разговор должен идти о дополнении уровня «знаний» (для дипломата это, прежде всего, знания в области политики и дипломатии, истории, права и экономики), или «когнитивного интеллекта» [23]; и уровня навыков и умений (говорения, перевода, переговоров, письменной речи и т.д.) [5] – уровнем комплексного восприятия профессиональных ситуаций, способности и готовности реагировать на них, адекватно применяя полученные знания, освоенные навыки и умения. Этот сложный комплекс и представляет собой компетенцию, а их присутствие в конкретном человеке характеризует его компетентность. Обобщая мнения респондентов, можно заключить, что в контексте подготовки специалистов-международников ключевыми макрокомпетенциями должны выступать:

- способность к критическому анализу информации, полученной из разных языковых и идеологических источников;

- способность к стратегическому прогнозированию и планированию в условиях дефицита информации и времени, а также высокой цены ошибки;

- готовность брать на себя риски, связанные с принятием экстренных решений;

- способность оценивать происходящее и формулировать рекомендации.

(Представляется, что их дальнейшее дробление не целесообразно и размывает сущность

Матрица сравнения магистратур ведущих университетов

Критерий/вуз	МГИМО МИД России	Sciences Po	SAIS, Johns Hopkins University
Вид и характер выпускной квалификационной работы	Полноценная магистерская диссертация («publishable paper»)	Коллективные практико-ориентированные аналитико-прогностические проекты	«Capstone paper» (курсовая работа, объем до 40 страниц)
Наличие международного компонента (зарубежная стажировка)	Желательно	Обязательно	Не приветствуется
Карьерные перспективы студентов	1) органы государственной власти, аналитические центры, исследовательские институты 2) финансово-экономические и коммерческие структуры 3) МИД России	1) органы государственной власти, аналитические центры, исследовательские институты 2) финансово-экономические и коммерческие структуры	1) органы государственной власти, аналитические центры, исследовательские институты 2) финансово-экономические и коммерческие структуры
Профессорско-преподавательский состав (наличие «клинических профессоров», или профессоров практики, иностранной профессуры с международным признанием)	Смешанная структура преподавателей-теоретиков и преподавателей практиков (без выделения отдельных ставок на преподавателей практиков). Модули приглашенных иностранных преподавателей	Смешанная структура преподавателей-теоретиков и преподавателей практиков (с выделением отдельных ставок на преподавателей практиков). Наличие в штате иностранной профессуры, рекрутируемой на международном рынке	Смешанная структура преподавателей-теоретиков и преподавателей практиков (с выделением отдельных ставок на преподавателей практиков). Интернациональный состав преподавателей с международным признанием
Признание диплома в других государствах; место в предметных рейтингах	Страны ЕС – признание в рамках Болонских договоренностей; с отдельными странами (в частности – Францией и большинством стран ЦВЕ – на основе межправительственных соглашений) США – на разовой основе	Полное признание после легализации документов; 5-е место в предметном рейтинге QS	Полное признание, в том числе в России; 16-е место в глобальном рейтинге QS
Источник финансирования	Бюджетное финансирование; возможна договорная форма обучения (составляет меньшую часть)	Частное финансирование (оплату за обучение производят студенты); возможны гранты и социальные стипендии – вплоть до полного освобождения от оплаты	Частное финансирование (оплату за обучение производят студенты); возможны гранты – в объеме до 50% стоимости обучения.

понятия компетенция как образовательного «бенчмаркера».)

Вышеперечисленные компетенции можно описать, заимствуя терминологию образовательных стандартов, как *общепрофессиональные*. Еще большее значение в контексте специфики дипломатической работы приобретают *общекультурные* компетенции: (1) эмоционально-психологическая устойчивость, предусматривающая способность дипломата управлять эмоциональным и психическим состоянием себя и другого, осознавать и корректировать свои мотивационные установки [33]; (2) так называемый «социальный интеллект», то есть способность формировать вокруг себя благоприятную социальную среду, создавать и поддерживать сеть рабочих контактов; (3) «культурный интеллект» – способность оптимизировать эффективность своей деятельности через корректное восприя-

тие чужой культуры и адекватное поведение в инокультурном контексте [33].

Практически единодушный вывод опрошенных состоит в том, что ни одна из этих компетенций не может быть сформирована в классической среде вуза – в режиме лекций или семинаров и по вертикальной линии – «профессор – студент». Их можно выработать только при воспроизведении в учебном контексте ситуаций, максимально приближенных к «полевым». На это и должна быть направлена методическая работа в вузе [28].

Отсюда – закономерное внимание второму тематическому блоку – как менять технологии и методики обучения. Ведущим трендом в этом отношении является активное внедрение в учебный процесс методик «peer to peer learning» – взаимного, или горизонтального, обучения за счет более широкого использования проектных

и групповых форм работы. Эти технологии давно известны и описывались в педагогике с конца XVIII века (Белл-Ланкастерская система), но оказались незаслуженно забыты в классических университетах, тогда как в корпоративных университетах и бизнес-школах они широко используются. Сейчас их пытаются активно возвращать в традиционную образовательную среду. Так, в Дипломатической академии «Форин офис» подготовка дипломатов делится на три уровня сложности – foundation, professional and expert. На первых двух – обучение происходит по разработанной программе, с ридерами, в группах по 15-20 человек, но без преподавателя. (Это, конечно, экстремальный вариант применения данной технологии. В студенческой среде направляющая роль и присутствие преподавателя в аудитории необходимы.) На экспертном уровне студента курирует опытный преподаватель, как правило, практик, бывший посол, но студент при этом самостоятельно и осознанно движется по предписанной программе. Строгость и жесткость форм промежуточного и итогового контроля при этом не ослабляются. К тому же у таких студентов есть и профессиональная мотивация: от результатов освоения курса зависит его трудоустройство и карьерное продвижение в системе «Форин офис». (Фактически речь идет об аналоге индивидуального плана работы магистранта и аспиранта, который в российской высшей школе прописан на бумаге, но на деле отсутствует.)

Существуют количественные исследования, показывающие, что эффективность взаимного обучения (которое в смысле обеспеченности методическими материалами должно быть не менее, а более структурированным) оказывается на порядок выше, чем при использовании традиционных «вертикальных» методов обучения [22].

Второй блок популярных методик – симуляция реальных ситуаций, повсеместное внедрение практического компонента, привлечение студентов к решению практических или квазипрактических проблем и ситуаций [13, 20]. Отдельно следует сказать об отношении респондентов к теме дистанционного и онлайн-обучения. Консенсусным мнением участников является признание провала *massive open online courses* (MOOCs), реализуемого группой ведущих бостонских вузов (MIT, Harvard, Tufts, Boston University). За прошедшие с их запуска 5 лет накоплен достаточный объем статистики, свидетельствующий об их низкой эффективности: только 6% их виртуальных слушателей смогли пройти курсы до конца и получить сертификат. Перефразируя рекомендации респондентов – не переводите в онлайн-режим то, что можно дать в очном режиме, так как ни одна из компетенций, востребованных современным дипломатом, в режиме онлайн быть выработана не может. Речь в этом формате может идти только о приобретении отдельных пластов знаний, а также навыков и умений, но не их отработке.

Затрагивался и вопрос о роли цифровой дипломатии и социальных сетях. Консенсусная позиция респондентов: социальные сети – это инструмент общения, игнорировать которые сегодня не может ни один дипломат. Однако значение цифровой дипломатии остается несколько преувеличенным, поскольку социальные сети могут способствовать решению только одной из задач дипломатии – информационно-разъяснительной. Отчасти – информационно-аналитической. Однако цель и смысл дипломатической деятельности состоит в предоставлении проверенной, доверительной информации, источником которой по-прежнему остаются личные профессиональные контакты дипломата [34].

4

«Интернационализация образования как условие качества»

Самостоятельный раздел опросного листа касался роли интернационализации высшего образования, преимуществ, а также вызовов и трудностей с ней связанных. Интернационализация образовательных программ является важнейшим компонентом стратегии повышения качества. Это комплексный процесс, включающий в себя, во-первых, расширение программ учебных обменов, причем не языковых, а с полноценным освоением предметов на языке в вузе-партнере, во-вторых, активизация программ обменов преподавателями, в том числе в перспективе с целью осуществления совместных исследовательских проектов; в-третьих, создание полноценных совместных магистерских программ двух и более дипломов. Обобщение экспертных мнений и оценок позволяет сгруппировать преимущества интернационализации следующим образом.

1. Программы двойных дипломов – представляют собой то, что в английском называют *win-win situation*. В них нет проигравшей стороны, несущей убытки, хотя, конечно, нередко формально совместные программы оказываются неравноправными, особенно если в сотрудничестве вступают разнокалиберные или разноопытные игроки. В России, к сожалению, такое случалось в самом начале пути – в 1990-х годах и, по-видимому, происходит до сих пор в случае с вузами, только-только вступающими на «траекторию интернационализации». Порекомендовать здесь можно, наверное только одно, выстраивать партнерства с зарубежными университетами «своей лиги» или чуть выше.

Между тем рядовым участникам – преподавателям, менеджерам образовательного процесса и студентам – эти программы дают сплошные преимущества: внешний, но горизонтальный – то есть гораздо менее болезненный – механизм контроля качества, его постоянный мониторинг, «сверка часов»; обмен административным и учебно-методическим опытом на уровне управленцев и преподавателей, возможность проведения совместных исследований – в том числе с вовлечением интернационального состава студентов,

■ Мировая политика

повышение инокультурной и иноязычной адаптивности студентов, укрепление их глобального мировидения и в целом усиление их конкурентных позиций на рынке труда и занятости – причем не ограниченном национальными рамками страны происхождения. Наконец, для студентов это снимает проблему признания дипломов, что, несмотря на существование правил болонского процесса, по-прежнему актуально [19].

2. Несмотря на очевидные преимущества реализации программ двойных дипломов, этот процесс сопряжен с целым спектром вызовов различного порядка, которые необходимо преодолеть на пути к качественной совместной образовательной программе. Часть этих вызовов необходимо устранить на первичном этапе, поскольку они образуют базовые предпосылки, без которых запуск подобных программ невозможен. Создание этих предпосылок имеет системный и инерционный характер, и, к сожалению, их нельзя сформировать в одночасье. **Во-первых**, это способность студентов осваивать профессиональную образовательную программу на иностранном языке, что означает наличие компетенций во всех видах речевой иноязычной деятельности – чтение, говорение, аудирование и письмо. К сожалению, даже сертификаты, подтверждающие знание языка, не всегда являются гарантией необходимого уровня владения языком. Требуется умение систематически работать на языке и, в конечном счете, подготовить выпускную квалификационную работу на языке. Это не эссе на 100-150 слов, как в экзамене, а качественно иной навык [6].

Во-вторых, это способность преподавателей университета комплексно поддерживать учебный процесс на иностранном языке. В России многие вузы до сих пор рассчитывают на то, что к ним на обучение приедут студенты, знающие русский язык. Такое, в самом деле, может происходить в первые годы. Но со временем вузы, ориентированные исключительно на этот сегмент абитуриентов, неизбежно сталкиваются с проблемой «непредсказуемости набора», поскольку резерв русскоговорящих абитуриентов-иностранцев исчерпаем и во всяком случае кратно меньше пула потенциальных абитуриентов, готовых учиться на английском языке. И снова приходится вести речь обо всем спектре иноязычных компетенций со стороны преподавателей, включая возможность руководить выпускными работами – магистерскими диссертациями. Важно понимать, что прочитать полноценный курс на языке – с лекциями, семинарами-обсуждениями, проверками работ и разъяснением ошибок – это не выступить раз в год на международной конференции по написанному тексту. К тому же студентам потребуются и учебно-методические разработки: нельзя обучать студентов по зарубежным работам, иначе пропадает смысл приезжать в Россию. Анкетирование студентов в МГИМО показывает, что *иностранцам*

студентам интересен прежде всего российский взгляд, особенно в социальных науках, и рано или поздно возникнет запрос на создание собственной учебно-методической литературы, а расходы на перевод, как известно, слишком велики, чтобы быть опцией по умолчанию. Ресурс таких преподавателей весьма ограничен во всех университетах неанглоязычного мира. Исключение, пожалуй, составляют Германия и скандинавские страны [29].

В-третьих, это наличие административного аппарата в образовательной организации, причем не только руководителей соответствующих направлений, но и управленцев низшего звена – координаторов программ, а также сотрудников подразделений, вынужденных взаимодействовать с иностранными студентами, – *которые говорили бы на английском языке в достаточной мере.* Это, к сожалению, большой вызов, который часто поначалу недооценивают. Практика даже ведущих университетов демонстрирует, что недовольство студентов огрехами в административном сопровождении программ могут в последующем серьезно мешать набору абитуриентов.

Наконец, **в-четвертых**, вопрос размещения иностранных студентов в российских общежитиях. Меньшая по остроте проблема, о которой тоже нужно помнить, так как в общежитиях студенты проводят 2/3 своего времени и бытовые проблемы легко могут омрачить блестяще выстроенный и организованный учебный процесс.

3. Международные образовательные программы относятся не только к сфере образования. Оценивая их место и роль, важно помещать их в более широкий контекст разворачивающихся глобальных тенденций, или мегатрендов, и исходя из этого структурировать сопряженные с их реализацией вызовы.

Во-первых, рассматриваемое нами явление – часть глобальных миграционных процессов, связанных с ежегодным перемещением больших масс людей в поисках лучших условий жизни. В эти процессы вовлечены сотни миллионов людей, часть из них – учебные мигранты. Более того, учебная миграция лишь первый срез явления. Второй его срез определяется тем, что регулирование учебной миграции имеет экономические последствия, поскольку служит инструментом привлечения высококвалифицированных работников, то есть стимулирует трудовую миграцию, причем тот ее сегмент, который критически нужен России. Учебные мигранты впоследствии могут превратиться в т.н. интеллектуальных мигрантов (вынужден констатировать, что данный термин не вполне удачен: получается, что у других мигрантов как бы нет интеллекта; правильнее говорить и миграции высококвалифицированных работников). Отсюда – проблема «утечки мозгов» и связанной с ней внеэкономической конкуренцией за вполне экономический ресурс – квалификацию высококлассных специалистов.

Чл.-корр. РАН С.В. Рязанцев определяет цели российской миграционной политики следующим образом: «стимулирование внутренней миграции; сокращение эмиграционного оттока населения из России и стимулирование притока нужных для страны категорий иммигрантов на постоянное место жительства, работу и учебу в необходимых параметрах»⁵.

В приведенной цитате, помимо аспектов трудовой и учебной миграции, содержится, кстати, указание на необходимость привлечения нужных категорий мигрантов, в том числе на постоянное место жительства. Продолжим эту мысль – с перспективой пополнения постоянного наличного экономически активного населения страны и, возможно, полноправных граждан России.

Значение учебной миграции с точки зрения решения уже не чисто экономических или социально-экономических, а демографических проблем России трудно переоценить. На сегодняшний день принятие в гражданство Российской Федерации проходит по крайне затрудненной процедуре. Посмотрим на статистику: вопреки многим мифам, по сведениям МВД и Росстата, фиксирующим данные о миграции в Россию на постоянное место жительства, ежегодно регистрируется сокращение постоянно проживающих на Дальнем Востоке китайцев на 400-500 человек [15]. Между тем никакой ошибки нет: в действительности, речь идет о тех китайцах, которые в обход квот – через брачные отношения – вступают в российское гражданство. Другими словами, на фоне формально сложной процедуры вступления в гражданство его качественного «нормирования» не происходит.

Как представляется, освоение образовательной программы в России – один из оптимальных способов селекции потенциальных граждан в любой стране мира, поскольку, согласимся, это, как правило, наиболее социально адаптированные категории мигрантов. Они социокультурно, эмоционально-психологически и лингвистически лучше всего подготовлены к жизни в России. И, наверное, в отношении этих категорий мигрантов требования по вступлению в российское гражданство должны быть облегчены.

Помимо миграционного и демографического аспекта, международные программы являются частью процессов международного трансфера технологии и инноваций – в том числе и образовательных, но также и развертывания межуниверситетских (а следовательно, и межстрановых) технологических альянсов, особенно важных в сфере естественных, точных и физических наук и способствующих экономическому развитию.

МГИМО и многие другие ведущие российские вузы (прежде всего МГУ, СПбГУ, РУДН) накопили солидный опыт успешного решения этих

поистине государственных задач: многие наши иностранные выпускники из учебных мигрантов со временем превращаются в трудовых, переезжают сюда на постоянное место жительства и даже начинают участвовать в процессах брачной миграции, помогая решать демографические проблемы России. Тем не менее мы, как Университет, продолжаем сталкиваться с целым набором проблем, которые целесообразно вынести на обсуждение университетского сообщества и решать во взаимодействии с профильными государственными структурами.

Первая проблема – проблема той самой адекватной социально-культурной адаптации иностранцев. Самостоятельным измерением этой проблемы является адаптация студентов к российскому рынку труда. В этом смысле проблема адаптации смыкается с юридической стороной дела, с эффективным решением вопросов поиска и оформления мест прохождения практики: а ведь многие иностранные студенты настроены на прохождение оплачиваемой стажировки.

Вторая проблема – выравнивание экономических условий обучения. Это вопрос разницы в оплате обучения, работы преподавателей, приобретения учебной литературы, общежитий для студентов и гостиничных номеров – для приглашенных профессоров. Важный аспект этой проблемы – возможность материальной поддержки не только российских, но и иностранных студентов по социальным и академическим основаниям на программах, на которых нет бюджетных мест. К сожалению, пока иностранные вузы-партнеры имеют в этом отношении больше гибкости.

Наконец, важный блок – юридический. Это проблема признания дипломов и квалификаций, соотношения зачетных единиц, оформления иностранных преподавателей, иммиграционный режим, вопросы трансграничного распределения доходов от образовательных программ между вузами-партнерами.

Фактически речь идет об объективном складывании особого предмета регулирования – комплексной регламентации учебной миграции, включающей вопросы научного сотрудничества, образовательного законодательства, трудовые вопросы. На наш взгляд, правовое урегулирование этого сегмента отношений должно осуществляться в рамках специальных юридических актов.

* * *

Ведущие российские вузы в области международных отношений, и прежде всего МГИМО, остаются уникальными международно-признанными образовательными центрами, интегрирующими мощнейшую языковую подготовку, преподавание специализированных знаний и развитие профессиональных навыков и умений.

⁵ Рязанцев С.В. Новая концепция регулирования миграции в России [Электронный ресурс]. Ресурс доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document234490.phtml> (дата обращения 03.02.2016).

■ Мировая политика

Вместе с тем основной вызов, стоящий перед российским университетским сообществом сегодня, – насущная потребность осуществить полномасштабную «методическую» перестройку преподавания специальных дисциплин, прежде

всего, но не только, связанных с развитием навыков анализа, переговоров, дипломатии⁶. Это вопрос уже не только образования, но и эффективности внешней политики.

Список литературы

1. Антюхина-Московченко В.И., Злобин А.А., Хрусталева М.А. Основы теории международных отношений. М.: МГИМО, 1980. 94 с.
2. Байков А.А. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2(35). С. 36-46.
3. Богатуров А.Д. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. № 4 (12). С. 5-15.
4. Введение в прикладной внешнеполитический анализ / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2014. 268 с.
5. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики / Е.В. Воевода // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 9-12.
6. Воевода Е.В. Регионализация профессиональной языковой подготовки специалистов-международников. // Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сб. науч. тр. / под ред. В.Г. Шадуурского. Минск, БГУ: 2013. Вып.1. С. 22-28.
7. Дубинин Ю.В. Дипломатическая служба Франции / Ю.В. Дубинин // Дипломатия иностранных государств : учеб. пособие / под ред. Т.В. Зоной ; МГИМО (У) МИД РФ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 38-69.
8. Зимняя И.А. Компетенция и компетентность в образовании // Эйдос. 2014. №4. 17 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusreadorg.ru/ckeditor_assets/attachments/63/i_a_zymnaya_competency_and_competence.pdf (дата обращения: 03.02.2016).
9. Зонова Т.В. Новые проблемы дипломатии. / Современные международные отношения и мировая политика. Под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2004. С. 467-494.
10. Истомин И.А. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды // Международные процессы. 2012. Т.10. №30. С. 58-72.
11. Истомин И.А. Механизм научно-аналитического обеспечения внешнеполитического процесса в США // Вестник МГИМО-Университета. 2009. №6. С. 97-110.
12. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2003. 576 с.
13. Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы: методика проведения. М.: НОФМО, 2006. 28 с.
14. Романенко Н.М. Содержание процесса самообразования студентов как педагогическая проблема // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 270-272.
15. Рязанцев С.В. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора // Международные процессы. 2012. № 3 (31). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/thirtieth/Ryazantsev.pdf> (дата обращения: 03.02.2016).
16. Торкунов А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 7-8.
17. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // Международные процессы. 2008. № 1 (16). Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm> (дата обращения: 03.02.2016).
18. Хрусталева М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015. 208 с.
19. Bertrand J.L., Lee Ji-Young. Teaching International Relations to a Multicultural Classroom // International Journal of Teaching and Learning in Higher Education, 2012, Volume 24, Number 1, pp.128-133.
20. Elder R. E. Teaching International Relations: The Model Security Council or General Assembly. American Political Science Association. // The American Political Science Review. Vol. 43. No. 1 (Feb., 1949). Pp. 95-98.
21. Engert S., Spencer A. International Relations at the Movies: Teaching and Learning about International Politics through Film. // Perspectives. Vol. 17. No. 1. 2009. Pp.83-103.
22. Fox W. T. R., Baker Fox A. The Teaching of International Relations in the United States. // World Politics (Cambridge University Press). Vol. 13. No. 3 (Apr., 1961). Pp. 339-359.

⁶ Текст выступления академика А.В. Торкунова на установочном заседании федерального учебно-методического объединения (ФУМО) по укрупнённой группе направлений подготовки 41.00.00. «Политические науки и регионоведение». Москва, МГИМО, 10.03.2016 г.

23. Fulmer I.S., Barry B. The Smart Negotiator: Cognitive Ability and Emotional Intelligence in Negotiation. // International Journal of Conflict Management. 2004. No. 15 (3). Pp. 34-38.
24. Global Go To Think Tank Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gotothinktank.com/> (дата обращения 03.02.2016).
25. Johnson M. Everything You Need to Know About the Basics of International Relations. // Need to Know Series. [Newmarket, Ont.], BrainMass Inc., 2012. 29 p.
26. Keohane R. (ed.) Neorealism and its Critics. New York, Columbia University Press, 1986. 378 p.
27. Korshuk A. On Intercultural Training of Diplomats. In H. Slavik (ed.) Intercultural Communication and Diplomacy. Malta, Geneva: DiploFoundation, 2004. Pp. 405-415.
28. Lane J.E. Higher Education and International Relations: A (very) Brief Overview of Governmental Strategies / Rockefeller Institute of Government, 06/03/2012. Режим доступа: http://www.rockinst.org/pdf/public_policy_forums/2012-03-06-Lane%20Government%20Strategies.pdf (дата обращения: 03.02.2016).
29. Lane J.E. Importing Private Higher Education: International Branch Campuses // Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice, 2011, no. 13, vol. 4, pp. 367-381.
30. Mustafayeva Sh., Schnitzer-Skjonsberg A. Ambivalence in International Dialogue: Implications for Diplomatic Training. // The Scandinavian Journal of Intercultural Theory and Practice (forthcoming). 2016.
31. QS World University Rankings by Subject 2015 - Politics & International Studies [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2015/politics> (дата обращения 03.02.2016).
32. Rochester J.M. The Fundamental Principles of International Relations / New York: Westview Press, 2010. 432 p.
33. Russell W.E. "Control Yourself, Sir": A Call for Research into Emotion Cultures in Diplomacy. In H. Slavic (ed.) Intercultural Communication and Diplomacy. Malta, Geneva: Diplofoundation, 2004. Pp. 391-402.
34. Sharp P. Who Needs Diplomats? The Problems of Diplomatic Representation. // International Journal. 1997. No. 52 (4). Pp. 609-634.
35. The best International Relations Schools in the World [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2015/02/03/top-twenty-five-schools-international-relations/> (дата обращения 03.02.2016).
36. Van Dyne L., Ang S., Livermore D. Cultural Intelligence: A Pathway for Leading in a Rapidly Globalizing World. In K.M. Hannum, B. McFeeters, L. Booysen (eds.). Leading Across Differences. San Francisco, Pfeiffer, 2010. Pp. 131-138.

Об авторе

Андрей Анатольевич Байков – проректор по магистерским и международным программам, к.полит.н., доцент, МГИМО МИД России. E-mail: baykov@mgimo.ru.

APPLIED IR TRAINING AND AN EFFECTIVE FOREIGN POLICY

A.A.Baykov

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *This article examines the main aspects of the IR experts' professional education and training, aimed at improving the efficiency of the foreign office staff. A new approach has been taken to the problem of updating and rationalization of the current academic programs (especially, MA training programs) in order to boost the competitiveness of national educational system at the global education market. The main focus is shifted from marketing to quality and "content" characteristics of the professional training in IR studies' area within the organization of higher education.*

The author draws on the empirical data, collected by means of analysis, processing and generalization of expert assessments and evaluations of Russian and foreign participants of international faculty and university forums in International Studies in 2015. As a result, the article proposes an ideal model of the master's program, developed by the author, based on "benchmark" International Relations/World Politics programs, which are highly valued by the respondents. Moreover, it examines the most relevant issues, concerning the framework of students' teaching process (including preparation of master's theses), further employment of graduates and, finally, the development/modernisation of teaching staff.

In conclusion, the article highlights recommendations on probable reforms of higher education in IR studies' area. The author does not criticize the national education system destructively. On the contrary, the inevitable question is how to converge the best qualities of domestic and foreign institutions of higher

■ Мировая политика

education system in a harmonious way. The article is designed and might be of interest for higher education and training experts, as well as for a wide range of readers interested in the education and training of the foreign office staff.

Key words: effective foreign policy; foreign policy and education; applied education programs; an expert in international affairs.

References

1. Antyukhina-Moskovchenko V., Zlobin A., Khrustalev M. Osnovy teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [The Foundations of International Relations Theory]. Moscow: MGIMO University Press Publ., 1980. 94 p. (In Russian)
2. Baykov A. Miagkaia moshch Evropeiskogo soiuza v globalnom silovom ravnesii: evro-rossiiskii trek [The EU Soft Power in the Global Equilibrium]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2014, no. 2 (35), pp. 36-46. (In Russian)
3. Bogaturov A. Liderstvo i detcentralizatsiia v mezhdunarodnoi sisteme [Leadership and Decentralization in the International System]. Mezhdunarodnye protsessy, 2006, no. 4 (12), pp. 5-15. (In Russian)
4. Shakleina T. (ed.) Vvedenie v prikladnoi vneshnepoliticheskii analiz [Introduction to Applied Foreign Policy Analysis]. Moscow, Aspekt Press Publ. 2014. 268 p. (In Russian)
5. Voevoda E. Professionalnaia iazykovaia podgotovka studentov-mezhdunarodnikov: voprosy didaktiki [Professional Linguistic Training of Students of International Relations Programs: Didactics' Issues]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2013, no.1, pp. 9-12. (In Russian)
6. Voevoda E. Regionalizatsiia professionalnoi iazykovoi podgotovki spetsialistov-mezhdunarodnikov [Regionalization of Professional Linguistic Training of Experts in International Relations]. Shadurskiy V. (ed.) Aktualnye voprosy filologii, pedagogiki i metodiki prepodavaniia inostrannykh iazykov [Relevant Issues of Philology, Pedagogics and Teaching Techniques of Foreign Languages]. Minsk, BGU Publ., 2013. 1st ed., pp. 22-28. (In Russian)
7. Dubinin Iu. Diplomaticeskaya sluzhba Francii [Diplomatic Service in France]. Zonova T. (ed.) Diplomatiia inostrannykh gosudarstv [Diplomacy of Foreign States]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. Pp. 38-69. (In Russian)
8. Zimnyaya I. Kompetentsiya i kompetentnost' v obrazovanii [Competence and Competency in Education]. Eidos, 2014, no. 4.
9. Zonova T. Novye problemy diplomatii [New Problems of Diplomacy]. Torkunov A. (ed.) Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniia i mirovaia politika [Contemporary International Relations and World Politics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 2004. Pp.467-494. (In Russian)
10. Istomin I. Vneshnepoliticheskaya ekspertiza i konstruirovaniye mezhdunarodnoi sredy [Expert Evaluation of Foreign Policy and Construction of International Environment]. Mezhdunarodnye protsessy, 2012, no. 30, pp. 58-72. (In Russian)
11. Istomin I. Mekhanizm nauchno-analiticheskogo obespecheniia vneshnepoliticheskogo protsessa v SSHA [The Mechanism of Scientific and Analytical Support of the U.S. Foreign Policy]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2009, no. 6, pp. 97-110. (In Russian)
12. Popov V. Sovremennaya diplomatiia: teoriia i praktika. Diplomatiia - nauka i iskusstvo: kurs lektcii [Contemporary Diplomacy: Theory and Practice. Diplomacy is a Science and an Art: Lecture Course], 2nd ed., enlarged. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ. 2003. 576 p. (In Russian)
13. Primakov E., Khrustalev M. Situatsionnye analizy: metodika provedeniia [Situational Analysis: Procedure]. Moscow, NOFMO Publ. 2006. 28 p. (In Russian)
14. Romanenko N. Soderzhanie protsessa samoobrazovaniia studentov kak pedagogicheskaya problema [The Content of Students' Self-Education as a Pedagogical Problem]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2013, no. 3, pp. 270-272. (In Russian)
15. Ryazantsev S. Globalizatsiya po-kitaiski: investitsii, migratsiya, diaspora [Globalisation in the Chinese Style: Investments, Migration, Expatriate Community]. Mezhdunarodnye protsessy, 2012, no. 3 (31). Available at: <http://www.intertrends.ru/thirtieth/Ryazantsev.pdf> (Accessed 03.02.2016). (In Russian)
16. Torkunov A. Pedagogika i podgotovka spetsialistov-mezhdunarodnikov [Pedagogics and Training of Experts in International Relations]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2013, no. 1, pp. 7-8. (In Russian)
17. Fominyh A. «Myagkaya moshch» obmennyykh programm [«Soft Power» of Exchange Programs]. Mezhdunarodnye protsessy, 2008, no. 1 (16). Available at: <http://www.intertrends.ru/sixteenth/008.htm> (Accessed 03.02.2016). (In Russian)
18. Khrustalev M. Analiz mezhdunarodnykh situatsii i politicheskaya ekspertiza [Analysis of International Situations and Political Expert Evaluation]. Moscow: Aspekt Press, 2015. 208 p. (In Russian)
19. Bertrand J. L., Lee Ji-Young. Teaching International Relations to a Multicultural Classroom. International Journal of Teaching and Learning in Higher Education, 2012, vol. 24, no. 1, pp.128-133.

20. Elder R.E. Teaching International Relations: The Model Security Council or General Assembly. American Political Science Association. The American Political Science Review, vol. 43, no. 1 (Feb. 1949), pp. 95-98.
21. Engert S., Spencer A. International Relations at the Movies: Teaching and Learning about International Politics through Film. Perspectives, 2009, vol. 17, no. 1.
22. Fox W.T.R., Baker Fox A. The Teaching of International Relations in the United States. World Politics (Cambridge University Press), vol. 13, no. 3 (Apr., 1961), pp. 339-359.
23. Fulmer I.S., Barry B. The Smart Negotiator: Cognitive Ability and Emotional Intelligence in Negotiation. International Journal of Conflict Management, 2004, no. 15 (3), pp. 34-38.
24. Global Go To Think Tank Index. Available at: <http://gotothinktank.com/> (Accessed 03.02.2016).
25. Johnson M. Everything You Need to Know About the Basics of International Relations. Need to Know Series. [Newmarket, Ont.]: BrainMass Inc., 2012. 29 p.
26. Keohane R. (ed.) Neorealism and its Critics. New York, Columbia University Press, 1986. 378 p.
27. Korshuk A. On Intercultural Training of Diplomats. In H. Slavik (ed.) Intercultural Communication and Diplomacy. Malta, Geneva, DiploFoundation, 2004. Pp. 405-415.
28. Lane J.E. Higher Education and International Relations: A (very) Brief Overview of Governmental Strategies / Rockefeller Institute of Government. 06.03.2012. 4 p.
29. Lane J.E. Importing Private Higher Education: International Branch Campuses. Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice, 2011, no. 13, vol. 4, pp. 367-381.
30. Mustafayeva Sh., Schnitzer-Skjonsberg A. Ambivalence in International Dialogue: Implications for Diplomatic Training. The Scandinavian Journal of Intercultural Theory and Practice (forthcoming). 2016.
31. QS World University Rankings by Subject 2015 - Politics & International Studies Available at: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/university-subject-rankings/2015/politics> (Accessed 03.02.2016).
32. Rochester J.M. The Fundamental Principles of International Relations. New York, Westview Press, 2010.
33. Russell W.E. "Control Yourself, Sir": A Call for Research into Emotion Cultures in Diplomacy. In H. Slavic (ed.) Intercultural Communication and Diplomacy. Malta, Geneva, Diplofoundation, 2004. Pp. 391-402.
34. Sharp P. Who Needs Diplomats? The Problems of Diplomatic Representation. International Journal, 1997, no. 52 (4), pp. 609-634.
35. The best International Relations Schools in the World Available at: <http://foreignpolicy.com/2015/02/03/top-twenty-five-schools-international-relations/> (Accessed 03.02.2016).
36. Van Dyne L., Ang S. Livermore, D. Cultural Intelligence: A Pathway for Leading in a Rapidly Globalizing World. In K.M. Hannum, B. McFeeters, L. Booysen (eds.). Leading across differences. San Francisco, Pfeiffer Publ., 2010. Pp. 131-138.

About the author

Andrey A. Baykov – Vice-Rector for International Programs, PhD (Political Science), Associate Professor, MGIMO University. E-mail: baykovaa@yandex.ru.

РОЛЬ ИСТОРИИ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В.В. ПУТИНА

О.Н. Барабанов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

.....

Предметом рассмотрения статьи является формирование выраженного акцента на роль истории и историко-цивилизационного наследия в формулировании внешнеполитической стратегии России в программных концептуальных выступлениях президента России В.В. Путина в период 2013–2015 гг. Выдвинутый президентом летом–осенью 2013 г. тезис о России как стране-цивилизации стал основой для серьезных практических действий по активизации внешней политики России, начиная с 2014 г. Это ярким образом проявилось в ходе украинского кризиса, но также и в позиции по другим ключевым международным событиям последних двух лет.

Другой очень важный постулат данной внешнеполитической стратегии – тезис о сакральности истории для России, намного превосходящий то внимание к национальной исторической памяти, которое свойственно риторике руководителей других государств. Из этого тезиса вытекает осознание предельной исторической ответственности государственных деятелей перед Россией, сформулированное нашим президентом, что привносит новое измерение в моральные основы политики и государственного управления. В статье также анализируется роль и значимость новых политических инструментов и площадок для формулирования исторически обусловленной политики, таких, как Валдайский клуб и др.

.....

Ключевые слова: Россия, В.В. Путин, Валдайский клуб, внешнеполитическая стратегия, внешнеполитическая идеология, история, историческая память, исторический глобализм.

Российская внешняя политика всегда отличалась глобальным характером. Так было в советский период, так строит Россия свою политику и сейчас. При этом российский глобализм зачастую позиционировался как альтернатива западным внешнеполитическим стратегиям. Причины такого подхода лежат не только в политической идеологии или географии, но и в истории. Именно история служит ключом к объяснению как глобальной значимости российской внешней политики, так и глобальной уникальности России. Такой подход особенно усилился в 2013–2015 гг., когда обращение к истории присутствовало во всех концептуальных выступлениях В.В. Путина, посвящённых внешней политике. Поэтому их анализ представляется важным для понимания заметной активизации внешней политики России, которую мы наблюдаем с 2014 г.

Таким образом, одним из важнейших элементов российской глобальной стратегии стало использование истории для объяснения и аргументации современной политической линии. Вызревание этой тенденции происходило постепенно. Обращение российской внешнеполитической идеологии к истории происходило и раньше, но до 2013–2014 гг. оно, по преимуществу, носило характер защиты в своего рода «войнах исторической памяти». После краха социалистической системы в Европе и распада Советского Союза в 1991 г. новые независимые государства на территории СССР, а также бывшие социалистические страны начали процесс критического переосмысления своих отношений с Россией. В этих условиях история стала очень важным фактором современной политики. Создание структур, подобных институтам национальной памяти и музеям оккупации, затронуло многие страны региона. В первую очередь, по понятным причинам, это были Польша и страны Прибалтики. В период президентства Виктора Ющенко аналогичная стратегия начала реализовываться на Украине. В случае особо резонансных шагов в этом направлении (таких, например, как перенос памятника советскому солдату в Эстонии) Россия отвечала «замораживанием» политических отношений, кампаниями по бойкоту товаров данной страны и пр. Но эти периоды были временными, и с течением года–двух ситуация относительно нормализовывалась.

Значительная часть «войн исторической памяти» касалась событий Второй мировой войны, таких как соглашение Молотова-Риббентропа и его последствия, Катынь и пр. В ряде вышеупомянутых стран сформировалась тенденция ставить знак равенства между фашизмом и большевизмом, между Советским Союзом и нацистской Германией, между Сталиным и Гитлером, НКВД и Гестапо. Такого рода историческая

оценка приводила к конкретным политическим последствиям – запрету советской символики наряду с нацистской, попыткам запрета коммунистических партий и т.п.

Параллельно в постсоветской России происходил процесс усиления символической значимости победы СССР во Второй мировой войне, отчасти связанный с перераспределением праздничных дней. Два главных праздника Советского Союза – День международной солидарности трудящихся 1 мая и годовщина Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября – на которые устраивались торжественные демонстрации и парады на Красной площади (и по всей стране), утратили актуальность. «Новые» праздники, связанные с событиями недавней истории – День независимости России 12 июня и День Конституции России 12 декабря – не вызвали большого энтузиазма. В результате праздник Дня Победы 9 мая, отчасти естественно, стал восприниматься как главный государственный праздник. Постепенно установилась традиция ежегодных военных парадов на Красной площади 9 мая (чего не было в советский период¹). Усиление значимости этого праздника привело и к чётко постулируемой на государственном уровне сакрализации победы Советского Союза во Второй мировой войне. Наряду с первым полётом в космос Юрия Гагарина, победа над Германией стала восприниматься как важнейшее историческое событие и главный повод к национальной гордости. Победа и Гагарин оформились как два ключевых элемента исторического наследия России, которые не только оказывали определяющее влияние на современность, но и подчёркивали глобальную значимость и особый, недоступный никому другому характер исторического прошлого России.

В этом контексте антисоветская трактовка событий Второй мировой войны в ряде постсоциалистических стран стала восприниматься в России особенно болезненно. В период президентства Дмитрия Медведева его указом в мае 2009 г. была создана официальная Комиссия по борьбе с фальсификацией истории, значительную часть в работе которой занял анализ событий Второй мировой войны. Впрочем, через пару лет в феврале 2012 г. комиссия была распущена.

Таков был общий контекст использования истории во внешнеполитической идеологии России к моменту эскалации украинского кризиса в ноябре 2013 г. Незадолго до того, в сентябре 2013 г. Владимир Путин выступил с принципиально важной и очень насыщенной историческими параллелями речью на ежегодном заседании Валдайского клуба на тему «Многообразие России для современного мира». Практически вся речь была посвящена особости исторического пути России и глобальной значимости этой особости.

¹ Парады по случаю Дня победы проходили в 1965 г. и 1985 г.; в постсоветское время с 1995 г. по Закону об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне – без военной техники; с техникой после 2008 г. 9 мая стал праздничным и выходным днем с 1965 г.

■ Мировая политика

Её основные постулаты позволяют понять и объяснить многие дальнейшие внешнеполитические действия России.

Прежде всего, Владимир Путин выдвинул тезис о России как государстве-цивилизации: «Россия, как образно говорил философ Константин Леонтьев, всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства» [3].

Следующий вывод: особость и самобытность делают Россию незаменимым партнёром в мировой политике. Президент отметил: «Каждая страна, каждый народ не исключителен, но уникален, конечно, самобытен, имеет равные права, в том числе право на самостоятельный выбор своего развития. Таков наш концептуальный взгляд, он вытекает из нашей собственной исторической судьбы, из роли России в мировой политике. Наша сегодняшняя позиция имеет глубокие исторические корни. Россия сама развивалась на основе многообразия, гармонии и балансов, привносила такой баланс и в окружающий мир. Хочу напомнить, что и Венский конгресс 1815 года, и ялтинские соглашения 1945 года, принятые при очень активной роли России, обеспечили долгий мир. Сила России, сила победителя в эти поворотные моменты проявлялась в благородстве и справедливости. И давайте вспомним Версаль, заключённый без участия России. Многие специалисты, и я с ними абсолютно согласен, считают, что именно в Версале были заложены корни будущей Второй мировой войны. Потому что Версальский договор был несправедлив по отношению к немецкому народу и накладывал на него такие ограничения, с которыми он в нормальном режиме справиться не мог, на столетие вперёд это было ясно» [3].

Далее в Валдайской речи был сделан акцент на «закате Запада», отошедшего от исторических традиций и исторически обусловленной культуры, и на России как глобальной альтернативе такому подходу: «Ещё один серьёзный вызов российской идентичности связан с событиями, которые происходят в мире. Здесь есть и внешнеполитические, и моральные аспекты. Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая. Проводится политика, ставящая на один уровень многодетную семью и однополое партнёрство, веру в бога или веру в сатану. Эксцессы политкорректности доходят до того, что всерьёз говорится о регистрации партий, ставящих своей целью пропаганду педофилии. Люди во многих

европейских странах стыдятся и боятся говорить о своей религиозной принадлежности. Праздники отменяют даже или называют их как-то по-другому, стыдливо пряча саму суть этого праздника – нравственную основу этих праздников. И эту модель пытаются агрессивно навязывать всем, всему миру. Убеждён, это прямой путь к деградации и примитивизации, глубокому демографическому и нравственному кризису» [3].

В этом контексте был весьма определённо постулирован и следующий очень важный вывод – о недоверии России к западным рецептам формирования идентичности: «После 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы, тем более что прежняя, официозная идеология оставляла тяжёлую оскомину. И просто на самом деле все боялись даже притрагиваться к этой теме. Кроме того, отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала своё будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались.

Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустроение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера. К слову сказать, не срабатывает такой подход и во многих других странах. Прошло то время, когда готовые модели жизнеустройства можно было устанавливать в другом государстве просто как компьютерную программу» [3].

Наконец, весьма важен был общий вывод той Валдайской речи: Россия опирается на историю для будущего. Владимир Путин отметил: «Речь идёт не просто об анализе российского исторического, культурного, государственного опыта. Прежде всего, я имею в виду всеобщие дискуссии, разговор о будущем, о стратегии и ценностях, ценностной основе развития нашей страны, о том, как глобальные процессы будут влиять на нашу национальную идентичность, о том, каким мы хотим видеть мир XXI века, и что может принести в этот мир совместно с партнёрами наша страна – Россия» [3].

Таким образом, итогом Валдайской речи Владимира Путина 2013 г. стало признание альтернативного Западу исторического глобализма как важнейшего структурообразующего элемента внешнеполитической идеологии России. Ранее, повторим, столь чётко и однозначно этот

тезис российским руководством не постулировался, несмотря на частые обращения к истории. Из данного тезиса логично вытекал другой: об особой исторической миссии России в мире. Именно такой подход привнёс дополнительное измерение и новую аргументацию в логику важнейших внешнеполитических шагов России в 2014–2015 гг. (по Украине, но не только по ней, также и по Китаю, Ирану, Сирии и др.).

В этой связи совсем не случайным выглядит тот факт, что практически все ключевые внешнеполитические действия России в 2014–2015 гг. обосновывались с исторической точки зрения. Больше того, оставаясь фактором общей внешнеполитической идеологии, история превратилась в драйвер принятия конкретных внешнеполитических решений.

Именно история, наряду с защитой соотечественников, стала главным аргументом при принятии Россией решения о воссоединении с Крымом. В посвящённом этому решению послании Федеральному собранию 18 марта 2014 г. Владимир Путин остановился на истории особо: «Чтобы понять, почему был сделан именно такой выбор, достаточно знать историю Крыма, знать, что значила и значит Россия для Крыма и Крым для России. В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии. В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота. Крым – это Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора. Каждое из этих мест свято для нас, это символы русской воинской славы и невиданной доблести» [6].

Фактор истории в принятии решения по Крыму очень чётко соединялся с фактором справедливости: «В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остаётся неотъемлемой частью России. Эта убеждённость, основанная на правде и справедливости, была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение, перед ней были бессильны и время, и обстоятельства, бессильны все драматические перемены, которые мы переживали, переживала наша страна в течение всего XX века» [6].

В этой речи президента историей объяснялось не только присоединение Крыма: историческая аргументация использовалась для гораздо более широкого в глобальном контексте явления – стремления Запада сдерживать Россию и, как ответ на это, – стратегического недоверия России Западу: «...у нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX

веке, продолжается и сегодня. Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что её отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим. Но всё имеет свои пределы» [6].

Из этого тезиса вытекает, помимо прочего, и историческая обусловленность неприятия Россией одностороннего доминирования США в глобальной политике: «В ситуации вокруг Украины как в зеркале отразилось то, что происходит сейчас, да и происходило на протяжении последних десятилетий, в мире. После исчезновения биполярной системы на планете не стало больше стабильности. Ключевые и международные институты не укрепляются, а часто, к сожалению, деградируют. Наши западные партнёры во главе с Соединёнными Штатами Америки предпочитают в своей практической политике руководствоваться не международным правом, а правом сильного. Они уверовали в свою избранность и исключительность, в то, что им позволено решать судьбы мира, что права могут быть всегда только они. Они действуют так, как им заблагорассудится: то тут, то там применяют силу против суверенных государств, выстраивают коалиции по принципу "кто не с нами, тот против нас"» [6].

История стала ключевым фактором, аргументирующим отношение России и к Украине в целом в 2014–2015 гг. Несмотря на критику действий нынешних властей Украины, президент России неоднократно в течение того периода подчёркивал, что исторически русские и украинцы – это один народ, и потому нужно сделать всё, чтобы не допустить большой братоубийственной войны. Весьма показательно, что первые заявления на эту тему Владимир Путин сделал ещё до начала евромайдана в Киеве, в 2013 г.

Важным поводом к историческому осмыслению отношений России и Украины стали торжества в июле 2013 г., посвящённые 1025-летию Крещения Руси. Выступая тогда в Киеве, Владимир Путин заявил об общем Отечестве двух стран: «Прочные гуманитарные, духовные связи – надёжный фундамент российско-украинской дружбы. Она складывалась на протяжении столетий, вместе мы переживали тяжелейшие испытания, потрясения, трагедии, но вместе же строили и защищали наше общее Отечество – Великую Русь, отстаивали свою веру, свой уникальный исторический опыт и путь» [2].

В сентябре 2013 г. в ответах на вопросы на заседании Валдайского клуба президент уже открыто говорил о едином народе: «По поводу Украины. Украина, без всяких сомнений, независимое государство. Так было угодно истории, так произошло. Но не будем забывать, что сегодняшняя российская государственность имеет днепровские корни, как мы говорим, у нас общая днепровская купель. Киевская Русь началась как основа будущего огромного Российского государства. У нас общая традиция, общая менталь-

ность, общая история, общая культура. У нас очень близкие языки. В этом смысле, я ещё раз хочу повторить, мы один народ» [3]. Эта историческая аргументация была продолжена и в «крымской» речи Владимира Путина 18 марта 2014 г.: «Скажу прямо, у нас болит душа за всё, что происходит сейчас на Украине, что страдают люди, что они не знают, как жить сегодня и что будет завтра. И наша обеспокоенность понятна, ведь мы не просто близкие соседи, мы фактически, как я уже много раз говорил, один народ. Киев – мать городов русских. Древняя Русь – это наш общий исток, мы всё равно не сможем друг без друга» [6].

Следующий важный момент, который стал активно использоваться в современной российской внешнеполитической идеологии, это представление об уникальных и присущих только России ценностях, которые вызревали в ходе самой истории: «Что же всё-таки в основе наших особенностей? Эти особенности, конечно, есть, и в их основе, на мой взгляд, лежат ценностные ориентиры. Мне кажется, что русский человек, или, сказать пошлере, человек русского мира, он прежде всего думает о том, что есть какое-то высшее моральное предназначение самого человека, какое-то высшее моральное начало. И поэтому русский человек, человек русского мира, он обращён больше не в себя, любимого... Хотя, конечно, в бытовой жизни мы все думаем о том, как жить богаче, лучше, быть здоровее, помочь семье, но всё-таки не здесь главные ценности, он развёрнут вовне. Вот западные ценности заключаются как раз в том, что человек в себе сам, внутри, и мерило успеха – это личный успех, и общество это признаёт. Чем успешнее сам человек, тем он лучше. У нас этого недостаточно. Даже очень богатые люди всё равно говорят: «Ну, заработал миллионы и миллиарды, дальше что?» Всё равно это развёрнуто вовне, в общество. Мне кажется, ведь только у нашего народа могла родиться известная поговорка: «На миру и смерть красна». Как это так? Смерть – это что такое? Это ужас. Нет, оказывается, на миру и смерть красна. Что такое «на миру»? Это значит, смерть за други своя, за свой народ, говоря современным языком, за Отечество. Вот в этом и есть глубокие корни нашего патриотизма. Вот отсюда и массовый героизм во время военных конфликтов и войн и даже самопожертвование в мирное время. Отсюда чувство локтя, наши семейные ценности. Конечно, мы менее прагматичны, менее расчётливы, чем представители других народов, но зато мы пошлере душой. Может быть, в этом отражается и величие нашей страны, её необозримые размеры. Мы пощедрее душой. Я никого не хочу при этом обидеть. Ведь у многих народов есть свои преимущества, но это, безусловно, наше. В современном глобальном мире происходит интенсивный обмен: и генетический обмен, и информационный, и культурный, и нам, безусловно, есть, что взять у других народов ценного и полезного, но мы

всегда, сотни лет опирались на свои ценности, они нас никогда не подводили, и они нам ещё пригодятся» [9].

Подобное признание исторически обусловленных особых ценностей сделали вполне логичным и следующий шаг в постулировании российского исторического глобализма. Это вопрос о собственных сакральных центрах бытия, которые носят дополняющий либо альтернативный характер по отношению к сакральным центрам западной цивилизации. Значимость подобного центра при этом явственно проецировалась на современную российскую внешнюю политику.

Таким центром в выступлениях Владимира Путина того периода предстал Херсонес Таврический. О сакральном и цивилизационном значении Херсонеса президент России впервые открыто заявил в послании Федеральному собранию в декабре 2014 г.: «Для нашей страны, для нашего народа это событие имеет особое значение. Потому, что в Крыму живут наши люди, и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный исток формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь. Наряду с этнической близостью, языком и общими элементами материальной культуры, общей, хотя и не очерченной тогда устойчивыми границами территорий, нарождающейся совместной хозяйственной деятельностью и властью князя христианство явилось мощной духовной объединяющей силой, которая позволила включить в формирование единой русской нации и образование общей государственности самые разные по крови племена и племенные союзы всего обширного восточнославянского мира. И именно на этой духовной почве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это даёт нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда» [8].

Следует отметить, что этот выразительный образ – сакральный Херсонес как альтернатива Иерусалиму – может стать примером для активного использования в риторике современных политиков других стран: Арарат для Армении, Косово поле для Сербии и т.д. Тем самым исторически обусловленная политика может приобрести гораздо более значимое современное измерение.

В 2014–2015 гг. исторический контекст стал определять отношение России не только к Крыму и Украине. Он отчётливо проявился и

в выработке стратегии по отношению к другим регионам мира (чего, повторим, в столь явной форме также не было раньше).

К примеру, выступая в сентябре 2015 г. на Восточном экономическом форуме во Владивостоке, Владимир Путин сделал акцент на исторической обусловленности российской политики на Дальнем Востоке и в регионе АТР: «Хочу подчеркнуть: развитие дальневосточных территорий – это исторически преемственный курс для России. Движение России к тихоокеанским рубежам – результат великих трудов, мужества многих поколений наших предков. С освоением Дальнего Востока связаны имена выдающихся сынов России: первопроходцев, промышленников, государственных деятелей. И, даже несмотря на смену эпох, политического строя, этот вектор развития остаётся неизменным. Так, большие планы по освоению Дальнего Востока, которые продвигались ещё на рубеже XIX–XX веков такими государственными деятелями, как Сергей Юльевич Витте, Пётр Аркадьевич Столыпин, получили развитие и позднее, в советское время. Основание Владивостока, Комсомольска-на-Амуре, строительство Транссиба и Байкало-Амурской магистрали, разработка природных богатств Дальнего Востока действительно были проектами общенационального значения, которые двигали вперёд не только дальневосточные территории, но практически всю страну» [7].

Аналогичные явления можно проследить и в отношениях России с Китаем. Исторический контекст общей победы во Второй мировой войне становится одним из аргументов в пользу современного политического сближения двух стран: «Важно и то, как мы [Россия и Китай] смотрим на проблемы истории. Мы действительно не должны забывать, как жестоко вели себя оккупанты на военно-оккупированных территориях, к каким неисчислимым жертвам это привело и для российского народа, для советского народа тогда, и для китайского народа. Но помнить мы это должны для того, чтобы никогда в будущем ничего подобного не повторилось» [10]; «Вы знаете, мы все, по-моему, являемся свидетелями попыток такого размывания значимости событий, о которых мы говорим, в данном случае событий, связанных со Второй мировой войной. К сожалению, это происходит и в Европе, примерно такие же тенденции мы наблюдаем и в Азии. Но очень важно для всех нас, для всех тех, кто боролся с нацизмом, милитаризмом, поддерживать истинное значение в сознании всего человечества того, что было сделано в борьбе с нацизмом и милитаризмом. На мой взгляд, наши китайские друзья проведением таких масштабных мероприятий, связанных с окончанием Второй мировой войны, действуют именно в этом направлении, в правильном направлении, поддерживают и у своего народа правильное понимание значимости борьбы с подобными явлениями. Смысл только в одном –

чтобы больше ничего подобного в истории человечества не повторилось» [1].

История и связанные с ней политические ассоциации стали закладываться также в определение вектора российско-американских отношений: «Мы никогда не забудем того, как помогали Соединённым Штатам в обретении независимости, мы никогда не забудем нашего сотрудничества и союзничества в Первую и во Вторую мировую войны. Я полагаю, что глубинные, стратегические интересы американского народа, российского народа во многом совпадают и нужно опираться на эти взаимные интересы» [4].

С другой стороны, критика Россией современной внешней политики США также начала аргументироваться тем, что США при новом поколении политиков стали забывать об уроках истории. Ключевой ошибкой США в этой связи объявлена попытка сломать систему сдержек в международных отношениях, исторически сложившуюся после Второй мировой войны: «Не будем забывать, анализируя сегодняшнее состояние, уроки истории. Во-первых, смена мирового порядка (а явления именно такого масштаба мы наблюдаем сегодня), как правило, сопровождалась если не глобальной войной, не глобальными столкновениями, то цепочкой интенсивных конфликтов локального характера. ... В мире накопилось множество противоречий. И нужно откровенно друг друга спросить, есть ли у нас надёжная страховочная сетка. К сожалению, гарантий, уверенности, что существующая система глобальной и региональной безопасности способна уберечь нас от потрясений, нет. Эта система серьёзно ослаблена, раздроблена и деформирована. Да, многие механизмы обеспечения миропорядка сложились достаточно давно, в том числе по итогам Второй мировой войны – и прежде всего по итогам Второй мировой войны. Прочность этой системы основывалась не только на балансе сил, между прочим, хочу это тоже подчеркнуть, и не только на праве победителей, но и на том, что «отцы-основатели» этой системы безопасности относились с уважением друг к другу, не пытались «отжать всё», а пытались договариваться. Главное, что эта система развивалась и при всех изъянах помогала если не решать, то хотя бы удерживать в рамках существующие мировые проблемы, регулировать остроту естественной конкуренции государств. Убеждён, этот механизм сдержек и противовесов, который в предыдущие десятилетия трудно складывался, порой мучительно выстраивался, нельзя было ломать, во всяком случае нельзя было ничего ломать, не создавая ничего взамен, иначе действительно не осталось бы других инструментов, кроме грубой силы. Нужно было провести разумную реконструкцию, адаптировать к новым реалиям систему международных отношений. Однако Соединённые Штаты, объявившие себя победителями в «холодной войне», самоуверенно, считаю, подумали, что в этом просто нет

■ Мировая политика

нужды. И вместо установления нового баланса сил, который является необходимым условием порядка и стабильности, напротив, были приняты шаги, которые привели к резкому усугублению дисбаланса.

«Холодная война» закончилась. Но она не завершилась заключением «мира», понятными и прозрачными договорённостями о соблюдении имеющихся или о создании новых правил и стандартов. Создалось впечатление, что так называемые победители в «холодной войне» решили дожать ситуацию, перековать весь мир исключительно под себя, под свои интересы. И если сложившаяся система международных отношений, международного права, система сдержек и противовесов мешала достижению этой цели, то её тут же объявляли никчёмной, устаревшей и подлежащей немедленному сносу» [4].

Наконец, особым моментом, связавшим в российской внешнеполитической идеологии историю и современность, стало празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2015 г. В ходе этих мероприятий были явственно выделены и историческая уникальность России, и непреходящая глобальная значимость российского подвига во Второй мировой войне: «Сегодня, отмечая эту священную юбилейную дату, мы вновь осознаём всю грандиозность Победы над нацизмом. Гордимся, что именно наши отцы и деды смогли одолеть, сокрушить и уничтожить эту тёмную силу. Гитлеровская авантюра стала ужасным уроком для всего мирового сообщества. Тогда, в 30-е годы прошлого века, просвещённая Европа не сразу увидела смертоносную угрозу в идеологии на-

цизма. И сейчас, спустя 70 лет, история вновь вызывает к нашему разуму и к нашей бдительности. ... Советский Союз принял на себя самые жестокие удары врага. Сюда были стянуты отборные группировки нацистов. Сосредоточена вся их военная мощь. Здесь проходили крупнейшие по количеству войск и техники, решающие битвы Второй мировой. И закономерно, что именно Красная Армия в результате сокрушительного штурма Берлина поставила победную точку в войне с гитлеровской Германией. ... Ведь Великая Отечественная была битвой за будущее всего человечества» [5].

Таким образом, в 2014–2015 гг. история стала одним из ключевых элементов российской внешней политики и неотъемлемой частью стратегических концептуальных выступлений президента России. Обусловленный историей альтернативный Западу глобализм российской внешней политики получил за два последних года развернутую идеологическую и ценностную базу для своего развития. Этот альтернативный глобализм Россия проецирует и на активизацию деятельности таких структур, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества, новый импульс деятельности которых был придан в ходе саммитов в Уфе летом 2015 г. Тем самым российский глобализм содействует постепенному формированию альтернативного Западу центра силы, который в среднесрочном периоде будет оказывать определяющее воздействие на мировую политику. Роль истории в такой трансформации российского подхода приобретает ключевой характер, и очевидно, что она будет использоваться в будущем.

Список литературы

1. Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 04.09.2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50234> (дата обращения: 11.01.2016).
2. Встреча с членами Священного Синода Украинской православной церкви Московского патриархата [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 27.07.2013. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/18960> (дата обращения: 11.01.2016).
3. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 19.09.2013. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения: 11.01.2016).
4. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 24.10.2014. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 11.01.2016).
5. Мы преклоняемся перед всеми, кто насмерть стоял за каждую улицу, каждый дом, каждый рубеж Отчизны [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 09.05.2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438> (дата обращения: 11.01.2016).
6. Обращение Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 18.03.2014. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 11.01.2016).
7. Первый восточный экономический форум [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 04.09.2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50232> (дата обращения: 11.01.2016).

8. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 04.12.2014. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 11.01.2016).
9. Прямая линия с Владимиром Путиным [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 17.04.2014. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20796> (дата обращения: 11.01.2016).
10. Российско-китайские переговоры [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Президента России. 03.09.2015. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50228> (дата обращения: 11.01.2016).

Об авторе

Барабанов Олег Николаевич – д.полит.н., профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

ROLE OF HISTORY IN VLADIMIR PUTIN'S FOREIGN POLICY STRATEGY

O.N. Barabanov

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *The subject of the article is dedicated to the evolution of the visible accent on the role of history and historico-civilizational heritage in formulation of Russia's foreign policy strategy in conceptual speeches of the President of Russia Vladimir Putin in 2013–2015. His thesis on Russia as a country–civilization, proclaimed in Summer–Autumn 2013, became the basis for serious practical steps for activization of the foreign policy of Russia starting from 2014. It became clear mainly during the Ukrainian crisis, but also other key international events of the last two years.*

Another significant element of such a strategy was the thesis on the sacrality of history for Russia, exceeding far beyond a traditional focus on using the historical memory in current politics, that one can see in other states' examples. The consequence of that thesis is the feeling of specific historical responsibility in front of Russia for state politicians, also formulated by President Putin. All this could be considered as a new dimension of the moral basis of politics. One more focus of the article is on the role of new public political panels for proclaiming such a historically motivated politics, like the Valdai Discussion Club, etc.

Key words: Russia, Vladimir Putin, Valdai Club, foreign policy strategy, foreign policy ideology, history, historical memory, historical globalism.

References

1. Vladimir Putin otvetil na voprosy rossiiskikh zhurnalistov [Vladimir Putin has answered on the questions of Russian journalists]. Official site of the President of Russia. 04.09.2015. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50234> (accessed: 11.01.2016).
2. Vstrecha s chlenami Sviashchennogo Sinoda Ukrainskoi pravoslavnoi tserkvi Moskovskogo patriarkhata [Meeting with Members of the Holy Synod of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate]. Official site of the President of Russia. 27.07.2013. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/18960> (accessed: 11.01.2016).
3. Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» [Session of the Valdai International Discussion Club]. Official site of the President of Russia. 19.09.2013. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (accessed: 11.01.2016).
4. Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» [Session of the Valdai International Discussion Club]. Official site of the President of Russia. 24.10.2014. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (accessed: 11.01.2016).
5. My prekloniaemsia pered vsemi, kto nasmert' stoial za kazhduiu ulitsu, kazhdyi dom, kazhdyi rubezh Otchizny [We are remembering everybody who fought until death at each street, each house, each frontier of our Fatherland]. Official site of the President of Russia. 09.05.2015. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/49438> (accessed: 11.01.2016).
6. Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Declaration of the President of the Russian Federation]. Official site of the President of Russia. 18.03.2014. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (accessed: 11.01.2016).

■ Мировая политика

7. Pervyi vostochnyi ekonomicheskii forum [First Eastern Economic Forum]. Official site of the President of Russia. 04.09.2015. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50232> (accessed: 11.01.2016).
8. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [Message of the President to the Federal Assembly]. Official site of the President of Russia. 04.12.2014. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (accessed: 11.01.2016).
9. Priamaia liniia s Vladimirom Putinyim [Direct Line with Vladimir Putin]. Official site of the President of Russia. 17.04.2014. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/20796> (accessed: 11.01.2016).
10. Rossiisko-kitaiskie peregovory [Russia-China Negotiations]. Official site of the President of Russia. 03.09.2015. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/50228> (accessed: 11.01.2016).

About the author

Oleg N. Barabanov – Ph.D. (Habilit.), Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director for Research at the European Studies Institute of the MGIMO University. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЕСТЬ ЛИ НОВАЯ ТОЧКА ОПОРЫ?

Д.В. Стрельцов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.
НИУ «Высшая школа экономики». Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

В условиях политического похолодания именно торгово-экономическое сотрудничество между Россией и Японией объективно выступает тем базисом, на котором двусторонние отношения могут на обозримую перспективу развиваться в позитивном плане.

Структура взаимной торговли на протяжении многих лет не претерпевала существенных изменений. Россия выступает преимущественно как поставщик на японский рынок определённых видов сырья и топлива. Из Японии Россия импортирует главным образом легковые автомобили, а также некоторое количество промышленного оборудования.

Что касается инвестиционных отношений России и Японии, серьёзная структурная проблема заключается в том, что экономики двух стран не взаимозависимы с точки зрения технологического разделения труда. Россия, и прежде всего её восточные регионы, не обладая необходимой инфраструктурой и иными логистическими возможностями, а также дешёвой рабочей силой, не имеет конкурентных преимуществ в качестве инвестиционного партнёра Японии по сравнению с другими странами, например, Китаем. Россия видится Японии в основном как энергетический донор.

Наибольшие перспективы для инвестиционного сотрудничества кроются в сфере энергетики. Речь может идти об увеличении Россией своей доли на японском рынке нефти и СПГ до 15–20%. Этому способствует политическая нестабильность на Ближнем и Среднем Востоке, откуда Япония получает подавляющую часть нефти и значительную долю СПГ.

Помимо наращивания поставок нефти и СПГ, сохраняют свою актуальность крупные инвестиционные проекты в энергетической области. Однако с учётом политических, юридических, организационно-технических и иных сложностей на данном этапе эти проекты представляются трудноосуществимыми. Более перспективным выглядит допуск японского капитала к освоению и разработке стратегических месторождений Сибири и Дальнего Востока, которые не являются объектом западных санкций против России.

Для России важно выстроить с Японией отношения на долговременной и прочной базе. Один из возможных путей – поставить вопрос о заключении с этой страной соглашения об экономическом партнёрстве.

Ключевые слова: торговля, инвестиции, Россия, Япония, санкции, энергетика, газопровод, сельское хозяйство, соглашение об экономическом партнёрстве.

Нет нужды говорить о том, что российско-японские отношения переживают очередной кризис и остро нуждаются в новом стимуле к дальнейшему развитию. Анализ их динамики показывает, что таким стимулом могут быть в первую очередь экономические связи. В условиях политического похолодания, обусловленного участием Японии в санкционной политике против России, на которое наложились отсрочка официального визита в Японию В.В. Путина, не присутствие главы японского правительства на мероприятиях в Москве по случаю 70-летия победы в Великой Отечественной войне, а также отсутствие прогресса в переговорах по проблеме мирного договора, именно торгово-экономическое сотрудничество между двумя странами объективно выступает тем базисом, на котором эти отношения могли бы в обозримой перспективе развиваться позитивно. Иными словами, экономика может и должна «вытягивать» политику, создавая в политической сфере ту конструктивную повестку дня, которая позволила бы нашим отношениям двигаться вперёд.

В этой связи закономерно задаться вопросом: в каком состоянии находятся российско-японские торгово-экономические отношения на сегодняшний день и что должно быть сделано для их развития?

В институционально-правовом отношении никаких препятствий для развития двусторонних торгово-экономических отношений не существует: основополагающие документы в этой сфере были подписаны ещё в советское время. Советско-японский торговый договор 1957 г. установил взаимный режим наибольшего благоприятствования в торговле, который продолжает действовать по сей день. В постсоветский период, в ходе визита президента России Б.Н. Ельцина в Японию в октябре 1993 г. стороны подписали ряд основополагающих документов в сфере торгово-экономических отношений, в частности, Декларацию о перспективах торгово-экономических и научно-технических отношений. В ноябре 1994 г. Россия и Япония подписали Меморандум об учреждении российско-японской Межправительственной комиссии по торгово-экономическим вопросам (МПК), в июле 1995 г. – Меморандум о деятельности МПК.

В ноябре 1997 г. во время российско-японской встречи на высшем уровне в Красноярске сторонами был одобрен «План Ельци-

на – Хасимото», которым предусматривались: расширение инвестиционного сотрудничества, меры по содействию реформам в Российской Федерации и интеграции российской экономики в международную экономическую систему, укрепление сотрудничества в области использования атомной энергии в мирных целях, сотрудничество в освоении космического пространства.

В 2000-е гг. линия на укрепление правовой базы экономических связей со Страной восходящего солнца была продолжена. В ходе официального визита в Японию в сентябре 2000 г. В.В. Путин, только что вступивший в должность президента России, подписал с премьер-министром Ё. Мори Программу углубления сотрудничества в торгово-экономической области между Российской Федерацией и Японией, содержащую конкретные меры по углублению и расширению «Плана Ельцина – Хасимото». Одновременно был подписан Меморандум о создании и деятельности на территории Российской Федерации японских центров по техническому содействию проводимым в нашей стране реформам.

С первой половины 2000-х гг. товарооборот между двумя странами, ранее топтавшийся на месте, стал активно расти. Бесспорно, этому способствовал рост мировых цен на энергоресурсы, который принёс в Россию большую массу «нефтяных денег» и вызвал в стране беспрецедентный потребительский бум. Одним из его проявлений стал небывалый спрос на высококачественные и престижные легковые автомобили японских производителей. С 2003 по 2007 гг. экспорт из России в Японию вырос в 3 раза, импорт из Японии – почти в 7 раз, а в 2007 г. товарооборот впервые превысил психологическую отметку 20 млрд долл. США.

Однако в 2009 г., по мере разворачивания мирового финансово-экономического кризиса и связанного с ним замедления темпов развития российской экономики, торговля с Японией сократилась на 50%, до уровня 14,5 млрд долл. США. Особенно значительно, на 61,3% по сравнению с уровнем предыдущего года упал японский экспорт [11]. Это было связано с существенным сокращением спроса на дорогие автомобили, составлявшие основу экспортной номенклатуры Японии в Россию.

Тем не менее, уже в 2009 г. российская экономика достаточно быстро восстановила свои

Таблица 1.

Товарооборот между Россией и Японией в 2009–2014 гг.

	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Товарооборот, млрд долл. США	14,5	23,1	29,7	31,2	33,2	30,8
В % к предыдущему году	50,2	159,4	125,7	105,3	106,6	92,7
Экспорт, млрд долл. США	7,3	12,8	14,7	15,5	19,6	19,9
В % к предыдущему году	70,3	177,0	114,6	105,4	126,7	101,1
Импорт, млрд долл. США	7,2	10,3	15,0	15,7	13,6	10,9
В % к предыдущему году	39,0	141,9	146,2	104,6	86,7	80,5

Источник: [14].

Таблица 2.

Экспорт нефти из России в Японию в 2011–2014 гг.

Год	2011	2012	2013	2014
Стоимостной объём, млрд иен	486,2	657,0	1 104,4	969,4
Рост, в % к предыдущему году	– 30,3	35,1	7,4	– 12,2
Доля России в общем объёме импортных поставок сырой нефти Японию, %	4,1	5,2	7,4	8,2

Источник: [22].

позиции, и товарооборот вновь стал бить рекорды. В 2013 г. он достиг 33,2 млрд долл., из которых 19,6 млрд. долл. составлял российский экспорт (см. табл. 1).

В 2014 г. в условиях замедления темпов роста российской экономики на фоне снижения мировых цен на энергоносители и украинского кризиса торговля с Японией вновь сократилась, составив 30,8 млрд долл. (снижение на 7,3% по сравнению с 2013 г.) При этом если российский экспорт в Японию продолжил рост (на 1,1%), то импорт снизился на 19,5%, что опять-таки было связано с падением спроса на автомобили высоких ценовых категорий. В 2015 г. тенденция к сокращению товарооборота между двумя странами усилилась. За первые шесть месяцев объём торговли, составивший почти 11,470 млрд долл. США, сократился почти на четверть по сравнению с аналогичным периодом 2014 г. (15,393 млрд долл.) [9].

Значение партнёра во внешней торговле как для России, так и для Японии, остаётся стабильно низким. В 2000–2010-е гг. доля Японии не превышала 1,5–2% в российском экспорте, 6% – в импорте. Доля России во внешнеторговом обороте Японии никогда не поднималась выше 1–2%. В 2014 г. она составляла 2,2%; Россия занимала 14-е место в японском экспорте (1,5% совокупного стоимостного объёма) и 12-е в импорте (2,8% объёма) [14]. Значение Японии во внешнеторговых связях России было несколько больше: доля Японии в российском товарообороте составляла в 2013 и 2014 гг. 3,9% [4]. Япония занимала в 2013 г. седьмую строчку среди внешнеторговых партнёров России, в том числе 4-ое по импорту и 9-ое по экспорту [14].

Структура торговли не претерпевала существенных изменений на протяжении многих лет. Россия выступает преимущественно как поставщик определённых видов сырья: энергоресурсов, цветных металлов, морепродуктов и древесины. По данным японской таможенной службы, главной статьёй российского экспорта в Японию в 2014 г. была нефть (43,0% стоимостного объёма), далее следовали СПГ (26,9%), цветные металлы (7,8%), нефтепродукты (6,3%), уголь (6,1%), рыба и морепродукты (4,5%), а также лес и лесоматериалы (1,8%) [28].

После аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. доминирующей тенденцией в торговых отношениях двух стран был ускоренный рост российского экспорта нефти и газа, которые в совокупности стали составлять более половины стоимости поставок (см. табл. 2 и 3). В 2014 г.

Россия занимала 4-е место среди поставщиков нефти в Японию (после Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара), российские поставки составили 8,2% от общей стоимости импорта нефти.

Россия в 2014 г. по-прежнему занимала 4-е место в списке стран-поставщиков СПГ в Японию после Австралии, Катара и Малайзии (9,1% импорта).

Таблица 3.

Экспорта СПГ из России в Японию в 2011–2014 гг.

Год	2011	2012	2013	2014
Стоимостной объём (в млрд. иен)	429.8	524.1	629.8	709.8
Рост в % к предыдущему году	+79.6	+21.9	+20.2	+12.7
Доля России и общем объёме импортных поставок СПГ в Японию	8.0	8.4	8.6	9.1

Источник: [21].

Таким образом, к середине 2010-х гг. доля российских энергоносителей на японском рынке заметно выросла. Поставки российских нефти и газа позволили Токио расширить географию поставщиков и тем самым повысить уровень энергетической безопасности. Следует учесть, однако, что Япония ставила перед собой цель усилить значение России в рамках диверсификационной стратегии, но одновременно стремилась не попасть в зависимость, рассматривая Россию как важного, но не единственного партнёра. После Фукусимы в правительстве развернулась дискуссия, какой может быть «безопасная» доля России на внутренних рынках нефти и газа: нужно ли делать ставку на российское сырьё, чтобы ослабить зависимость от политически нестабильного Ближнего Востока, или нельзя допускать превышения Россией 15%-ной доли в импорте [25].

Важные позиции сохраняла Россия и среди экспортёров цветных металлов, и в первую очередь алюминия. Доля России в японском импорте этого стратегического материала составляла в 2013 г. 15,3% (3-е место после Австралии и Китая). Увеличению доли алюминия в стоимостном объёме российского экспорта в Японии немало способствовал рост цен мировых цен на алюминий. Благодаря этому в 2014 г. экспорт алюминия увеличился по сравнению с предыдущим годом почти на 42%, хотя физический объём поставок даже сократился на 13% [14]. Значимые позиции сохраняла Россия в поставках цинка, циркония и иных видов цветных

■ Мировая политика

металлов, хотя скачки конъюнктуры и высокая волатильность рынков не позволяют говорить о прочности позиций России по данной группе товаров.

По российским данным на 2014 г., в структуре импорта из Японии центральное место занимали транспортные средства (64,7%), продукция энергетико-машиностроения (12,8%), синтетический каучук и резино-технические изделия (5,3%), электрооборудование (3,7%), оптические приборы, цифровые фото- и видеокамеры, контрольно-измерительная аппаратура, медтехника (2%) [14]. По данным японской таможенной службы, в стоимостном выражении главной статьёй российского импорта из Японии в 2014 г. были транспортные средства (53,5%), автокомплетирующие (7,6%), резинотехнические изделия (5,5%) оборудование для строительной и горнорудной отраслей (3,6%) [29].

Преобладание транспортных средств в структуре импорта из Японии – знаковое явление для торговых отношений двух стран на протяжении последних двух десятилетий. В российском импорте Япония прочно закрепилась на первой строчке поставщиков автомобилей. В 2012 г. доля Японии в российском импорте автомобилей составляла 34,1%, резинотехнических изделий (22,9%), бульдозеров и экскаваторов (21,7%) [9, р. 140]. В 2014 г. Россия занимала вторую (после США) строчку по количеству поставляемых автомобилей и четвёртую (после США, Китая и Австралии) строчку по стоимостному объёму экспорта [14].

Приведённые цифры из Японии говорят о низкой доле в импорте современного промышленного оборудования и другой техники, необходимой для структурной модернизации российской промышленности. Как видно из структуры импорта, большая его стоимости приходится на потребительские товары, в первую очередь – на легковые автомобили. Следует также учесть, что значительная часть товаров под брендами японских торговых марок, особенно производителей бытовой техники и автомобилей, поставляется в европейскую часть России не из Японии, а с филиалов японских компаний в третьих странах и потому не учитывается таможенной статистикой.

В последние годы между двумя Россией и Японией активно развивается инвестиционное сотрудничество. Важнейшей частью его организационно-правовой базы выступает Соглашение о поощрении и защите инвестиций, которое было подписано в ноябре 1998 г. во время официального визита в Россию премьер-министра Японии К. Обути.

Доминирующее значение в отраслевой структуре японских инвестиций в Россию имеет сфера энергетики. Большую известность получили «Сахалинские проекты» разработки шельфовых месторождений нефти и газа, начало которым было положено ещё в 1970-е гг. В 2006 г. Россия начала поставки в Японию сахалинской

нефти, а с конца 2012 г., когда было завершено строительство второй очереди нефтепровода ВСТО (Восточная Сибирь – Тихий океан), в Японию стала экспортироваться нефть из Восточной Сибири.

В феврале 2009 г. на юге Сахалина вступил в эксплуатацию завод по сжижению газа производительностью 10 млн т СПГ в год, построенный при инвестиционной и технологической помощи Японии. До 60% продукции поставляется в Японию.

После аварии на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. в свете переориентации потребления энергоресурсов в сторону углеводородов Япония стала придавать России большее значение, принимая во внимание ужесточение региональной конкуренции за энергетические источники, связанное с долгосрочным ростом потребностей Индии и Китая. Возрастанию интереса к России способствовала также уязвимость транспортно-коммуникационных артерий, по которым осуществляются в Японию эти поставки: подавляющая их часть проходит через районы с высоким уровнем военно-политической напряжённости, в частности, через Молуккский пролив и Восточно-Китайское море.

В целом доля Японии в общем объёме прямых иностранных инвестиций в Россию оставалась на низком уровне. К июню 2013 г. объём накопленных инвестиций в Россию составил 10,5 млрд долларов, или 2,8% от общего объёма ПИИ (10-е место в списке зарубежных стран-инвесторов по объёму накопленных инвестиций) [10]. Японские ПИИ в Россию остаются весьма скромными по сравнению со многими другими странами. Например, в 2014 г. Япония инвестировала в Россию лишь 0,29 млрд долл., тогда как в США – 42,13, в Китай – 6,74, в Южную Корею – 3,15 млрд, в страны АСЕАН – 11,03 млрд долл. [11]. В 2014 г. в Россию из Японии было инвестировано почти 1,3 млрд долл. ПИИ, что соответствовало примерно 1,0% от их общего объёма (Япония занимала 16-е место в списке стран-инвесторов) [23, р. 143].

Подавляющая часть японских инвестиций аккумулирована в добыче и переработке нефти. Среди крупных проектов инвестиционного сотрудничества в 2014 г. продолжали развиваться «Сахалин-1» (газовые месторождения на Сахалине) с долей японского капитала в 30% и «Сахалин-2» с аналогичной долей в 22,5%. В 2013 г. между Газпромом и японской компанией JFG был заключён меморандум о строительстве к 2018 г. во Владивостоке завода по производству СПГ мощностью 10 млн т в год.

На уровне деловых кругов и экспертного сообщества до недавнего времени обсуждались несколько крупных проектов инвестиционного сотрудничества, которые могли бы иметь прорывной характер для экономических связей двух стран.

Прежде всего, это обсуждаемая уже несколько десятков лет идея строительства газопровода с Сахалина в Японию. Реализация данного

проекта обеспечила бы получение японскими потребителями более дешёвого газа, чем традиционно импортируемый СПГ. Для России расходы на строительство газопровода были бы минимальны: кратчайшее расстояние между самыми близкими точками на Сахалине и Хоккайдо составляет немногим более 40 км, а российская часть газопровода не должна превысить 60 км в длину. Для Японии возможность получения альтернативного источника топлива отвечала бы задаче диверсификации источников поставок топлива. Важную роль играл бы такой газопровод и для решения задач регионального развития Японии с учётом того факта, что стоимость электроэнергии на Хоккайдо существенно выше, чем на основной территории страны.

Однако на пути к реализации данного проекта стоят преграды. К их числу в первую очередь следует отнести неблагоприятный международно-политический контекст: в условиях экономических санкций против России запуск подобного масштабного проекта имел бы символический характер и в известной степени поставил бы под удар жизненно важные для Японии отношения с Америкой. Критики в Японии указывают и на то, что поскольку срок окупаемости газопровода составит несколько десятилетий, требуется исключительно высокий уровень доверия между Японией и Россией, а добиться такого доверия крайне трудно в силу наличия между странами нерешённой территориальной проблемы. Негативную роль играет и фактор в целом антироссийского общественного мнения Японии, который не может не учитываться её политическим руководством при принятии крупных решений в отношении России.

Многие указывают также на экологические риски в случае крупной аварии, сопровождаемой масштабной утечкой газа. Особый акцент при этом делается на негативные последствия для морской биосферы, связанные с высокой сейсмической опасностью районов прокладки газопровода. Это в первую очередь касается мест традиционного промысла ценных видов морепродуктов. Особую актуальность экологический фактор приобретает в связи с «фукусимским синдромом».

Наконец, свою роль играет позиция японских электрогенерирующих компаний, которые заинтересованы в дальнейшей эксплуатации принадлежащей им разветвленной инфраструктуры по приёму, хранению и регазификации СПГ. По этой причине строительство газопровода могли бы поддержать не крупные региональные энергокомпании, а компании-новички, получившие доступ к рынку энергогенерации в результате реформы по его либерализации. Однако получить с их стороны весомую поддержку, необходимую для принятия политического решения по строительству газопровода, более чем проблематично; действующим на рынке игрокам проще мобилизовать свой политический ресурс для торпедирования строительства.

У российской стороны также отсутствует консолидированная позиция по данному вопросу. Авторитетными специалистами выдвигались различные идеи на этот счёт. Так, ректор МГИМО-Университета академик А.В.Торкунов и профессор того же университета А.Н.Панов в январе 2015 г. выдвинули предложение строить газовую ветку с юга Сахалина до Хоккайдо, откуда японская сторона могла бы использовать несколько маршрутов передачи голубого топлива в районы его потребления, и прежде всего в столичный регион [15]. Однако российская сторона пока не определилась со своей позицией: ещё в ноябре 2014 г. министр энергетики РФ А. Новак заявил о том, что аргументации в пользу строительства недостаточно [24].

Широко обсуждается перспектива прокладки по дну моря кабельных линий для передачи электроэнергии – строительство «энергомоста» между Сахалином и Хоккайдо. В январе 2015 г. крупнейшая российская гидроэлектроэнергетическая компания «Русгидро» и её дочерняя компания «Восточные энергосистемы» приступили к строительству на Сахалине новых теплоэлектростанций. К концу 2016 г., на первом этапе реализации проекта, в центральной части Сахалина планируется построить ТЭС мощностью 120 тыс. кВт, а после завершения строительства к 2020 г. предполагается передавать в Японию 500–600 тыс. кВт электроэнергии в год. Кроме того, в рамках данного проекта предполагается по дну моря соединить Сахалин с материковой частью России кабельными линиями электропередачи, и ежегодно поставлять через Сахалин в Японию 2–4 млн кВт электроэнергии, выработанной российскими ГЭС на Дальнем Востоке [30].

Как и в случае с газопроводом, идея импорта электроэнергии из России вызывает в Японии неоднозначную реакцию. С одной стороны, признаётся, что диверсификация источников энергоснабжения повысила бы уровень энергетической безопасности. С другой стороны, высказываются опасения по указанным выше политическим причинам. Некоторую роль играет и отсутствие в Японии законодательной базы для импорта электроэнергии.

В целом Россия представляет существенный интерес для Японии как перспективный партнёр по энергетическому сотрудничеству. В Базовом плане развития энергетики министерства экономики, промышленности и торговли Японии от апреля 2014 г. на этот счёт указывается: «Учитывая богатый сырьевой потенциал России, её географическую близость, а также принятую нашей страной политику диверсификации источников энергетического сырья, большое значение для его стабильных поставок в нашу страну имеет эффективное использование возможностей, связанных с импортом из России нефти и газа. В этой связи нам необходимо строить отношения с Россией на основе комплексного стратегического подхода с учётом создавшейся международной обстановки» [27, p. 31].

■ Мировая политика

Следует отметить, что оценка перспектив российско-японского сотрудничества в энергетической сфере затруднена в силу высокой волатильности мировых энергетических рынков. Непредсказуемость мировых цен на нефть и газ существенно затрудняет долгосрочное планирование инвестиций. Ситуацию осложняют и политические факторы, в первую очередь антироссийские санкции и нерешённость проблемы пограничного размежевания между Россией и Японией.

Нельзя не учитывать и то обстоятельство, что долгосрочными планами развития электроэнергетики Японии предусматривается снижение в первичном энергобалансе доли нефти и стабилизация доли газа. Опубликованный министерством экономики, промышленности и торговли в июле 2015 г. прогноз структуры энергогенерации предполагает, что к 2030 г. доля нефти в составит лишь 3% против 12% в период до Фукусимы, а доля СПГ останется на нынешнем уровне (примерно 27%) [19]. Поскольку Япония планирует сохранить высокую (20–22%) долю атомной энергетики и существенно наращивать мощности, работающие на возобновляемых источниках энергии (до 22–24% против нынешних 11%), существенного потенциала увеличения экспорта российских энергоресурсов в Японию не просматривается.

На этом фоне российские энергетические компании вынуждены занимать сдержанную позицию в отношении новых амбициозных проектов сотрудничества с Японией и даже отказываться от тех, по которым ранее были достигнуты договорённости. Так, в июне 2015 г. глава Газпрома А. Миллер заявил, что строительство завода по сжижению СПГ во Владивостоке «не входит в список приоритетных проектов и не входит в список тех, которые будут реализованы в ближайшее время» [5]. По мнению японской газеты «Санкэй симбун», это решение обусловлено рядом причин, в том числе: активная позиция Китая, намеревающегося вложить огромные инвестиции в российскую газовую инфраструктуру; отсутствие у Газпрома возможностей распылять инвестиции в условиях снижения эффективности менеджмента компании; снижение мировых цен на газ, связанное, в частности, с расширением предложения американского сланцевого газа; экономические санкции, из-за которых российские компании лишились возможности привлекать на Западе финансовые средства. В настоящее время проект строительства завода фактически заморожен. В качестве компенсационной меры Газпром предполагает в 1,5 раза увеличить экспорт СПГ в рамках проекта «Сахалин-2». Однако дополнительные объёмы поставок эквивалентны лишь одной третьей объёма, который планировалось направлять с Владивостокского завода после его выхода на проектную мощность [24].

В конце 2015 г. российской стороной были предприняты шаги по активизации энергетического

сотрудничества с Японией. В начале ноября Японию посетил президент «Роснефти» И.А. Сечин, озвучивший предложение японским компаниям войти в её проекты с суммарными запасами свыше 6 млрд баррелей нефти. В частности, речь шла о проектах на шельфе Сахалина с доказанными запасами в 40,2 млн т нефти и 44 млрд кубометров газа, а также о перспективных и действующих месторождениях Восточной Сибири и Дальнего Востока, расширение добычи на которых превысит 30 млн т нефти и 16 млрд кубометров газа в год [13].

Инвестиционное сотрудничество между Россией и Японией не ограничивается сырьевыми ресурсами. С конца 2000-х гг. японские компании стали проявлять интерес к таким областям, как оптово-розничная торговля, лесная и деревообрабатывающая промышленность, автомобилестроение и производство автокомпонентов. В конце 2007 г. японская автомобилестроительная компания «Тойота» построила под Санкт-Петербургом первый в России сборочный завод, после чего к строительству собственных сборочных мощностей в России приступили все основные автопроизводители Японии. В связи с приходом в Россию крупнейших японских производителей на российские рынки выдвинулись и ведущие кредитно-финансовые учреждения Японии, включая банки «Токио-Мицубиси – UFJ», «Мидзухо» и др.

Успешным был целый ряд взаимовыгодных проектов экономического сотрудничества и в иных высокотехнологичных областях, в частности, проект прокладки опто-волоконного кабеля по морскому дну между Россией и Японией, реализованный в 2008 г. российской и японской телекоммуникационными компаниями «Транстелеком» и NEC. В результате Россия получила доступ к японским информационным и телекоммуникационным технологиям, Япония – более дешёвый, качественный и надёжный информационный трафик в Европу.

В ходе визита в Россию премьер-министра Японии С. Абэ в апреле 2013 г. были приняты решения о проектах инвестиционного сотрудничества в таких областях, как повышение энергоэффективности, лесопереработка, сельское хозяйство, медицина, городское хозяйство, вторичная переработка и утилизация отходов. Их целью является внедрение в России передовых японских технологий и инноваций.

Визит способствовал активизации двусторонних контактов в области медицины, проявившейся в проведении семинаров, конференций и иных двусторонних мероприятий с участием ведущих специалистов. Значимым событием стало подписание в 2013 г. меморандума о сотрудничестве между Японо-российским фондом медицинских обменов (возглавляемым бывшим министром иностранных дел Японии Т. Накаяма) и фондом развития Сколково. В октябре 2014 г. партнёры подписали «дорожную карту» о развитии сотрудничества в сфере медицинских технологий.

Одним из примеров успешного сотрудничества в сфере медицины стало строительство во Владивостоке в 2013 г. медико-диагностического центра «Хокучо», который проводит диагностические исследования патологий сердечно-сосудистой системы, онкологии, сосудистых заболеваний головного мозга и т.д. Программа обследований позволяет проводить скрининг головного мозга, брюшной полости, сердца и обследование метаболического синдрома [8].

Другой областью российско-японского взаимодействия выступает сфера ЖКХ и строительства. В настоящее время реализуются несколько совместных проектов, в числе которых жилой квартал в японском стиле, южный речной порт и развитие пристанционного пространства в районе метро «Ботанический сад» в Москве, деревянное домостроительство во Владимире, «умный город» в Красноярске, а также проекты, связанные с утилизацией отходов [1]. В феврале 2015 г. в рамках Красноярского экономического форума представители ведущего архитектурного бюро Японии «Никкэн сэккэй» провели презентацию проекта «Умный город». Исполнительный директор компании Синдзи Ямамура заявил, что Красноярск представляет собой оптимальное место для развития в России смарт-технологии [7]. В Свердловской области планируется построить на японских технологиях завод по переработке твёрдых бытовых отходов [3].

Ещё одна значимая сфера японских инвестиций в России – сельское хозяйство. В 2013 г. правительство Амурской области договорилось с банком «Хоккайдо» о реализации проекта по культивированию на российской территории гречихи, сои и зерновых. Для этих целей было создано акционерное общество «Хоккайдо-российский агробизнес комплекс» [16]. Если на первоначальном этапе продукция пойдет на российский рынок, то на более позднем планируется отправлять всё зерно, гречиху и сою в Японию. Японские компании, полностью обеспечивая инвестиционную составляющую данного проекта, получают в аренду землю и налоговые льготы для развития сельского хозяйства [17].

Уже в 2014 г. был отмечен существенный рост поставок в Японию российской сельхозпродукции: зерновых (с 344 тыс. до 26 млн долл. США) и гречки. В номенклатуре российского экспорта в Японию появились кукуруза и ячмень. Как отмечается в докладе российского Торгового представительства в Японии за 2014 г., этот факт следует рассматривать как «следствие взаимных усилий двух стран по налаживанию кооперации в аграрной сфере, имеющей большие перспективы» [14].

Перспективным представляется инвестиционное сотрудничество в сфере логистики и транспорта. О технической осуществимости строительства железнодорожного перехода между Хоккайдо и Сахалином, а также о возможности использования на Дальнем Востоке японских технологий скоростного железнодо-

рожного транспорта «Синкансэн» российская сторона заявляла в июле 2015 г. [18].

Перспективные проекты сотрудничества были представлены российскими участниками российско-японского форума «Точки соприкосновения: бизнес, инвестиции, спорт», прошедшего в Токио в мае 2015 г. Заместитель министра по развитию Дальнего Востока С. Качаев призвал японские компании к активному участию в реализации проекта свободного порта Владивосток. В числе возможных направлений совместной работы российский чиновник назвал размещение инвестиционных проектов, а также создание портовой, сельскохозяйственной, инженерной инфраструктуры [2]. С. Качаев рассказал, что японские компании уже участвуют в двух проектах на территориях опережающего развития (ТОР) Дальнего Востока. Так, в ТОР «Хабаровск» японская компания «Sojitz» намеревалась строить пассажирский терминал в международном аэропорту Хабаровск, а компания JGC – создавать в той же ТОР тепличный комплекс. С. Качаев добавил, что у министерства по развитию Дальнего Востока подписан инвестиционный меморандум со всеми крупными торговыми домами Японии.

Спикер Госдумы С. Нарышкин на этом же форуме отметил высокий интерес двух стран к сотрудничеству в высокотехнологичной сфере, включая автомобилестроение, телекоммуникационную область и энергетику. «Российские компании вместе с японскими партнёрами разрабатывают проект по созданию энергомоста между Россией и Японией, который должен обеспечить надежное энергоснабжение предприятий и городов», – сказал Нарышкин [12].

Большую перспективу имеет сотрудничество России и Японии по освоению Северного морского пути. Данный маршрут, соединяющий Японию с Европой, с которой Японию связывают наиболее интенсивные торговые потоки, на 40% короче традиционного пути через Суэцкий канал (например, от Иокогамы до Роттердама по южному пути 20742 км, по северному – 12038 км). Существенная экономия времени и топлива удешевляет перевозки и повышает привлекательность северного маршрута. К тому же южный маршрут сопряжён с рисками: судам приходится идти через Южно-Китайское море, где в последние годы обострились территориальные споры, а также через Молуккский пролив, в котором всё ещё не решена проблема морского пиратства. Северный морской путь представляется гораздо более безопасным.

О трудностях и проблемах, с которыми сталкиваются пришедшие на российский рынок японские компании, свидетельствуют данные ежегодного опроса Федерации экономических организаций Кэйданрэн. По данным опроса от середины 2014 г., больше всего японских компаний проявляли инвестиционную активность в сфере освоения сырьевых и энергетических ресурсов (60,9%) и в инфраструктуре (39,1%)

■ Мировая политика

[26, р. 6]. Доля этих областей в последние два года росла, тогда как доля автомобилестроения и производства автомобильных комплектующих, оставаясь достаточно высокой, продолжала снижаться. Опрос выявил продолжающуюся с 2007 г. тенденцию к снижению интереса японских компаний к инвестициям в европейской части России при одновременном росте интереса к Сибири и Дальнему Востоку. При этом Россия западнее Урала по-прежнему остаётся регионом, более привлекательным для японских инвесторов, чем Сибирь и Дальний Восток.

Наибольшие проблемы для японских компаний на российском рынке вызывают «административные процедуры», «правовая система» и «общественный порядок» [26, р. 9–15]. Самую большую сложность составляли «административные процедуры», включая «сложности в получении разрешений», «большой срок ожидания разрешений», «различные ответы на обращение в зависимости от органа», а также «коррупция и взятки, связанные с открытием торговых точек или участием в тендерах».

Среди проблем в сфере инфраструктуры в ответах лидировали «высокая стоимость грузовоперевозок», «негибкая система транспортных тарифов», «хронические пробки на дорогах, причиной которых является плохое состояние дорожной сети» (к примеру, автомобильные пробки в Москве утром и вечером), а также «растущая стоимость аренды жилья и офисных помещений». Было отмечено улучшение по некоторым позициям инвестиционного климата, как то: прогресс в сфере инфраструктуры и логистики, связанный с ростом числа проводимых в России международных мероприятий.

По поводу влияния экономических санкций на инвестиционную деятельность в октябре–ноябре 2014 г. Японский бизнес-клуб Москвы и Ассоциация содействия внешней торговле «Джетро» провели опрос среди работающих в России японских компаний. Такое влияние признали 55,9%, отрицали – 22,5% опрошенных. По результатам этого опроса, японские предприниматели в наибольшей мере обеспокоены «нестабильностью в обмене валюты» (78,5%) (в ходе предыдущего опроса эта цифра составляла 48,4%) и «нестабильной политической и социальной ситуацией в стране» (78,5 против 48,4%) (разрешалось давать несколько вариантов ответов). Опрос выявил некоторое сокращение доли японских компаний, намеревавшихся в ближайшие 1–2 года расширить свой бизнес в России (66,0% против 77,8% в ходе предыдущего опроса) [23, р. 148–149]. Тем не менее, о намерении уйти с российского рынка из-за санкций не заявила ни одна из крупных японских компаний, включая крупнейших автопроизводителей «Ниссан» и «Тойота». Свою роль в этом, очевидно, играет положительный эффект девальвации рубля, позволяющий снижать издержки и тем самым повышать конкурентоспособность произведённой в России продукции.

Основная проблема двусторонних торговых отношений заключается в том, что между Россией и Японией не достигнут уровень взаимозависимости, который позволил бы говорить о взаимной привязке партнёров. Поставки российских ресурсов осуществляются по мировым ценам и не имеют специфической «японской ориентации»; они с относительной лёгкостью могут быть заменены. Например, импорт российских энергоносителей может быть заменён поставками с Ближнего и Среднего Востока либо из Юго-Восточной Азии.

Серьёзная структурная проблема инвестиционных отношений заключается в том, что экономики двух стран не являются взаимозависимыми с точки зрения технологического разделения труда. Например, в логике такого разделения труда в последние годы трудозатратные производственные процессы японских корпораций активно переносились в Китай и страны Юго-Восточной Азии. Со своей стороны, Россия (и прежде всего её восточные регионы), не обладая необходимой инфраструктурой и иными логистическими возможностями, а также дешёвой рабочей силой, не имеет конкурентных преимуществ в качестве инвестиционного партнёра Токио [6, с. 85].

Россия видится Японии партнёром в энергетике, поэтому наибольшие перспективы инвестиционного сотрудничества кроются именно в этой сфере. Можно считать реальной возможностью увеличения занимаемой Россией доли на японском рынке нефти и СПГ до 15–20%. В настоящее время подавляющую часть нефти и значительную долю СПГ Япония получает из стран Ближнего и Среднего Востока, но существуют угрозы поставкам нефти, связанные с усилением Исламского государства, предстоящим выводом американских войск из Афганистана и иными факторами нестабильности мировых энергетических рынков. Это обстоятельство повышает привлекательность географически близкой России.

Помимо наращивания поставок нефти и СПГ с использованием имеющейся инфраструктуры, перспективны новые крупные проекты в энергетической области, и прежде всего упомянутые выше проекты строительства газопровода «Сахалин – Япония», проект энергомоста «Сахалин – Хоккайдо». Однако с учётом политических, юридических, организационно-технических и иных сложностей их реализация на данном этапе сталкивается с большими сложностями. На этом фоне большую актуальность приобретают не использовавшиеся ранее возможности интенсификации российско-японского энергетического диалога, связанные с допуском японского капитала к освоению и разработке стратегических месторождений Сибири и Дальнего Востока. Поскольку обычные (континентальные) месторождения и инвестиции в предприятия по сжижению природного газа под санкции не попадают, существенные возможности кроются

в передаче японским компаниям определённой фиксированной доли в некоторых перспективных месторождениях Сибири и Дальнего Востока.

Для России важно выстроить отношения с Японией на долговременной и прочной базе. Один из возможных путей в решении этой проблемы видится в постановке вопроса о заключении с Японией соглашения об экономическом партнёрстве (СЭП) – формата, широко используемого Токио во взаимоотношениях с ключевыми партнёрами по торгово-инвестиционным связям. СЭП с Японией могло бы быть заключено от имени Евразийского экономического союза. Оно способствовало бы включению России в систему международного разделения труда в восточноазиатском регионе, встраиванию в логистические и технологические цепочки производственных процессов. Заключив подобное соглашение, Россия смогла бы обеспечить базу для расширения своего экспорта, тем самым закрепив в Японии свои позиции, причём не только на рынках энергоносителей. Как показывает опыт, такое соглашение позволило бы осуществить правовую институализацию существующих деловых связей и имело бы позитивный эффект «привязывания» партнёров друг к другу. Заключение СЭП позволило бы ослабить озабоченность японского бизнеса недостаточным развитием инвестиционного климата в России. Юридическое обеспечение механизмов защиты прав инвесторов, предусмотренное в подобном соглашении, в определённой степени сняло бы опасения бизнеса по поводу инвестиционных рисков российского рынка и подстегнуло бы процесс экономического проникновения Японии в регионы Восточной Сибири и Дальнего Востока. Возможно, в рамках такого соглашения имело бы смысл предусмотреть и определённый адресный механизм правительственных или иных гарантий для японских инвесторов.

СЭП с Японией способствовало бы повышению уровня экономического присутствия России на японских рынках. Новые возможности могут быть связаны, например, с экспортом пшеницы, сои, морепродуктов и иных продовольственных товаров, в диверсификации поставок которых Япония. Выгоды от заключения соглашения для России вытекают не только благодаря преференциальному режиму экспорта (например, импортные тарифы на сельхозпродукцию составляют в Японии в среднем 12%), но и в связи с мультипликативным эффектом, возникшим бы с переориентированием части экспортных потоков в направлении более требовательного японского рынка, а также адаптацией российской продукции к жёстким японским стандартам. Кроме того, подобное соглашение способствовало бы переводу в правовые рамки процесса «утечки мозгов» из России, в частности, оттока из страны программистов, учёных, специалистов по прикладным технологиям и т.д.

Россия, заинтересованная в том, чтобы поставлять в Японию товары с высокой степенью добавленной стоимости, могла бы найти наиболее оптимальный преференциальный режим для российских экспортёров и японских инвесторов в те отрасли, продукция которых могла бы найти спрос на японском рынке. Целесообразно найти оптимальную форму государственной поддержки для стимулирования японских инвестиций в реализацию масштабных проектов по разработке природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока.

Преференциальное торгово-экономическое соглашение с Японией, даже если экономический эффект от его заключения будет не столь заметным, имело бы позитивные политические результаты, способствуя переключению внимания общественности с территориальной проблемы, улучшению имиджа России в Японии и оздоровлению общего климата двусторонних отношений.

Список литературы

1. В городскую инфраструктуру России будут внедряться японские технологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://minstroyrf.ru/press/v-gorodskuyu-infrastrukturu-rossii-budut-vnedryatsya-yaponskie-tehnologii/> (дата обращения: 17.08.2015).
2. В России создадут ТОР для японских инвесторов // Российская газета. 21.05.2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://m.rg.ru/2015/05/21/tor-site.html> (дата обращения: 17.08.2015).
3. В Свердловской области появится российско-японский завод по переработке твердых бытовых отходов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expertgkh.com/daily-news/312-n0000128> (дата обращения: 17.08.2015).
4. Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь–декабрь 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=20494:-2014-&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976 (дата обращения: 17.08.2015).
5. Завод СПГ под Владивостоком не в приоритете у «Газпрома» // Primamedia.ru. 27.06.2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/economics/27.06.2015/446343/zavod-spg-pod-vladivostokom-ne-v-prioritete-u-gazproma---aleksey-mil.html> (дата обращения: 17.08.2015).
6. Караиванов А.А. Проблемы и перспективы торговых отношений между Россией и Японией в начале XX в. Актуальные проблемы современной Японии. Выпуск XVIII. Москва, 2007. С. 79–88.
7. Красноярск договорились превратить в «смарт-город» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.sfu-kras.ru/node/15094> (дата обращения: 17.08.2015).

■ Мировая политика

8. Медицина будущего стала доступна приморцам с открытием российско-японского центра // Primamedia.ru. 28.05.2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/asia/28.05.2013/279065/meditsina-buduschego-stala-dostupna-primortsam-s-otkriтием-rossiysko-yaponskogo-tsentr.html> (дата обращения: 17.08.2015).
 9. О состоянии внешней торговли в I полугодии 2015 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d06/169.htm (дата обращения: 01.01.2016).
 10. Объём накопленных иностранных инвестиций в экономике России по основным странам-инвесторам [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/174inv21.htm (дата обращения: 17.08.2015).
 11. Российско-японские торгово-экономические отношения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://archive.mid.ru//bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325757d0051424a!OpenDocument> (дата обращения: 17.08.2015).
 12. Россия предложила Японии участвовать в развитии свободного порта Владивосток // Ведомости. 21.05.2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/business/news/2015/05/21/rossiya-predlozhila-yaponii-uchastvovat-v-razvitii-svobodnogo-porta-vladivostok> (дата обращения: 17.08.2015).
 13. Сечин пригласил Японию к участию в прибыльных проектах «Роснефти» [Электронный ресурс]// Телеканал НТВ. 06.11.2015. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1562678/?fb#ixzz3vYE6qQpD> (дата обращения: 01.01.2016).
 14. Торгово-экономическое сотрудничество между Российской Федерацией и Японией [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://jpn.ved.gov.ru/files/images/kai/Yaponiya/TES_RF_i_Jap_febr_2015.pdf (дата обращения: 17.08.2015).
 15. Торкунов А.В., Панов А.Н. Энергетическое окно в Японию // Независимая газета. 13.01.2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2015-01-13/4_japan.html (дата обращения: 17.08.2015).
 16. Япония засеет Дальний Восток // Gazeta.ru. 14.04.2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2014/04/14/5992101.shtml> (дата обращения: 17.08.2015).
 17. Японская посевная // Eastrussia.ru. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.eastrussia.ru/material/yaponskaya_posevnaya/ (дата обращения: 17.08.2015).
 18. Японские системы скоростных поездов «Синкансен» могут быть использованы на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rzd-partner.ru/news/vysokoskorostnoe-dvizhenie/iaponskie-sistemy-skorostnykh-poezdov--sinkansen--mogut-byt-ispolzovany-na-dalnem-vostoke-rossii/> (дата обращения: 17.08.2015).
 19. Choki enerugi jukyu mitoshi (an) (2015) [The Long-Term Prognosis of Energy Consumption] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enecho.meti.go.jp/committee/council/basic_policy_subcommittee/mitoshi/008/pdf/008_08.pdf (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
 20. Chokusetsu toshi tokei [The Statistics of FDI]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/fdi/> / (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
 21. Nihon no ekitai tennen gasu yunyu aitekoku joui jukkakoku no suyi [The Dynamics of Import of LNG from Ten Top Suppliers to Japan] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_3.pdf (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
 22. Nihon no gensoyu yunyu aitekoku joui jukkakoku no sui [The Dynamics of Import of Crude Oil from Ten Top Suppliers to Japan] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_2.pdf (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
 23. Okada Kazuo. Nichiro keizai kankei-no genjo to tembo [The Present Situation and Perspectives of Japan-Russian Economic Relations] [Электронный ресурс] // Roshia-no kyokuto, shiberia chiiki kaihatsu to nihon-no anzen hoshu [The Development of Russian Far East and Siberia and Japan's Security Guarantee] pp. 135-149. Режим доступа: http://www2.jiia.or.jp/pdf/resarch/H26_Development_of_Russian_Far_East_Siberia/10-okada.pdf (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
 24. Ro gasupurumu shacho, 'Nihongawa kara paipurain teian" to hatsugen. [The President of Gasprom Confirmed a Proposal from Japan Over the Pipeline] [Электронный ресурс] // Sankei shimbun. 11.11.2014. Режим доступа: <http://www.sankei.com/premium/print/150710/prm1507100002-c.html> (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
 25. Ro shigen gaiko kyokuto-ni jikuashi. [The Emphasis on the Far East in Japan's Raw Material Diplomacy] [Электронный ресурс] // Yomiuri Shimbun. 20.01.2012. Режим доступа: http://blog.goo.ne.jp/yuuji_1946/e/5acc96a0db52839aed6bec67d34a1b00 (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
 26. Roshia-no bijinesu kankyo-ni kansuru anketo (2014-do) [The Questionnaire Survey on the Business Environment in Russia] [Электронный ресурс]// Режим доступа: <https://www.keidanren.or.jp/policy/2014/087.pdf> (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
-

27. Strategic Energy Plan (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/4th_strategic_energy_plan.pdf (дата обращения: 17.08.2015).
28. Tai roshia shuyo yunyuhin no suyi (toshi besu) [The Dynamics of Import of Main Items from Russia, year base (In Japanese)] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/y7_9.pdf (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
29. Tai roshia shuyo yushutsuhin no suyi (toshi besu) [The Dynamics of Export of Main Items to Russia, year base] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy6_9.pdf (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)
30. Tainichi souden-e hatsudensho. [The Power Station Sending Electricity to Japan] [Электронный ресурс]// Hokkaido Shimbun. 06.02.2015. Режим доступа: http://blogs.yahoo.co.jp/japan_off/33386986.html (дата обращения: 17.08.2015). (In Japanese)

Об авторе

Дмитрий Викторович Стрельцов – д.и.н., заведующий кафедрой востоковедения МГИМО(У) МИД России, профессор НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2016 г.

RUSSIAN–JAPANESE TRADE AND ECONOMIC RELATIONS: IS THERE A NEW FULCRUM?

D.V. Streltsov

National Research University Higher School of Economics. Russia, 101000, Moscow, ulitsa Myasnitskaya 20. Moscow State Institute of international relations (MGIMO). Russia, 119454, Moscow, prospekt Vernadskogo 76.

Abstract: *Against the background of political chilling between Russia and Japan trade and economic cooperation objectively form a basis for a positive development of bilateral relations in the foreseeable future.*

The structure of mutual trade has not changed significantly for a number of years. Russia plays the role as a pivotal supplier of certain raw materials for the Japanese market, namely energy resources, non-ferrous metals, seafood and timber. From Japan Russia imports mainly passenger cars and a certain amount of industrial equipment.

With regard to investment relations between Russia and Japan, there exists a serious structural problem – the two economies are interdependent from the point of view of the technological division of labor. Russia, particularly its Eastern regions, not possessing sufficient infrastructure and logistics capabilities, as well as cheap labor resources, does not have any competitive advantages for Japanese investment compared to other countries like China. The potential of Russia is mostly viewed in Japan just as an energy donor.

Thus the largest prospects of investment cooperation lie in the energy sphere. One can talk of the possibility for raising Russia's share in the Japanese oil and LNG markets. This perspective is supported by the instability of the political situation in the Middle East, which is Japan's main partner for energy supplies.

In this connection, large-scale investment projects in the energy field, like the construction of gas pipeline "Sakhalin – Japan" or a power bridge "Sakhalin – Hokkaido", retain their perceptiveness. However, given the political, juridical, organizational, technical and other problems, these projects are difficult for implementation at the present stage. In this situation, the allocation of a certain share for Japan in the strategic energy deposits of Siberia and the Far East and the admission of Japanese capital to the exploration and development of these deposits seem to be a realistic choice for Russian strategic planning towards Japan, as such a cooperation would not be a subject of Western sanctions against Russia.

For Russia it is important to build with Japan relationship on a more long-term and lasting basis. One of the possible ways here is to conclude a bilateral economic partnership agreement.

Key words: Investment, Russia, Japan, Sanctions, Energy Sphere, Gas Pipeline, Agriculture, Economic Partnership Agreement.

References

1. Rossiisko-iaponskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniia [Trade and economic cooperation between the Russian Federation and Japan]. Available at: <http://archive.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325757d0051424a!OpenDocument> (accessed 17.08.2015).
2. V Rossii sozdatut TOR dlia iaponskikh investorov [A territory of advanced development for Japanese investors will be created in Russia] Rossiiskaya gazeta. 21.05.2015. Available at: <http://m.rg.ru/2015/05/21/tor-site.html> (accessed 17.08.2015).
3. V Sverdlovskoi oblasti poiavitsya rossiisko-iaponskii zavod po pererabotke tverdykh bytovykh otkhodov [A Russian-Japanese plant for processing of solid household waste will appear in the Sverdlovsk region] Available at: <http://expertgkh.com/daily-news/312-n0000128> (accessed 17.08.2015)
4. Vneshnyaya torgovlya Rossiiskoi Federatsii po osnovnym stranam za ianvar'-dekabr' 2014 g. [Foreign trade of Russian Federation with main countries in January-December 2014] Available at: http://www.customs.ru/index2.php?option=com_content&view=article&id=20494:-2014-&catid=125:2011-02-04-16-01-54&Itemid=1976 (accessed 17.08.2015).
5. Zavod SPG pod Vladivostokom ne v prioritete u "Gazproma" [The LNG plant near Vladivostok is not prioritized by Gazprom]. Primamedia.ru. 27.06.2015. Available at: <http://primamedia.ru/news/economics/27.06.2015/446343/zavod-spg-pod-vladivostokom-ne-v-prioritete-u-gazproma---aleksey-mil.html> (accessed 17.08.2015).
6. Karaivanov A. Problemy i perspektivy torgovykh otnoshenii mezhdou Rossiei i Iaponiei v nachale XX v. [Problems and perspectives of trade relations between Russia and Japan in the beginning of the XX century]. Aktual'nye problemy sovremennoi Iaponii. 2007, no. XYIII, pp.79-88.
7. Krasnoyarsk dogovorilis' prevratit' v 'smart-gorod' [Krasnoyarsk is agreed to become a smart-city] Available at: <http://news.sfu-kras.ru/node/15094> (accessed 17.08.2015)
8. Meditsina budushchego stala dostupna primortsam s otkrytiem rossiisko-yaponskogo tsentra [After Opening of the Russo-Japanese Center The Medicine of the Future Has Become Available to the Citizens of Primorye Region]. Primamedia.ru. 28.05.2013. Available at: <http://primamedia.ru/news/asia/28.05.2013/279065/meditsina-budushchego-stala-dostupna-primortsam-s-otkrytiem-rossiysko-yaponskogo-tsentr.html> (accessed 17.08.2015).
9. O sostoyanii vneshnei torgovli v I polugodii 2015 goda [About the Situation in the Sphere of Foreign Trade Relations in the First Half of 2015] Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/169.htm (accessed 01.01.2016).
10. Ob'em nakoplennykh inostrannykh investitsii v ekonomike Rossii po osnovnym stranam-investoram [The Amount of Accumulated FDI to Russian Economy by Investor States] Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/174inv21.htm (accessed 9.02.2014).
11. Rossiisko-iaponskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniya [Trade and Economic Relations between Russian Federation and Japan] Available at: <http://archive.mid.ru/bdcomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/432569d80021985fc325757d0051424a!OpenDocument> (accessed 17.08.2015).
12. Rossiya predlozhila Yaponii uchastvovat' v razvitiі svobodnogo porta Vladivostok. [Russia has Offered Japan to Participate in the Development of the Free Port of Vladivostok. Vedomosti. 21.05.2015. Available at: <http://www.vedomosti.ru/business/news/2015/05/21/rossiya-predlozhila-yaponii-uchastvovat-v-razvitiі-svobodnogo-porta-vladivostok> (accessed 17.08.2015).
13. Sechin priglasil Iaponiyu k uchastiyu v pribyl'nykh proektakh «Rosnefti» [Sechin Invited Japan to Participate in the Profitable Projects of Rosneft] NTV. 06.11.2015. Available at: <http://www.ntv.ru/novosti/1562678/?fb#ixzz3vYE6qQpD> (accessed: 01.01.2016).
14. Torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo mezhdou Rossiiskoi Federatsiei i Iaponiei. [Trade and economic cooperation between the Russian Federation and Japan] Available at: http://jpn.ved.gov.ru/files/images/kai/Yaponiya/TES_RF_i_Jap_febr_2015.pdf (accessed 17.08.2015).
15. Torkunov A., Panov A. Energeticheskoe okno v Iaponiyu. [The Energy Window to Japan] Nezavisimaya Gazeta. 13.01.2015. Available at: http://www.ng.ru/economics/2015-01-13/4_japan.html (accessed 17.08.2015).
16. Iaponiia zaseet Dal'nii Vostok [Japan Will Sow the Far East] Gazeta.ru. 14.04.2014. Available at: <http://www.gazeta.ru/business/2014/04/14/5992101.shtml> (accessed 17.08.2015)
17. Iaponskaia posevnaia [Japan's Sowing Season] Eastrussia.ru. Available at: <http://www.eastrussia.ru/material/yaponskaya-posevnaya/> (accessed 17.08.2015)
18. Iaponskie sistemy skorostnykh poezdov "Sinkansen" mogut byt' ispol'zovany na Dal'nem Vostoke Rossii [Japanese Express Trains "Shinkansen" Can Be Used in the Far East of Russia]. Available at: <http://www.rzd-partner.ru/news/vysokoskorostnoe-dvizhenie/iaponskie-sistemy-skorostnykh-poezdov--sinkansen-mogut-byt-ispolzovany-na-dalnem-vostoke-rossii/> (accessed 17.08.2015)

19. Choki enerugi jukyu mitoshi (an)(2015) [The Long-Term Prognosis of Energy Consumption (In Japanese)]. Available at: http://www.enecho.meti.go.jp/committee/council/basic_policy_subcommittee/mitoshi/008/pdf/008_08.pdf (accessed: 17.08.2015).
20. Chokusetsu toshi tokei [The Statistics of FDI (In Japanese)]. Available at: <http://www.jetro.go.jp/world/japan/stats/fdi/> (accessed: 17.08.2015).
21. Nihon no ekita tennen gasu yunyu aitekoku joui jukkakoku no suyi [The Dynamics of Import of LNG from Ten Top Suppliers to Japan (In Japanese)]. Available at: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_3.pdf (accessed: 17.08.2015).
22. Nihon no gensoyu yunyu aitekoku joui jukkakoku no suyi [The Dynamics of Import of Crude Oil from Ten Top Suppliers to Japan (In Japanese)]. Available at: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy8_2.pdf (accessed: 17.08.2015).
23. Okada Kazuo. Nichiro keizai kankei-no genjo to tembo [The Present Situation and Perspectives of Japan-Russian Economic Relations(In Japanese)] // Roshia-no kyokuto, shiberia chiiki kaihatu to nihon-no anzen hoshu [The Development of Russian Far East and Siberia and Japan's Security Guarantee (In Japanese)] pp.135-149. Available at: http://www2.jia.or.jp/pdf/resarch/H26_Development_of_Russian_Far_East_Siberia/10-okada.pdf (accessed: 17.08.2015).
24. Ro gasupurumu shacho, 'Nihongawa kara paipurain teian' to hatsugen. [The President of Gasprom Confirmed a Proposal from Japan Over the Pipeline. (In Japanese)] // Sankei shimbun. 11.11.2014. Available at: <http://www.sankei.com/premium/print/150710/prm1507100002-c.html> (accessed: 17.08.2015).
25. Ro shigen gaiko kyokuto-ni jikuashi. [The Emphasis on the Far East in Japan's Raw Material Diplomacy (In Japanese)] [Электронный ресурс] // Yomiuri Shimbun. 20.01.2012. Available at: http://blog.goo.ne.jp/yuuji_1946/e/5acc96a0db52839aed6bec67d34a1b00 (accessed: 17.08.2015).
26. Roshia-no bijinesu kankyo-ni kansuru anketo (2014-do) [The Questionnaire Survey on the Business Environment in Russia (In Japanese)]// Available at: <https://www.keidanren.or.jp/policy/2014/087.pdf> (accessed: 17.08.2015).
27. Strategic Energy Plan (2014) [Электронный ресурс]. Available at: http://www.enecho.meti.go.jp/en/category/others/basic_plan/pdf/4th_strategic_energy_plan.pdf (accessed: 17.08.2015).
28. Tai roshia shuyo yunyuhin no suyi (toshi besu) [The Dynamics of Import of Main Items from Russia, year base (In Japanese)]. Available at: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/y7_9.pdf (accessed: 17.08.2015).
29. Tai roshia shuyo yushutsuhin no suyi (toshi besu) [The Dynamics of Export of Main Items to Russia, year base (In Japanese)]. Available at: http://www.customs.go.jp/toukei/suii/html/data/fy6_9.pdf (accessed: 17.08.2015).
30. Tainichi souden-e hatsudensho. [The Power Station Sending Electricity to Japan. (In Japanese)] Hokkaido Shimbun. 06.02.2015. Available at: http://blogs.yahoo.co.jp/japan_off/33386986.html (accessed: 17.08.2015).

About the author

Dmitry V. Streltsov – Doctor of History, Head of the Department of Oriental Studies of the Moscow State Institute of international relations (MGIMO); professor of National Research University Higher School of Economics.
E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

ПОДХОДЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЯПОНИИ К ПРОБЛЕМАМ «ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО»

А.А. Батакова

Министерство иностранных дел России, 119200 Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34

В первой половине 1990-х гг. под воздействием ряда факторов в Токио возобладало понимание, что первым шагом на пути к большей роли Японии в мировой политике должно стать восстановление доверия и примирение со странами Восточной Азии, для чего были предприняты самые далеко идущие попытки извинений за политику Японии в первой половине XX века, включая заявление премьер-министра Т.Мураямы 1995 года, а также меры по урегулированию так называемых «проблем исторического прошлого».

Нынешний премьер-министр С.Абэ, также проводящий линию на увеличение вклада Японии в международные дела, напротив, демонстрирует постепенный отход от этой стратегии, исходя из того, что «самоуничтожительный» взгляд на японскую историю не соответствует национальным интересам. В заявление С.Абэ по случаю семидесятилетней годовщины окончания Второй мировой войны был включен тезис о необходимости прекратить нести «бремя извинений», и, несмотря на это, оно получило положительную оценку главного союзника Токио – Вашингтона, а также не стало препятствием к продолжению политического диалога с Сеулом и Пекином. Вышеотмеченное позволяет предположить, что нынешний глава кабинета министров Японии продолжит поэтапные усилия по выведению «проблем исторического прошлого» за рамки развития отношений с Китаем и Южной Кореей как в практической, так и политической областях, а также по размытию характерной для японской дипломатии 1990-х годов увязки между принесением Токио извинений пострадавшим странам и стратегической линией на увеличение международной роли Японии в области политики и безопасности.

Ключевые слова: японо-южнокорейские отношения, японо-китайские отношения, внешняя политика Японии, «дипломатия извинений», «проблемы исторического прошлого», Синдзо Абэ, Томиити Мураяма.

В год семидесятилетия окончания Второй мировой войны в центре внимания оказался вопрос официальных взглядов Токио на события того периода в связи с обещанием нынешнего главы кабинета министров Японии С. Абэ опубликовать заявление, приуроченное к этой дате, подобно тому, как это сделали бывшие премьер-министры Т. Мураяма в 1995 г. и Дз. Коидзуми в 2005 г. За содержанием заявления С. Абэ внимательно следили в Южной Корее и Китае, давая понять, что от него будет зависеть дальнейшее развитие двусторонних контактов. В Пекине и Сеуле опасались, что нынешний премьер-министр, придерживающийся правоконсервативных взглядов, попытается переписать заявление Т. Мураямы, которое рассматривается в качестве официального извинения японского правительства за агрессию в первой половине XX века.

Заявление премьер-министра Т. Мураямы, сделанное по случаю пятидесятилетней годовщины окончания войны на Тихом океане 15 августа 1995 г. гласило, в том числе: «В течение некоторого периода недавнего прошлого Япония, следуя неправильному политическому курсу, пошла по пути войны, что привело народ Японии на грань катастрофы и принесло в результате колониального господства и агрессии огромные разрушения и страдания народам многих стран, особенно Азии. В надежде на то, что в будущем такие ошибки не повторятся, я с чувством раскаяния смотрю на эти неоспоримые факты, и вновь выражаю чувства моего глубокого сожаления и искреннего извинения. Позвольте также принести соболезнования всем жертвам, как в Японии, так и в других странах» [21].

Заявление Т. Мураямы, хотя оно, как считается, было, прежде всего, выражением личной позиции премьера, с которой далеко не все в японском политическом истеблишменте были согласны (подтверждением тому могут служить паломничество в августе 1995 г. десяти министров его кабинета в храм Ясукуни¹), тем не менее, было проявлением своего времени. Тогда в Токио достаточно широко было распространено понимание, что первым шагом на пути к большей роли Японии в мировой политике должно стать восстановление доверия и примирение со странами Восточной и Юго-Восточной Азии.

Переосмыслению Японией своей роли на международной арене во многом способствовали события в Персидском заливе 1990-91 гг. Тогда западные союзники раскритиковали Токио за то, что японское участие в операции многонациональных сил фактически ограничилось денежными вливаниями (Япония выделила

на кампанию 13 млрд долл. США, что, необходимо заметить, составило до 20% от ее общей стоимости, а также предоставила медицинский персонал) [1, с.33]. В Токио задумались над возможностями расширения своего вклада в обеспечение международного мира и безопасности. В результате уже в апреле 1991 г. морские силы самообороны Японии впервые после окончания Второй мировой войны были направлены за рубеж для разминирования в Персидском заливе, а в 1992 г. был принят закон, позволяющий силам самообороны (ССО) участвовать в миротворческих операциях под эгидой ООН.

Вместе с тем, обсуждение в парламенте Японии возможности отправки ССО за рубеж вызвало в странах Восточной и Юго-Восточной Азии неоднозначную реакцию. Китай, в частности, раскритиковал законопроект о сотрудничестве с ООН по вопросам миротворчества как попытку «преодолеть ограничения на отправку вооруженных сил за границу, невозможную для Японии в течение сорока пяти послевоенных лет», вызывающую «недовольство в японском обществе и беспокойство в соседних странах Азии» по причине того, что в памяти людей свежи воспоминания об «агрессивной войне, развязанной японскими милитаристами в прошлом» [31].

Созданный при премьер-министре К. Миядзаве (1991 – 1993 гг.) совет экспертов «Комиссия по определению целей Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 21 веке» пришел к такому выводу: «Японии необходимо решить различные проблемы, происходящие из несчастливого прошлого со многими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, и думать о будущем Японии в АТР» [10, сс. 67-68]. Из этого понимания зародилась стратегическая линия на примирение со странами Азии, включавшая в себя признание Токио ответственности за агрессивную и колониальную политику первой половины XX века, принесение извинений и попытки урегулирования прочих «проблем исторического прошлого», как первый шаг на пути к занятию Токио соответствующего его экономической мощи места на международной политической арене.

Другими факторами, поспособствовавшими изменению подходов японского правительства к «проблемам прошлого», стали окончание холодной войны, демократические процессы в ряде стран, включая Южную Корею, и последовавшая за этим активизация деятельности различных правозащитных групп, в том числе требовавших от японского правительства решения проблемы «женщин комфорта»², смерть императора

¹ В храме Ясукуни почитаются погибшие за императора Японии, в число которых в качестве «мучеников эпохи Сёва» внесены военные преступники класса «А», приговорённые к смертной казни по решению Международного военного трибунала для Дальнего Востока. По этой причине визиты японских официальных лиц в Ясукуни рассматриваются в ряде стран как попытка отрицания японской агрессии и колониализма.

² Под «женщинами комфорта» понимают женщин, работавших на «станциях утешения» – публичных домах, создаваемых в местах дислокации японских войск до и во время Второй мировой войны на оккупированных территориях и обслуживавших японских солдат и офицеров.

■ Мировая политика

Хирохито, приведшая к внутринациональной ретроспективной дискуссии³.

Подобным образом споры вокруг японских учебников по истории в 1982 г.⁴ и дипломатический скандал, вызванный паломничеством премьер-министра Я. Накасонэ в своем официальном качестве в синтоистский храм Ясукуни 15 августа 1985 г., подстегнули интерес к проблеме интерпретации событий первой половины двадцатого века в японском обществе. Правительству также пришлось более четко обозначить свою позицию и отойти от неопределенных фраз о «несчастливом прошлом» к признанию агрессии и колонизации.

В ходе визита в Сеул 17 января 1992 г., проходившего на фоне разгоревшегося скандала вокруг проблемы «женщин комфорта», премьер-министр К. Миядзава принес извинения за «невыносимые боль и страдания жителей Корейского полуострова» [32]. Глава кабинета министров прямо указал на то, что Япония была агрессором («кагайся»), а Республика Корея – жертвой («хигаейся»), и пообещал передать молодым поколениям японцев «правильное понимание истории» для того, чтобы «эти ошибки больше не повторялись» [32]. К. Миядзава впервые использовал слова «агрессор» и «жертва» вместо ранее применявшихся в подобных случаях размытых формулировок как, например, «несчастливое прошлое». Кроме того, сделанный им акцент на необходимость «правильного понимания истории» впоследствии станет важной составляющей частью японских извинений [24, с.61].

Изменению подходов Токио к оценкам истории способствовало и первое с 1955 г. поражение Либерально-демократической партии Японии (ЛДПЯ) на всеобщих выборах и приход к власти в 1993 г. коалиционного правительства М. Хосокавы (1993 – 1994 гг.). Отвечая на вопрос журналистов на своей первой пресс-конференции, новый премьер-министр недвусмысленно охарактеризовал действия Японии как «агрессивную войну» и впоследствии подтвердил свою точку зрения в программном выступлении в парламенте в сентябре 1993 г., выразив «глубочайшие сожаления» в связи с тем, что «посредством агрессии и колониального господства Япония в прошлом принесла большие страдания» [28]. Во время визита в Южную Корею в ноябре 1993 г. М. Хосокава конкретизировал свои извинения, указав на то, что «народ Корейского полуострова был лишен возможности обучать-

ся в школе на родном языке, вынужден менять фамилии на японский лад и испытал другие различные невыносимые трудности и горе» [30].

Премьер-министр от Социалистической партии Японии (СПЯ) Т. Мураяма (1994 – 1996 гг.), совершив поездки в Республику Корея в июле 1994 г. и в Китай в мае 1995 г., также принес извинения за «колониальное господство» и «агрессивные действия» Японии. Во время визита в КНР он первым из японских премьеров посетил мост Марко Поло, инцидент на котором в 1937 г. положил начало Второй японо-китайской войне. По словам Т. Мураямы, этот поступок был призван показать решимость Японии продолжать усилия для «построения отношений взаимодоверия с соседними странами Азии», основываясь «на чувстве глубокого сожаления об агрессивных действиях и колониальном господстве в прошлом», а также подтвердить «непоколебимую клятву, что японский народ никогда не будет стремиться к созданию военной державы» [26].

Т. Мураяма попытался зафиксировать такие оценки в качестве официальной позиции Токио. При его кабинете по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны была принята первая в послевоенной истории Японии попытка провести через парламент «антивоенную» резолюцию, изначальная задача которой заключалась в том, чтобы принести извинения странам, пострадавшим от японской агрессии и колониализма, и подтвердить обязательство отказа Японии от войны как средства решения международных споров.

Однако из-за давления правоконсервативных политиков формулировки были значительно смягчены, и даже несмотря на это, не удалось добиться консенсуса: в голосовании принял участие только 251 депутат из 502, из них 230 поддержали заявление. В итоге «Резолюция обновленной решимости к миру на основе уроков истории», принятая палатой представителей парламента Японии 9 июня 1995 г., принесла «искренние соболезнования всем, кто погиб на поле боя или стал жертвами войны или подобных действий во всем мире». Хотя в ней признавался факт «агрессивных действий» и «колониального господства» Японии в прошлом, но он был включен в широкий контекст политических реалий того времени. Слова извинения были заменены «чувством глубокого сожаления» за «причиненную боль и страдания народам других стран, особенно Азии», а заключительная часть призывала «преодолеть различия во взглядах

³ Скандал разгорелся после публикации в газете «Асахи симбун» от 26 июня 1982 г. материалов о том, что министерство образования, науки и культуры Японии рекомендовало издательствам заменить термин «агрессия» по отношению к политике Японии в северном Китае в 1930-40 гг. на слово «продвижение» или «вторжение».

⁴ В заявлении генерального секретаря кабинета министров Японии К. Миядзава от 26 августа 1982 г. обозначено, что при одобрении учебников должен учитываться дух совместного японо-южнокорейского коммюнике 1965 г. («прошлое достойно сожаления и Япония глубоко сожалеет») и совместного японо-китайского заявления 1972 г. («Япония ясно осознает ответственность за серьезный ущерб, причиненный народу Китая в прошлом посредством войны, и глубоко сожалеет»).

на историю прошлой войны и смиренно учить уроки истории для того, чтобы построить мирное международное сообщество» [3].

Не добившись желаемых результатов, Т. Мураяма принял решение опубликовать заявление премьер-министра, целью которого было, по его собственным словам, «выработать единую согласованную точку зрения в отношении оценок прошлого, и тем самым задать Японии направление на будущее и поставить точку в послевоенной эпохе» [25, с. 28].

Реакция Китая и Республики Корея на опубликованное 15 августа 1995 г. заявление была достаточно сдержанной. Пекин приветствовал жест японского кабинета, вместе с тем отметив, что «некоторые представители японского общества и политических кругов еще не способны занять правильную позицию», а Сеул призвал правительство Японии «предпринять серьезные усилия для того, чтобы полностью раскрыть историческую правду и придерживаться правильного понимания истории» [24, с. 108].

Зафиксированный в заявлении Т. Мураямы взгляд на историю, тем не менее, стал официальной позицией Токио и все последующие японские премьер-министры подтверждали приверженность его духу, начиная с Р. Хасимото (ЛДПЯ, 1996 – 1998 гг.), который вновь принес «искренние извинения народам Азии» и выразил «чувства глубокого сожаления» за «агрессию и колониальное господство» [10, с. 70]. Восточно-азиатские соседи Японии, со своей стороны, внимательно наблюдали за тем, чтобы Токио не отходил от этой позиции.

Помимо принесения извинений стратегия на примирение с азиатскими странами нашла свое отражение в попытках урегулирования вопросов, доставшихся от «несчастливого прошлого». В ходе визитов М. Хосокавы и Т. Мураямы в Республику Корея лидеры обещали продолжить усилия по решению проблемы репатриации сахалинских корейцев, а также проработать возможные меры по урегулированию проблемы «женщин комфорта».

В июле 1995 г. правительством Японии был учрежден Национальный азиатский фонд мира для женщин (Asian Women's Fund) для выражения «чувства раскаяния народа Японии» в отношении бывших «женщин комфорта» [22]. Ранее Токио признал причастность императорской армии Японии к созданию и управлению «станциями утешения» и что «зачастую» набор женщин осуществлялся «против их воли». Такая позиция была зафиксирована в заявлении генерального секретаря кабинета министров Ё. Коно, сделанном 4 августа 1993 г. При этом правительство Японии отказалось признавать юридическую ответственность и обсуждать вопрос о выплате индивидуальных компенсаций, ссылаясь на двустороннее японо-южнокорейское соглашение 1965 г. об урегулировании проблем, связанных с вопросами собственности и компенсаций, и экономическом сотрудничестве. Компромиссным решением стал

созданный при кабинете Т. Мураямы Национальный азиатский фонд мира для женщин.

Основными направлениями его деятельности стали выплата каждой оставшейся в живых «женщине комфорта» денежного возмещения, формировавшегося из частных пожертвований граждан, в размере 2 млн иен, сопровождаемая письмом от имени премьер-министра Японии; осуществление индивидуальных медицинских и социальных программ; сбор архивных документов и материалов о «женщинах комфорта» для проведения дальнейших исследований, а также организация мероприятий, посещенных современным проблемами насилия в отношении женщин. Стоит отметить, что при всех спорных моментах – в частности, критики указывали на то, что, отказываясь от выплат компенсаций из средств бюджета, Токио пытается уйти от международно-правовой ответственности – создание Фонда было самой серьезной попыткой на пути к урегулированию проблемы «женщин комфорта».

Помимо этого, в 1994 году Т. Мураяма выразил намерение запустить «план обменов во имя мира и дружбы», включавший в себя работу по содействию историческим исследованиям для формирования правильного понимания истории, включая сбор соответствующих исторических документов и материалов и упрощение доступа к ним исследователям, а также проведение мероприятий, способствующих углублению взаимопонимания и продвижению диалога на различных уровнях, включая академический и молодежный обмен. Комментируя цели такой инициативы, Т. Мураяма отметил: «если наша страна будет прямо смотреть на историю <...> и передаст это следующим поколениям, а также будет прилагать усилия для еще большего укрепления взаимодоверия с [пострадавшими] странами, это станет выражением наших чувств сожаления и извинения» [34]. Итогом работы на этом направлении стало создание в 2001 г. Японского центра документов по истории Азии (Japan Center for Asian Historical Records), где были собраны и оцифрованы официальные исторические документы, хранящиеся в национальном архиве, министерствах и ведомствах Японии, начиная с эпохи Мэйдзи (1868-1912 гг.) и до окончания Второй мировой войны.

Вместе с тем, стратегическая линия на примирение со странами Азии вызвала ответную реакцию правоконсервативных кругов в Японии, считавших такую политику контрпродуктивной, наносящей вред имиджу Японии за рубежом и способствующей политизации «проблем исторического прошлого». Это во многом способствовало формированию взглядов нынешнего премьер-министра С. Абэ [10, с. 67], который, в частности, ранее открыто выражал недовольство тем, что «термин «агрессия» в какой-то момент вдруг стал официальной точкой зрения правительства» [33].

Во второй раз возглавив кабинет министров в декабре 2012 г., С. Абэ выдвинул достаточно

амбициозную программу по «возрождению» Японии. В стратегии национальной безопасности 2013 года была зафиксирована концепция «активного пацифизма», подразумевающая большую вовлеченность Японии в дело обеспечения международного мира и безопасности и решение глобальных проблем. За менее чем три года нахождения С. Абэ у власти были смягчены самоограничения на экспорт вооружений, принято постановление правительства об изменении толкования конституции с целью признания за Японией права на коллективную самооборону, одобрено новое законодательство в области обеспечения национальной безопасности. В числе заявленных премьер-министром долгосрочных планов внимание привлекает намерение пересмотреть конституцию, которая, по его словам, была навязана стране в условиях американской военной оккупации [35], и переписать ее девятую статью, декларирующую отказ Японии от войны.

Эти шаги сопровождаются попытками отойти от устоявшихся в 90-е гг. официальных оценок Токио итогов Второй мировой войны. Бурные дискуссии в японском обществе вызвали высказывания премьера о том, что Международный военный трибунал для Дальнего Востока был «судом победителей над побежденными», а также об отсутствии общепринятого определения агрессии. 26 декабря 2013 г. С. Абэ совершил паломничество в синтоистский храм Ясукуни – впервые с 2006 г., когда его посетил Дз. Коидзуми (2001 – 2006 гг.). В министерстве образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии намекали на возможность пересмотра в будущем так называемого «пункта о соседних странах» [27]. Это положение было включено в политический сборник, опубликованный ЛДПЯ в преддверии выборов в верхнюю палату парламента в 2013 г.

С. Абэ предпринял попытку смягчить прежнюю точку зрения Токио на проблему «женщин комфорта», выраженную в заявлении Ё. Коно 1993 г., которое, по мнению представителей консервативных кругов, способствовало созданию за рубежом негативного образа Японии как страны, принуждавшей женщин к сексуальному рабству в годы Второй мировой войны. В сентябре 2012 г., будучи председателем находившейся тогда в оппозиции Либерально-демократической партии Японии, С. Абэ даже намекал на возможность пересмотра заявления в случае своего повторного вступления на пост премьер-министра, отказавшись от этой идеи впоследствии.

Вместо этого была учреждена группа экспертов для изучения процесса составления заявления Ё. Коно. По итогам ее работы в июне 2014 г. был опубликован доклад, из которого следовало, что текст заявления, включая абзацы о наличии принуждения при наборе женщин, был составлен с учётом пожеланий корейской стороны, а лежащие в его основе показания бывших

«женщин комфорта» никак не верифицировались [29]. По всей видимости, в Токио пытались показать, что заявление Ё. Коно не основано на реальных фактах, а является политическим продуктом.

С. Абэ намекал на невозможность придерживаться в неизменном виде заявления Т. Мураямы и выразил намерение опубликовать в 2015 году, в годовщину 70-летия окончания войны, новое, «направленное в будущее», заявление, которое, как изначально предполагалось, уже не будет содержать пассажей о японской агрессии. В ходе выступлений на ежегодной церемонии памяти жертв Второй мировой войны в 2013 – 2015 гг. С. Абэ упускал ставшие традиционными фразы о причиненном Японией ущербе странам Азии.

Однако в дальнейшем японский премьер также вынужден был смягчить свою позицию. На новогодней пресс-конференции 5 января 2015 г. С. Абэ подтвердил приверженность «позиции предыдущих кабинетов в отношении взгляда на историю, включая заявление Т. Мураямы» и выразил намерение включить в заявление по случаю семидесятилетия окончания Второй мировой войны «сожаление за прошлую войну, послевоенный путь Японии как мирного государства, а также вклад, который Япония может впредь сделать для Азиатско-Тихоокеанского региона и мира в целом» [13].

Смягчению позиции способствовали, по-видимому, внешнеполитические факторы. В частности, Вашингтон намекал, что хочет видеть Японию «влиятельным, надёжным, активным и сильным партнером США», чего можно добиться «только путем эффективного решения проблемы прошлого и примирения [с соседними странами]» [36]. В Республике Корея в ответ на планы С. Абэ по публикации заявления отметили, что «японское правительство хорошо понимает исторический смысл, вложенный в каждое слово и каждую фразу заявлений предыдущих кабинетов министров Японии» и призвали «прямо смотря на историю, подумать о том, как отреагируют соседние страны и международное сообщество в случае, если из заявления на семидесятилетнюю годовщину окончания Второй мировой войны будет исключено основное содержание» высказываний Т. Мураямы и Дз. Коидзуми [16]. В МИД КНР также отметили, что внимательно наблюдают за тем, какую позицию займет правительство Японии в отношении оценок прошлой агрессии, и выразили надежду на то, что Токио будет придерживаться своих предыдущих заявлений и обязательств по вопросам истории [4].

Подготовка к составлению текста обещанного на семидесятилетнюю годовщину заявления была начата в феврале 2015 г. специально созданной группой экспертов при премьер-министре. В японской прессе отметили, что в ее составе много соратников С. Абэ. Например, заместителем председателя был назначен ректор Международного университета С. Китаока, который ранее возглавлял экспертную группу

по юридическим аспектам обеспечения безопасности, обосновавшую право Японии на коллективную самооборону в рамках действующей конституции. В интервью японской газете «Ёмиури» С. Китаока отметил, что основной целью своей работы считает поиск консенсуса в японском обществе по вопросам видения истории, который, в его понимании, заключается в следующем: «Япония причинила много зла, но и по-своему возместила его. Должны ли мы все время продолжать извиняться?». Также он выразил надежду, что подготовленный по итогам работы группы доклад позволит поставить точку в послевоенных дискуссиях в стране об оценках истории первой половины XX века и «развеет ошибочное представление и опасения за рубежом, что Япония пытается переписать историю» [38].

Заявление С. Абэ было опубликовано 14 августа 2015 года – за день до семидесятилетней годовщины окончания Второй мировой войны [20]. Как показало его содержание, премьер-министр Японии не стал полностью отказываться от позиции предыдущих кабинетов. В частности, он признает, что после маньчжурского инцидента Япония бросила «вызов «новому международному порядку», который международное сообщество пыталось построить после Первой мировой войны, встала на «неправильный путь и пошла по дороге войны». Не отрицает, что Япония «нанесла неисчислимый ущерб и страдания ни в чем неповинным людям», включая «многих женщин, честь и достоинство которых были глубоко задеты». Также премьер-министр подтвердил принцип отказа от войны.

С другой стороны, некоторые абзацы позволяют сделать вывод о попытках С. Абэ «сгладить острые углы». В заявлении, в частности, содержатся отсылки на колониальную политику европейских стран как характерный феномен для мира столетней давности. Японо-российская война охарактеризована как «прибавившая мужества многим народам Азии и Африки», находившихся под колониальным господством; при этом о японской политике в отношении Корейского полуострова и Тайваня не упоминается.

Ключевые фразы из заявления Т. Мураямы, за которыми в Японии и за ее пределами особенно пристально следили, а именно, признание и осуждение японской агрессии и колониализма и принесение извинений пострадавшим народам Азии, в заявлении С. Абэ присутствуют, но в несколько размытой форме: «инцидент, агрессия, война. Нельзя больше применять силу или угрозу силой для решения международных споров. Необходимо навсегда отказаться от политики колониализма и создать такой мир, в котором будет уважаться право на самоопределение для всех народов. Так поклялась наша страна, испытывая чувство глубокого раскаяния за ту войну». Председатель Демократической партии Японии (ДПЯ) К. Окада в этой связи отметил: «Неясно,

говорит ли он [С. Абэ] именно о Японии или же это общие рассуждения» [37].

Ожидаемые от премьер-министра слова извинения также оказались завуалированы: «наша страна неоднократно выражала чувства острого сожаления и приносила искренние извинения за свои действия в ходе той войны <...> для того, чтобы воплотить эти мысли в реальных поступках, мы, запечатлев в своих сердцах историю бедствий, которые пришлось пережить нашим соседям из стран Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Филиппины, а также Тайвань, Республику Корея, Китай и других, в послевоенное время последовательно прикладывали усилия для их мира и процветания <...> эта позиция предыдущих японских кабинетов министров и впредь будет неизменна». Хотя можно отметить, что С. Абэ даже несколько конкретизировал предыдущие японские заявления, прямо указав на страны, которым был нанесен наибольший ущерб, намного более значимой представляется следующий пассаж, призванный ответить ожиданиям поддерживающих нынешнего премьера консервативных слоев: «нельзя продолжать возлагать бремя извинений на наших детей и внуков, а также на следующие поколения, которые не имеют никакого отношения к той войне».

Последняя – но также весьма значимая – часть заявления посвящена тому, какой международный вклад Япония готова вносить, исходя из «уроков прошлого». В видении С. Абэ – это содействие международному миру и процветанию, продвижение принципов верховенства права, свободы торговли, а также основополагающих ценностей свободы, демократии и прав человека, ядерное нераспространение и разоружение, защита прав женщин, помощь развивающимся странам, борьба с бедностью. В этой части оказались достаточно полно отражены внешнеполитические приоритеты кабинета С. Абэ, проводимые под лозунгом «активного пацифизма», а тезис о необходимости соблюдения принципа верховенства права отсылает к критике Японией действий КНР в Южно-Китайском море, которую японское правительство в последнее время озвучивает на всех возможных международных площадках.

Реакция соседних государств Восточной Азии на заявление была достаточно сдержанной. В МИД КНР был вызван посол Японии в Китае для выражения «принципиальной позиции» и опубликован комментарий официального представителя, в котором подчеркивалось, что «важным базисом для улучшения отношений Японии со странами Азии является правильный взгляд на историю» и Токио «следовало бы сделать недвусмысленное заявление относительно природы той войны как милитаристской и агрессивной и принять ответственность, принести искренние извинения народам пострадавших стран и порвать с милитаристским прошлым, а не пытаться уклоняться по этому принципиальному вопросу». Пекин призвал Токио

придерживаться духа заявления Т. Мураямы и предпринять убедительные действия для того, чтобы завоевать доверие своих соседей в Азии и международного сообщества в целом [5].

Президент Республики Корея Пак Кын Хе, выступая на 70-летней годовщине освобождения от колониального господства Японии, выделила заявления Ё. Коно и Т. Мураямы, как содержащие такой взгляд на историю, который был основой отношений Японии и Республики Корея и отметила, что «с этой точки зрения трудно отрицать, что сделанное вчера заявление С. Абэ не вполне оправдало наши ожидания» [2]. Правительство Республики Корея, тем не менее, обратило внимание на обещание С. Абэ сохранить приверженность заявлениям предыдущих кабинетов министров в отношении истории и призвало к соответствующим конкретным действиям для подтверждения этих слов, включая урегулирование проблемы «жертв сексуального рабства бывшей императорской армии Японии в годы Второй мировой войны»; не отказываясь от «принципиальной и жесткой» позиции в отношении вопросов истории, Сеул выразил готовность продолжать взаимовыгодное сотрудничество, включая работу по вопросу ядерной программы КНДР, на основе «правильного взгляда на историю» [12].

Что касается западных союзников Токио, можно сказать, что С. Абэ добился определенных успехов. Содержание заявления удовлетворило Вашингтон, который приветствовал «глубокое сожаление, выраженное премьер-министром С. Абэ за страдания, причиненные Японией в ходе Второй мировой войны, а также его решимость придерживаться заявлений предыдущих японских правительств относительно истории» и высоко оценил «намерения Японии расширить свой вклад в международный мир и процветание» [19]. Как было отмечено, «70 лет Япония демонстрировала неизменную приверженность миру, демократии и верховенству права. Это пример для подражания для всех государств мира» [19]. Заявление С. Абэ также приветствовала Австралия («Австралия и Япония построили сильные и процветающие дружеские отношения, потому что народы и лидеры наших стран не позволили теням прошлого определять будущее. <...> Десятилетия Япония была образцовым участником международного сообщества и вносила вклад в международный мир и стабильность. Извинения премьер-министра С. Абэ основаны на предыдущих заявлениях японского правительства. Его слова должны облегчить другим странам принятие приверженности Японии к лучшему будущему для всех и укрепить дружеские связи с Японией») [23], Великобритания («приветствуем приверженность Токио предыдущим японским извинениям и мирному пути развития в соответствии с международными

правилами в течение семидесяти лет <...> Надеемся что, заявление С. Абэ будет воспринято как вклад в примирение Японии с ее соседями в Северо-Восточной Азии») [6].

Из пострадавших стран положительно отзывались Филиппины («с середины XX века отношения Филиппин с Японией характеризовались доверием и неизменной поддержкой в разных областях, поскольку Япония действовала с состраданием и в соответствии с международным правом <...> Эта семидесятилетняя история демонстрирует всему миру, что посредством неустанных усилий народы двух стран могут добиться значительных успехов в преодолении проблем прошлого и построения крепкой дружбы») [14] и Индонезия [7].

Заявление С. Абэ по случаю семидесятилетней годовщины окончания Второй мировой войны стало очередным шагом в сторону окончательного отхода от стратегической линии японской «дипломатии извинений» 1990-х гг., что показывает включенный в него тезис о необходимости прекратить нести «бремя извинений». Заявление получило положительную оценку главного союзника Японии – США, несмотря на то, что последние уже давно с настороженностью наблюдают за охлаждением во время второго премьерства С. Абэ отношениями Японии с Республикой Корея и КНР из-за «проблем исторического прошлого», а также не стало препятствием к продолжению политического диалога с Сеулом и Пекином.

1 ноября 2015 г. впервые за три с половиной года состоялся саммит «Восточноазиатской тройки» (Япония, КНР, Республика Корея), «на полях» которого С. Абэ встретился с премьером Госсовета КНР Ли Кэцзяном и – впервые за время своего премьерства – с президентом Республики Корея Пак Кын Хе.

Нынешний глава кабинета министров Японии, по всей видимости, будет продолжать пошаговые усилия по выведению «проблем исторического прошлого» за рамки развития отношений с Китаем и Южной Кореей, при этом не только в практической, но и политической областях, а также меры по размыванию характерной для японской дипломатии 1990-х гг. увязки принесения Токио извинений пострадавшим странам со стратегической линией на увеличение международной роли Японии в области политики и безопасности. Эффективность таких мер будет зависеть от соответствующего информационно-пропагандистского сопровождения за рубежом, призванного убедить союзников и партнеров Токио в отсутствии намерений полностью пересмотреть итоги Второй мировой войны и роль в ней Японии, а также от принципиальности позиции Пекина и Сеула по «проблемам исторического прошлого» в отношениях с Токио.

Список литературы

1. Calder, Kent E. Japan in 1991: Uncertain Quest for a Global Role [Electronic resource] // Asian Survey, 1992, Vol. 32, No.1, pp. 32-41. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2645196> (Accessed 30 November 2015).
2. Commemorative Address by President Park Geun-hye on the 70th Anniversary of Liberation, August 15, 2015. [Electronic resource] // Official multi-language website of the Korean government. Mode of access: <http://www.korea.net/Government/Briefing-Room/Presidential-Speeches/view?articleId=129354&pageIndex=1> (Accessed 30 November, 2015).
3. Dower, John W. Japan Addresses Its War Responsibility [Electronic resource] // The Journal of the International Institute, University of Michigan, 1995, vol. 3, No.1. Mode of access: <http://quod.lib.umich.edu/j/jii/4750978.00-03.103/-japan-addresses-its-war-responsibility?rgn=main;view=fulltext> (Accessed 30 November 2015)
4. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference, January 26, 2015. [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/t1231633.shtml (Accessed 30 November, 2015).
5. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Remarks on Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Statement on the 70th Anniversary of the End of the War, August 15, 2015. [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Mode of access: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/t1288969.shtml (Accessed 30 November, 2015).
6. Foreign Secretary comments on Japanese Prime Minister Abe's statement, August 14, 2015. [Electronic resource] // Foreign and Commonwealth Office. Mode of access: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-comments-on-japanese-prime-minister-abes-statement> (Accessed 30 November, 2015).
7. Indonesia appreciates statement by PM of Japan Abe Shinzo, August 14, 2015. //The Official Twitter Account of the Ministry of Foreign Affairs of Republic Indonesia. Mode of access: https://twitter.com/Portal_Kemlu_RI/status/632177151693950976 (Accessed 30 November, 2015).
8. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan, April 24, 2014. [Electronic resource] //The White House. Mode of access: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan> (Accessed 30 November, 2015).
9. Kingston, Jeff Awkward Talisman: War Memory, Reconciliation and Yasukuni // East Asia, 2007, vol. 24, No. 3. pp. 295-318.
10. Kuroki Maiko Nationalism in Japan's Contemporary Foreign Policy: a Consideration of the Cases of China, North Korea, and India. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy, London, 2013, 345 p. [Electronic resource] // London School of Economics and Political Science. Mode of access: http://etheses.lse.ac.uk/595/1/Kuroki_Nationalism_Japan%E2%80%99s_contemporary_foreign.pdf
11. Midford, Paul Japan's Leadership Role in East Asian Security Multilateralism: the Nakayama Proposal and the Logic of Reassurance // The Pacific Review, 2000, Vol. 13, No.3, pp. 367-397.
12. MOFA Spokesperson's Commentary on the Abe Statement Issued to Mark the 70th Anniversary of the End of World War II, August 15, 2015. [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. Mode of access: http://www.mofa.go.kr/ENG/press/pressreleases/index.jsp?menu=m_10_20 (Accessed 30 November, 2015).
13. New Year's Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe, January 5, 2015. [Electronic resource] //Prime Minister of Japan and His Cabinet. Mode of access: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201501/05newyear.html (Accessed 30 November, 2015).
14. On the Statement of Japanese Prime Minister Abe on the 70th Anniversary of World War II, August 14, 2015. [Electronic resource] // The Official Website of the Department of Foreign Affairs – Republic of the Philippines. Mode of access: <http://www.dfa.gov.ph/index.php/newsroom/dfa-releases/7127-on-the-statement-of-japanese-prime-minister-abe-on-the-70th-anniversary-of-world-war-ii> (Accessed 30 November, 2015).
15. Onuma Yasuaki Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan // Berkeley Journal of International Law, 2002, vol. 20, pp. 600 – 620.
16. Statement by Chief Cabinet Secretary Kiichi Miyazawa on History Textbooks, August 26, 1982. [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/policy/postwar/state8208.html> (Accessed 30 November, 2015).
17. Statement by Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women", August 4, 1993. [Electronic resource] //Ministry of Foreign Affairs of Japan. Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (Accessed 30 November, 2015).
18. Statement by Prime Minister Shinzo Abe, August 14, 2015. [Electronic resource]// Mode of access: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (Accessed 30 November, 2015).

■ Мировая политика

19. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama on the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End, August 15, 1995. [Electronic resource]// Ministry of Foreign Affairs of Japan. Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (Accessed 30 November, 2015).
 20. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama on the Occasion of the Establishment of the "Asian Women's Fund", July 1995. [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Mode of access: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9507.html> (Accessed 30 November, 2015).
 21. Spokesperson's Press Briefing, January 27, 2015. [Electronic resource] // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea. Mode of access: http://www.mofa.go.kr/ENG/press/pressbriefings/index.jsp?menu=m_10_30 (Accessed 30 November, 2015).
 22. Statement by NSC Spokesperson Ned Price on Japanese Prime Minister Abe's Statement on the 70th Anniversary of the End of World War II, August 14, 2015. [Electronic resource] // The White House. Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/08/14/statement-ns-spokesperson-ned-price-japanese-prime-minister-abe%E2%80%99s> (Accessed 30 November, 2015).
 23. T. Abbott on Japanese Prime Minister Abe's statement commemorating the end of WWII, August 14, 2015. [Electronic resource] // Department of the Prime Minister and Cabinet. Mode of access: <https://pmtranscripts.dpmc.gov.au/release/transcript-24697> (Accessed 30 November, 2015).
 24. Yamazaki, Jane W. Japanese Apologies for World War II: a Rhetorical Study. London and New York: Routledge, 2006, 196 p.
 25. Yang Daqing Political Apology in Sino-Japanese Relations: The Murayama Statement and Its Receptions in China / Kazuhiko Togo // Japan and Reconciliation in Postwar Asia: the Murayama Statement and Its Implication. – New York: Palgrave Macmillan, 2013. – pp. 23 – 45.
 26. 中国訪問の際の内外記者会見における村山総理大臣の冒頭発言 1995年5月4日 [Вступительное слово премьер-министра Японии Т.Мураямы на пресс-конференции для японских и иностранных журналистов по случаю визита в КНР, 4 мая 1995 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPOCH/19950504.S1J.html> (дата обращения: 30.11.2015).
 27. 中韓配慮条件見直しも//北海道新聞[Возможность пересмотра «пункта о соседних странах»]/газета Хоккайдо симбун], 29.01.2013, с.2.
 28. 細川護熙内閣総理大臣 第127回 (特別会) 演説 [Выступление премьер-министра М.Хосокавы на 127 Чрезвычайной сессии Парламента] [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/pm/19930823.SWJ.html> (дата обращения: 30.11.2015).
 29. 慰安婦問題を巡る日韓間のやりとりの経緯 ~河野談話作成からアジア女性基金まで平成26年6月20日 [Ход взаимодействия Японии и Южной Кореи по проблеме «женщин комфорта»: от составления заявления Ё.Коно до Азиатского фонда для женщин, 20 июня 2014]. [Электронный ресурс] // Prime Minister of Japan and His Cabinet. Режим доступа: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/_icsFiles/afieldfile/2014/06/20/20140620houkokusho_2.pdf (дата обращения: 30.11.2015).
 30. 金泳三韓国大統領との共同記者会見における細川護熙総理の冒頭発言 1993年11月7日 [Вступительное слово премьер-министра Японии М.Хосокавы в ходе совместной пресс-конференции с президентом Республики Корея Ким Ён Самом, 7 ноября 1993 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/index.html> (дата обращения: 30.11.2015).
 31. 国連平和協力法案審議についての外交部責任者の談話 [Заявление официального представителя МИД КНР в связи с обсуждением законопроекта о сотрудничестве с ООН по вопросам миротворчества, 20 октября 1990 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPOCH/19901020.S1J.html> (дата обращения: 30.11.2015).
 32. 宮澤喜一内閣総理大臣の大韓民国訪問における政策演説「アジアの中、世界の中の日韓関係」1992年1月17日 [Японо-южнокорейские отношения в Азии и мире. Выступление премьер-министра Японии К.Миядзавы по случаю визита в Республику Корея, 17 января 1992 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/exdpm/19920117.S1J.html> (дата обращения: 30.11.2015).
 33. 歴代首相の歴史認識//読売新聞 [Понимание истории разными премьер-министрами Японии //газета Ёмиури], 15.08.2015, с.9.
 34. 戦後50年に向けて村山内閣総理大臣の談話 1994年8月31日 [Заявление премьер-министра Японии Т.Мураямы в преддверии пятидесятилетия с окончания Второй мировой войны, 31 августа 1994 г.] [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/exdpm/19940831.S1J.html> (дата обращения: 30.11.2015).
 35. 首相目立つ強気発言//毎日新聞 [Жесткие высказывания премьера //газета Майнити], 26.04.2013, с.5.
 36. 戦後70年で米高官歴史認識取り組み促す//朝日新聞 [Высокопоставленный чиновник из Вашингтона призывает приложить усилия по вопросу понимания истории //газета Асахи], 23.01.2015, с.11.
-

37. 与野党から評価//読売新聞 [Оценки в правящем и оппозиционном лагерях// газета Ёмиури], 15.08.2015, с.4.
38. 21世紀構想懇談会座長代理の北岡伸一国際大学長のコメント//読売新聞[Комментарии зампреда-теля экспертной комиссии по разработке видения для Японии в XXI веке, ректора Международного университета С.Китаоки //газета Ёмиури], 15.08.2015, с.2.

Об авторе

Батакова Алиса Андреевна – третий секретарь посольства Российской Федерации в Японии. Министерство иностранных дел России, 119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., 32/34. E-mail: batakova.emb@gmail.com.

DIFFERING APPROACHES OF THE JAPANESE GOVERNMENT TOWARDS THE "HISTORY ISSUES"

A.A. Batakova

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 32/34 Smolenskaya-Sennaya pl., 119200, Moscow, Russia.

Abstract: *The beginning of the 1990s saw a prevailing understanding in Tokyo that restoration of trust and reconciliation with East Asian countries should be the first step to a larger role of Japan in the international politics. This understanding manifested itself in so far the most successful attempts to apologize for the policies of Japan in the first half of the XX century, including Prime Minister T.Murayama's statement, issued in 1995, as well as measures to address the so-called "historical issues".*

By contrast, incumbent Prime Minister S.Abe, who is also striving to increase the role of Japan in the international arena, shows a gradual departure from the above-mentioned strategy on presumption that a "masochistic" view of Japanese history runs counter to its national interests. His statement on the occasion of the 70th anniversary of the end of World War II promoted a thesis on importance to lift "the burden of apologies". Given the fact that it was nevertheless received positively by Tokyo's main ally Washington and did not become an obstacle to political dialogue with Seoul and Beijing, the author suggests that S.Abe will continue step-by-step efforts to remove "historical issues" from the bilateral political and economic agenda with China and South Korea, as well as to erase the link between the necessity to issue apologies, characteristic of the Japanese diplomacy of the 1990s, and a strategy to a larger Japan's role in international politics and security.

Key words: Japan-Chinese relations, Japan-South Korean relations, foreign policy of Japan, "apology diplomacy", "history issues" of Japan, Shinzo Abe, Tomiichi Murayama

References

1. Calder K.E. Japan in 1991: Uncertain Quest for a Global Role. *Asian Survey*, 1992, vol. 32, no. 1, pp. 32-41. Available at: <http://www.jstor.org/stable/2645196> (Accessed 30.11.2015).
2. Commemorative Address by President Park Geun-hye on the 70th Anniversary of Liberation, August 15, 2015. // Korea.net. Department of Global Communication and Contents Division. Available at: <http://www.korea.net/Government/Briefing-Room/Presidential-Speeches/view?articleId=129354&pageIndex=1> (Accessed 30.11.2015).
3. Dower J.W. Japan Addresses Its War Responsibility. *The Journal of the International Institute, University of Michigan*, 1995, vol. 3, no.1. Available at: <http://quod.lib.umich.edu/j/jii/4750978.0003.103/--japan-addresses-its-war-responsibility?rgn=main;view=fulltext> (Accessed 30.11.2015).
4. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Regular Press Conference, January 26, 2015. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. Available at: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/t1231633.shtml (Accessed 30.11.2015).
5. Foreign Ministry Spokesperson Hua Chunying's Remarks on Japanese Prime Minister Shinzo Abe's Statement on the 70th Anniversary of the End of the War, August 15, 2015. // Ministry of Foreign Affairs, the People's Republic of China. Available at: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/t1288969.shtml (Accessed 30.11.2015).

■ Мировая политика

6. Foreign Secretary comments on Japanese Prime Minister Abe's statement, August 14, 2015. // Foreign & Commonwealth Office. Available at: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-comments-on-japanese-prime-minister-abes-statement> (Accessed 30.11.2015).
7. KEMLU RI. 14.08.2015, 6:09. #Indonesia appreciates statement by PM #Japan @AbeShinzo for actions during #WWII, as stated previously in 1995 & 2005. Twitter. // The Official Twitter Account of the Ministry of Foreign Affairs of Republic Indonesia. Available at: https://twitter.com/Portal_Kemlu_RI/status/632177151693950976 (Accessed 30.11.2015).
8. Joint Press Conference with President Obama and Prime Minister Abe of Japan, April 24, 2014. // White-house.gov. Available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/04/24/joint-press-conference-president-obama-and-prime-minister-abe-japan> (Accessed 30.11.2015).
9. Kingston J. Awkward Talisman: War Memory, Reconciliation and Yasukuni. *East Asia*, 2007, vol. 24, no. 3, pp. 295-318.
10. Kuroki Maiko. Nationalism in Japan's Contemporary Foreign Policy: a Consideration of the Cases of China, North Korea, and India. Thesis for the degree of Doctor of Philosophy. London, 2013. 345 p. Available at: http://etheses.lse.ac.uk/595/1/Kuroki_Nationalism_Japan%E2%80%99s_contemporary_foreign.pdf (Accessed 30.11.2015).
11. Midford P. Japan's Leadership Role in East Asian Security Multilateralism: the Nakayama Proposal and the Logic of Reassurance. *The Pacific Review*, 2000, vol. 13, no. 3, pp. 367-397.
12. MOFA Spokesperson's Commentary on the Abe Statement Issued to Mark the 70th Anniversary of the End of World War II, August 15, 2015. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Available at: http://www.mofa.go.kr/ENG/press/pressreleases/index.jsp?menu=m_10_20 (Accessed 30.11.2015).
13. New Year's Press Conference by Prime Minister Shinzo Abe, January 5, 2015. // Japan Cabinet Public Relations Office, Cabinet Secretariat. Available at: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201501/05newyear.html (Accessed 30.11.2015).
14. On the Statement of Japanese Prime Minister Abe on the 70th Anniversary of World War II, August 14, 2015. // Department Of Foreign Affairs of Philippines. Available at: <http://www.dfa.gov.ph/index.php/newsroom/dfa-releases/7127-on-the-statement-of-japanese-prime-minister-abe-on-the-70th-anniversary-of-world-war-ii> (Accessed 30.11.2015).
15. Onuma Yasuaki. Japanese War Guilt and Postwar Responsibilities of Japan. *Berkeley Journal of International Law*, 2002, vol. 20, pp. 600 – 620.
16. Spokesperson's Press Briefing, January 27, 2015. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Available at: http://www.mofa.go.kr/ENG/press/pressbriefings/index.jsp?menu=m_10_30 (Accessed 30.11.2015).
17. Statement by Chief Cabinet Secretary Kiichi Miyazawa on History Textbooks, August 26, 1982. // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/postwar/state8208.html> (Accessed 30.11.2015).
18. Statement by Chief Cabinet Secretary Yohei Kono on the result of the study on the issue of "comfort women", August 4, 1993. // Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9308.html> (Accessed 30.11.2015).
19. Statement by NSC Spokesperson Ned Price on Japanese Prime Minister Abe's Statement on the 70th Anniversary of the End of World War II, August 14, 2015. // Whitehouse.gov. Available at: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/08/14/statement-nsc-spokesperson-ned-price-japanese-prime-minister-abe%E2%80%99s> (Accessed 30.11.2015).
20. Statement by Prime Minister Shinzo Abe, August 14, 2015. // Cabinet Public Relations Office, Cabinet Secretariat, Japan. Available at: http://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (Accessed 30.11.2015).
21. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama on the Occasion of the 50th Anniversary of the War's End, August 15, 1995. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Available at: <http://www.mofa.go.jp/announce/press/pm/murayama/9508.html> (Accessed 30.11.2015).
22. Statement by Prime Minister Tomiichi Murayama on the Occasion of the Establishment of the "Asian Women's Fund", July 1995. Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea. Available at: <http://www.mofa.go.jp/policy/women/fund/state9507.html> (Accessed 30.11.2015).
23. T.Abbott on Japanese Prime Minister Abe's statement commemorating the end of WWII, August 14, 2015. // Australian Government. Department of the Prime Minister and Cabinet. Available at: <https://pmtranscripts.dpmc.gov.au/release/transcript-24697> (Accessed 30.11.2015).
24. Yamazaki J.W. Japanese Apologies for World War II: a Rhetorical Study. London and New York: Routledge, 2006. 196 p.
25. Yang Daqing. Political Apology in Sino-Japanese Relations: The Murayama Statement and Its Receptions in China. *Japan and Reconciliation in Postwar Asia: the Murayama Statement and Its Implication*. New York: Palgrave Macmillan, 2013. Pp. 23 – 45.

26. Chugoku homon-no sai-no naigai kishakaiken-niokeru murayama souridaijin-no boutohatsugen [Address by Prime Minister of Japan T.Murayama at the press conference for Japanese and foreign journalists on the occasion of his visit to the PRC], May 4, 1995. // Institute for Advanced Studies of Asia. University of Tokyo. Available at: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPCH/19950504.S1J.html> (Accessed 30.11.2015).
27. Chukkan hairyo jouken minaoshi mo [Possible review of the neighbor clause is not denied]. Hokkaido shimbun, January 29, 2013, p.2.
28. Hosokawa morihiro naikaku souridaijin dai 127 kai (tokubetukai) enzetsu [Prime Minister M.Hosokawa speech at the 127 extraordinary parliamentary session]. // University of Tokyo Institute of Oriental Culture, Akihiko Tanaka laboratory. Available at: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/pm/19930823.SWJ.html> (Accessed: 30.11.2015).
29. Ianfu mondai-wo meguru nikkankan-no yaritori-no keiyu kono danwa sakusei kara ajia josei kikin made [Details of Exchanges Between Japan and the Republic of Korea Regarding the Comfort Women Issue. From the Drafting of the Kono Statement to the Asian Women's Fund], 20 July 2014. // Cabinet Public Relations Office, Cabinet Secretariat. Available at: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/_icsFiles/afieldfile/2014/06/20/20140620houkokusho_2.pdf (Accessed 30.11.2015)
30. Kimu yon samu daitouryou to-no kyoudou kishakaiken-niokeru hosokawa morihiro souridaijin-no boutou hatsugen [Address by Prime Minister of Japan M.Hosokawa at the joint press conference with the Republic of Korea President Kim Young-sam], 7 November 1993. // Institute for Advanced Studies on Asia, University of Tokyo. Akihiko Tanaka. Available at: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/index.html> (Accessed 30.11.2015).
31. Kokuren heiwa kyoryoku houan shingi-nitsuite no gaikoubu sekininsha-no danwa [Statement by the official spokesman for the Ministry of Foreign Affairs of the PRC with regard to the readings of the UN peacekeeping cooperation bill], 20 October 1990. // Institute for Advanced Studies on Asia, University of Tokyo. Akihiko Tanaka. Available at: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/JPCH/19901020.S1J.html> (Accessed: 30.11.2015).
32. Miyazawa kichi naikaku souridaijin-no kankoku houmon-niokeru seisaku enzetsu "ajia-no naka, sekai-no naka-no nikkkan kankei [Japan-South Korean relations in Asia and in the world. Speech by Prime Minister of Japan K.Miyazawa on the occasion of his visit to the Republic of Korea], 17 January 1992. // Institute for Advanced Studies on Asia, University of Tokyo. Akihiko Tanaka. Available at: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/exdpm/19920117.S1J.html> (Accessed: 30.11.2015).
33. Rekidai shushou-no rekishi ninshiki [Understanding of history by consecutive Japanese prime ministers], Yomiuri shimbun, 15 August 2015, p.9.
34. Sengo 50 nen-nimukete murayama naikaku souridaijin-no danwa [Statement by Prime Minister of Japan T.Murayama ahead of the 50th anniversary of the WWII], 31 August 1994. // Institute for Advanced Studies on Asia, University of Tokyo. Akihiko Tanaka. Available at: <http://www.ioc.u-tokyo.ac.jp/~worldjpn/documents/texts/exdpm/19940831.S1J.html> (Accessed: 30.11.2015)
35. Shushou medatsu gougi hasshin [Remarkably strong statements by the Prime Minister]. Mainichi, 26 April 2013, p.5.
36. Sengo 70 nen-de beikoukan rekishi ninshiki torikmi unagasu [US official calls for efforts concerning the issue of history understanding]. Asahi, 23 January 2015, p.11.
37. Yoyatou kara hyouka [Reactions from the ruling parties and opposition]. Yomiuri shimbun, 15 August 2015, p.4.
38. 21seiki kousou kondankai zachou dairi-no kitaoka sin'ichi kokusai daigaku gakuchou-no komento [Comments by vice-chair of the Commission on Japan vision in the 21 century, president of the International University S.Kitaoka]. Yomiuri shimbun, 15 August 2015, p.2.

About the author

Alisa A. Batakova – Third secretary of the Embassy of the Russian Federation in Japan. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 32/34 Smolenskaya-Sennaya, 119200, Moscow, Russia. E-mail: batakova.emb@gmail.com.

ОСОБЕННОСТИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФРГ

Л.Р. Рустамова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Поражение во Второй мировой войне заставило Германию с большой осторожностью выбирать новые внешнеполитические установки. Сегодня любая политическая идея, даже косвенно указывающая на стремление к немецкой гегемонии, представляет опасность для страны, ведет к ухудшению отношений с партнёрами по ЕС и другими соседними странами. Поэтому Германия выбрала для себя в качестве наиболее подходящей внешнеполитической стратегии политику по применению так называемой «мягкой силы» - способности побуждать других делать то, что ты хочешь с помощью привлекательности, а не манипуляцией материальными потребностями. ФРГ располагает большими возможностями для реализации политики «мягкой силы». Неправительственные организации, политические фонды вносят большой вклад в формирование привлекательной внешней политики и распространение немецких политических ценностей. Организации, занимающиеся научным сотрудничеством, программами обмена, способствуют расширению аудитории, изучающей немецкий язык и культуру.

Отличительная черта организаций «мягкой силы» состоит в том, что, несмотря на государственное финансирование, они сохраняют неправительственный характер, что является необходимым условием для успешного применения концепции. Ещё одной отличительной чертой политики «мягкой силы» в ФРГ стало то, что она реализуется не только в зарубежной аудитории, но и среди немецких граждан. Ключевые задачи по применению концепции состоят в формировании позитивного имиджа страны, изменения её международно-правового статуса и выход на лидирующие позиции в ЕС.

Ключевые слова: Германия, Россия, «мягкая сила», внешнеполитическая стратегия, политические ценности, СБ ООН, НПО, политические фонды, научные общества, «жёсткая сила».

«Мягкая сила» становится все более популярной концепцией не только в политологической среде, но и во внешней политике ряда государств. В последнее время Россия активно стремится восполнить пробел в использовании ресурсов «мягкой силы». Положение о необходимости её применения было закреплено в концепции внешней политики РФ. В отличие от России, в официальных документах ФРГ ничего не говорится о «мягкой силе» как инструменте дипломатии, но она на международной арене опирается в основном на инструменты именно «мягкой силы». Какие задачи призвана выполнять стратегия «мягкой силы», какими особенностями немецкое применение концепции отличается от применения в России, в чем состоит её преимущество – исследовательские вопросы, которым посвящена данная статья.

В том виде, в котором понятие «мягкая сила» разработал Джозеф Най, она опирается в основном на три составляющие: культуру, политические ценности и внешнюю политику, уважающую нормы международного права и имеющую моральный авторитет [22, с 11]. Критика основных положений концепции, попытки дополнить её другими авторами обогатили «мягкую силу» значительно большим количеством составляющих. Несмотря на многочисленные исследовательские работы, включающие в неё такие параметры, как спортивные достижения [24], туристические потоки [16], экологическую политику [29], «мягкая сила» страны всё же определяется в первую очередь, привлекательной культурой, внешнеполитическим курсом, который воспринимается как законный как у себя дома, так и за рубежом, а также привлекательными политическими ценностями. Все три ресурса «мягкой силы», да и сама категория привлекательности, носят нематериальный характер. Поэтому встает вопрос: каким образом можно исследовать «мягкую силу»? В качестве одного из способов Дж. Най назвал социологические опросы. На наш взгляд привлекательность того или иного государства становится очевидной при сравнении его «мягкой силы» с «мягкой силой» другого. Данная статья опирается на сравнительный анализ ФРГ и России.

Уже в послевоенный период элементы «мягкой силы» присутствовали во внешней политике ФРГ. Об участии культуры в реализации внешнеполитических задач говорил еще канцлер Вилли Брандт, назвав культуру «третьим столпом» внешней политики. Неслучайно Институт имени Гёте, основанный изначально как педагогический вуз для обучения немецкому языку, получил в 1960 г. в своё распоряжение все государственные федеральные учреждения культуры за рубежом и превратился в основную организацию, занимающуюся продвижением культуры и немецкого языка за рубежом [18].

После Второй мировой войны Западная Германия выбрала для себя такие политические ценности, как демократия, права человека, сво-

бода выражения мнений, рыночная экономика, верховенство закона, терпимость, социальная справедливость, светский характер власти, право наций на самоопределение. Стало возможным её возвращение в западную европейскую семью, участие в качестве равноправного партнера в европейских интеграционных процессах. Если в самом начале интеграция в европейские и иные многосторонние структуры для правительства ФРГ имела целью разубедить соседей относительно возможных реваншистских планов, то сегодня, после объединения, Германия начала сама активно работать над поддержанием и укреплением, распространением тех ценностей, что принадлежат Европе, для закрепления своей главенствующей роли в процессе строительства общеевропейского дома.

Вследствие того, что после войны оборонная промышленность ФРГ была полностью ликвидирована, были введены существенные ограничения на использование военных сил, ей не оставалось ничего другого как стать «поборницей» мира, что и стало одним из основных пунктов её внешнеполитической программы. После исчезновения блокового противостояния, «холодной войны» и мирного воссоединения внешняя политика Германии в своей риторике еще больше ушла в сторону поддержания мира и стабильности.

России от СССР также достался опыт применения инструментов несилового воздействия на другие государства через культуру, идеологию с целью изменения их поведения. Однако в последние годы существования союзного государства коммунистическая идеология и внешняя политика СССР по ее продвижению были серьезно дискредитированы, и России, как выразился Дж. Най, достались остатки «мягкой силы», которые помогли ей смягчить удар от падения [23]. После развала СССР Россия не сразу обратилась к концепции «мягкой силы» и первое десятилетие после распада была сосредоточена на решении внутривнутриполитических проблем.

В ФРГ все происходило иначе: если до 1990 г. политика формирования культурной и политической привлекательности служила целям послевоенного восстановления положения Германии на международной арене и объединения страны, то с присоединением ГДР внешнеполитические задачи существенно расширились. Она стала экономически мощной и процветающей страной, стремящейся играть более значимую роль на международной арене. Одни экономические успехи не приведут к получению статуса великой державы или хотя бы лидера регионального масштаба из-за нехватки репутационных ресурсов. ФРГ стала опираться на «мягкую силу» для того, чтобы добиться изменения отношения к себе как внутри страны, так и за рубежом, закрепить своё новое положение в мире.

Первая попытка изменения своего восприятия была предпринята при канцлере Г. Коле, объявившем о переходе Германии к «нормальности»,

■ Мировая политика

подразумевавшей независимый внешнеполитический курс, отказ от самоограничений, отказ от обязанности чувствовать себя виновными за преступления нацистского режима, отказ от политики возмещения ущерба [12]. С приходом Ангелы Меркель понятие «нормальность» переросло в «необходимость взять на себя большую ответственность». Однако убедить себя и других даже в собственной «нормальности» остается по-прежнему сложной задачей. Во-первых, Германия до сих пор оставалась страной, развязавшей Вторую мировую войну. Во-вторых, несмотря на то, что её взносы в ЕС были самыми крупными, у неё не было возможностей управлять процессами европейской интеграции в той мере, как хотелось. В-третьих, на международной арене её действия ограничены страхами о возможных ошибках, близких к тем, что она совершила в начале XX века. Война уже давно закончилась, но её отголоски до сих пор серьезно влияют на политику страны, до сих пор к ней предъявляются претензии. В январе 2015 года Греция на фоне финансового кризиса для оказания давления на Германию в вопросе отсрочки своих выплат по кредитам заявила о намерении выставить Германии счёт на получение репараций, которые она до сих пор не выплатила ей [3]. Для Германии требования подобных выплат неприемлемы, поскольку морально-политическое значение признания немецких обязательств означало бы отказ от заслуженного ею образа демократического государства, выполнившего все свои обязательства, и новым положением в мировой политике. Для того чтобы добиться лидерства в своем регионе, она должна была «мягкими», несиловыми средствами добиться следующих задач:

1. Изменение международно-правового статуса ФРГ как целостного полноправного демократического развитого государства.
2. Улучшение международного имиджа страны через распространение немецкого языка и культуры, её политических ценностей.
3. Закрепление лидирующих позиций в ЕС в финансово-экономических и иных сферах функционирования союза.

Чтобы положить конец дискуссиям об ее исторической ответственности, Германии стало очень важным изменить её международно-правовой статус, закрепленный уставом ООН. Учитывая моральный и политический вред от упоминаний её негативного исторического прошлого, она сделала ставку на получение места в Совете Безопасности ООН (СБ ООН). Таким образом, ФРГ получила бы статус мировой державы, а положение о её вражеском статусе и исторической ответственности, закрепленные в Уставе ООН, утратили бы силу. Впервые о стремлении Германии войти в состав СБ ООН упомянул министр иностранных дел Клаус Кинкель в начале 1990-х. С этой целью Германия объявила о готовности внести значительный вклад в укрепление международной безопасности, о

своей возросшей экономической и политической мощи, об отсутствии конфликтов с другими странами. Политико-дипломатические усилия по включению Германии в СБ ООН были нацелены на то, чтобы убедить, что организация уже не отражает реалии нового времени, не учитывает текущее соотношение сил глобальных игроков. В 2000 г. на собрании руководителей германских дипломатических представительств за рубежом канцлер Герхард Шрёдер заявил: «Государства-члены ООН заинтересованы в том, чтобы Совет Безопасности соответствовал реалиям XXI века, и самые мощные из них не остались бы обделенными. У Федеративной Республики Германия достаточно силы и веса, и не только в Европе, чтобы принять на себя ответственность в Совете Безопасности» [4]. Участие страны в деятельности ООН возросло. Она заявила о своей готовности финансовыми средствами и своими гражданскими ресурсами поддерживать международную безопасность, за которую отвечает СБ ООН, то есть участвовать в её миротворческих операциях. Для этого в Германии в июле 1994 г. Федеральный конституционный суд принял решение, по которому впервые после окончания Второй мировой войны разрешалось использование Бундесвера за пределами оперативной зоны НАТО в рамках участия ФРГ в международной системе коллективной безопасности ООН [4]. За короткий период Германия приняла участие в шести из 18 миссий ООН на трёх континентах. По состоянию на 2011-2012 гг. 6 800 германских солдат и около 270 полицейских поддерживали различные миротворческие миссии по линии ООН во всём мире [1].

ФРГ стала активным инициатором программ ООН по преодолению целого спектра глобальных проблем. По её инициативе была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), она вносила значительные денежные средства на реализацию образовательных программ для беженцев, проектов по справедливому распределению водных ресурсов, по своевременному реагированию на чрезвычайные ситуации. Большое значение для изменения международно-правового статуса ФРГ имела деятельность её правозащитных организаций внутри страны и за рубежом. Немецкие организации имеют самую разную направленность: они защищают права беженцев, сексуальных меньшинств, помогают безработным и нуждающимся, отстаивают права женщин. Многолетняя успешная работа таких организаций позволяет ФРГ выступать с позиции судьи на международной арене, указывать, какая страна, с какими проблемами в области защиты прав человека не справляется. В частности, в отношении России немецкие специалисты часто высказывают то, что о правах человека сказала депутат Европарламента и Бундестага от партии «Зеленых» Марилуизе Бек: «В Европейском суде по правам человека находится 1500 заявлений от граждан Германии и при этом 28 тысяч заявлений от граждан Рос-

сии. Вывод напрашивается: немецкое правовое государство функционирует всё же иначе, чем российское. Наши граждане чаще всего имеют дело с неприятностями и барьерами со стороны бюрократии, но они всё же живут, не подвергаясь личным рискам. Поэтому мы всегда должны высказывать вслух свое отношение к тому, что мы видим в России» [6].

Немецкий вклад в развитие международного мира и безопасности был высоко оценён — Германия уже четыре раза становилась непостоянным членом Совета. Решением ООН на территории Германии были расквартированы сразу несколько её структур: МОТ, Союз волонтеров, Бюро Верховного комиссара по делам беженцев, Штаб-квартира Международного морского суда. Однако ни достойный пример «образцового гражданина мирового сообщества», который подает Германия, ни её личный вклад в развитие ООН не могут стать причиной того, чтобы заработать место постоянного члена СБ. Одна из главных причин состоит в несогласии некоторых стран с тем, что Германия получит больше инструментов влияния в рамках этой многосторонней структуры. В частности, германским притязаниям противостоит группа африканских стран, не представленных в СБ ни одной страной, а также группа «Единство в согласии», представленная Италией, Китаем, Аргентиной, Канадой, Мексикой, Пакистаном и Южной Кореей, посчитавшими, что принятие Германии в ряды СБ может привести к подрыву сложившегося международного порядка [17]. Против членства ФРГ в СБ выступают и её европейские партнеры, указывая на то, что немецкая позиция противоречит усилиям по формированию общеевропейской внешней политики и политики безопасности.

Невозможность в ближайшее время реформировать СБ ООН, оспаривание статуса органа как единственной инстанции, регулирующей важнейшие вопросы мировой политики, вольное толкование резолюции № 1973 по Ливии (что привело к бомбардировке территории этой страны), создали ситуацию, когда для ФРГ стало выгодно дальнейшее «расшатывание» ООН, которое затем, возможно, приведёт к тому, что устав ООН не будет больше иметь такой высокой моральной и юридической силы, которая у него есть сейчас. Доказательством служит тот факт, что всё больше немецких экспертов пишут о том, что большинство современных конфликтов невозможно решить в рамках Совета Безопасности, поскольку его решения блокируются в интересах отдельных его членов [15; 30].

В целом, задачи применения «мягкой силой» ФРГ перекликаются с задачами применения этой стратегии во внешней политике России с некоторыми существенными дополнениями. Так, Россия стремится не изменить, а сохранить свой международно-правовой статус. Будучи постоянным членом СБ ООН, Россия остается великой державой, определяющей развитие мировой политической системы. Россия стремится

сохранить роль ООН при принятии важнейших решений по обеспечению международной безопасности. Однако для того, чтобы её голос в международных институтах имел больший вес, ей не хватает того самого ресурса, что есть у Германии: активной вовлеченности гражданского общества в решение международных проблем, в том числе проблемы прав человека. Гуманитарная деятельность немецких гражданских организаций в самых бедных и страдающих регионах планеты помогли ФРГ в достижении второй задачи стратегии «мягкой силы», а именно: повышению внешнеполитического имиджа.

Улучшение международного имиджа; продвижение русской культуры и политических ценностей не только на постсоветском пространстве, но и дальнем зарубежье — также важнейшие внешнеполитические задачи России. В 2007 г. был открыт фонд «Русский мир» для популяризации русского языка за рубежом. Годом позже было создано агентство «Россотрудничество», главная задача которого состоит в том, чтобы оказывать поддержку соотечественникам за рубежом и способствовать улучшению имиджа страны. В 2010 г. появился Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, призванный содействовать формированию благоприятного для России общественного мнения за рубежом, содействовать усилению интеллектуального, культурного, научного и делового потенциала России [9]. Все три организации созданы распоряжением президента и, несмотря на официальный неправительственный статус, являются частью государственного аппарата, задействованной в реализации внешнеполитического курса страны. Подлинно гражданских организаций культурного или гуманитарного характера в России, в отличие от ФРГ, нет. В этом заключается один из недостатков «мягкой силы» России, поскольку государственное участие в проектах подобного рода вызывает нарекания в пропаганде.

ФРГ, наоборот, создаёт свой внешнеполитический имидж, в первую очередь, через гражданские организации. Помимо гуманитарных неправительственных организаций в формировании «мягкой силы» участвуют многочисленные организации по продвижению немецкой культуры и языка, политические фонды и научные общества. В сфере культуры широко известна деятельность Института Гёте, созданного ещё в 1951 г. для послевоенного восстановления имиджа страны через популяризацию изучения немецкого языка [25]. Основная задача распространения немецкого языка состоит в возвращении «представления о немецком языке не как о языке черно-белой хроники времен Второй мировой войны, а как о языке высокой литературы, поэзии, театра и современного кино» [2].

Институт Гёте через многочисленные филиалы по всему миру осуществляет деятельность, способствующую распространению немецкой культуры, с учётом национальных особенностей

■ Мировая политика

стран. В развивающихся странах деятельность Института направлена на модернизацию общества, восстановление государственной инфраструктуры. Так, проекты Института в африканских странах получили название «Культура и развитие». Суть их заключается в содействии становлению гражданского общества в этих странах, в проведении мастер-классов и тренингов для людей, работающих в сфере культуры. Правительство оказывает активную поддержку институту, ежегодно увеличивая его финансирование. В 2015 г. Бундестаг выделил дополнительные 16,6 млн евро на его финансирование [18].

В 2009 г. А. Меркель впервые посетила главный офис Института им. Гёте в Мюнхене, отметила его вклад в развитие межкультурной коммуникации народов и сделала ряд заявлений, свидетельствовавших о том, что в зарубежную культурно-образовательную политику вкладывается значительно больший смысл, нежели просто стремление к расширению межкультурного диалога. По её словам, «посредством культуры Германия может продвигать в мире свои ценностные представления о демократии, гражданском обществе и правах человека» [27].

Шесть крупнейших неправительственных политических фондов ФРГ: Фридриха Эберта, Фридриха Науманна, Конрада Аденауэра, Ганса Зайделя, Генриха Бёлля, Розы Люксембург, которые в то же время неразрывно связаны с различными политическими партиями, оказывают государству неоценимую услугу по продвижению немецкой политической культуры. Благодаря статусу неправительственных организаций они не подвергаются общим требованиям к государственным структурам о невмешательстве во внутренние дела других стран. Они могут работать с гражданскими группами, с которыми официальные контакты нежелательны. Очевидным примером участия фондов в политическом развитии других государств является ситуация на Украине. Несмотря на то, что Берлин позиционирует себя на официальном уровне в качестве посредника в диалоге между Россией и Украиной, Германия не осталась нейтральной, а приняла прямое участие в событиях в этой стране. Через свои организации она оказывала существенную финансовую и политическую помощь силам, выступающим за интеграцию с ЕС. В частности, Фонд Конрада Аденауэра спонсировал деятельность партии «УДАР» и её лидера Виталия Кличко, дав ему специальную премию «за его приверженность к миру и демократии в Украине» [19].

Фонды также занимаются формированием политической повестки дня, публикуя свои экспертные комментарии по внешней политике ФРГ и тех стран, где они работают. Широко известно, что автор определённой научной концепции имеет монополию на её интерпретацию. Так, Фонды широко пропагандируют «новую роль» Германии в мире и вскрывают недостатки гражданского общества других стран. Примером

может служить доклад Германского фонда Маршалла и немецкого Института международной политики и безопасности «Вновь обретенная мощь, новая ответственность: элементы германской внешней и оборонной политики в меняющемся мире», в котором обосновывается право Германии определять пути мирового развития в двадцать первом веке [20].

Значительный вклад в формирование внешнеполитического имиджа вносит Германская служба академических обменов (DAAD), предоставляющая гранты и стипендии для молодых людей, ищущих возможности обучения в Германии. Согласно концепции Дж. Ная, образование становится всё более важным ресурсом «мягкой силы» страны, так как иностранные студенты «вместе с наукой впитывают политические идеи. Поскольку академический обмен оказывает влияние на политическую элиту, один или два ключевых контактов могут иметь серьёзные политические последствия» [21]. Германия уделяет большое внимание наращиванию ресурсов «мягкой силы» через воспитание молодых людей. Каждый год DAAD предоставляет около 60 000 стипендий в надежде на то, что молодые люди, проведя немного времени в Германии, будут вдохновлены немецкой культурой, станут проводниками немецких идей и политической культуры в стране их происхождения, и, возможно, смогут занять высокое положение в политических кругах своей Родины.

Также предоставлением грантов на обучение и научную деятельность в Германии занимается целый ряд научных обществ, однако их активность направлена на несколько иную аудиторию. Они заинтересованы в поддержке молодых ученых за границей, которые уже получили высшее образование и задействованы в научных проектах, интересных для немецкой промышленности. Такие организации, как Немецкий дом науки и инноваций, Немецкое исследовательское общество Фраунгофера, Общество Макса Планка, в качестве своих целей указывают установление контактов иностранных и немецких учёных, научно-техническое сотрудничество. На практике это выражается в поддержке лучших научных «умов» и их проектов, в предоставлении им финансирования, развитой научной инфраструктуры, возможности погружения в немецкую научную среду. Общество Макса Планка, особенно заинтересованное в новых, инновационных направлениях, которых нет в университетах Германии, предоставляет ученым разных специальностей редкое и дорогое оборудование и приборы: от телескопов до мощных машин и возможность использовать специальные библиотеки и научную документацию [10]. Общество имени Фраунгофера, ориентированное скорее на прикладные исследования, предлагает проведение исследовательских работ при полном финансировании с немецкой стороны.

Все они представлены в России, широко пропагандируют свои проекты. Поскольку

важной составляющей «мягкой силы» является информационное сопровождение внешней и внутренней политики страны [7], научные общества активно привлекают возможности мультимедийной компании «Дойче велле» (Deutsche Welle), которая объединяет радио-, теле-, интернет-проекты на 30 языках в более чем 60 странах с общей аудиторией более 65 миллионов слушателей и 28 миллионов зрителей [31]. Русскоязычный портал Deutsche Welle предоставляет информацию о деятельности научных центров, контактах и возможностях получить гранты [14]. Для российских учёных сотрудничество с немецкими научными обществами престижно и выгодно, поскольку они дают возможность научного роста, осуществления перспективных исследований, в том числе, и фундаментальной науки, на что в России зачастую не хватает бюджетных средств.

В Обществе Макса Планка, Обществе Фраунгофера работают целые русскоязычные диаспоры. Они занимается разработками в области физической химии, молекулярной биофизики и нанотехнологий [11]. Как правило, получив грант на научно-исследовательскую работу в Германии, российские учёные уже не возвращаются на Родину. С 1992 г. из России уехало в общей сложности около 3 млн учёных. Развита научно-техническая база, возможность получить гранты от немецких научно-исследовательских обществ способствовали тому, что большая часть из этих трёх миллионов уехала именно в Германию. Несмотря на усилия российского руководства по подъёму науки, немецкие научно-исследовательские проекты для наших учёных остаются привлекательнее, и число желающих уехать растёт. Таким образом, немецкая «мягкая сила» в России активна и привлекательна.

Все организации, занимающиеся продвижением немецкой культуры и политики за рубежом: Институт Гёте, ДААД, научные общества, финансируются Министерством иностранных дел и другими государственными структурами, однако они имеют статус неправительственных организаций, поскольку работа немецких НПО за рубежом устроена таким образом, что какую бы правительственную задачу они ни выполняли, создается впечатление, что они представляют интересы гражданского общества. Все сотрудники организаций набираются из числа мотивированных людей, не связанных трудовыми отношениями с государственными органами. Формально их деятельность регулируется Гражданским кодексом. Кроме того, большую роль в создании гражданского характера организаций играет тот факт, что сотрудничающие с ними государственные структуры дают им большую свободу действий. Устанавливая конкретную цель, они уделяют мало внимания тому, как это будет достигнуто, если организации не нарушают при этом общепринятые правила поведения.

Государство активно содействует сохранению неправительственного статуса организаций

«мягкой силы», дистанцируясь от участия в их проектах, для того, чтобы избежать впечатления, что Германия навязывает свою волю кому-то, поскольку «лучшая пропаганда – это не пропаганда» [23]. Эффективность реализации «мягкой силы» отдельными гражданами и гражданским обществом в целом, а также отсутствие государственного регулирования помогают избежать привязки диалога к состоянию двусторонних отношений и к переменам во внешнеполитических приоритетах.

Не только через организации, но также и через маркетинговые компании идёт наращивание «мягкой силы» страны. В 2004 г. президент Хорст Кёлер впервые сформулировал идею, что Германия – страна идей, и она должна показать всем, что ей присущи такие качества, как изобретательность и творческий потенциал, и благодаря им она смогла дать миру многое. Так началась крупнейшая маркетинговая кампания «Германия – страна идей». Она получила поддержку более 20 крупных немецких компаний, аудитория составила 3,5 миллиарда человек [5]. Главная идея этого мероприятия состояла в том, чтобы показать миру всё, чем Германия знаменита и какой вклад внесла в развитие человечества. Её достижения в области науки и культуры, известные немецкие поэты и мыслители, инновационные продукты были объединены единым слоганом: «Сделано в Германии». Маркетинговая компания была приурочена к крупному международному мероприятию – Чемпионату мира по футболу в 2006 году, который должен был расширить аудиторию мероприятия и повысить её уровень. Кроме того, в рамках «мягкого воздействия» своей притягательностью ЧМ должен был, с одной стороны, способствовать преодолению недоверия европейцев друг к другу, сплотить их общими интересами, с другой стороны, показать что Германия – страна номер один по образцовому поведению граждан и обеспечению соблюдения правопорядка. Чемпионат прошёл в июле 2006 года в 12 крупных городах Германии под девизом «Мир в гостях у друзей». В видеообращении к гражданам канцлер подчеркнула, что такое мероприятие необходимо стране, чтобы гости могли удостовериться, что «многогранная Германия» является «открытой миру, современной и полной жизни страной» [5]. Для обеспечения безопасности были приведены в состояние готовности около 350 тысяч немецких полицейских и их коллег из других стран Евросоюза, а также немецкая армия. В результате, ЧМ 2006 был назван одним из самых безопасных за историю проведения чемпионатов. Дружелюбное отношение немцев к гостям, небывалый наплыв самих гостей, особый контроль за билетами с целью предотвращения их подделки, качественная игра немецкой сборной обеспечили Германии статус ответственной страны, которая может проводить крупные международные мероприятия на высоком уровне безопасности и комфорта туристов.

■ Мировая политика

Помимо чемпионата в рамках маркетинговой компании было разработано ещё несколько проектов, рассчитанных на привлечение внимания широкой общественности к культурным и инновационным достижениям, улучшение инвестиционного имиджа для повышения конкурентоспособности ФРГ на мировом рынке. Один из них – «100 величайших умов будущего», представлял из себя выставку, посвященную ста наиболее выдающимся гражданам Германии, которые добились значительных результатов в области науки, культуры, искусства.

Задача маркетинговой компании «Германия – страна идей» также состояла в том, чтобы повлиять как на отечественных, так и зарубежных граждан. Особенность немецкой стратегии по применению «мягкой силы» состоит в том, что не только имидж за рубежом, но и дома имеет большое значение. Для немецкой «мягкой силы» внутри страны важно, чтобы гражданское общество поверило, что оно достойно самого высокого положения в мире. В результате компании удалось добиться того, что большинство немцев стало воспринимать свою страну как прогрессивную, космополитичную, изобретательную и инновационную. Успешное проведение Чемпионата мира по футболу создало у болельщиков впечатление о существовании двух победителей: во-первых, команды лучших футболистов, а во-вторых, лучшей страны, когда-либо принявшей Чемпионат.

Результативность «мягкой силы», конечно, сложно определить и измерить традиционными методологическими способами, однако есть критерии, подтверждающие, что «мягкая сила» ФРГ доказала свою эффективность. Опросы показали, после события большинство немцев действительно воспринимают свою страну как прогрессивную, космополитичную и инновационную, за рубежом ЧМ по футболу 2006 в Германии назвали одним из самых безопасных в истории [28].

Таким образом, Германия располагает значительно большим количеством ресурсов «мягкой силы», чем Россия, что в первую очередь связано с тем, что немцы раньше осознали необходимость применения этой концепции для решения внешнеполитических задач. «Мягкая сила» Германии направлена как внутрь, так и вовне, её гражданские организации более мотивированы, им предоставляется большая свобода действий, в то время как в России действуют, во-первых, государственные структуры, во-вторых, они подчинены жесткой системе отчетности. Преимущество стратегии «мягкой силы» ФРГ состоит также и в том, что Германия не стремится создавать «шумиху» вокруг своей «мягкой силы», то есть не заявляет открыто о желании воздействовать на других привлекательностью и менять их предпочтения, о чём заявила Россия, приняв в 2013 г. Концепцию внешней политики. Поэтому немецкие масштабные мероприятия, не вызывая той критики,

которой подвергаются подобные мероприятия, проводимые Россией.

У немецкого правительства есть понимание, что «мягкая сила» не всесильна, и чтобы достичь лидирующих позиций в мире, необходимо использовать «жесткую силу». По этой причине Дж. Най позже изменил свою концепцию «мягкой силы» в «умную силу», которая сочетает в себе элементы и «мягкого» и «жесткого» воздействия. В процессе европейской интеграции в последние годы ведущая роль ФРГ всё больше достигается за счёт применения «жесткой силы», а именно за счёт её финансовой и экономической мощи. Новые вызовы и угрозы: международные и внутренние конфликты, терроризм, незаконный оборот наркотиков, часто требуют немедленного реагирования. Для получения же положительных результатов за счёт применения «мягкой силы» требуется длительный период времени. В настоящий момент Германия стремится расширить сферы использования своих вооруженных сил и своей внешней политики, для этого она пытается заручиться поддержкой некоторых «новичков» в ЕС, вовлекая их в сферу своего стратегического партнёрства, а также США. Именно ФРГ обеспечила признание Словении и Хорватии в 1992 г., а затем содействовала их включению в ЕС [26]. Нынешний канцлер А. Меркель делает во внешней политике ставку на привлечение своих давних критиков к формированию совместной позиции в ЕС. Так, Польша участвует в проекте «Восточное партнерство», где она может «распылить» критику в сторону России, а не Германии. Что касается германо-американских отношений, то ради их сохранения и укрепления Германии пришлось пожертвовать своим собственным имиджем правового государства в скандале о прослушивании телефонных разговоров немецких политиков и рядовых граждан спецслужбами США. По той же причине А. Меркель готова пожертвовать экономическими интересами страны, согласившись на создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнёрства.

В отношении изменения общественного сознания немецких граждан, которые по понятным причинам имеют сильные пацифистские взгляды, правительство в настоящее время работает над концепцией принятия ею большей ответственности в поддержании международного мира и безопасности в том числе и военными средствами. Идёт активная подготовка к реорганизации немецкой армии, чтобы сделать её более профессиональной и эффективной. Кроме того, правительство пошло на нарушение существующих правовых ограничений на использование военных сил за рубежом. Год назад Министерство обороны нарушило одно из «табу»: не поставлять оружие сторонам вооруженного конфликта, и направило оружие курдам в Ирак.

Инструменты «мягкого воздействия» помогли Германии добиться улучшения своего имиджа за рубежом, но их использование имеет

свои пределы: для решения некоторых проблем нельзя оставаться лишь «привлекательным». Практика показывает, что во многих странах в последнее время прослеживается тенденция наращивания ресурсов «жесткой силы». Как отмечают отдельные исследователи, в том числе и Дж. Най, между «мягкой» и «жесткой» силами нет резкого перехода [8]. Парадоксально, но сегодня ФРГ использует «мягкую силу» для того, чтобы обосновать применение и наращивание «жесткой силы», о чем свидетельствует стремление провести реформирование бундесвера, переход к концепции большей ответственности, попытки обойти запрет своего национального

законодательства об участии вооруженных сил Германии за рубежом, поставки немецких вооружений.

Применение концепции «мягкой силы» в ФРГ дает наглядный пример того, как эффективно можно использовать несиловые методы воздействия для решения внешнеполитических задач. При этом её национальная специфика несколько расширяет то концептуальное оформление, которое дает Дж. Най, описывая «мягкую силу» в основном как инструмент внешней политики. Германия расширяет роль гражданского общества в формировании привлекательности страны.

Список литературы

1. Германия – кандидат на членство в СБ ООН 2011 — 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minsk.diplo.de/contentblob/2668516/Daten/740359/VN_Broschuere_ru.pdf (дата обращения: 15.12.15)
2. Глава Института имени Гёте: Мы хотим усилить интерес россиян к немецкому языку [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. - Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/глава-института-имени-гёте-мы-хотим-усилить-интерес-россиян-к-немецкому-языку/a-4095974> (дата обращения: 15.12.15)
3. Греция продолжает требовать репарации с Германии за Вторую мировую [Электронный ресурс] / РИА — Новости. - Режим доступа: <http://ria.ru/world/20100225/210870210.html> (дата обращения: 15.12.15)
4. Егоров А.И. Притязания объединенной Германии на место постоянного члена совета безопасности ООН (1990е — 2005гг.) / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Выпуск № 1 (96) / том 17 / 2011. С. 77 — 83.
5. Имидж страны: Германия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://imagebelarus.by/node/83376> (дата обращения: 15.12.15)
6. Иностранные агенты в Берлине [Электронный ресурс] / Радио «Свобода». - Режим доступа: <http://www.svoboda.mobi/a/content/blog/24971400.html> (дата обращения: 15.12.15)
7. Касаткин П.И., Ивкина Н.В. «Мягкая сила» во внешнеполитической стратегии России: от теории к практике / Право и управление. XXI век. - 2015. - № 2 (35). - С. 107 — 112.
8. Лебедева М.М. "Мягкая сила" в отношении Центральной Азии: участники и их действия / Вестник МГИМО-Университета. - 2014. - № 2. - С. 47-55.
9. Миссия и задачи / Сайт Фонда поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. - Режим доступа: <http://gorchakovfund.ru/about/mission/>
10. Общество имени Макса Планка: об обществе [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.dwih.ru/index.php/ru/dwih-netzwerk/---mpg.html> (дата обращения: 15.12.15)
11. Общество Макса Планка — шанс для молодых исследователей [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. - Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/общество-имени-макса-планка-шанс-для-молодых-исследователей/a-15209980> (дата обращения: 15.12.15)
12. Павлов Н. Внешняя политика Берлинской республики: новый «германский путь»? / Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №2. – С. 63-75.
13. Погорельская С.В. Неправительственные организации и политические фонды во внешней политике ФРГ. - РАН.-М.: Наука, 2007. 207 с.
14. Фраунгоферовское общество: перспектива карьеры в науке [Электронный ресурс] / Deutsche Welle. - Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/фраунгоферовское-общество-перспектива-карьеры-в-науке/a-4501766> (дата обращения: 15.12.15)
15. Штефан Майстер. Как Россия потеряла Германию [Электронный ресурс] / Россия в глобальной политике. - Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/kak-rossiya-poteryala-germaniyu-17308>
16. Delpar Helen. Yankee Tourism in Latin America and 'Soft Power'. Diplomatic History. Apr2011, Vol. 35 Issue 2, p383-386.
17. Hacke Chr. Neudeutscher Willhelminismus. Die UN-Politik der Bundesregierung war v.llig verfehlt / Internationale Politik. 2005. №. 8 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.internationalepolitik.de/> (дата обращения: 15.12.15)
18. History of the Goethe- Institute. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.goethe.de/en/uun/org/ges.html> (дата обращения: 15.12.2015).

■ Мировая политика

19. Mit deutschen Steuergeldern: Adenauer-Stiftung mischt in der Ukraine kräftig mit [Электронный ресурс].- Режим доступа: <http://deutsche-wirtschaftsnachrichten.de/2015/05/03>
20. New Power. New Responsibility. Elements of a German foreign and security policy for a changing world [Электронный ресурс] / Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) and the German Marshall Fund of the United States (GMF) Режим доступа: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/GermanForeignSecurityPolicy_SWP_GMF_2013.pdf (дата обращения: 15.12.15)
21. Nye J. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organisation. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://net.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf> (дата обращения: 15.12.15)
22. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
23. Nye J. What China and Russia don't get about soft power / Foreign Policy. 2013. 29 April. - Режим доступа: <http://www.foreignpolicy.com>. (дата обращения: 15.12.15)
24. Nygård H. Soft power at home and abroad: Sport diplomacy, politics and peace-building, International Area Studies Review, 16(3). pp. 235–243.
25. Pamment J. Time, Space & German Soft Power: Toward a Spatio-Temporal Turn in Diplomatic Studies? Perspectives Vol. 21, No. 2, 2013 pp. 5 — 25.
26. Patterson William R. Smart power in reunified Germany Journal of Power. Vol. 1, No. 3, December 2008, pp. 339–354
27. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel beim Besuch der Zentrale des Goethe-Instituts am 8 September 2008 in München [Speech by the Chancellor Angela Merkel during a visit to the headquarter of the Goethe-Institut on September 8, 2008 in Munich] / Auswertiges Amt, Bulletin Nr. 88N^o1 vom 10.09.2008. (In German)
28. Review by the Federal Government on the 2006 FIFA World Cup. Available at: http://www.bund.de/cae/servlet/contentblob/150624/publicationFile/15402/Abchlussbericht_WM2006_en.pdf (accessed: 15.12.2015).
29. Rüdiger K.W. Wurzel, Anthony Zito and Andrew Jordan From government towards governance? Exploring the role of soft policy instruments. German policy studies, Vol. 9, No. 2, 2013. pp. 21–48
30. Schirmer Gregor. Kann der UN-Sicherheitsrat bei der Wahrung des Friedens und im Kampf gegen Krieg eine produktive Rolle spielen? [Электронный ресурс] / AG Friedensforschung .- Режим доступа: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/UNO/sicherheitsrat.html> (дата обращения: 15.12.15)
31. Zöllner O. 'German Public Diplomacy: The Dialogue of Cultures', in N. Snow–P.M. Taylor (eds) / Routledge Handbook of Public Diplomacy, 2009, pp. 262–269.

Об авторе

Рустамова Лейли Рустамовна – аспирантка кафедры МПП, эксперт отдела докторантуры и аспирантуры МГИМО МИД России. E-mail: leili-rustamova@yandex.ru

THE DEFINING FEATURES OF SOFT POWER STRATEGY IN GERMAN FOREIGN POLICY

L.R. Rustamova

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The defeat in the Second World War made Germany very carefully select the foreign policy concepts, which is still actual for the country. Until now, any political idea, even an indirect indication to the desire to establish German hegemony, could cause the deterioration of relations with partners in the EU and other neighboring countries. In these circumstances, Germany has chosen as the most appropriate foreign policy strategy for the promotion of the national interests the use of so-called "soft power" - the ability to encourage others to do what you want with the help of appeal, rather than through the manipulation of material needs. Germany has a large number of resources to implement the policy of "soft power." The German non-governmental organizations, political foundations are making a great contribution to make foreign policy attractive and spread political values. Organizations involved in exchange programs, scientific cooperation contribute to the expansion of German language and culture. A distinctive feature of German "soft power" organizations is that, despite the financing from the state, they retain the civilian nature of their activities, which is a necessary condition for the successful application of the concept. Another feature of German "soft power" is that its resources are directed not only at foreign audiences, but also German citizens. The key tasks of German soft power concept are to build a positive image of the country, to change its international legal status and to play the leading role in the EU.*

Key words: Germany, Russia, "soft power", foreign policy strategy, political values, the UN Security Council, NGOs, political foundations, scientific societies, "hard power."

References

1. Germaniia – kandidat na chlenstvo v SB OON 2011- 2012. [Germany - a candidate for membership in the UN Security Council 2011- 2012.]. Embassy of Germany in Belarus. Available at: http://www.minsk.diplo.de/contentblob/2668516/Daten/740359/VN_Broschuere_ru.pdf (Accessed: 16.12.15). (In Russian)
2. Glava Instituta imeni Gete: My khotim usilit' interes rossiian k nemetskomu iazyku [The head of the Goethe Institute: We want to enhance the interest of Russians in the German language]. Deutsche Welle. Available at: <http://www.dw.com/ru/glava-instituta-imeni-gete-my-khotim-usilit'-interes-rossiian-k-nemetskomu-iazyku/a-4095974> (Accessed: 15.12.2015). (In Russian)
3. Gretsiiia prodolzhaet trebovat' reparatsii s Germanii za Vtoruiu mirovuiu [Greece continues to demand reparations from Germany for the Second World]. RIA-Novosti, 25.02.2010. Available at: <http://ria.ru/world/20100225/210870210.html> (Accessed: 15.12.2015). (In Russian)
4. Egorov A.I. Pritiazaniia ob"edinennoi Germanii na mesto postoiannogo chlena soveta bezopasnosti OON (1990e-2005gg.) [The claims of a united Germany for permanent membership in the Security Council of the United Nations (1990s-2005)]. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia. Politologiya. Ekonomika. Informatika - Scientific statements of Belgorod State University. Series: History. Political science. Economy. Computer science, 2011, no. 1 (96), vol. 17, pp. 77 — 83. (In Russian)
5. Imidzh strany: Germaniia [Country image: Germany]. Tsentralnii strategicheskii razvitiiia «Marketingovye sistemy» Respubliki Belarus'. Available at: <http://imagebelarus.by/node/83376> (Accessed: 15.12.2015). (In Russian)
6. Veksler Yu. Inostrannye agenty v Berline [Foreign Agents in Berlin]. Radio «Svoboda», 29.04.2013. Available at: <http://www.svoboda.mobi/a/content/blog/24971400.html> (Accessed: 15.12.2015). (In Russian)
7. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. «Miagkaia sila» vo vneshnepoliticheskoi strategii Rossii: ot teorii k praktike [Soft power strategy in Russian foreign policy: from theory to practice]. Pravo i upravlenie. XXI vek, 2015, no. 2 (35), pp. 107 — 112.
8. Lebedeva M.M. "Miagkaia sila" v otnoshenii Tsentral'noi Azii: uchastniki i ikh deistviia [Soft power policy towards Central Asia: countries and their goals]. Vestnik MGIMO-Universiteta, 2014, no. 2, pp. 47 — 55.
9. Missiia i zadachi [Mission and tasks]. Fond podderzhki publichnoi diplomatii imeni A.M. Gorchakova Website. Available at: <http://gorchakovfund.ru/about/mission/> (Accessed: 15.12.2015). (In Russian)
10. Obshchestvo imeni Maksa Planka [Max Planck Society]. Available at: <http://www.dwih.ru/index.php/ru/dwih-netzwerk/---mpg.html> (Accessed: 15.12.2015). (In Russian)
11. Obshchestvo Maksa Planka- shans dlia molodykh issledovatelei [Max Planck Society - a chance for young researchers]. Deutsche Welle. Available at: <http://www.dw.com/ru/obshchestvo-imeni-maksa-planka-shans-dlia-molodykh-issledovatelei/a-15209980> (accessed: 15.12.2015). (In Russian)
12. Pavlov N. Vneshniaia politika Berlinskoi respubliki: novyi «germanskii put'»? [The foreign policy of the Berlin Republic: new "German way"?]. Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia, 2005, no. 2, pp. 63 — 75. (In Russian)
13. Pogorel'skaia S.V. Nepravitel'stvennye organizatsii i politicheskie fondy vo vneshnei politike FRG [Non-governmental organizations and political foundations in German foreign policy]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 207 p. (In Russian)
14. Fraunhoferovskoe obshchestvo: perspektiva kar'ery v nauke [Fraunhofer Society: career prospects in science]. Deutsche Welle. Available at: <http://www.dw.com/ru/fraunhoferovskoe-obshchestvo-perspektiva-kar'ery-v-nauke/a-4501766> (Accessed: 15.12.2015). (In Russian)
15. Maister Sh. Kak Rossiia poterela Germaniiu [How Russia lost Germany]. Global affairs. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/kak-rossiya-poteryala-germaniyu-17308> (In Russian)
16. Delpar H. Yankee Tourism in Latin America and 'Soft Power'. Diplomatic History, Apr. 2011, vol. 35, iss. 2, pp. 383-386.
17. Hacke Chr. Neudeutscher Willhelminismus. Die UN-Politik der Bundesregierung war v.lig verfehlt. Internationale Politik, 2005, no. 8. Available at: <http://www.internationalepolitik.de/> (Accessed 15.12.2015).
18. History of the Goethe Institute. Goethe Institute Website. Available at: <https://www.goethe.de/en/uun/org/ges.html> (Accessed: 15.12.2015).
19. Mit deutschen Steuergeldern: Adenauer-Stiftung mischt in der Ukraine kräftig mit. deutsche-wirtschaftsnachrichten.de. Available at: <http://deutsche-wirtschaftsnachrichten.de/2015/05/03> (Accessed: 15.12.2015).
20. New Power. New Responsibility. Elements of a German foreign and security policy for a changing world. Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP) and the German Marshall Fund of the United States (GMF). Режим

■ Мировая политика

- доступна: http://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/projekt_papiere/GermanForeignSecurityPolicy_SWP_GMF_2013.pdf (Accessed: 15.12.15)
21. Nye J. Soft Power and Higher Education. EDUCAUSE non-profit organisation. Available at: <http://net.edu/ir/library/pdf/FFP0502S.pdf> (Accessed: 15.12.15)
 22. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 206 p.
 23. Nye J. What China and Russia don't get about soft power. Foreign Policy, 29.04.2013. Available at: <http://www.foreignpolicy.com>. (Accessed: 15.12.15)
 24. Nygård H. Soft power at home and abroad: Sport diplomacy, politics and peace-building. International Area Studies Review, no. 16(3). pp. 235–243.
 25. Pamment J. Time, Space & German Soft Power: Toward a Spatio-Temporal Turn in Diplomatic Studies? Perspectives, 2013, vol. 21, no. 2, pp. 5–25.
 26. Patterson William R. Smart power in reunified Germany. Journal of Power, December 2008, vol. 1, no. 3, pp. 339–354.
 27. Rede von Bundeskanzlerin Dr. Angela Merkel beim Besuch der Zentrale des Goethe-Instituts am 8 September 2008 in München [Speech by the Chancellor Angela Merkel during a visit to the headquarter of the Goethe-Institut on September 8, 2008 in Munich]. Auswertiges Amt, Bulletin Nr. 88N°1 vom 10.09.2008.
 28. Review by the Federal Government on the 2006 FIFA World Cup. Available at: http://www.bund.de/cae/servlet/contentblob/150624/publicationFile/15402/Abschlussbericht_WM2006_en.pdf (Accessed: 15.12.2015).
 29. Wurzel R.K.W., Zito A. and Jordan A. From government towards governance? Exploring the role of soft policy instruments. German policy studies, 2013, vol. 9, no. 2, pp. 21–48.
 30. Schirmer G. Kann der UN-Sicherheitsrat bei der Wahrung des Friedens und im Kampf gegen Krieg eine produktive Rolle spielen? AG Friedensforschung. Available at: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/UNO/sicherheitsrat.html> (Accessed: 15.12.15) (In German)
 31. Zöllner O. 'German Public Diplomacy: The Dialogue of Cultures'. Ed. by N. Snow, P.M. Taylor. Routledge Handbook of Public Diplomacy, 2009, pp. 262–269.

About the author

Rustamova Leili Rustamovna – PhD student at the Department of World political processes, expert at PhD and postgraduate study Department at Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University).
E-mail: leili-rustamova@yandex.ru.

ЭВОЛЮЦИЯ «НОМО ECONOMICUS»

Н.В. Комаровская

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье анализируется то, как междисциплинарные исследования в современной экономической мысли приводят к более реалистичному пониманию человеческого поведения и принятия решений в экономической сфере. С одной стороны, результатом экономического империализма стало активное применение экономических методов в других общественных науках и появление таких междисциплинарных направлений, как экономика права, экономическая социология, теория общественного выбора и др. С другой стороны, появление таких стоящих на стыке психологии, нейробиологии и экономики направлений, как поведенческая экономика, экспериментальная экономика и нейроэкономика, оказывает влияние на изменение методологии самой экономической науки и приводит к трансформации одной из основных предпосылок неоклассической школы — модели рационального экономического поведения «homo economicus». Теория «иррационального начала» Джорджа Акерлофа и Роберта Шиллера, теория перспектив Даниеля Канемана и Амоса Тверски, исследования Амартии Сена, Дэниела МакФаддена, Вернона Смита и других анализирующих процесс принятия решений экономистов или существенно ограничивают, или дополняют модель «человека экономического», позволяя глубже понять природу человеческой рациональности. Поведенческая экономика уже настолько окрепла в качестве отдельной дисциплины, что можно выделить «классический» и «современный» этапы ее развития, а ее основополагающие принципы должны быть интегрированы в базовый курс традиционной экономической теории. Достижения поведенческой экономики позволяют улучшить качество экономических исследований и прогнозов. Междисциплинарный подход к анализу человеческого поведения и трансформация модели «homo economicus» предоставляют новые инструменты для разработки политики развития.

Ключевые слова: рациональное экономическое поведение, «homo economicus», Гэри Беккер, экономический империализм, Амартия Сен, теория иррационального начала Джорджа Акерлофа и Роберта Шиллера, Дэниел МакФадден, теория перспектив Даниеля Канемана и Амоса Тверски, Вернон Смит, принятие решений в экономической сфере, поведенческая экономика, экспериментальная экономика, нейроэкономика.

Согласно знаменитому общепризнанному определению **Лайонела Роббинса**, «экономическая наука — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [18, с.18]. Таким образом, основу экономического анализа определяют представления о влияющих на принятие решений особенностях человеческой психологии. Экономисты начали изучать психологические и социальные факторы, влияющие на процесс принятия решений, с момента выхода в 1776 г. основополагающей работы **Адама Смита** «Исследование о природе и причинах богатства народов» [23]. Традиционный для классической и неоклассической школ экономической теории взгляд на человеческое поведение заложен в **модели «homo economicus»**, согласно которой человек ведет себя рационально, обладает полной информацией и совершенными познавательными способностями, что позволяет ему получить максимальную полезность в условиях заданных ограниченных ресурсов. При этом в упрощённой версии этой модели предполагается, что выбор индивида в пользу лучшей альтернативы, то есть обеспечивающей максимальную разницу между предельными выгодами и издержками, происходит исключительно из экономических интересов без учета прочих духовных и этических мотивов. Очевидным плюсом этого абстрагирования, согласно которому «homo economicus homini lupus est» (в пер. с лат. — «человек экономический человеку — волк») [5, с.137], является то, что экономисты получили удобную основу для стройных теоретических построений. Не менее очевидным минусом при этом является то, что чрезмерная абстрактность модели «homo economicus» привела к её оторванности от реальности, в связи с чем она стала постоянным объектом критики практически с момента своего появления.

Атака и защита

Ещё в XIX в. **Вильгельм Рошер**, **Бруно Гильдебранд** и другие представители немецкой исторической школы считали неприемлемым построение экономического анализа на основе представления человека как расчётливого эгоистичного субъекта, заботящегося исключительно о собственной выгоде [19, 4]. Пожалуй, и в дальнейшем считающийся присущим «homo economicus» эгоизм стал одной из основных причин многочисленных нападок на «минималистическую» версию этой модели. Справедливости ради надо отметить, что в изначальном понимании классиков человеческая природа, на основе которой возникли объективные экономические законы, не подразумевала эгоистического поведения. Классики считали основным мотивом человеческого поведения стремление к увеличению богатства. Несмотря на некоторые разногласия по поводу того, что именно

следует понимать под богатством, представители классической школы пришли к тому, что впоследствии **Карл Менгер** назвал «экономическими благами» [49], то есть стали трактовать богатство как допускающие передачу предметы, способные приносить удовольствие, или полезность, предложение которых ограничено [52]. Классики не утверждали, что люди исключительно стремятся к увеличению богатства и не имеют при этом других желаний, или что они жаждут приобретать богатство в любой форме. Скорее, у каждого человека есть неудовлетворённые нужды, которые дополнительное богатство способно помочь удовлетворить. Богатство служит средством достижения разнообразных целей, которые в том числе могут быть альтруистическими. На это обращали внимание и классики и неоклассики, как например, **Адам Смит** [23], а впоследствии маржиналисты **Ойген фон Бём-Баверк** [30] и **Альфред Маршалл** [14]. Таким образом, эгоизм не присущ подлинной версии «homo economicus», и основным аргументом современных защитников неоклассической модели стало то, что в результате неверной трактовки критике стал подвергаться не «homo economicus», а «homo stramineus» (в пер. с лат. — «соломенное чучело», то есть «подставной человек») [40].

Критики не оставляли в покое модель «homo economicus» и в дальнейшем. В XX в. основоположник институционализма **Торстейн Веблен** [3], а затем и его последователи, критиковали «homo economicus» за игнорирование влияния социальной среды на принятие решений. **Джон Мейнард Кейнс**, основатель другого конкурирующего с неоклассическим направления — кейнсианства, подчеркивал, что значительная часть экономической деятельности обусловлена иррациональными побудительными импульсами, которые в его теории получили название «животные инстинкты» («animal spirits») [10]. В 1950-х гг. **Герберт Саймон** продемонстрировал, что ограниченность человеческих познавательных способностей не позволяет реальным людям находить наиболее эффективные с теоретической точки зрения решения [20]. С его точки зрения, стандартные экономические модели должны были быть пересмотрены путем применения **концепции ограниченной рациональности** вместо предпосылки о полной (по выражению Саймона, «олимпийской») рациональности. Таким образом, в результате критики модель «homo economicus» получила ряд ограничений, но тем не менее осталась в качестве одного из главных инструментов анализа в «мейнстриме» экономической теории, в том числе благодаря работам одного из самых влиятельных экономистов XX в. **Пола Самуэльсона** [51]. В своём знаменитом вышедшем в 1953 г. эссе «Методология позитивной экономической науки» другой не менее влиятельный экономист, основатель монетаризма **Милтон Фридман** говорит о том,

что экономисты могут игнорировать влияние психологических факторов на человеческое поведение в своих прогнозах относительно динамики рыночных показателей, так как люди, чье поведение подвержено таким факторам, будут вытеснены с рынка бесстрастными, рациональными и руководствующимися собственным интересом экономическими агентами [26].

Экономический империализм Беккера

Как известно, началом экспансии экономического анализа в другие дисциплины послужили работы *Гэри Беккера*, лауреата Нобелевской премии по экономике 1992 г. за распространение сферы микроэкономического анализа на целый ряд аспектов человеческого поведения и взаимодействия, включая нерыночное поведение. Беккер, по праву считающийся одним из наиболее оригинальных экономистов, применил экономический инструментарий для исследования многих важных социальных проблем, традиционно рассматриваемых другими общественными науками – например, социологией, демографией или правом. Эта экспансия получила название **экономического империализма**, означающего применение экономических методов для анализа сфер, традиционно выходящих за пределы экономической теории. «Экономический подход к социальным вопросам», подразумевающий применение модели «*homo economicus*» к изучению таких вне рыночных сфер, как расовая дискриминация, преступность, образование, брак и семья, принимается Беккером в качестве всеобщей поведенческой парадигмы [2]. Как замечает Беккер, «в самом деле, я пришел к убеждению, что экономический подход является всеобъемлющим, он применим ко всякому человеческому поведению — к ценам денежным и «теневым», вменённым ценам, к решениям, повторяющимся и однократным, важным и малозначащим, к целям, эмоционально нагруженным и нейтральным, к богачам и беднякам, мужчинам и женщинам, взрослым и детям, умным и тупицам, пациентам и врачам, бизнесменам и политикам, учителям и учащимся» [цит. по: 9]. Причём Беккер использует «экономический подход» в том числе для объяснения альтруистического и иррационального поведения, которое традиционно не учитывалось в упрощённой версии «*homo economicus*».

Беккер опирается на то, что человеческое поведение подчинено одним и тем же основополагающим принципам, из которых он выделяет три важнейших — максимизирующего личную выгоду поведения, рыночного равновесия и стабильности предпочтений. Первый принцип предполагает, что люди действуют рационально, то есть пытаются достичь наилучшего из возможных результатов, при этом могут руководствоваться как эгоистическими, так и альтруистическими мотивами. Второй принцип

подразумевает повсеместное, с точки зрения Беккера, существование «неявных издержек»¹. Наличие издержек упущенных возможностей позволяет утверждать, что деятельность людей координируется рыночным механизмом как на явных, так и неявных рынках, таких как, например, «брачный рынок», «рынок образования», «рынок преступлений» и т.п. Третий принцип, описанный Беккером совместно с *Джорджем Стиглером* в статье «О вкусах не спорят» [55], означает, что человеческие предпочтения устойчивы, причём по отношению к базовым потребительским благам, а не к конкретным рыночным товарам. Так, например, подверженность смене моды не свидетельствует об изменчивости вкусов, так как сама потребность выделиться среди окружающих остается неизменной. Кроме того, Беккер и Стиглер обращают внимание на значение «потребительского капитала», под которым они понимают сложившиеся в результате потребления различных благ навыки и способности. Таким образом, если поведение людей меняется, это происходит не в результате смены внутренней ценностной шкалы, а по причине изменения внешних условий, ограничивающих пространство выбора. С точки зрения Беккера, часто встречающиеся в исследованиях общественных явлений ссылки на иррациональность человеческого поведения или неожиданное изменение шкалы ценностей — не что иное, как научное поражение. Таким образом, по убеждению Беккера, основанная на этих базовых принципах модель рационального выбора может быть использована для объяснения всего человеческого поведения и служить основой для «унифицированного подхода представителей общественных наук к изучению социального мира» [9].

Если сравнить модель Беккера с классической версией «*homo economicus*», можно сделать вывод, что за двести лет существования этой модели произошло не так много изменений. Они в основном заключаются в том, что, во-первых, в отличие от классиков, Беккер подвергает экономическому анализу человеческий выбор в любых сферах, не только экономической. Во-вторых, Беккер вводит понятие человеческого капитала, в котором может учитываться как накопленный опыт индивида (персональный капитал), так и влияние социальной среды (социальный капитал). Хотя то, что на поведение экономических агентов влияет прошлый опыт и окружение, достаточно очевидно, и никто из экономистов с этим не спорил, Беккер был первым, кому удалось формализовать эту идею и включить ее в свою модель.

Последователи Беккера распространили принципы его анализа на множество других сфер общественной жизни, например, спорт, секс-индустрию и др. *Стивен Левитт*, один из наиболее известных широкой публике совре-

¹ Неявные издержки (*opportunity cost*) – издержки упущенных возможностей, или альтернативные издержки.

менных экономистов, прославившийся благодаря своим написанным совместно с экономическим журналистом **Стивеном Дабнером** бестселлерам «Фрикономика» и «Суперфрикономика», является представителем именно экономического империализма [12,11]. В результате экспансии экономического анализа появились такие самостоятельные научные направления, как экономика права, экономика здоровья, экономика окружающей среды, экономика спорта и т.п. Этот «крестовый поход» экономистов в соседние области знаний привел к парадоксальной ситуации. С одной стороны, экономическую науку уже определяют не по предмету, а по методу исследования. С другой стороны, многие междисциплинарные исследования приводят к пересмотру методологии самой экономической науки. Невыполнение в реальности предпосылок неоклассических моделей привело к тому, что стали исследоваться проблемы асимметричной информации, несовершенства контрактов и правовых институтов, ограниченности возможностей судебной системы, то есть произошел отказ от предпосылки о совершенстве рыночных правил игры. Многие современные психологические трактовки экономических явлений также если не полностью опровергают, то существенно ограничивают модель «homo economicus».

Модель Сена

Собственный взгляд на психологические основы экономического выбора предлагает лауреат Нобелевской премии 1998 г. за вклад в экономическую теорию благосостояния **Амартия Сен**. Одним из основных достижений Сена является то, что он обосновал необходимость использования межличностных сравнений и учёта этических факторов для анализа общественного благосостояния. С точки зрения неоклассической теории, максимизация индивидуального благосостояния достигается в результате реализации предпочтений экономического агента. При этом при оценке общественного благосостояния используется предложенный **Иеремией Бентамом** утилитаристский подход, согласно которому максимум благосостояния общества достигается при максимизации суммарного удовлетворения («счастья») членов общества, то есть при достижении максимума суммы индивидуальных полезностей. Сен критикует утилитаристский подход и критерий Парето-эффективности² за оправдание статус-кво, то есть за безразличие к распределению суммы индивидуальных полезностей среди индивидов: «состояние общества может быть оптимальным по Парето, но при этом одни могут находиться в крайней нищете, а другие – купаться в роскоши, поскольку нищета одних не может быть смягчена без сни-

жения уровня роскоши богатых» [22, с.53].. Сен обращает внимание на изменения в сознании и адаптивном поведении, которые отражают привычку человека к определённому образу жизни и его социальное положение. Он подвергает сомнению объективность измерения в рамках утилитаризма, так как лежащие в основе такого измерения ментальные характеристики (то самое удовлетворение, или «счастье») становятся сложно сопоставимы из-за умения сознания людей приспосабливаться к постоянным лишениям, особенно в тяжелых обстоятельствах [15]. «Безнадёжный бедняк, не имеющий выхода, растоптанный рабочий, живущий в условиях эксплуатации, или порабощённая домохозяйка в обществе с укрепившимся неравенством женщин либо подверженный тирании граждан в обществе жестокого авторитаризма могут вполне привыкнуть к своим лишениям. Они могут получать удовольствие от своих малых достижений и менять свои желания в соответствии с их достижимостью (тем самым увеличивая вероятность их исполнения). Однако их успехи в таком приспособлении не избавят их от самих лишений. Измерение удовольствия или желаний в некоторых случаях оказывается совершенно неадекватно для отражения степени реальных лишений, испытываемых индивидом» [21, с.270]. Согласно Сену, благосостояние индивида следует характеризовать, опираясь на общечеловеческие этические принципы.

Сен обращает внимание на то, что «минималистическая» версия модели «homo economicus» противоречит большинству мировых религий и социалистических теорий (за исключением, возможно, протестантизма, иудаизма и крайнего радикализма), которые как минимум не призывают индивида к личному обогащению, а наоборот, ориентируют его на социальные достижения [7]. Приводя в пример Японию, он говорит, что экономическое поведение, включающее систематическое отклонение в пользу долга, доброй воли и лояльности государству сыграло значимую роль в её промышленном развитии. Сен также согласен с упомянутой выше точкой зрения о том, что экономисты неправильно истолковали идею Адама Смита о «максимизации личной выгоды», лежащей в основе упрощённой модели «homo economicus». Он обращает внимание на то, что в работе «Теория нравственных чувств» Адам Смит трактует расчётливость поведения индивида как совокупность «продуманности и понимания», с одной стороны, и «самообладания», с другой, причём позаимствованное Смитом у стоиков понятие «самообладание» не подразумевает под собой эгоизм [24]. Модель Сена предполагает, что при анализе принятия экономических решений необходимо учитывать такие внешние факторы, как моральные ценности и общепринятые нормы.

² Распределение считается Парето-эффективным, если ни один из участников рынка не может увеличить свое благосостояние, не уменьшив при этом благосостояния хотя бы одного из других участников.

«Spiritus Animalis» Акерлофа и Шиллера

Другие нобелевские лауреаты **Джордж Акерлоф** и **Роберт Шиллер**, получившие премии в 2001 г. за анализ рынков с асимметричной информацией и в 2013 г. за эмпирический анализ изменения цены активов соответственно, выдвинули теорию **«иррационального начала»**, сущность которой они раскрыли в книге «Spiritus Animalis, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма». Термин **«spiritus animalis»** на русский язык в основном переводится как «иррациональное начало», и это понятие подразумевает психологические и социальные факторы, определяющие экономическое поведение людей. «Выберите любое время, любую страну, и почти наверняка увидите в любой макроэкономике игру иррационального начала, которому посвящена эта книга», — отмечают авторы [1, с.205]. Теория Акерлофа и Шиллера служит своего рода развитием концепции уже упомянутых «животных инстинктов» Джона Мейнарда Кейнса, согласно которой иррациональное начало человеческого поведения является одной из главных причин как экономических колебаний, так и вынужденной безработицы [10].

По результатам анализа современных исследований принятия экономических решений Акерлоф и Шиллер выделяют пять проявлений иррационального начала, нарушающих совершенство рыночного механизма: доверие, чувство справедливости, недобросовестность, денежная иллюзия и восприимчивость к историям. С помощью анализа этих пяти основных аспектов поведенческой психологии экономических агентов можно объяснить природу всех мировых экономических кризисов.

Первым проявлением иррационального начала является **доверие**. О том, что, когда экономист переживает спад, необходимо в первую очередь восстановить доверие, слышали даже те, кто мало знаком с экономической теорией, поскольку при наступлении экономического кризиса об этом начинают говорить экономические обозреватели всех средств массовой информации. Акерлоф и Шиллер считают, что «экономисты лишь отчасти уловили, что подразумевается под верой и доверием. Они исходят из того, что доверие рационально: люди используют доступную им информацию, чтобы составить прогноз, а затем на его основе принимать решение» [1, с.34]. Но доверчивый человек зачастую игнорирует часть определённой информации и большинство решений принимает просто потому, что они кажутся ему верными. Авторы теории вводят специальный экономический показатель — **«мультипликатор доверия»**, который показывает, насколько увеличивается или сокращается доход при росте или падении уровня доверия на один пункт. Уровень доверия можно считать проциклическим показателем, причём несколько опережающим динамику эконо-

мического цикла: когда он достаточно высок, экономическая активность растёт; когда он падает, активность также начинает сворачиваться. Таким образом, бизнес-циклам сопутствуют так называемые «циклы доверия».

Вторым иррациональным побудительным мотивом является **чувство справедливости**. По мнению авторов теории, «соображения справедливости — важный мотивирующий фактор для многих экономических решений, они связаны с тем, как мы понимаем доверие и насколько хорошо умеем сотрудничать» [1, с.47]. Человеческие представления о справедливости оказывают ощутимое влияние как на ценообразование, так и на установление ставок заработных плат. Таким образом, категория «справедливость» помогает объяснить такие базовые макроэкономические явления, как вынужденная безработица и соотношение между темпом инфляции и размером валового внутреннего продукта, которые без учёта этого фактора остаются загадкой.

Третьим проявлением «spiritus animalis» является **злоупотребление**, или недобросовестность. Финансовые злоупотребления и связанные с ними скандалы связаны с тремя последними экономическими спадами в США: 1990-91-х гг., 2001 г. и рецессией, начавшейся в декабре 2007 г., в итоге переросшей в мировой экономический кризис 2008-2010-х гг. Эта недобросовестность привела к охлаждению людей по отношению к финансовым рынкам, что существенно тормозило экономическое развитие. Злоупотребления в экономической сфере имеют тенденцию проявляться вновь и вновь, причём каждый раз в новой форме. Это объясняется тем, что постепенно меняются человеческие представления о наказании. Со временем люди забывают о карательных действиях государства в борьбе с экономическими преступлениями, и во время буйного роста таких злоупотреблений многим начинает казаться, что им все сойдет с рук. Таким образом, авторы утверждают, что «злоупотребление порождает еще большие злоупотребления» [1, с.62].

Четвертой недостающей составной частью экономического анализа принятия решений Акерлоф и Шиллер называют **денежную иллюзию**, возникающую «под впечатлением номинальной суммы, а не реальной покупательной способности денег» [1, с.64]. Впервые на феномен денежной иллюзии обратил внимание Джон Мейнард Кейнс, предложив использовать это явление для решения проблемы вынужденной безработицы [10]. Денежная иллюзия проявляется, к примеру, когда при обсуждении своей будущей заработной платы с работодателем или условий ипотеки с банком люди недооценивают фактор инфляции в связи с тем, что большинство трудовых договоров и финансовых контрактов составляется в номинальных величинах. Это противоречит мнению большинства экономистов о том, что люди во всех своих экономических решениях делают поправку на инфляцию, и что

уровень цен и заработных плат определяется относительной стоимостью, а не номинальным значением этих величин.

Пятым проявлением иррационального начала является человеческая **восприимчивость к историям**. Популярная история успеха какого-либо сомнительного предприятия может стать всеобщим примером для подражания и затмить собой рациональные расчёты. Как отмечает Шиллер, «так было и с интернет-пузырём, выросшим благодаря завистливым рассказам о молодых миллионерах. Так было и с удачливыми инвестбанкирами в середине 2000-х» [27]. Истории распространяются в обществе, как эпидемия. Разработанные математические модели эпидемий можно применить и к историям, и к распространению доверия или недоверия. При наличии таких данных, как коэффициент заразности (способность заболевания передаваться от человека к человеку) и коэффициент устранения (скорость выздоровления), математическая модель способна предсказать, как будет развиваться эпидемия. Эпидемии оптимизма и пессимизма могут возникать потому, что у определённых идей изменился «коэффициент заразности». Чрезмерное доверие людей и высокий «коэффициент заразности» успешной истории приводят к возникновению новых пузырей на финансовых рынках.

Таким образом, «всевозможные проявления иррационального начала раскачивают экономику то в одном направлении, то в другом. Без вмешательства государства начнут происходить значительные колебания уровня занятости, а финансовые рынки будут время от времени впадать в хаос» [1, с.120]. Государство обязано воссоздать такие условия для здорового развития капитализма, при которых творческому потенциалу не создается препятствий, но при этом сглаживаются крайности, порождённые иррациональным началом поведения экономических агентов. Акерлоф и Шиллер, предлагая государству воздействовать на «*spiritus animalis*», то есть заниматься так называемой **«монетарной психиатрией»**, считают, что правительство должно обеспечивать **«умное *laissez faire*»**³, то есть «нечто среднее между взглядами тех, кто опасается безработицы, и тех, кто верит, что государство вообще не должно вмешиваться в экономику» [27]. Правительства и центральные банки должны не столько накачивать экономику деньгами, сколько гасить возникающие в ней панические импульсы, что в итоге увеличит «мультипликатор доверия» — один из ключевых ингредиентов «*spiritus animalis*».

Суверенитет потребителя МакФаддена

Ещё один взгляд на психологические основы экономического выбора предложил нобелевский лауреат 2000 г. **Дэниел МакФадден**, получивший

премию за развитие теории и методов анализа дискретного выбора. МакФадден обосновывает **суверенитет потребителя**, являющийся основой неоклассической модели поведения экономических агентов, связывая его с генетическими основами человеческой психологии. В отличие от Сена, Акерлофа и Шиллера, МакФадден не подвергает сомнению правомерность использования «*homo economicus*», а, напротив, находит биолого-генетические корни модели рационального выбора. «Сердцевиной стандартной или рациональной модели экономической науки является идея, что потребители стремятся максимизировать врождённые предпочтения, устойчивые относительно количеств и признаков потребляемых товаров... Эта стандартная модель имеет неявно выраженный биологический оттенок. Предпочтения определяются генетически запрограммированным эталонным набором вкусов» [13, с.401].

В модели МакФаддена предпочтения стоят в функциональной зависимости как от генетически обусловленного набора вкусов, так и определенных наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристик потребителя, накопленного опыта, уровня потребления и различных признаков товаров. МакФадден говорит о том, что потребители неоднородны и на их выбор могут влиять такие психологические факторы, как установки или аффекты. Однако, несмотря на то, что в его модели учитываются и психологические, и институциональные факторы, МакФадден говорит, что в основе поведения людей лежат врождённые предпочтения и генетическое стремление к их рациональной максимизации: «...многое из поведенческих отклонений от стандартной модели экономистов объясняется скорее иллюзиями восприятия и ошибками в обработке информации, чем более фундаментальным крушением самого определения понятия «собственный интерес» [13, с.415; 16].

Теория перспектив Канемана и Тверски и эксперименты Вернона

Нобелевский лауреат 2002 г. **Даниель Канеман**, получивший премию за интеграцию результатов психологических исследований в экономическую науку, прежде всего в области суждений и принятия решений в условиях неопределённости, также показал, что человеческое поведение является иным, чем это предполагается в начальной версии «*homo economicus*». Важно отметить, что Канеман является первым в истории психологом-лауреатом нобелевской премии по экономике. Совместно с другим когнитивным психологом **Амосом Тверски** они разработали **теорию перспектив**, являющуюся показательным примером использования результатов психологических исследований в экономической науке [42, 57].

³ Laissez faire (в пер. с фр. – «позвольте людям делать свои дела») – принцип невмешательства государства в экономику.

Теория перспектив Канемана и Тверски опирается на три основных свойства **функции оценки рискованных потерей** (value function), характеризующих психологические особенности экономических агентов в ситуации выбора между простыми альтернативами, связанными с риском: зависимость от исходного положения (reference dependence), уклонение от потерь (loss aversion) и уменьшающаяся чувствительность (diminishing sensitivity). **Зависимость от исходного положения** означает, что альтернативы оцениваются индивидами относительно начального положения (статус-кво), а не исходя из оценки изменения совокупного благосостояния. Это свойство совместимо с утверждениями психологов о том, что человеческая система восприятия внешнего мира в большей степени приспособлена к оценке различий между исходным положением и положением после произошедших изменений, нежели к оценке абсолютных величин. Следующее свойство — **уклонение от потерь** — приводит к тому, что функция оценки является более крутой в случае убытков, чем в случае выигрышей. Это связано с тем, что личные переживания от потери определённой суммы денег представляются более значительными, чем от выигрыша аналогичной суммы, то есть люди более чувствительны к снижению уровня своего благосостояния, чем к росту. Наконец, третье свойство — **уменьшающаяся чувствительность** — означает, что предельная ценность как выигрышей, так и убытков падает с ростом их величины. Это свойство также вытекает из исследований психологов, показывающих, что зависимость между величиной воздействующего на органы чувств раздражителя и величиной вызываемого им психологического ощущения является убывающей. Кроме того, Канеман и Тверски показали, что индивиды оценивают значения вероятностей совершения тех или иных событий нелинейно, то есть склонны систематически переоценивать маловероятные события или недооценивать события с высокой вероятностью появления. Теория перспектив оказалась способной объяснять многие феномены человеческого выбора в различных областях (страхование, потребление, финансовые рынки и др.), которые считались аномальными в рамках стандартной теории ожидаемой полезности, как, например, головоломка о доходности капитала (слишком высокая разница в доходности акций и безрисковых облигаций), эффект размещения (чрезмерно долгое владение падающими в стоимости акциями и слишком быстрая продажа растущих в цене акций), асимметричные ценовые эластичности спроса (разная реакция людей на увеличение и снижение цен), невосприимчивость к плохим новостям (сохранение прежнего уровня потребления при появлении информации о снижении уровня собственного дохода), переоценка возможных выгод и потерь (приобретение завышенных в цене страховых полисов или лотерейных билетов) [17].

Канеман также обращает внимание на импульсивность поведения экономических агентов, предлагая при прогнозе или объяснении тех или иных действий отвечать на эвристический вопрос: «Что бы сделал импульсивный человек в данной ситуации? Какая реакция была бы наиболее естественной?» [41]. Конечно, при таком анализе необходимо учитывать различия между людьми и социальными группами. То, что кажется интуитивно верным одному человеку, может быть неправильным с точки зрения другого. Этот заимствованный у психологов подход получил название «влияние ситуации».

Получивший совместно с Канеманом в том же году Нобелевскую премию за утверждение лабораторных экспериментов в качестве инструмента эмпирического анализа в экономике, в особенности при исследовании альтернативных рыночных механизмов, **Вернон Смит** также исследовал поведение людей в экономической сфере. Однако выводы, которые делают эти учёные относительно особенностей человеческого поведения, часто оказываются разными. Смит, продолжая традиции экономического империализма, не опровергает неоклассическую методологию, но дополняет традиционные методы анализа ранее не свойственными экономической теории экспериментальными исследованиями, позволяющими глубже понять природу человеческой рациональности [53, 54].

Поведенческая экономика

Номинация Канемана и Смита считается формальным признанием того факта, что в рамках экономической науки появились такие самостоятельные направления, как **поведенческая экономика** или **экспериментальная экономика**. Это признание, в свою очередь, дало толчок новым исследованиям в области принятия решений, в частности, появлению такого нового научного направления, как **нейроэкономика**, стоящей на стыке нейронауки, психологии, экспериментальной экономики и других областей знания [25]. Современные технические средства визуализации головного мозга дают возможность увидеть зоны активации в различных ситуациях принятия решений, что, в свою очередь, позволяет, например, объяснить отклонения реального выбора от предполагаемого в рациональной модели. Появляются новые экономические модели, разработанные с использованием методов нейробиологии, которые рассматривают такие явления, как межвременной выбор при принятии инвестиционных решений [38, 47, 48], аддиктивное потребление [29, 44], взаимодействие когнитивных и аффективных процессов принятия решений [28, 31, 34], используют новые переменные, такие как переменная состояния ума в функции полезности [33] и т.д. Например, исследования **Эрнста Фера** [35, 36, 37], которые начались как экспериментальные, а затем сместились в область нейроэкономики, показали, что склонность к алтруизму зависит от

размера определенного участка головного мозга, то есть альтруизм является частью человеческой природы.

Интересно сравнение подобного рода исследований с развитием теории фирмы, предложенное *Колином Камерером, Джорджем Левенштейном и Дразеном Прелеком* [32]. Неоклассическая теория изначально рассматривала фирму как «чёрный ящик», куда попадают факторы производства, магическим образом трансформирующиеся в выходящие конечные потребительские блага, и только позже появившиеся в рамках неонституционализма исследования стали рассматривать происходящие внутри этого ящика процессы. Как уже было отмечено ранее, «минималистическая» версия «homo economicus» характеризуется тем, что экономисты стали избегать усложнённых моделей человеческого поведения, требующих информированности о человеческих желаниях и мыслительном процессе, и игнорировать то, что происходит в «чёрном ящике», то есть в голове у человека. Современная нейроэкономика при анализе принятия решений заглядывает внутрь этого «чёрного ящика».

На настоящий момент поведенческая экономика уже настолько окрепла в качестве отдельной дисциплины, что некоторые исследователи предлагают выделять «классический» и «современный» этапы ее развития [43]. Согласно такому делению, классическая поведенческая экономика (CBE — classical behavioural economics) зародилась в момент появления концепции ограниченной рациональности Саймона, в то время как современная (MBE — modern behavioural economics) начала свое развитие с появления теории субъективной ожидаемой полезности Уорда Эдвардса⁴, идея которой была принята впоследствии Канеманом и Тверски как часть теории перспектив. Основные отличия MBE от CBE состоят в том, что, во-первых, MBE предполагает, что экономические агенты максимизируют полезность, исходя из наличия определённого набора предпочтений, который строится на всё более реалистичном психологическом фундаменте, в то время как CBE отрицает наличие такого набора предпочтений, предполагая, что экономические агенты действуют в соответствии с концепцией ограниченной рациональности. Во-вторых, MBE анализирует поведение агентов в состоянии равновесия или близком к равновесию, в то время как CBE изучает отклонения от равновесия или отсутствия равновесия. В-третьих, MBE допускает математический анализ стремящегося к бесконечности количества событий и решение оптимизационных задач с бесконеч-

ным интервалом, а CBE анализирует конечное число событий и использует конечные интервалы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в процессе развития поведенческая экономика вновь вернулась к использованию традиционных неоклассических предпосылок, таких как оптимизация в условиях определённых ограничений и равновесный анализ.

В рамках MBE можно выделить такие подразделы, как поведенческая микро- и макроэкономика, поведенческие финансы и поведенческая теория игр. Однако, несмотря на самостоятельность поведенческой экономики, на наш взгляд, прежде всего она является дополнением к традиционной экономической теории, и в связи с этим представляется необходимым включить ее основные достижения в базовый курс микро- и макроэкономики. Американские экономисты *Дэвид Лейбсон и Джон Лист* [45] выделяют следующие шесть основополагающих принципов поведенческой экономики, которые должны быть интегрированы в традиционную теорию. Первым принципом является то, что люди стремятся выбрать лучшую из возможных альтернатив, но у них не всегда получается это сделать. Иными словами, экономические агенты являются оптимизаторами, но иногда совершают ошибки. Важно отметить, что эти ошибки можно прогнозировать. Одним из ключевых факторов, позволяющих предсказать ошибку, является накопленный опыт – более опытные агенты, принимающие решения, ошибаются с меньшей вероятностью, чем неопытные. Суть второго принципа состоит в том, что люди склонны соотносить свои возможные выгоды или потери с первоначальной точкой отсчета. Этот принцип соответствует зависимости от исходного положения и уклонению от потерь в теории перспектив Канемана и Тверски. Третий принцип заключается в том, что у людей есть проблемы с самоконтролем. В традиционной модели благие намерения всегда совпадают с действиями. Но в реальности люди планируют, к примеру, бросить курить, начать делать сбережения или не допускать роста задолженности по кредитной карте, однако в последний момент передумывают. Согласно четвертому принципу, хотя люди заинтересованы в собственной материальной выгоде, на них также могут оказывать влияние мнение, действия, намерения или изменение благосостояния других людей, причём необязательно близких. Такое «неравнодушие» может принимать различные формы социального давления. Здесь нужно отметить, что то, как именно будет влиять социальная среда на экономическое поведение, зависит от принадлежности к той или иной культуре [8, 39]. По

⁴ Теория субъективной ожидаемой полезности Уорда Эдвардса, в отличие от теории ожидаемой полезности Неймана-Моргенштерна [50], предполагает, что индивид стремится максимизировать субъективную ожидаемую полезность, учитывающую субъективные ценности, взвешенные по субъективным вероятностям возможных исходов (в отличие от ожидаемой полезности Неймана-Моргенштерна, учитывающей субъективные ценности, взвешенные по объективным вероятностям).

мнению российского экономиста **Станислава Иваишковского**, культура формирует «социальные нормы и правила, оказывает настолько существенное влияние на экономическое поведение индивида, что наряду с редкостью ресурсов должна включаться в круг интересов экономической науки в качестве фактора, ограничивающего и направляющего это поведение» [8, с.185]. Суть пятого принципа состоит в том, что, хотя рыночное взаимодействие может нивелировать значение психологических факторов, тем не менее многие особенности человеческой психологии имеют значение и на рынке. Например, если бы на фондовом рынке трейдеры, чье поведение отлично от рационального, составляли меньшинство, их влияние было бы незначительным, так как рациональные агенты продавали бы им те ценные бумаги, на которые они предъявляют спрос, и цены оставались бы на уровне, близком к «рациональному». Но если такие инвесторы оказываются в большинстве, особенности их поведения будут оказывать значительное влияние на цены. Примерами служит и пузырь «доткомовских» компаний 2000 г., и ипотечный пузырь в США 2006 г., вылившийся в итоге в мировой экономический кризис 2008-2010 гг. Наконец, шестой принцип заключается в том, что, хотя в теории ограничение выбора может защитить людей от негативных последствий поведенческих отклонений, на практике тяжеловесный патернализм часто оказывается неэффективен и непопулярен. Теоретически, если правительство грамотно и руководствуется благими намерениями, патерналистская политика может оказаться продуктивной. Однако на практике возникают проблемы, связанные, во-первых, с тем, что политики при принятии решений часто руководствуются собственными интересами, а во-вторых, как и все люди, они могут совершать ошибки. В результате возможно принятие неэффективных для общества решений⁵.

Таким образом, современная поведенческая экономика принимает такие ключевые принципы экономической теории, как оптимизация и равновесный подход, и основные достижения поведенческой экономики не нарушают, а дополняют арсенал традиционной экономики. С нашей точки зрения, в настоящий момент основной задачей поведенческой экономики является обоснование состоятельности результатов лабораторных исследований для реальной экономики. В частности, они могут быть опровергнуты в связи с тем, что природа конкурентного рынка стимулирует индивидов к более рациональному поведению, нежели то, которое они демонстрируют в искусственно созданных лабораторных условиях. В связи с этим в последнее время наблюдается тенденция перемещения экспериментальных исследований «в поля». Эти «полевые» эксперименты показыва-

ют, что отклонения от рационального поведения в реальности менее заметны, чем в лаборатории. Например, продавцы спортивных автомобилей, находясь под наблюдением в лаборатории, проявляют ощутимо большую склонность к уступкам и делают более выгодные для покупателя предложения, чем в дилерском центре [46]. Таким образом, в рамках поведенческой экономики, во-первых, интересные, но разрозненные наблюдения должны быть объединены в единую стройную теорию, а во-вторых, должна быть доказана их практическая применимость в реальных рыночных условиях.

Экономический империализм, начинавшийся с применения экономических методов в других общественных науках, в конечном итоге оказывает значительное влияние и на свою метрополию – экономическую теорию. Междисциплинарные исследования в современной экономической мысли приводят к более реалистичному пониманию человеческого поведения. Однако, с нашей точки зрения, вряд ли стоит говорить о том, что признание экономистами значимости психологических аспектов принятия решений и пересмотр основополагающей доктрины – модели «*homo economicus*» — приведёт к тому, что неоклассическая теория рассыплется, как картонный домик. Как справедливо отмечает российский экономист **Сергей Гурьев**, «...экономика остается экономикой». Экономические агенты по-прежнему максимизируют свою функцию выигрыша при ограничениях, а экономисты пытаются понять, как будет устроено равновесие, как оно будет зависеть от тех или иных параметров, проверить и количественно оценить эти зависимости. Другое дело, что предположения экономистов о функциях выигрыша, информационных и ресурсных ограничениях и правилах игры теперь в гораздо большей степени соответствуют тому, что мы знаем о человеке и обществе» [5, с.141].

Подчеркивая важность результатов последних междисциплинарных исследований человеческого поведения, специалисты Группы Всемирного банка в Докладе о мировом развитии «Мышление, общество и поведение» 2015 г. предлагают отталкиваться от трех принципов принятия решений, на основе которых должна разрабатываться и осуществляться политика в области развития: «Во-первых, в большинстве случаев люди выносят суждения и принимают решения автоматически, а не осознанно, — мы называем это «**автоматизмом мышления**». Во-вторых, то, как люди поступают и думают, зачастую зависит от того, что делают и думают люди вокруг них, — мы называем это «**социальным мышлением**». В-третьих, люди в конкретном обществе имеют общие взгляды на то, что представляет собой мир вокруг, и на себя самих, — мы называем это «**мышлением на основе**

⁵ Механизм принятия решений в политической сфере рассматривает теория общественного выбора, являющаяся частью экономического империализма.

ментальных моделей» [6, с.3]. Очевидно, что доклад Группы Всемирного банка отражает актуальность междисциплинарного подхода к анализу человеческого поведения и потребность в разработке политики развития на основе учёта факторов, влияющих на принятие решений.

Если прогнозировать развитие экономической мысли, можно предположить, что более реалистичные представления о природе человеческого выбора приведут к созданию более соответствующих реальности моделей, основанных на предпосылках о «квази-рациональности» экономических агентов, в кото-

рых «homo economicus» будет больше похож на «homo sapiens» [56]. В теоретических моделях будут учитываться такие факторы, как ограниченность когнитивных способностей человека, стремление к справедливости, «стадное чувство», важность социального статуса и т.д. Таким образом, междисциплинарный подход к проблеме человеческого поведения должен улучшить качество экономических исследований, повысить прогностические возможности экономической теории, а также предоставить новые инструменты для разработки и осуществления политики развития.

Список литературы

1. Акерлоф Дж., Шиллер Р. *Spiritus Animalis*, или как человеческая психология управляет экономикой и почему это важно для мирового капитализма. М., 2010. 272 с.
2. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М., 2003. 670 с.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 2010. 365 с.
4. Гильдебранд Б. Политическая экономия настоящего и будущего. М., 2011. 279 с.
5. Гуриев С. Три источника – три составные части экономического империализма // *Общественные науки и современность*, 2008, №3, с.134-141.
6. Доклад о мировом развитии «Мышление, общество и поведение». Группа Всемирного банка, 2015. Электронный ресурс: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Publications/WDR/WDR%202015/Overview-Russian.pdf>
7. Ефимов Б. Амартия Сен – лауреат Нобелевской премии по экономике за 1998 год // *Экономическая наука современной России*, 1999, №2, с. 107-115.
8. Ивашковский С. Культура, экономическое поведение и развитие // *Экономическая политика*, 2014, №47, с.177-194.
9. Капелюшников Р. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению // *США: экономика, политика, идеология*, 1993, №11, с.17-32.
10. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег / Дж. М. Кейнс. Избранные произведения. М., 2013, 402 с.
11. Левитт С., Дабнер С. *Суперфрикономика*. М., 2010. 288 с.
12. Левитт С., Дабнер С. *Фрикономика*. М., 2011. 266 с.
13. МакФадден Д. Проблема экономического выбора / *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. М., 2005. Т. 5. Кн. 2. С. 392-443.
14. Маршалл А. Основы экономической науки. М., 2007. 832 с.
15. Морев Д. Амартия Сен и ограниченность утилитаризма // *Экономические науки*, 2010, №8, с.37-41.
16. Ольсевич Ю. О психогенетических и психосоциальных основах экономического поведения. // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. 2008. № 1, с. 3-15.
17. Павлов И. Поведенческая экономическая теория – позитивный подход к исследованию человеческого поведения (научный доклад). М., Институт экономики РАН, 2007. 62 с.
18. Роббинс Л. Предмет экономической науки // *Альманах THESIS*, 1993, т. 1, вып.1, с.10-23.
19. Рошер В. Система народного хозяйства / *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. М., 2005. Т. 3. С.67-75.
20. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // *Альманах THESIS*, 1993, т. 1, вып.3, с.16-38.
21. Сен А. Возможность общественного выбора / *Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков*. М., 2005. Т. 5. Кн. 2. С.252-303.
22. Сен А. Об этике и экономике. М., 1996. 160 с.
23. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007. 956 с.
24. Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. 351 с.
25. Трофимов Г. Экономика и нейронаука – на пути синтеза // *Экономика и математические методы*. 2006. № 4, с. 3-16.
26. Фридман М. Методология позитивной экономической науки // *Альманах THESIS*, 1994, вып.4, с. 20-52.
27. Шиллер Р. Кризис доверия: Человек иррациональный // *Ведомости*. 12 марта 2009. № 43 (2313).

28. Benhabib J., Bisin A. The Psychology of Self-Control and Consumption-Savings Decisions: Cognitive Perspectives (unpublished manuscript). Электронный ресурс: <http://www.econ.nyu.edu/user/benhabib/hype18.pdf>
29. Bernheim B., Rangel A. Addiction and Cue-conditioned Cognitive Processes // *American Economic Review*, 2004, Vol. 94, pp. 1558-1590.
30. Bohm-Bawerk E. von. Capital and Interest: Positive Theory of Capital. South Holland, 1889.
31. Brocas I, Carrilo J. The Brain as a Hierarchical Organization (unpublished manuscript). Электронный ресурс: <http://www-bcf.usc.edu/~juandc/PDFpapers/wp-brain.pdf>
32. Camerer C., Loewenstein G., Prelec D. Neuroeconomics: How Neuroscience Can Inform Economics // *Journal of Economic Literature*, 2005, Vol. XLIII, pp. 9-64.
33. Caplin A., Leahy J. Psychological Expected Utility Theory and Anticipatory Feelings // *Quarterly Journal of Economics*, 2001, Vol. CXVI, pp. 55-79.
34. Donoghue T., Rabin M. Choice and Procrastination // *Quarterly Journal of Economics*, 2001, Vol. CXVI, pp. 121-160.
35. Fehr E, Gächter S. Altruistic punishment in humans. *Nature*, 2002, 415, pp. 137-140.
36. Fehr E., Rockenbach B. Human altruism: economic, neural, and evolutionary perspectives // *Current Opinion in Neurobiology*, 2004, 14, pp. 784-790.
37. Fehr E., Schmidt K. Theories of Fairness and Reciprocity - Evidence and Economic Applications // *Advances in Economics and Econometrics - 8th World Congress, Econometric Society Monographs*. Cambridge, 2002, pp. 208-257.
38. Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T. Time Discounting and Time Preference: A Critical Review (unpublished manuscript). Электронный ресурс: <http://www.nyu.edu/econ/user/bisina/FredLoew.pdf>
39. Henrich J., Boyd R., Bowles S., Camerer C., Fehr E., Gintis H., McElreath R. In Search of Homo Economicus: Behavioral Experiments in 15 Small-Scale Societies // *Economics and Social Behaviour*, 2001, Vol. 91, No.2, pp. 73-78.
40. Hudik M. Homo Economicus and Homo Stramineus // *Prague Economic Papers*. 2015. Vol.24, No.2., pp. 154-172.
41. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics // *American Economic Review*, 2003, Vol. 93, No.5. Pp. 1449-1475.
42. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // *Econometrica*. 1979. Vol. 47, No 2. Pp.263-292.
43. Kao Y.-F., Velupillai K.V. Behavioural Economics: Classical and Modern // *The European Journal of the History of Economic Thought*, 2015, 22:2, pp. 236-271.
44. Laibson D. A Cue-Theory of Consumption // *Quarterly Journal of Economics*, 2001, Vol. CXVI, pp. 82-119.
45. Laibson D., List J. Behavioral Economics in the Classroom. *Principles of (Behavioral) Economics* // *American Economic Review: Papers & Proceedings* 2015, 105 (5): 385-390.
46. Levitt S., List J. Homo Economicus Evolves // *Science*, 2008, Vol. 319.
47. Loewenstein G., Weber R., Flory J. Dimensions of Time Discounting // *Conference on Survey Research on Household Expectations and Preferences*, 2001.
48. McClure S., Laibson D., Loewenstein G., Cohen J. Separate Neural Systems Value Immediate and Delayed Monetary Rewards // *Science*, 2004, vol. 306, pp. 503-507.
49. Menger C. *Principles of Economics*. Glencoe, 1871.
50. Neumann J. von, Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. 3rd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press.
51. Samuelson P. The Empirical Implications of Utility Analysis // *Econometrica*, 1938, 6 (4), pp. 344-56.
52. Senior N.W. *Political Economy*. London, 1854.
53. Smith V.L. *Papers on Experimental Economics*. Cambridge University Press, 1991.
54. Smith V.L. *Bargaining and Market Behavior*. Cambridge University Press, 2000.
55. Stigler G., Becker G. De Gustibus Non Est Disputandum // *American Economic Review*, 1977, vol. 67, No. 2, pp. 76-90.
56. Thaler R.H. From Homo Economicus to Homo Sapiens // *Journal of Economic Perspectives*, 2000, Vol. 14, No. 1.
57. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1992. Vol. 5, No 4. Pp. 297-323.

Об авторе

Комаровская Наталья Владимировна – старший преподаватель кафедры экономической теории МГИМО МИД России. E-mail: nkomarovskaia@gmail.com.

THE EVOLUTION OF HOMO ECONOMICUS

N.V. Komarovskaia

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *The article provides a review of the ways in which interdisciplinary research in modern economic thought gives a more realistic understanding of human behavior and economic decision making. On the one hand, economic imperialism drove wider application of economics methods across social sciences and brought about new interdisciplinary fields, such as law and economics, economic sociology, public choice theory, etc. On the other hand, the origin of behavioral economics, experimental economics, and neuroeconomics bridging psychology, neurobiology, and economics influences the change in the methodology used by the economics itself and fuels transformation of the model of rational economic behavior 'homo economicus', one of the central assumptions of the neoclassical economics. George Akerlof and Robert Shiller's animal spirits, prospect theory of Daniel Kahneman and Amos Tversky, research by Amartya Sen, Daniel McFadden, Vernon Smith, and other economists focusing on decision making either significantly limit, or supplement the homo economicus concept providing a deeper insight into the nature of human rationality. Behavioral economics has already become so strong as a separate discipline that it can be classified into two streams – Classical and Modern, and its main principles should be incorporated into a basic course of traditional economics. The achievements of behavioral economics yield higher quality of economic research and forecasting. Interdisciplinary approach to the human behavior studies and transformation of homo economicus offer new tools for the development policy making.*

Key words: rational economic behavior, homo economicus, Gary Becker, economic imperialism, Amartya Sen, George Akerlof and Robert Shiller's theory of animal spirits, Daniel McFadden, prospect theory of Daniel Kahneman and Amos Tversky, Vernon Smith, economic decision making, behavioral economics, experimental economics, neuroeconomics.

References

1. Akerlof G., Shiller R. *Animal Spirits: How Human Psychology Drives the Economy, and Why It Matters for Global Capitalism*. Princeton University Press, 2009. 230 p. (Russ. ed.: Akerlof Dzh., Shiller R. *Spiritus Animalis, ili kak chelovecheskaia psikhologiya upravliaet ekonomikoi i pochemu eto vazhno dlia mirovogo kapitalizma*. Moscow, Alpina Business Books, 2010. 272 p.).
2. Gary S. Becker. *The Economic Approach to Human Behavior*. University of Chicago Press, 1978. 314 p. (Russ. ed.: Bekker G. S. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod*. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii. Moscow, SU HSE, 2003. 670 p.).
3. Veblen T. *Theory of the Leisure Class*. BookRix, 2015. 423 p. (Russ. ed.: Veblen T. *Teoriia prazdnogo klassa*. Moscow, URSS, 2010. 365 p.).
4. Hildebrand B. *Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft*. J. Rütten, 1848. 329 p. (Russ. ed.: Gil'debrand B. *Politicheskaiia ekonomiiia nastoiashchego i budushchego*. Moscow, URSS, 2011. 279 p.).
5. Guriev S. *Tri istochnika – tri sostavnye chasti ekonomicheskogo imperializma* [Three sources: three component parts of economic imperialism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2008, no.3, pp. 134-141. (In Russian).
6. *World Development Report "Mind, Society and Behavior"*. World Bank Group, 2015. (In Russian: *Doklad o mirovom razvitii «Myshlenie, obshchestvo i povedenie»*. Gruppa Vsemirnogo banka, 2015) Available at: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/Publications/WDR/WDR%202015/Overview-Russian.pdf> (Accessed 13.02.2016)
7. Efimov B. *Amart'ia Sen – laureat Nobelevskoi premii po ekonomike za 1998 god* [Amartya Sen: the winner of the 1998 Nobel prize in economic sciences]. *Ekonomicheskaiia nauka sovremennoi Rossii*, 1999, no.2, pp.107-115. (In Russian).
8. Ivashkovskii S. *Kul'tura, ekonomicheskoe povedenie i razvitie*. *Ekonomicheskaiia politika*, 2014, no. 47, pp.177-194. (In Russian).
9. Kapeliushnikov R. *Ekonomicheskii podkhod Geri Bekkera k chelovecheskomu povedeniiu* [The economic approach to human behavior by Gary Becker]. *SSHА: ekonomika, politika, ideologiya*, 1993, no.11, pp. 17-32. (In Russian).
10. Keynes J.M. *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Palgrave Macmillan, 1936. 472 p. (Russ. ed.: Keins Dzh. M. *Obshchaia teoriia zaniatosti, protsenta i deneg*. Moscow, Businesscom, 2013. 402 p.).

11. Levitt S., Dubner S. *Superfreakonomics: Global Cooling, Patriotic Prostitutes and Why Suicide Bombers Should Buy Life Insurance*. Penguin UK, 2010. 288 p. (Russ. ed.: Levitt S., Dabner S. *Superfrikonomika*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2010. 288 p.).
12. Levitt S., Dubner S. *Freakonomics: A Rogue Economist Explores the Hidden Side of Everything*. Harper Collins, 2011. 352 p. (Russ. ed.: Levitt S., Dabner S. *Frikonomika*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2011. 266 p.).
13. McFadden D. Economic choices. *American Economic Review*, 2001, 91 (3), pp. 351-78. (Russ. ed.: MakFadden D. Problema ekonomicheskogo vybora. *Mirovaia ekonomicheskaja mysl'. Skvoz' prizmu vekov*. Moscow, Mysl, 2005. Vol.5, Book 2. Pp. 392-443.).
14. Marshall A. *Principles of Economics*. London, MacMillan and Co, 1890. (Russ. ed.: Marshall A. *Osnovy ekonomicheskoi nauki*. M., Eksmo, 2007. 832 p.).
15. Morev D. Amartiia Sen i ogranichenost' utilitarizma [Amartya Sen and the limitations of utilitarianism]. *Ekonomicheskie nauki*, 2010, no.8, pp. 37-41. (In Russian).
16. Ol'sevich Iu. O psikhogeneticheskikh i psikhosotsial'nykh osnovakh ekonomicheskogo povedeniia [On psychogenetic and psychosocial bases of economic behavior]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 6: Ekonomika*, 2008, no. 1, pp. 3-15. (In Russian).
17. Pavlov I. *Povedencheskaia ekonomicheskaja teoriia – pozitivnyi podkhod k issledovaniiu chelovecheskogo povedeniia (nauchnyi doklad)* [Behavioral economics as a positive approach to the analysis of human behavior (scientific report)]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2007. 62 p. (In Russian).
18. Robbins L. The Subject-Matter of Economics. In: L.Robbins. *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. Macmillan, 1935, ch.1, p.1–23. (Russ. ed.: Robbins L. *Predmet ekonomicheskoi nauki*. THESIS, 1993, Vol. 1, no.1. pp. 10-23).
19. Roscher W. *System der Volkswirtschaft*. Oxford University, 1887. (Russ. ed.: Rosher V. *Sistema narodnogo khoziaistva*. *Mirovaia ekonomicheskaja mysl'. Skvoz' prizmu vekov*. Moscow, Mysl, 2005. Vol.3. Pp. 67-75).
20. Simon H. Rationality as Process and Product of Thought. *American Economic Review*, 1978, 68(2), pp. 1-16. (Russ. ed.: Saimon G. *Ratsional'nost' kak protsess i produkt myshleniia*. THESIS, 1993, Vol.1, no.3, pp.16-38).
21. Sen A. The Possibility of Social Choice. *American Economic Review*, 1999, 89, pp. 349-378. (Russ. ed.: Sen A. *Vozmozhnost' obshchestvennogo vybora*. *Mirovaia ekonomicheskaja mysl'. Skvoz' prizmu vekov*. Moscow, Mysl, 2005. Vol.5, Book 2. Pp. 252-303).
22. Sen A. *On Ethics and Economics*. Wiley, 1991. 148 p. (Russ. ed.: Sen A. *Ob etike i ekonomike*. Moscow, Nauka, 1996. 160 p.).
23. Smith A. *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. Oxford Paperbacks, 2008. 688 p. (Russ. ed.: Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov*. Moscow, Exmo, 2007. 956 p.).
24. Smith A. *The Theory of Moral Sentiments*. Cambridge University Press, 2002. 411 p. (Russ. ed.: Smit A. *Teoriia нравstvennykh chuvstv*. Moscow, Respublika, 1997. 351 p.).
25. Trofimov G. *Ekonomika i neironauka – na puti sinteza* [Economics and neuroscience: on the way to synthesis]. *Ekonomika i matematicheskie metody*, 2006, no. 4, pp. 3-16. (In Russian).
26. Friedman M. The Methodology of Positive Economics. In: Friedman M. *Essays in Positive Economics*. University of Chicago Press, 1953, p. 3-43. (Russ. ed.: Fridman M. *Metodologiiia pozitivnoi ekonomicheskoi nauki*. THESIS, 1994, vol.4, pp. 20-52.).
27. Shiller R. A failure to control the animal spirits. *Financial Times*, March 8, 2009. (Russ. ed.: Shiller R. *Krizis doveriia: Chelovek irratsional'nyi*. *Vedomosti*. March 12, 2009. № 43 (2313).
28. Benhabib J., Bisin A. The Psychology of Self-Control and Consumption-Savings Decisions: Cognitive Perspectives (unpublished manuscript). Available at: <http://www.econ.nyu.edu/user/benhabib/hype18.pdf> (Accessed 13.02.2016)
29. Bernheim B., Rangel A. Addiction and Cue-conditioned Cognitive Processes. *American Economic Review*, 2004, vol. 94, pp. 1558-1590.
30. Bohm-Bawerk E. von. *Capital and Interest: Positive Theory of Capital*. South Holland, 1889. 468 p.
31. Brocas I, Carrilo J. The Brain as a Hierarchical Organization (unpublished manuscript). Available at: <http://www-bcf.usc.edu/~juandc/PDFpapers/wp-brain.pdf> (Accessed 13.02.2016)
32. Camerer C., Loewenstein G., Prelec D. Neuroeconomics: How Neuroscience Can Inform Economics. *Journal of Economic Literature*, 2005, Vol. XLIII, pp. 9-64.
33. Caplin A., Leahy J. Psychological Expected Utility Theory and Anticipatory Feelings. *Quarterly Journal of Economics*, 2001, Vol. CXVI, pp. 55-79.
34. Donaghue T., Rabin M. Choice and Procrastination. *Quarterly Journal of Economics*, 2001, Vol. CXVI, pp. 121-160.
35. Fehr E, Gächter S. Altruistic punishment in humans. *Nature*, 2002, 415, pp. 137-140.
36. Fehr E., Rockenbach B. Human altruism: economic, neural, and evolutionary perspectives. *Current Opinion in Neurobiology*, 2004, no. 14, pp. 784–790.

■ **Мировая экономика**

37. Fehr E., Schmidt K. Theories of Fairness and Reciprocity - Evidence and Economic Applications. *Advances in Economics and Econometrics. 8th World Congress, Econometric Society Monographs*. Cambridge, 2002, pp. 208-257.
38. Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T. Time Discounting and Time Preference: A Critical Review (unpublished manuscript). Available at: <http://www.nyu.edu/econ/user/bisina/FredLoew.pdf> (Accessed 13.02.2016)
39. Henrich J., Boyd R., Bowles S., Camerer C., Fehr E., Gintis H., McElreath R. In Search of Homo Economicus: Behavioral Experiments in 15 Small-Scale Societies. *Economics and Social Behaviour*, 2001, vol. 91, no.2, pp. 73-78.
40. Hudik M. Homo Economicus and Homo Stramineus. *Prague Economic Papers*, 2015, vol.24, no.2, pp. 154-172.
41. Kahneman D. Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*, 2003, vol. 93, no.5, pp. 1449-1475.
42. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*, 1979, vol. 47, no 2, pp.263-292.
43. Kao Y.-F., Velupillai K.V. Behavioural Economics: Classical and Modern. *The European Journal of the History of Economic Thought*, 2015, vol.22, no. 2, pp. 236-271.
44. Laibson D. A Cue-Theory of Consumption. *Quarterly Journal of Economics*, 2001, vol. CXVI, pp. 82-119.
45. Laibson D., List J. Behavioral Economics in the Classroom. *Principles of (Behavioral) Economics. American Economic Review: Papers & Proceedings* 2015, vol. 105, no. 5, pp. 385-390.
46. Levitt S., List J. Homo Economicus Evolves. *Science*, 2008, vol. 319, pp. 909-910.
47. Loewenstein G., Weber R., Flory J. Dimensions of Time Discounting. *Conference on Survey Research on Household Expectations and Preferences*, November 2-3, 2001.
48. McClure S., Laibson D., Loewenstein G., Cohen J. Separate Neural Systems Value Immediate and Delayed Monetary Rewards. *Science*, 2004, vol. 306, pp. 503-507.
49. Menger C. *Principles of Economics*. Glencoe, 1871. 330 p.
50. Neumann J. von, Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. 3rd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. 776 p.
51. Samuelson P. The Empirical Implications of Utility Analysis. *Econometrica*, 1938, vol. 6, no. 4, pp. 344-56.
52. Senior N.W. *Political Economy*. London, 1854. 227 p.
53. Smith V.L. *Papers on Experimental Economics*. Cambridge University Press, 1991. 828 p.
54. Smith V.L. *Bargaining and Market Behavior*. Cambridge University Press, 2000. 451 p.
55. Stigler G., Becker G. De Gustibus Non Est Disputandum. *American Economic Review*, 1977, vol. 67, No. 2, pp. 76-90.
56. Thaler R.H. From Homo Economicus to Homo Sapiens. *Journal of Economic Perspectives*, 2000, vol. 14, no. 1, pp. 133-141.
57. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*, 1992, vol. 5, no. 4, pp. 297-323.

About the author

Natalia V. Komarovskaia – Senior Lecturer of Department of Economics of MGIMO University.
E-mail: nkomarovskaia@gmail.com.

ВАЖНЕЙШИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КРУПНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОМПАНИЙ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Н.Ю. Кони́на

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

Наряду с экономической глобализацией и демографическими переменами важнейшими факторами изменения внешней среды являются технологические перемены. Бурное развитие информационных технологий радикально меняет саму суть создания новых ценностей. Темп технологических изменений и массового внедрения инноваций нарастает. В наиболее передовых отраслях знание становится ключевым ресурсом. Мировая экономика окончательно не оправилась после кризиса 2008-2009 гг. и её устойчивость сейчас намного меньше, чем 15-20 лет назад. Сложился многополюсный мир, в котором вектор экономического развития перемещается в Азию, где основными силами выступают Китай и Индия.

Важнейшими участниками процессов в глобальной экономике выступают ведущие международные компании – ТНК. Несколько тысяч (или сотен) крупнейших ТНК организуют и контролируют цепочки добавленной стоимости, составляющие основу современной глобальной экономики. Глобализация изменила подходы ТНК к разделению функций между материнской компанией и дочерними компаниями и филиалами, соотношению общекорпоративной стратегии и стратегий развития бизнес-подразделений. Для деятельности ТНК сегодня характерно не создание новых зарубежных производств, а приобретение существующих перспективных фирм. Экономическая мощь позволяет крупнейшим ТНК существенно раздвинуть границы компании. Многие особенности современных ТНК определяются отраслевыми характеристиками. Вне зависимости от этого, ТНК в возрастающей мере переходят к стратегическому реформированию своей деятельности с учётом потребностей информационной экономики. Важнейшие аспекты деятельности ведущих ТНК связаны с инновациями, финансовыми операциями, передовыми приёмами менеджмента, ростом нематериальных активов. Центр инноваций ТНК смещается в Азию.

Ключевые слова: глобализация, внешняя среда, международные компании, ТНК, демографические проблемы, мировая торговля, глобальные цепочки добавленной стоимости, глобальные компании, конкуренция, конкурентные преимущества, глобальная эффективность, инновации, НИОКР, передовые приёмы менеджмента, лидерство.

Меняющаяся внешняя среда и рост влияния крупнейших международных фирм на глобальную экономику

Внешняя среда деятельности компаний всё больше определяется влиянием экономической глобализации, демографическими изменениями, динамичным распространением новых технологий. Фирмам приходится оперировать в условиях роста глобальной миграции, учитывать изменения качественных характеристик рабочей силы, образа жизни и потребления населения. В развитых странах население стареет, и одновременно повышается качество человеческого капитала. В развивающихся странах сокращается приток дешёвой рабочей силы на рынок труда. Эти явления порождают сильнейшую нехватку рабочей силы в возрасте моложе 60-65 лет в развитых странах. При этом общий рост населения на Земле продолжается: в 2013 г. население земного шара превысило 7,2 млрд человек и, по прогнозам, к 2050 г. составит от 8,3 до 10,2 млрд человек.[7]

Кардинальные и стремительные изменения, связанные с процессами глобализации, касаются всех сторон и аспектов функционирования компаний и связаны с глубинной перестройкой мирового воспроизводственного процесса [3, с. 397-399]. Глобальная экономика становится всё более единой, с точки зрения как производительных сил, так и производственных отношений, и имеет тенденцию к формированию единой планетарной экономики в некоторой отдалённой перспективе.

Существенное сокращение расходов на транспортные и информационно-коммуникационные технологии позволило многим фирмам фрагментировать производственный процесс, перенося его в другие регионы земного шара. В результате глобализация не только ускорилась, но во многом стала протекать иначе, чем 15-20 лет назад [4, с. 12-17, 21, 38]. Интенсификация обмена идеями и технологиями, дерегулирование рынков, максимальная свобода финансовых транзакций – все эти проявления глобализации способствовали росту торговли товарами и особенно услугами, ускорению и увеличению движения капитала, росту мобильности рабочей силы, а также культурному взаимообогащению и интеграции. Глобальное развитие протекает очень неравномерно; наряду с «островками» и «архипелагами» бурно развивающихся секторов и отраслей, городов и регионов значительные географические территории находятся в состоянии стагнации и даже относительно нищают [25].

Наряду с усилением неравенства между отдельными странами усиливается экономическая взаимозависимость разных стран и регионов [1, с. 199-205]. В мировой экономике сложился многополюсный мир, в котором существует несколько центров силы. Соединённые Штаты Америки утрачивают роль основного локомотива мирового экономического разви-

тия, всё больше уступая Китаю [16, р. 26-245]. По данным Всемирного банка, в 2014 г. ВВП Китая превысил ВВП США (по паритету покупательной способности - ППС). Даже если считать не по ППС, по текущим валютным курсам, при условии среднегодового роста ВВП КНР около 7% объём китайской экономики через 20 лет достигнет 40 трлн долл. Но и при замедлении темпов экономического роста КНР, что соответствует среднесрочному потенциалу развития китайской экономики и потребностям стратегии государственного развития, её размер рано или поздно превысит экономику США. При этом китайская экономика, будучи тесно взаимосвязана с американской, существенно зависит от последней по инвестициям, импорту и особенно технологиям.

Важная тенденция, характеризующая современную внешнюю среду деятельности компаний, – это сдвиг фокуса деловой активности в сторону перспективных растущих стран и рынков, таких как Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия, Вьетнам и другие [3, с. 398-399]. Эти рынки одновременно переживают индустриализацию на новой технологической базе и стремительную урбанизацию. Ещё относительно недавно, в 2000 г., корпоративные центры (материнские компании) 95% крупнейших мировых компаний располагались в западных развитых странах. Однако при сохранении имеющихся тенденций к 2025 г. более половины корпораций с оборотом свыше 1 млрд долл. будут располагаться в развивающихся странах [22].

К наиболее важным для ТНК рынкам в течение последнего десятилетия относились страны БРИКС, темпы роста которых были выше среднего. Однако в последние несколько лет рост экономики стран этой группы замедляется, инфляция увеличивается, растёт стоимость труда, увеличиваются политические риски, инфраструктура неразвита, а административно-бюрократические барьеры высоки. Поэтому на современном этапе научно-технической революции развитые страны вновь становятся привлекательными, несмотря на медленный рост ВВП и различные финансовые проблемы. Важными плюсами этих стран остаются высококвалифицированная и эффективная рабочая сила, развитые институты и инфраструктура, ёмкие рынки, способность к инновациям и лёгкость обмена технологиями. Дешёвая энергия, высокий инвестиционный и организационный потенциал компаний, стимулирующая развитие предпринимательства политическая и экономическая обстановка способствуют реиндустриализации в США и планам по возврату части производств в другие развитые страны [5, с. 63-65]. К 2020 г. от 10 до 30% промышленных товаров, которые сейчас производятся в Китае, могут производиться в США, ежегодно увеличивая ВВП страны на 20-50 млрд долл. [6].

Привлекательными для прямых иностранных инвестиций ведущих фирм становятся

динамично развивающиеся Турция, Мексика, Индонезия, Перу, Чили, Малайзия, Вьетнам, Польша, Филиппины и некоторые другие страны.

С точки зрения конфигурации сил в мировой экономике следует отметить замедление экономического развития Европы и длительную стагнацию в Японии.

Важной чертой современной внешней среды стало огромное экономическое влияние новых технологий при их широком применении и доступности. Комбинация интернета, технологий и глобализации обусловила возникновение новой экономики, основанной на управлении информацией и информационными отраслями [2]. Информационные технологии уже ускорили глобализацию рынков, трансформацию отраслевых структур, привели к повышению требований покупателей. Информационные технологии и интернет позволяют увеличить производительность работников умственного труда в такой же мере, как в своё время сила пара увеличивала физическую силу рабочего.

Темп технологических изменений и массового внедрения инноваций нарастает. Понадобилось 50 лет с момента изобретения телефона до того времени, когда им стало обладать 50% населения США. Для привлечения 50 млн слушателей радио потребовалось 38 лет. А Facebook сумел привлечь 600 млн пользователей за первые пять лет своего существования. Китайская мобильная коммуникационная система передачи текстовых и голосовых сообщений QQ, разработанная китайской компанией Tencent, за 10 лет охватила 647,6 млн пользователей [13]. 20 лет назад мобильными телефонами обладало менее 3% населения планеты, в 2014 г. количество пользователей мобильной связи превысило 4,23 млрд человек, более 55% населения планеты. За 8 лет после выпуска первого айфона, к июлю 2015 г., было создано более 1,5 млн приложений к нему, причём на июнь 2015 г. пользователи загрузили различные приложения 100 млрд раз. [16].

Влияние технологий усилено быстрым распространением основанных на этих технологиях бизнес-моделей, от мобильных приложений для поиска, вызова и оплаты такси или частных водителей компании Uber и поиска для проживания свободных квартир по всему миру Airbnb до онлайн-торговых платформ типа Alibaba или Amazon. Новые технологии позволяют предпринимателям начинать дело и наращивать его масштабы при использовании минимального капитала. Огромная скорость технологических изменений и инноваций приводит к сокращению жизненного цикла фирм. Компании, ранее других сумевшие осознать преимущества новых технологий, обретают пионерские конкурентные преимущества и начинают теснить прежних лидеров.

По ряду признаков уже в ближайший перспективе, примерно к 2020 г., можно ожидать более чёткой кристаллизации направлений

грядущего магистрального технологического развития и начала радикальной модернизации экономики на этой основе. Весьма сложно в точности предсказать, какие технологии и процессы составят ядро нового технологического уклада. Можно говорить о таких явлениях, как искусственный интеллект и развитие робототехники, нанотехнологии, геновая инженерия и клеточные технологии, самоуправляемый роботизированный транспорт, интернет вещей, резкое снижение энергоёмкости и материалоемкости производства, появление материалов и организмов с заранее заданными свойствами. Продолжится цифровая революция во всех её проявлениях. Темп инновационных изменений стремителен. Это хорошо иллюстрирует статистика, относящаяся к интернету вещей. В 2009 г. объём мирового рынка интернета вещей оценивался в 182,2 млрд долл., в 2014 г. - уже 601,2 млрд долл., а в 2019 г., по некоторым оценкам, превысит 1710,4 млрд долл. [24]. Пока по совокупности признаков можно предполагать, что первыми в шестой технологический уклад будут входить компании США, Евросоюза, Японии, Южной Кореи и Тайваня.

Важнейшими участниками этих процессов выступают крупные международные компании – ТНК, являющиеся главными субъектами мировой экономики. Это международные фирмы, в основном многоотраслевые концерны и холдинги, которые реализуют инвестиции, производство, НИОКР и сбыт в глобальном масштабе, зачастую в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости, на основе кооперации труда работников многих подразделений, расположенных в разных странах и объединённых единым титулом собственности в целях достижения господства на конкретных мировых рынках для получения прибыли выше среднеотраслевой.

Совокупные зарубежные инвестиции всех ТНК в настоящее время играют более существенную роль, чем торговля [19, р. 73-78]. ТНК контролируют треть производительных капиталов частного сектора всего мира, до 90% прямых инвестиций за рубежом. Прямые инвестиции ТНК за рубежом в предприятия, оборудование и прочую собственность, составившие в 1990 г. более 3,893 трлн долл., возросли в 2013 г. до 96,625 трлн долл. [28, р. 16-19]. Объём продаж зарубежных филиалов ТНК вырос с 4,723 трлн долл. в 1990 г. до 34,508 трлн долл. в 2013 г., из которых доля экспорта ТНК вырос с 1,498 трлн долл. в 1990 г. до 7,721 трлн долл. в 2013 г., при том, что весь мировой объём экспорта составил в 2013 г. 23,16 трлн долл. [28, р. 18]. В 2013 г. зарубежные филиалы и дочерние компании ТНК произвели добавленную стоимость на сумму 7,492 трлн долл. при глобальном ВВП 74,284 трлн долл. На зарубежных филиалах и дочерних компаниях ТНК в 2013 г. было занято 70,726 млн человек [28, р. 17-19]. Хотя число ТНК относительно невелико, их вклад в общий ВВП, рост производительности труда и занятость в

■ Мировая экономика

важнейших секторах экономики огромен. Наиболее значимо воздействие ТНК на рынок таких важнейших секторов экономики, как информационно-коммуникационные технологии, обрабатывающая и добывающая промышленность, бизнес-услуги, оптовая торговля, финансы и банки, инфраструктура [27, 28].

По данным ЮНКТАД, в 2013 г. в мире насчитывалось примерно 79 тыс. нефинансовых ТНК, контролировавших примерно 790 тыс. филиалов и дочерних компаний [27]. Но основу всей мирохозяйственной системы определяет значительно меньшее число ТНК. Можно говорить о нескольких тысячах (или сотнях) крупнейших ТНК, которые вместе с организуемыми и управляемыми ими цепочками добавленной стоимости составляют ядро современной глобальной экономики.

Автору представляется достаточно взвешенным подход американского журнала Forbes, выделяющего крупнейшие мировые публичные компании. В рейтинг Forbes 2015 г. вошли 2 тыс. ТНК из примерно 60 стран мира, годовой объем продаж большинства которых превышает 1 млрд долл., а капитализация - 2 млрд долл. В 2015 г. суммарная капитализация этих ТНК превысила 48 трлн долл., общий объем продаж - 39 трлн долл., суммарная прибыль - 3 трлн долл., а общая стоимость активов - 162 трлн долл. [17].

В процессе углубления глобализации меняется национальная (страновая) принадлежность ТНК. Согласно упомянутому рейтингу, в 2015 г. больше всего (579) компаний из США. На втором месте по численности (232) – китайские (КНР и Гонконг) фирмы, на третьем – японские (218), на четвертом – британские (95). В Европе – 486, в Азии – 691, в Северной Америке – 645 компаний. Очень динамично развиваются ТНК из Китая (232), Южной Кореи (66) и Индии (56).

Американские ТНК занимают особое место в мировой экономической системе. В течение долгого времени они были абсолютными лидерами по размерам, экономической мощи, степени доминирования на отраслевых рынках и по влиянию на всю мировую экономику [11]. Крупнейшие фирмы США долгие годы возглавляли также и первую десятку крупнейших компаний мира. Однако в последнее время ситуация существенно изменилась. Среди 10 крупнейших публичных мировых фирм, по версии журнала Forbes 2015 г., 5 компаний были американскими, а 5 – китайскими, при этом первые 4 места занимали крупнейшие китайские банки, что отражает складывающееся соотношение сил в мировой экономике [17]. Характерной чертой последних лет является бурное развитие ТНК таких развивающихся стран, как Китай, Индия, Бразилия, Мексика, Сингапур, Тайвань, Гонконг, Малайзия, Южная Корея. ТНК этих стран, творчески применяя известные модели развития, сумели дополнить их дополнительными конкурентными преимуществами, которые обусловлены особенностями местных рынков,

а также спецификой формирования и развития на них ТНК.

Максимальное количество ТНК сосредоточено в финансово-банковской сфере (434), нефтегазовой отрасли (136) и в строительстве (121) [17, 22]. Среди 2 000 крупнейших ТНК особую роль играют компании следующих секторов экономики: финансы, информационные технологии и программный продукт, нефтегазовые компании, автомобилестроение, строительство, инфраструктура, фармацевтика, пищевая промышленность.

ТНК тесно связаны с мировым финансовым рынком, ведущими мировыми банками, определяя направления и потоки инвестиций. Они выступают и как крупнейшие клиенты транснациональных банков (ТНБ), и как операторы валютного рынка.

Характерные черты современных ТНК

Во-первых, современные ТНК – это многоотраслевые широко диверсифицированные компании, обладающие огромной экономической мощью, зачастую сопоставимой с экономической мощью национальных государств, и оперирующие, как правило, в масштабах всего земного шара. Производство и сбыт всё более дробится ТНК среди большого числа стран, исходя из оптимизации глобальных затрат, доступности производителей полуфабрикатов и комплектующих, а также наличия конечных потребителей.

В деятельности современных ТНК радикально меняется значение рынков отдельных стран, как для сбыта, так и для проведения НИОКР. [13,20]

В последние годы происходили существенные изменения в управлении глобальными цепочками добавленной стоимости ТНК. Эти цепочки, основанные на возможностях фрагментации производства прибавочной стоимости, зачастую выходят за организационные рамки ТНК, но эффективно ими управляются и контролируются [12, 25]. Применение глобальных цепочек добавленной стоимости предполагает фрагментацию производственных процессов с целью уменьшения издержек в глобальных цепочках создания стоимости и растущем международном аутсорсинге промежуточных операций и функций. По данным ОЭСР, более половины (54% в 2003 г.) мирового импорта приходится на промежуточные товары, детали и компоненты, и полуфабрикаты. Общая тенденция в управлении ТНК состоит в отказе от производств, недостаточно влияющих на создание добавочной стоимости или не обладающих стратегической важностью. Как правило, ТНК предпочитают оставлять у себя те фрагменты глобальной цепочки создания прибавочной стоимости, которые обеспечивают стратегический контроль над продуктом и позволяют принять инвестиционные решения в минимальные интервалы времени.

Во-вторых, современные ТНК – это очень крупные организации, в основном холдинговые структуры со сложной системой управления, в состав которых наряду с материнской компанией (корпоративным центром) входят многочисленные зарубежные филиалы, дочерние, внучатые и зависимые компании, расположенные в различных странах и регионах и функционирующие в рамках единых корпоративных цепочек создания стоимости и разделения труда.

В ТНК наблюдается изменение роли корпоративного центра. Управленческий контроль со стороны материнской компании не только обеспечивается единым титулом собственности, но реализуется и посредством личной унии, а также поддержания теснейших производственных, финансовых, технологических, научно-технических, экономических и других видов связей [12]. Интеграция в рамках цепочек добавленной стоимости находит своё выражение в росте внутрифирменной торговли полуфабрикатами и услугами [12, 15]. Статистика внутрифирменной торговли фрагментарна и далеко не все страны её выделяют. Но наглядное представление дают данные по внутрифирменной торговле по товарам в 2009 г., которые составили 48% для импорта в США и 30% для экспорта из США [13]. Доля внутрифирменной торговли услугами корпораций США составила в 2008 г. 22% по импорту и 26% по экспорту частных услуг [11, 13].

В зависимости от отрасли, истории развития, стратегии и организационной культуры ТНК для деятельности материнской компании характерна большая или меньшая степень централизации или децентрализации.

Корпоративный центр обеспечивает управление всеми структурами ТНК административными и финансовыми методами, устанавливая объём продаж и размер прибыли, издержки производства, инвестиции, размеры и способы перевода прибылей, применение трансфертных цен и использование офшоров, а также управляет подбором, развитием и продвижением руководящих кадров в дочерних и зависимых компаниях, формулирует единую для всей ТНК инвестиционную, инновационную и технологическую политику [5, с. 279-297]. Деятельность ТНК организована через органы группового управления – стратегические центры хозяйствования (СЦХ), которые объединяют схожие производственные отделения и, как правило, наделены статусом центров прибыли.

В отличие от прежних, современные ТНК стремятся не столько к созданию новых зарубежных производств, сколько к приобретению существующих фирм, уже обладающих значительной долей растущего перспективного рынка, с последующей их интеграцией в текущие операции [27].

В-третьих, для ТНК характерно существование единого титула глобальной собственности, отражающего формирование международной (транснациональной) финансовой элиты. По-

скольку основная юридическая форма организации современных ТНК – акционерные общества, акции и облигации которых свободно котируются на биржах и являются объектом международного перелива капитала от различных международных инвесторов, в ряде случаев трудно говорить о национальной принадлежности основного капитала. Носителем национальной принадлежности той или иной ТНК выступают их материнские компании.

Существуют разнообразные формы связи ТНК с финансовым рынком, в силу чего происхождение собственности акционерного капитала ТНК тоже бывает разным [23]. Так, американские ТНК формировались в условиях развитого финансового рынка, поэтому в США представлены два основных типа корпорации. В первом типе консолидирующим ядром группы выступают финансовые институты, во втором – компании, чьи истоки связаны с производственным капиталом. К наиболее известным корпоративным группам США, основу которых составляют крупнейшие финансовые институты, относятся: JPMorgan Chase&Co, Bank of America, Wells Fargo, Citigroup, Goldman Sachs Group, Morgan Stanley, Bank of New York Mellon Corporation и др. [26]. На основе крупных промышленных компаний возникли такие корпорации, как General Motors, Ford Motors, General Electric, Caterpillar, ExxonMobil, Procter & Gamble, Kraft, Toyota и др.

К ТНК с доминированием в собственности банковского капитала можно, в целом, отнести немецкие и японские компании.

В настоящее время большинство ТНК представляют собой публичные компании, акции которых торгуются на биржах. Существуют очень крупные частные ТНК, но значительное распространение получили и так называемые государственные ТНК.

Для публичных ТНК, таких как Apple, ExxonMobil, Intel или Amazon характерна финансовая форма собственности, когда компаниями реально управляет профессиональный высший менеджмент в интересах транснациональных собственников, которых, как правило, представляют институциональные инвесторы (банки, страховые компании, управляющие инвестиционные фонды и т.д.). Институциональные инвесторы управляют корпорациями через советы директоров посредством владения контрольными пакетами акций, что предопределяет стратегию корпоративного развития, направленную, прежде всего, на повышение рыночной стоимости выпущенных акций. Институциональные инвесторы оказывают существенное влияние на управление ТНК, так как обычно их доля в акционерном капитале велика: например, в компании ExxonMobil - 51%, Apple - 62%, General Motors — 71%, BMW - 40,6%. Исследование, проведённое в 2011 г. швейцарскими экономистами С. Витали, Дж. Глаттфельдером и С. Баттистоном на основе математических моделей и анализа связей между 47000 компаний, выявило, что

всего 147 финансовых институтов и компаний контролируют примерно 40% активов мировых компаний [26]. Всего 13 инвестиционных фирм и банков (Barclays PLC, Black Rock Inc., Capital Group Companies Inc., FMR Corporation: Fidelity Worldwide Investment, AXA Group, State Street Corporation, JP Morgan Chase & Co., Legal & General Group PLC (LGIMA), Vanguard Group Inc., UBSAG, Bank of America / Merrill Lynch, Credit Suisse Group AG, Allianz SE (Owners of PIMCO) PIMCO-Pacific Investment Management Co.) через свои советы директоров, в которые входят только 161 человек, управляют активами в размере более 23,9 трлн долл. Ещё 25 инвестиционных фондов управляют 18,8 трлн долл. активов. [26]

В-четвёртых, крупнейшие ТНК занимают значительные или доминирующие позиции в процессе создания прибавочной стоимости, что ведёт к получению и сохранению посредством трансфертных цен и иных специальных механизмов монопольно высоких прибылей.

ТНК имеют возможность не только присваивать прибавочную стоимость, созданную в их дочерних компаниях и филиалах, но и долю прибавочной стоимости, созданной за пределами корпорации. Присвоение этой части прибавочной стоимости осуществляется благодаря имеющейся у ТНК рыночной власти, покупательной силе, доле рынка, внедряемым стандартам, брендингу, рекламе, патентам, торговым секретам и т.д. [13, р. 98-137; 15; 19].

Важнейшие черты деятельности ТНК определяются отраслевыми характеристиками.

В сырьевых ТНК наибольшее значение имеют внутренние ресурсы, при этом влияние внешней международной предпринимательской среды существенно. Для получения ресурсных преимуществ активно реализуются стратегии слияний и поглощений. Положение сырьевых ТНК тесно связано со стадиями цикла развития мировой экономики, инновациями в производстве и потреблении сырьевых товаров и большими колебаниями цен на сырьевых рынках. Например, инновации китайских компаний в производстве никеля, привели к тройному падению цен на этот металл в 2015 г. и резкому ухудшению положения ряда крупнейших горно-металлургических ТНК, в частности «Норильского Никеля», Vale и BHP Billiton. Массовая разработка сланцевого газа и нефти в США привели к драматическим переменам на мировом рынке углеводородов.

На положение ТНК традиционных производственных отраслей огромное влияние оказывают технологическое лидерство на основе эффективного функционирования глобальных производственных цепочек, основанных на сочетании собственного производства и аутсорсинга, сохранение высокой доли рынка и оптимизация издержек, разумная дифференциация продукции, высокий уровень сервиса и тесные отношения с потребителями, имеющиеся финансовые ресурсы, популярность бренда.

Для ТНК высокотехнологичных секторов экономики характерны динамичная острая конкуренция за лидерство, быстрая смена технологических приоритетов, быстрое устаревание имеющихся в наличии корпоративных знаний и нематериальных активов, необходимость постоянного высокого темпа инноваций, который не связан напрямую с объёмом расходов на НИОКР, высокая степень адаптации и предвосхищение спроса, огромная потребность в высокомотивированном талантливом персонале, работающем в наиболее перспективных в коммерческом плане направлениях развития [4, с. 68-85; 5, с. 112-125].

Изменение вектора развития крупнейших ТНК

Глобализация и бурные технологические перемены ведут к изменению стратегий ТНК. Всё больше фирм переходят к стратегическому реформированию своей деятельности с учётом тенденций развития информационной экономики и основных направлений научно-технического прогресса.

Одним из наиболее убедительных примеров радикального стратегического реформирования своей деятельности (минимум дважды за последние тридцать лет) является крупнейшая глобальная производственная корпорация General Electric (GE). General Electric — глобальная многопрофильная компания, она производит и сбывает в 190 странах мира различную промышленную продукцию в различных секторах, в каждом из которых GE занимает лидирующие позиции. Реализовав намеченную Дж. Уэлчем в его бытность CEO стратегию, General Electric избавилась в ходе 226 сделок от неперспективных активов и приобрела активы в стратегически привлекательных сегментах рынка. Компания превратилась в ведущего мирового производителя авиационных двигателей, турбин, энергетических установок, локомотивов, осветительной техники и электроламп, медицинского оборудования и специальных пластмасс, реализует различные инфраструктурные проекты, занимается финансовой и медийной деятельностью. В 2015 г. General Electric занимала 9-е место в рейтинге ведущих глобальных фирм Forbes Global 2000, и по капитализации, согласно Financial Times, - 13-е место среди крупнейших публичных компаний.

В настоящее время деятельность фирмы реализуется через 6 стратегических хозяйственных центров: GE Energy, GE Healthcare, GE Transportation, GE Aviation, GE Capital, GE Home & Business Solutions.

Как часто бывает с акциями крупнейших ТНК, акционерный капитал сильно раздроблен и принадлежит значительному числу разнообразных инвесторов в основном банкам, финансовым компаниям и фондам развитых стран. В частности, самыми крупными пакетами акций владеют банк State Street Corp. (3,51%) и

инвестиционная компания Vanguard Group Inc. (3,36%). Реальную власть в компании реализует высший менеджмент. В 2014 г. из-за усложнения ситуации на глобальных рынках руководство ТНК приняло стратегическое решение провести глубокую реструктуризацию, возвращаясь к производственной деятельности и избавляясь от финансовых активов, в частности, продать за 26,5 млрд долл. большую часть активов финансового подразделения GE Capital, предоставляющего услуги коммерческого кредитования и лизинга [17, 18]. В условиях нестабильности и глубокой реструктуризации по итогам девяти месяцев 2015 г. убыток General Electric превысил 12,198 млрд долл., объём продаж за этот период сократился на 2% в годовом выражении – до 92,731 млрд долл. Общие расходы концерна выросли на 2% и превысили 87,127 млрд долл. [там же].

Характерной чертой деятельности ТНК следует признать рост значения финансовых операций. Исходя из двойственной природы капитала, возникает возможность отделения капитала стоимости от капитала функции, что приводит к значительным изменениям в управлении компании. ТНК могут получать предпринимательский доход от своего олигопольного положения на глобальном рынке, одновременно присваивая ренту от обладания специфическими нематериальными активами, в частности, от собственности на объекты интеллектуальной деятельности, финансовые активы, от применения различных финансовых инструментов [23].

Финансовой деятельности ТНК присуще активное применение трансфертного ценообразования и использование оффшорных зон. В 2015 г. были опубликованы данные [14], согласно которым 500 крупнейших корпораций США хранят в оффшорах более 2,1 трлн долл. аккумулированных и выведенных из-под налогообложения прибылей. В частности, глобальный технологический лидер – компания Apple – хранит на счетах своих оффшорных дочерних фирм более 181,1 млрд долл., конгломерат General Electric на счетах своих дочерних компаний в 18 оффшорных зонах – 119 млрд долл., компьютерная корпорация Microsoft удерживает на счетах в 5 оффшорах 108,3 млрд долл. аккумулированной прибыли, фармацевтическая компания Pfizer располагает 74 млрд долл. на счетах 151 оффшорной компании.

Важной характеристикой деятельности ТНК на современном этапе является изменение процесса координации. ТНК естественным образом тесно связаны со страной своего происхождения и базирования корпоративного центра, эта связь несколько ослабевает в настоящее время по мере роста значения дочерних компаний и филиалов по всему миру, чему способствуют реализуемые многими фирмами глобальные конкурентные стратегии.

Для ряда ТНК в настоящее время характерен переход от стратегии осуществления своих

операций с регионоцентрических позиций к глобально ориентированным. В соответствии с этой философией менеджмента, управление и операции направлены на получение максимальной прибыли за счёт доминирования в глобальных цепочках создания стоимости, в узких, наиболее прибыльных и быстро растущих сегментах глобального рынка.

Ещё одной важной характерной чертой деятельности ведущих современных ТНК являются нововведения и способность к их внедрению, адаптивность фирм к постоянно меняющимся условиям глобального экономического пространства, на котором ТНК реализуют свою деятельность [8, с. 248-250]. Географическое направление инноваций резко меняется, поскольку научные исследования и разработки приобретают всё более глобальный характер. В соответствии с исследованием 2015 Global Innovation 1 000, 94% крупнейших инновационных фирм мира реализуют хотя бы часть своих НИОКР за рубежом [20]. Эти компании переносят инновации в страны, где их продажи и производство динамично растут, и где много высококвалифицированных технических специалистов, прежде всего, в Китай и Индию. Для ведущих мировых компаний реализация глобальной инновационной стратегии является фактом. Фирмы, которые осуществляют глобальные НИОКР, в финансовом отношении превосходят своих конкурентов.

На компании, имеющие корпоративные центры (материнские компании) в США, Европе и Японии в 2015 г. приходилось 86% всех расходов на НИОКР [20]. Такие компании по-прежнему доминируют в рейтинге глобально инновационных компаний. Но их доля расходов НИОКР упала с 96% в 2005 г. до 86% в 2015 г. При этом доля североамериканских компаний снизилась с 42% до 40%, доля европейских компаний осталась без изменений, а доля японских сократилась с 24% до 16%.

Volkswagen, Samsung, Intel, Microsoft и Roche возглавляют рейтинг Global Innovation 1000 по размеру корпоративных расходов на НИОКР. В число 20 крупнейших по расходам на НИОКР ТНК вошли также Apple и Astra Zeneca. Apple тратит на НИОКР лишь 3,3% своих доходов по сравнению со средним показателем 12,5% у остальных 19 компаний из рейтинга [20]. Процент затрат на НИОКР у Apple меньше, чем у большинства конкурентов из сектора ИКТ. С другой стороны, нет статистически значимых доказательств, что более высокие уровни расходов на НИОКР гарантированно дают лучшие результаты. Ключевое значение имеет не только масштаб расходов на исследования и разработки, но и то, каким образом и по каким направлениям они ведутся.

В инновационной сфере доминируют компании сектора ИКТ, здравоохранения и автомобилестроения. Максимальные расходы на НИОКР осуществляют фирмы-разработчики

программного обеспечения и интернет-компаний.

Затраты некоторых ТНК на НИОКР значительно превосходят соответствующие статьи бюджетов национальных государств. В частности, по итогам 2014 г. затраты на НИОКР крупнейших компаний Северной Америки составили 214 млрд долл., крупнейших компаний Европы – 144 млрд долл., крупнейших компаний Азии – 119 млрд долл. [20]. Совокупные расходы на НИОКР 10 крупнейших корпораций США превышают аналогичные расходы таких государств, как Великобритания или Франция.

Лидерами по способности к нововведениям и их внедрению можно назвать такие компании США, как Facebook, Tesla, Google, Apple, 3M Corporation, Microsoft, Cisco; японские фирмы Toyota Motor, Sony Corporation и Honda; немецкие Daimler, Volkswagen, BMW, Siemens; южнокорейские компании Samsung, Hyundai, LG.

По признанию Global Innovation 1 000, список самых инновационных компаний мира в настоящее время возглавляют Apple и Google. Apple достигла рекордных объемов производства и сбыта смартфонов iPhone 6 и iPhone 6 Plus, выпустила на рынок свою главную разработку последних лет — «умные» часы Apple Watch.

Среди мировых инновационных компаний стоит упомянуть Tesla Motors, активно продвигающую электрические автомобили собственной разработки. В 2015 г. Tesla Motors объявила, что планирует инвестировать более 4 млрд долл. в строительство в Калифорнии гигантского завода аккумуляторов для электрических автомобилей, а также представила новую модель S родстер, которая благодаря новому двигателю может со старта за 2,8 секунды разогнаться до 60 миль в час [20]. К числу ведущих инновационных ТНК относятся Samsung, Amazon, 3M, Volkswagen, GE,

Microsoft, IBM и Toyota. Активные расходы на НИОКР ведут к росту выручки, EBITDA в процентах от выручки и к увеличению рыночной капитализации компаний.

Примером высокоинновационной фирмы является американская компьютерная корпорация Apple, объем продаж которой по итогам 2014 г. превысил 199,4 млрд долл., при этом стоимость активов составила 261,9 млрд долл., чистая прибыль после налогов достигла 44,5 млрд долл. [10]. Рыночная стоимость компании в мае 2015 г. составила 741,8 млрд долл. [10], в то время как рыночная стоимость крупнейшей российской компании Газпром в 2015 г. составляла лишь 64,5 млрд долл. [17].

За последнее десятилетие крупные инновационные фирмы появились в Китае, Индии, Бразилии, Израиле. Их доля в расходах 1000 ведущих мировых инновационных компаний выросла с 3% в 2005 г. до 14% в 2015 г. Если 10 лет тому назад в рейтинге Global Innovation были представлены 64 компании с корпоративными центрами в Китае, Индии, Бразилии и Израиле, то в настоящее время таких компании насчитывается уже 227 [20].

Таким образом, за последние несколько десятилетий под воздействием глобализации, стремительных технологических и демографических перемен крупнейшие ТНК значительно изменили свои операции. В деятельности ТНК возрастает значение нематериальных активов и финансовых операций, а также всевозможных инноваций. Ведущие ТНК на основе инноваций проводят стратегическую переориентацию своей деятельности, стремясь не отстать от быстро меняющегося внешнего окружения и технологий. Ближайшие годы ознаменуются переносом центра деловой активности ТНК в Азию.

Список литературы

1. Бхагвати Дж. В защиту глобализации/ Дж. Бхагвати, пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Ладомир, 2005. 406 с.
2. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей. М.: Логос, 2000. 302 с.
3. Кони́на Н.Ю. Глобализация и изменение внешней среды деятельности ТНК / Экономические науки. 2008. № 42. С. 396-402.
4. Кони́на Н.Ю. Конкурентоспособность фирмы в глобальном мире. М.: Проспект, 2012. 368 с.
5. Кони́на Н.Ю. Менеджмент в международных компаниях: как побеждать в конкурентной борьбе. М.: ТК Велби, 2008. 478 с.
6. Лютова М. Ernst & Young: Россия не успевает за глобализацией. Ведомости. 21-01-2013. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/01/21/globalizaciya_mimo_rossii. (дата обращения: 23.12.2015).
7. Население мира. Население континентов Земли (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www.statdata.ru/world_population (дата обращения: 11.10.2015).
8. Прахалад К., Рамасвами В. Будущее конкуренции. Создание уникальной ценности вместе с потребителями. Пер. с англ. М: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2006. 352 с.
9. Хронология развития финансового кризиса в 2008 г. Справка. (Электронный ресурс). Режим доступа: http://ria.ru/crisis_spravki/20090204/160957485.html. (дата обращения: 23.10.2015).

10. Apple Inc Key Statistics. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://finance.yahoo.com/q/is?s=AAPL+Income+Statement&annual>. (дата обращения: 23.12.2015).
11. Bureau of Economic Analysis, Survey of Foreign Direct Investment in the United States (annual series); and Survey of U.S. Direct Investment Abroad 2008, appendix tables 4-43 and 4-45. Science & Engineering Indicators 2008.
12. Casson, M. (2000). Economics of International Business: a New Research Agenda (Cheltenham: Edward Elgar).
13. Cox Ronald W. (2012) Corporate Power and Globalization in US Foreign Policy. Routledge Studies in US Foreign Policy. Routledge, 2012. 232 p.
14. David Alexander. Big U.S. firms hold \$2.1 trillion overseas to avoid taxes study. (Электронный ресурс). Reuters. 06-10-2015. Режим доступа: <http://www.reuters.com/article/us-usa-tax-offshore-idUSKCN0S008U20151006>. (дата обращения: 23.12.2015).
15. Dunning, John H. and Sarianna M. Lundan (2008), Multinational Enterprises and the Global Economy (Edward Elgar, Northampton, Massachusetts). 26 Transnational Corporations, Vol. 22, No. 1.
16. Fareed Zakaria. The Post-American World. New York.: W.W. Norton & Company, 2008. 292 p.
17. Forbes Global 2000 of 2015/Forbes 2015, 5th May, PP.17-43.
18. GE Reports-Innovation Barometer 2014. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.gereports.com/innovation-barometer-2014/>. (дата обращения: 23.12.2015).
19. Grazia Ietto-Gillies (2012) Transnational Corporations and International Production: Concepts, Theories and Effects, New York.: Edward Elgar Publishing. 288 p.
20. Jaruzelski Barry, Schwartz Kevin and Volker Staack. Innovation's New World Order. Strategy+Business. October 27, 2015 (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.strategy-business.com/interactive/Where-Companies-Spend-Their-RD-Money>. (Дата обращения: 23.12.2015).
21. Liyan Chen. 2015 Global 2000: The Largest Companies In China. Forbes. MAY 6, 2015. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/liyanchen/2015/05/06/2015-global-2000-the-largest-companies-in-china/> (дата обращения: 23.12.2015).
22. Liyan Chen. The World's Largest Companies 2015. Forbes. MAY 6, 2015. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.forbes.com/sites/liyanchen/2015/05/06/the-worlds-largest-companies/> (дата обращения: 23.12.2015).
23. Serfati Claude (2008), "Financial dimensions of transnational corporations, global value chain and technological innovation", Journal of Innovation Economics, n°2, 2008.
24. Size of the global Internet of Things (IoT) market from 2009 to 2019. Forecast by IDC, June 2015. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://www.statista.com/statistics/485136/global-internet-of-things-market-size/>. (дата обращения: 29.12.2015).
25. Stiglitz, Joseph E. Making Globalization Work/ Joseph E. Stiglitz. – 1- st ed., W.W. Norton & Company, Inc., New York, 2007. – 374 p.
26. Vitali S, Glatfelder J.B., Battiston S. (2011) The Network of Global Corporate Control. PLoS ONE 6(10): e25995. doi: 10.1371/journal.pone.0025995 Universidad Veracruzana, Mexico (Электронный ресурс). 08.11.2015. Режим доступа: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995> (дата обращения: 29.12.2015).
27. WIR13. World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. New York and Geneva: United Nations.
28. World Investment Report 2015: Reforming International Investment Governance/UNCTAD, UN. -New York, Geneva, 2015. P. 17. (Электронный ресурс). Режим доступа: <http://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx>. (Дата обращения: 23.12.2015).

Об авторе

Кони́на Ната́лия Ю́рьевна – д.э.н., заведующая кафедрой менеджмента, маркетинга и ВЭД МГИМО (Университета) МИД России. E-mail: nkonina777@gmail.com.

MAJOR TRENDS OF BIG INTERNATIONAL COMPANIES DEVELOPMENT IN A CHANGING WORLD

N.Y. Konina

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *Economic globalization and demographic changes as well rapidly changing technologies are the most important factors of the firm's environment. The rapid development of information technology radically changes the very essence of the creation of new value. The pace of technological change and innovations increases. In the most advanced sectors of global economy the knowledge is a key resource.*

The world economy has not finally recovered after the crisis of 2008-2009. The global economy his becoming more multicentre and the vector of economic power is shifting to China and India. The main actors and the anchor of today global economy are leading international companies (transnational corporations-TNCs). Several thousands of TNCs together with their value chain dominate the global economy. The economic power allows the largest TNCs significantly push the boundaries of the company. Globalization has changed external networks of TNCs, their corporate governance, corporate ownership as well transfer pricing schemes as well relations between the headquarter and its subsidiaries and affiliates. A remarkable feature of TNCs recent FDI flows is not Greenfield investment but mergers and acquisitions. Key features of TNC activities are defined by industry. A growing number of TNCs are changing their strategic activities, basing on the latest technology trends. The most important aspects of TNCs activities are linked to innovation, financial operations, advanced management technique, increase in intangible assets. Innovation activity of TNCs is shifting to Asia.

Key words: Globalization, the external environment, global market, global demographic problems and ageing of population, migration, knowledge creation, transnational corporations, major companies, TNCs, demographic problems, global trade, global value chains, external networks, transfer pricing, competitiveness, global companies, reengineering of corporate activities, strategy, global efficiency, innovation, advanced management techniques, Apple, General Electric, innovations.

References

1. Bhagwati J. In Defense of Globalization. Oxford University Press, 2004. 320 p. (Russ. ed: Bhagvati Dzh. V zaschitu globalizatsii. Transl. by V.L. Inozemtsev. Moscow, Lodomir Publ., 2005. 406 p.)
2. Inozemtsev V.L. Sovremennoe postindustrialnoe obschestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy [The modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects]. Moscow, Logos Publ., 2000. 302 p. (In Russian).
3. Konina N.Yu. Globalizatsiya i izmenenie vneshney sredy deyatelnosti TNK [Globalization and changes in the external environment TNCs]. Ekonomicheskie nauki, 2008, no. 42, pp. 396-402. (In Russian).
4. Konina N.Yu. Konkurentosposobnost firmy v globalnom mire [The competitiveness of firms in the global world]. Moscow, Prospekt Publ., 2012. 368 p. (In Russian).
5. Konina N.Yu. Menedzhment v mezhdunarodnykh kompaniyah: kak pobezhdad v konkurentnoy borbe [Management in international companies: how to win in the competition]. Moscow, TK Velbi Publ., 2008. 478 p.
6. Lyutova M. Ernst & Young: Rossiya ne uspevaet za globalizatsiyey [Ernst & Young: Russia lags behind globalization]. Vedomosti, 21.01.2013. Available at: http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2013/01/21/globalizatsiya_mimo_rossii. (Accessed: 23.12.2015).
7. Naselenie mira. Naselenie kontinentov Zemli [The population of the world. The population of the Earth's continents]. statdata.ru. Available at: http://www.statdata.ru/world_population (Accessed: 11.10.2015).
8. The Future of Competition: Co-Creating Unique Value with Customers. (Russ. ed.: Prahalad K., Ramasvami V. Budushee konkurentsii. Sozdanie unikalnoy tsennosti vmeste s potrebitelyami. Transl. by G. Sakhatzky. Moscow, ZAO «Olimp-Biznes» Publ., 2006. 352 p.).
9. Hronologiya razvitiya finansovogo krizisa v 2008 g. Spravka. [Chronology of the financial crisis in 2008]. MIA "Russia today", 04.02.2009. Available at: http://ria.ru/crisis_spravki/20090204/160957485.html. (Accessed: 23.12.2015).
10. Apple IncKeyStatistics. Yahoo Finance. Available at: [http://finance.yahoo.com/q/is?s=AAPL+Income+Stat](http://finance.yahoo.com/q/is?s=AAPL+Income+Statement&annual) ement&annual.(Accessed on 23.12.2015).
11. International Surveys: Foreign Direct Investment in the United States (annual series). US Bureau of Economic Analysis. Available at: <http://www.bea.gov/surveys/fdiusurv.htm> (Accessed: 23.12.2015).
12. Survey of U.S. Direct Investment Abroad 2008. US Bureau of Economic Analysis. Available at: <http://www.bea.gov/international/usdia2008r.htm> (Accessed: 23.12.2015).
13. Science & Engineering Indicators 2008. Vol.2. Appendix tables 4-43 and 4-45. The National Science Foundation. Available at: <http://www.nsf.gov/statistics/seind08/pdf/volume2.pdf> (Accessed: 23.12.2015).
14. Casson M. Economics of International Business: a New Research Agenda. Cheltenham: Edward Elgar, 2000. 336 p.
15. Cox R.W. Corporate Power and Globalization in US Foreign Policy. Routledge Studies in US Foreign Policy. Routledge, 2012. 232 p.

16. David A. Big U.S. firms hold \$2.1 trillion overseas to avoid taxes study. Reuters, 06.10.2015. Available at: <http://www.reuters.com/article/us-usa-tax-offshore-idUSKCN0S008U20151006> (Accessed: 23.12.2015).
17. Dunning J.H. and Sarianna M.L. Multinational Enterprises and the Global Economy. Northampton, Massachusetts, Edward Elgar Publishing Ltd., 2008. 920 p.
18. Zakaria F. The Post-American World. New York: W.W. Norton & Company, 2008. 292 p.
19. Forbes Global 2000 of 2015. Forbes, 05.05.2015. Pp. 17-43.
20. GE Reports-Innovation Barometer 2014. General Electric Company. Available at: <http://www.gereports.com/innovation-barometer-2014/>. (Accessed: 23.12.2015).
21. Ietto-Gillies G. Transnational Corporations and International Production: Concepts, Theories and Effects. New York: Edward Elgar Publishing. 2012. 288 p.
22. Jaruzelski B., Schwartz K., Volker S. Innovation's New World Order. Strategy+Business. [strategy+business.com](http://www.strategy-business.com/interactive/Where-Companies-Spend-Their-RD-Money), 27.10.2015. Available at: <http://www.strategy-business.com/interactive/Where-Companies-Spend-Their-RD-Money> (Accessed: 23.12.2015).
23. Chen L. 2015 Global 2000: The Largest Companies In China. Forbes, 06.05.2015. Available at: <http://www.forbes.com/sites/liyanchen/2015/05/06/2015-global-2000-the-largest-companies-in-china> (Accessed: 23.12.2015).
24. Chen L. The World's Largest Companies 2015. Forbes, 06.05.2015. Available at: <http://www.forbes.com/sites/liyanchen/2015/05/06/the-worlds-largest-companies> (Accessed: 23.12.2015).
25. Serfati C. Financial dimensions of transnational corporations, global value chain and technological innovation. Journal of Innovation Economics, 2008, no. 2, pp. 35–61.
26. Size of the global Internet of Things (IoT) market from 2009 to 2019. Forecast by IDC, June 2015. Statista, Inc. Available at: <http://www.statista.com/statistics/485136/global-internet-of-things-market-size> (Accessed: 29.12.2015).
27. Stiglitz J.E. Making Globalization Work. 1st ed. New York: W.W. Norton & Company Inc., 2007. 374 p.
28. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control. PLoS ONE, 2011, no. 6 (10). 6 p. DOI: 10.1371/journal.pone.0025995. Plosone.org, 08.11.2015. Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0025995> (Accessed: 29.12.2015).
29. World Investment Report 2013: Global Value Chains: Investment and Trade for Development. New York and Geneva: United Nations, UNCTAD, 2013. 264 p.
30. World Investment Report 2015: Reforming International Investment Governance. New York and Geneva: United Nations, UNCTAD, 2015. 253 p.

About the author

Konina Natalia Yurievna – Doctor of Science in Economics (habil), Head of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activities, MGIMO-University. E-mail: nkonina777@gmail.com.

БАНКИ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНЫХ САНКЦИЙ: СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Г.С. Панова

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

В статье дан анализ современного состояния и перспектив развития банков и банковского бизнеса в условиях международных санкций. Определены современные тенденции развития банков и банковского бизнеса в России и в мире. Выявлены проблемы и определены риски развития банков. Особое внимание уделяется анализу секторальных международных санкций по отношению к российским банкам и возможностям минимизации их (санкций) негативного влияния на банковский бизнес на национальном и международном уровнях. Большое значение в этих условиях имеет государственная денежно-кредитная политика. Антикризисная политика, проводимая Банком России, в условиях стагнации экономики ведет к сокращению российской доли в мировой экономике и увеличивает разрыв в уровне жизни с развитыми странами. В статье показано, что возможности роста экономики России в 2016 г. ограничены рестрикционным уровнем банковских процентов, высокой волатильностью курса национальной валюты, недостаточным развитием кредитных отношений, жестким бюджетом, высокой (на уровне развитой Европы) налоговой нагрузкой, растущими административными издержками, резко нарастающей концентрацией рисков субъективных решений на современном этапе электорального цикла.

В ситуации неопределенности прогнозов относительно объема и длительности применения санкций Правительство РФ и ЦБ РФ вполне обоснованно стремятся использовать комбинацию антисанкционных действий от жестких мер по введению контрсанкций до создания более комфортных условий для ведения бизнеса в России её союзникам из стран-членов ЕАЭС, ШОС, БРИКС. В статье исследованы стратегические аспекты развития банков и банковского бизнеса в России. Даны практические рекомендации по совершенствованию стратегии развития банков в России в новых условиях. Обоснована необходимость повысить теоретическое, концептуальное, методологическое её обоснование и расширить диапазон ретроспективного и перспективного анализа государственной стратегии развития банковского сектора российской экономики.

Ключевые слова: банки, банковский бизнес, глобальный финансово-банковский кризис, стратегии развития банков, экономические санкции.

Современные тенденции развития банков и банковского бизнеса

В условиях финансовой глобализации мировые тенденции развития банков и банковского бизнеса в полной мере затрагивают Россию. Современные реалии позволяют выделить следующие основные факторы, определяющие развитие банковского бизнеса.

Развитие информационных и телекоммуникационных технологий изменило повседневную жизнь людей, включая их банковское обслуживание.

Усиление процессов глобализации финансовых рынков, включая расширение географии банковского бизнеса и рост числа сделок по слияниям и поглощениям банков, стало важным стимулом развития банков во всем мире.

До глобального финансово-банковского кризиса 2008-2010 гг. одной из основных мировых тенденций считалось дерегулирование рынка финансовых услуг с целью стимулирования роста экономики. Либерализация международного движения капитала и дерегулирование банковской деятельности на национальном уровне были обусловлены принятием членами ОЭСР в 1961 г. Кодекса либерализации движения капитала [7], что значительно улучшило режим предоставления финансовых услуг в мире. В 1970-1980 гг. США, Великобритания, Япония и страны ЕС последовательно отменяли ограничения на движение капитала [25]. Этому процессу сопутствовало дерегулирование национальных банковских рынков, в частности, в 1999 г. в США был принят закон Грэмма-Лич-Блайли о финансовой модернизации, отменивший запрет на участие коммерческих банков в инвестиционном бизнесе и открывший новые возможности для развития крупных банков.

Развитие рынка ценных бумаг оказало в целом позитивное влияние на экономику и банковский бизнес в России и мире, обеспечив

более тесное взаимодействие банков и их клиентов, способствовало взаимозависимости рынков.

Развитие рынка производных финансовых инструментов, стало важным фактором развития финансово-банковской сферы. На рубеже XX-XXI вв. мировой рынок деривативов вступил в стадию интенсивной консолидации и концентрации. Если на конец 1987 г. номинальная стоимость всех деривативных контрактов в мире составляла около 1 трлн долл. США, к марту 1995 г. она составляла 47,5 трлн долл., а в конце 2007 г., согласно Отчету Банка международных расчетов, данный показатель составил уже 676,58 трлн долл. США¹.

Рисунок 1.

Виды кризисов в странах мира с 1970 по 2011 гг.

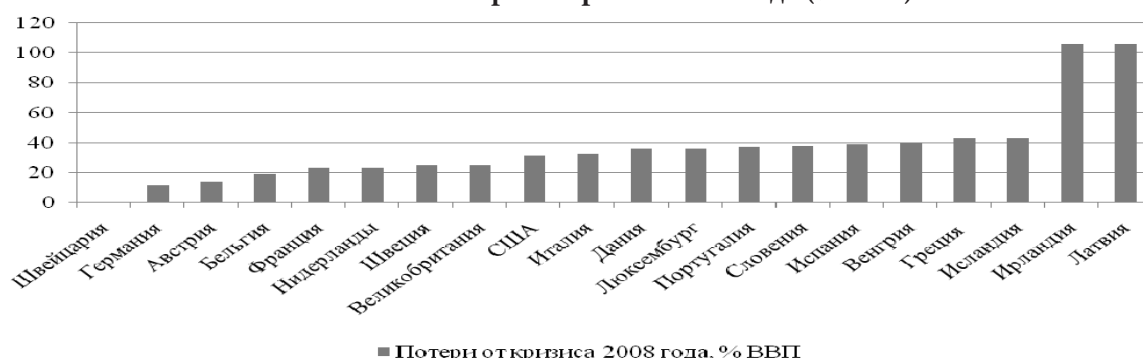

Источник: Luc Laeven, Fabian Valencia Systemic Banking Crises Database: An Update/ IMF working paper WP/12/163, 2012.

Особенностью России после глобального кризиса стало резкое сокращение объемов фондового рынка, стоимость активов которого снизилась по оценкам на 70%, существенно ослабив его роль и значение в экономике страны. В настоящее время функции фондового рынка во многом выполняет рынок недвижимости, т.к. инвесторы предпочитают вкладывать свои средства в недвижимость, а не ценные бумаги, считая последние менее надежными.

Рисунок 2.

Финансовые потери от кризиса 2008 года (% ВВП)

■ Потери от кризиса 2008 года, % ВВП

Источник: составлено по данным сайта www.imf.org.

¹ По мнению западных экспертов, суммарная капитализация фондовых рынков мира составляет около 36 трлн долл. США. Для мирового рынка облигаций эта цифра составляет 72 трлн долл. При этом номинальная стоимость открытых позиций на рынке деривативов в 2010 г. составила около 1,4 квадриллиона долл. Таким образом, мировой рынок деривативов примерно в 40 раз превышает капитализацию фондового рынка, в 10 раз рынка акций и облигаций вместе взятых и в 23 раза мировой ВВП. (Summers Graham. *Why Derivatives caused financial crisis*. 12.04.2011 // сайт Seeking Alpha. 73. Тематическая подборка издательства «КНОРУС»).

Одновременно усиление конкуренции на финансовых рынках, развитие информационных технологий, финансовые инновации, финансовый инжиниринг вели к нарастанию рисков и, как результат, кризисам (рис. 1).

Колоссальные финансовые потери в результате глобального финансово-банковского кризиса (рис. 2) предопределили необходимость ужесточения регулирования деятельности финансово-кредитных институтов.

Мировые тенденции развития банков и банковского бизнеса в полной мере затрагивают Россию как члена ВТО, БРИКС, ЕАЭС.

В новейшей истории Российской Федерации понятие «кризис» прочно вошло в научный оборот, стало важным фактором, определяющим темпы роста экономики и качество жизни населения.

На памяти россиян кризис 1990–1991 гг. (развал СССР), экономический и системный банковский кризис 1997–1998 гг., валютный кризис, кризис ликвидности 2005 г., глобальный финансово-экономический кризис 2008–2010 гг.

2014–2015 гг. – введение секторальных санкций по отношению к России со стороны США, ЕС и их союзников, как следствие крымского кризиса, и ответные санкции России специалисты нередко трактуют как санкционный кризис. Сложная ситуация на банковском рынке дает основания экспертам характеризовать ее как системный банковский кризис.

В ноябре 2014 г. ЦБ РФ впервые представил рискованный сценарий развития экономики и её банковского сектора. В «Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики» подчеркивалось, что развитие этого сценария крайне маловероятно.

В декабре 2015 г. Банк России впервые опубликовал параметры шокового сценария макроэкономического развития, актуальность которого, по мнению Э. Набиуллиной, в последнее время возросла². При цене на нефть на уровне около 35 долл. за баррель падение ВВП в 2016 г. прогнозируется на уровне 2–3%, а инфляция составит около 7%. В этих условиях ЦБ РФ придется проводить более жесткую денежно-кредитную политику. Однако, вероятность повторения шоковой ситуации, которая сложилась в декабре 2014 г., по её мнению, исключена. Как известно, 16 декабря 2014 г. ЦБ РФ на внеочередном заседании совета директоров поднял ключевую ставку до 17% годовых, руководствуясь «необходимостью ограничить существенно возросшие

девальвационные и инфляционные риски», возникшие в результате быстрого и глубокого падения цен на нефть, финансовых санкций, при одновременной необходимости осуществить выплаты по внешним долгам. Ни одного из этих факторов в том объеме, который присутствовал в декабре 2014 г., по свидетельству руководителя ЦБ РФ, в настоящее время не существует.

Действительно, российские банки, которые находятся под санкциями США и ЕС, ограничены в привлечении финансовых ресурсов на американском и европейском финансовых рынках. В санкционных списках оказались Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Внешэкономбанк, Россельхозбанк, а также Банк Москвы. По данным Банка России по итогам 2014 г. прибыль российских финансово-кредитных институтов снизилась на 40,7% до 589 млрд руб. Основная причина – увеличение банками резервов под возможные потери. По итогам 2015 г. экономическая ситуация в стране характеризуется сокращением ВВП на 3,7%; темпы инфляции составили 12,9%; дефицит бюджета составил 3% ВВП. Инвестиции в основной капитал за 10 месяцев сократились на 5,7%. Сальдо торгового баланса было положительным и составило 126,3 млрд долл., а международные (золотовалютные) резервы – 369 млрд долл. (табл.1).

По официальной информации ЦБ РФ золотовалютные резервы России в 2014 г. сократились примерно на 25%: на 1 января 2014 г. – 509 млрд долл., а на 1 января 2015 г. – 385 млрд долл. Согласно статистике на таком низком уровне объем золотовалютных резервов в последний раз был в мае 2009 г. Процесс снижения валютных резервов РФ остановился весной 2015 г. на уровне 356 млрд долл. и далее колебался в диапазоне 356–370 млрд долл. Главной причиной относительной стабилизации уровня ЗВР является плавающий курс рубля, введенный ЦБ РФ в ноябре 2014 г. По официальным данным ЦБ РФ на 18 декабря 2015 г. золотовалютные резервы России составили 369 млрд долл., снизившись с начала 2015 г. на 16 млрд долл.

Суверенные фонды страны составили:

- Резервный фонд – 3 трлн 931 млрд руб. (5,3% ВВП),
- Фонд национального благосостояния – 4 трлн 777 млрд руб. (6,5% ВВП).

Правительство планирует в 2016 г. рост экономики на 0,7%, в 2017 г. – на 1,9%, и в 2018 г. – на 2,4%. [12]

Таблица 1.

Динамика изменения размера валютных резервов в 2015 г.
(в млрд долл., на конец месяца)

XII, 2014	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII, 2015
385	376	360	356	356	356	361	357	366	371	369	364	369

Источник: Валютные резервы России в 2015 году. // <http://www.restnonstop.ru/content/view/162/60/> (дата обращения 06.01.2016).

² ЦБ впервые обнародовал параметры шокового сценария для экономики. Reuters, 11.12.2015.

Очевидно, что в этих условиях меры антикризисного регулирования экономики, банковской сферы являются вопросом первоочередной важности.

По данным Т. Голиковой, главы Счетной палаты РФ, по состоянию на 1 ноября 2015 г. средства Агентства по страхованию вкладов получили 17 банков на сумму 646 млрд руб. Структура использования средств банками выглядит приблизительно следующим образом: кредиты на классические средне- и долгосрочные инвестиционные проекты составляют 2,7%. Еще 18,1% – кредиты бюджетам субъектов РФ. И остальные средства были направлены на пополнение оборотных средств и рефинансирование долгов банков [11].

Выделение Правительством РФ 1 трлн руб. на поддержку банковского сектора страны, как антикризисная мера, имело большое стабилизирующее значение. Вместе с тем, чтобы банковский капитал превратился в мощный стимул экономического роста и повышения уровня жизни, необходимо существенно повысить его эффективность как инвестиционного ресурса. Основной вопрос надежности, стабильности банков – это уже не только и не столько вопрос размеров их собственного капитала, а проблема качества управления ими. Сегодня важно не только удовлетворять международным требованиям по достаточности капитала, но и уметь эффективно управлять имеющимся капиталом, используя для этого высококвалифицированный персонал и новейшие технологии.

Мировой опыт показывает, что наивысшие экономические и финансовые показатели имеют банки с высоким уровнем организации и управления. В настоящее время качество менеджмента – важный фактор, определяющий конкурентоспособность банка, банковского сектора, экономики страны.

Особенность банковского бизнеса – высокий уровень риска. Поэтому управленческие ошибки нередко приводят к потере ликвидности, платежеспособности банков, а порой и к банкротству.

Между тем такие важные составляющие банковского менеджмента, как бизнес-планирование, маркетинг, организационная структура, аудит, соблюдение обязательных нормативов, использование передовых технологий и научных принципов управления персоналом для многих российских банков еще не стали нормой жизни. В большинстве случаев низкий уровень банковского менеджмента является главной причиной их кризисного состояния.

Вышеизложенное дало основания некоторым экспертам ставить вопрос о самом существовании банков и финансовых рынков, их роли в обеспечении экономического роста. Большинство экономистов в мире уверены в том, что финансовые рынки способствуют экономическому росту, и это настолько очевидно, что нет смысла обсуждать это. Действительно, финансово-банковский сектор экономики решает

проблему финансового посредничества между кредиторами и заемщиками; способствует эффективному ценообразованию на инвестиционные активы; сглаживает распределение рисков в экономике; способствует развитию международной торговли и т.д.

Однако, с другой стороны, в журнале *The Economist* читаем: «Не сложно представить, как банкротства банков ведут к увольнению, падению цен на жилье, накоплению плохих долгов и т.д.» [22]. Кризисы, порожденные финансовыми рынками обесценивают сбережения населения, хозяйствующих субъектов экономики, стран и регионов; негативно влияют на экономический рост и развитие стран в течение длительных периодов времени; создают чрезмерную волатильность финансовых рынков; усиливают негативные тенденции в реальном секторе; снижают благосостояние стран и народов.

В России также раздаются призывы вообще обойтись без банков. Например, В. Кашин предлагает «сформировать и ввести в действие Национальную платежно-расчетную систему (НПС) – полностью принадлежащую государству, без какого-либо участия банков» [6].

Мы считаем данную позицию экономически и логически не обоснованной и, более того, вредной, поскольку открывая подобную дискуссию, её автор отрывает специалистов от решения насущных вопросов российской экономики.

В целом глобальный финансово-банковский кризис 2008–2010 гг. выявил не только неподготовленность отдельных банков к негативным колебаниям рыночной конъюнктуры, но и недостатки существующей парадигмы пруденциального регулирования, неспособной обеспечить устойчивость мировой экономики и банковского сектора, в частности.

Мировой практике известны так называемые антикризисные меры поддержки экономики, включая инструментальный центральный банков, применяемый на национальном уровне для преодоления негативных последствий глобального финансово-банковского кризиса. В том числе: инструменты макро- и микропруденциального регулирования для обеспечения финансовой стабильности экономики и хозяйствующих субъектов, а также инструменты денежно-кредитного регулирования. Применение этих мер различается по странам и условиям их применения. Например, в США был принят закон Додда-Франка, усиливающий банковский надзор. В России сосредоточили усилия на совершенствовании пруденциального надзора и регулирования деятельности банков, включая создание мегарегулятора финансовых рынков на базе Банка России в 2013 г.

На глобальном уровне финансово-банковские кризисы перестают носить локальный, местный характер, развиваясь на территории отдельно взятой страны. Кризисы все чаще приобретают интернациональный характер, а значит, существует потребность в создании гло-

■ Мировая экономика

бальной системы безопасности, основанной на соблюдении большинством стран мира единых международных стандартов банковского регулирования и надзора.

Ответом на масштабные и разрушительные последствия глобального финансово-экономического кризиса стало резкое увеличение регулятивных инструментов, часть которых нашла свое отражение в международных стандартах Базельского комитета по банковскому надзору (Базельские соглашения I, II, III).

Участие России в интеграционных процессах накладывает на нее обязательства по использованию единых, унифицированных, признанных на международном уровне подходов, в том числе в вопросах организации банковского бизнеса и надзорной практики. Присоединение России к Базельским соглашениям способствует повышению эффективности функционирования российских банков, позволяет национальным кредитным организациям стать полноправными участниками международных банковских отношений, укрепляет доверие иностранных инвесторов, что представляется важным в условиях глобализации мировой экономики и финансовых рынков. Вопросы применения Базельских принципов эффективного банковского надзора, а также внедрение в России международных стандартов банковской деятельности (МСФО и Базеля III) актуальны для большинства российских банков в свете низкой капитализации национального банковского сектора и снижения темпов роста экономики России в условиях международных санкций.

Международные санкции и их влияние на российские банки

Кризис на Украине стал поводом и катализатором осложнения современной политической и экономической ситуации в мире и в России. Экономические санкции, введенные США и их союзниками против России в 2014–2015 гг., имеют серьезное негативное влияние на российские банки.

В кризисных условиях у предприятий реального сектора экономики обычно отмечается рост потребности в кредитах. В декабре 2014 г. ЦБ РФ провел резкое повышение ключевой процентной ставки до 17%. Одновременно к российским государственным банкам были применены секторальные санкции, ограничившие их воз-

можности по привлечению дополнительных финансовых ресурсов на зарубежных рынках для пополнения ликвидности, что осложнило финансово-хозяйственную деятельность многих российских компаний. Банки столкнулись с проблемой реализации кредитных и процентных рисков. Общий негативный эффект от влияния этих факторов выразился в сокращении объемов кредитования в банковском секторе в 2014 г. более чем на 10%. Банки стали проводить программы реструктуризации задолженности своих клиентов. В целом наиболее существенными проблемами, с которыми столкнулись банки, стали рост проблемной и просроченной задолженности и падение ликвидности.

Санкции, наряду с другими факторами (в том числе ценовыми, речь идет, прежде всего, о падении цен на нефть) привели к повышению волатильности финансовых рынков и, в частности, валютного рынка, что привело в конце 2014 г. к ажиотажному спросу на валюту и ещё большей дестабилизации ситуации. Из-за ослабления рубля многие банки столкнулись с негативным влиянием валютных и курсовых рисков, преодоление которых потребовало дополнительных финансовых ресурсов, усиливая для банков риски неадекватной ликвидности.

Введение санкций, которые ухудшили экономическое положение страны, спровоцировало понижение суверенного кредитного рейтинга международными рейтинговыми агентствами. В ноябре 2014 г. рейтинговые агентства Fitch, Moody's и Standard and Poor's понизили рейтинг России до BBB-. Понижение странового рейтинга привело к снижению рейтинга российских банков. Более чем две трети банков, рейтингуемых S&P, имели «негативный» прогноз по рейтингам. В результате уровень доверия к ним снизился, что, безусловно, отрицательно сказалось на инвестиционной привлекательности отечественных кредитных организаций в глазах иностранных инвесторов и вкладчиков.

Серьезной проблемой в 2015 г. стало ухудшение качества кредитов (прежде всего, в сегменте крупного бизнеса). По данным Объединённого кредитного бюро, с начала 2014 г. просроченная задолженность населения увеличилась на 52,8% и достигла 671,5 млрд руб. Банки показали самые масштабные убытки за всю новейшую историю. В декабре 2014 г. они составили 191,6 млрд руб., а в январе 2015 г. – 23,6 млрд руб.[9].

Таблица 2.

Финансовые результаты коммерческих банков

Банк	Год	Чистый убыток, млрд руб.
Газпромбанк	2008	- 72,8
Банк Москвы	2010	- 69,8
ВТБ	2009	- 63,4
Россельхозбанк	2014	-47,4

Источник: консолидированная отчетность 10 крупнейших по активам банков за последние 10 лет. РСХБ собирает урожай убытков. Ведомости. 08.12.2015, № 3976.

В 2015 г. ситуация была сложной, в том числе для крупных банков (табл.2).

Россельхозбанк (РСХБ) получил в 2015 г. один из самых больших убытков в истории российских банков [16]. За три квартала он получил убыток в 67,9 млрд руб. (по данным его промежуточной отчетности по МСФО). Для сравнения: в 2014 г. потери РСХБ составили 48 млрд руб. Основная причина такого убытка – расходы на резервы, которые с начала года составили 68 млрд руб.

Из 1,4 трлн руб. портфеля РСХБ 429 млрд (30,6%) – проблемные кредиты и те, качество которых вызывает вопросы, сообщил банк в отчетности за 2014 г. В III квартале 2015 г. РСХБ списал в 6 раз больше кредитов, чем в 2014 г., – 24,5 млрд руб. Кредитный портфель в 2015 г. прибавил 12%, составив 1,6 трлн руб. При этом расходы РСХБ на резервы в 2015 г. могут составить около 90 млрд руб.

Отчасти подобный финансовый результат объясняется докапитализацией банка через ОФЗ (банк получил бумаги в декабре 2015 г.). Одно из условий программы – увеличение за три последующих года капитала на 50% от полученной помощи. Поэтому банку целесообразно было признать убытки до получения помощи, чтобы потом резервы не «давили» на прибыль и не мешали наращивать капитал.

Почти 70-миллиардный убыток мог заметно сократить капитал РСХБ, но банк запасается капиталом из всех доступных источников. Так, с начала 2015 г. государственные и общественные организации в 3 раза увеличили срочные депозиты на счетах РСХБ – с 85,8 млрд до 271 млрд руб. В первом полугодии государство выделило ему 15 млрд руб., еще 68,8 млрд руб. он получил в виде ОФЗ. Кроме того, банк проводил собственные сделки. В III квартале он разместил субординированные рублевые облигации на 30 млрд руб. с купоном «ключевая ставка ЦБ плюс 1,6%» и норматив достаточности капитала банка вырос с 12,4 до 12,6%. В октябре норматив вырос до 15,5% (банк привлек субординированный депозит на 1,15 млрд долл. (более 73 млрд руб.) с погашением в 2021 г. и ставкой 4,9% годовых), следует из его МСФО. В результате уставный капитал РСХБ был увеличен до 326,8 млрд руб.

В сложной ситуации оказался и Внешэкономбанк – государственная корпорация. В первом полугодии 2015 г. ВЭБ получил чистый убыток по МСФО в сумме 73,5 млрд руб. До конца 2015 г. ему необходимо было погасить синдицированный кредит на 800 млн долл. Внешний долг корпорации к погашению на 2016 г. оценивается в 893 млн долл., а на 2017 г. – в 1,85 млрд долл.

При этом кредитный портфель ВЭБ на 1 января 2016 г. составил 1,36 трлн руб., а среди наиболее проблемных долгов преобладают украинские и кредиты на олимпийские стройки.

30 декабря 2015 Правительство РФ изменило порядок размещения во Внешэкономбанке средств Фонда национального благосостояния.

Принятое постановление позволяет пролонгировать на 5 лет сроки субординированных депозитов из средств ФНБ, размещенных в ВЭБ, при одновременном снижении процентной ставки с LIBOR + 2,75/3,00% до 0,25% годовых и установлении льготного периода по уплате процентов на срок до 3 лет [5].

«Внесенные изменения позволят увеличить на пять лет сроки депозитов, размещенных ранее во Внешэкономбанке в целях обеспечения достаточности его капитала, при одновременном снижении процентной ставки и установлении льготного периода по уплате процентов на срок до трёх лет. Это позволит Внешэкономбанку получить дополнительную прибыль и увеличить за счёт неё свой капитал», — говорится в документе.

При этом срок возврата депозитов решениями правительства может быть увеличен до 20 лет, а на время льготного периода проценты начисляются, но не капитализируются и не уплачиваются. Уплата процентов, начисленных за льготный период, производится по его окончании, затем проценты уплачиваются ежегодно.

При создании банка предполагалось, что ВЭБ должен был стать банком развития, но в 2008–2009 гг. он превратился в антикризисный инструмент Правительства РФ, у которого не были разграничены нерыночные активы и активы коммерческие. После реструктуризации долгов ВЭБ А. Улюкаев предлагает выстроить «китайскую стену», разделив специальные и коммерческие проекты госкорпорации. По его мнению, ВЭБ должен иметь два разных баланса. Все специальные проекты ВЭБ должны иметь чёткие источники бюджетного фондирования, а на другой половине, за «китайской стеной», должны действовать правила обычного бизнеса: ВЭБ в коммерческой части должен в полной мере быть поднадзорен Банку России. И пассивы, и активы ВЭБ должны быть наблюдаемы.

Сложная рыночная ситуация привела к тому, что зарубежные банки стали сокращать масштабы своей деятельности на территории России (например, банк UBS в начале 2015 г. закрыл все свои филиалы). Количество российских кредитных организаций также продолжает сокращаться. Повышение финансовой устойчивости и надежности банков стало одной из ключевых задач мегарегулятора финансовых рынков.

В этих реалиях банкам приходится решать проблемы спонтанного поведения вкладчиков, адаптироваться к низкой кредитной активности клиентов и повышенному уровню рисков. Реакцией банков на удорожание фондирования стал пересмотр их политики. Резко повысились требования банков к надежности заемщиков.

Влияние международных санкций на российскую экономику, включая её банковский сектор, можно рассматривать с разных точек зрения. Санкции – это лишь один из факторов, влияние которого на банки и банковский бизнес трактуется нами не однозначно. Очевидно, что введение секторальных санкций преследует цели

оказания экономического давления, понуждая страны, к которым эти санкции применяются, к изменению их экономического и/или политического курса.

Анализируя негативное влияние санкций на российские банки, следует отметить, что общая тенденция заключается в ухудшении финансового состояния кредиторов и заёмщиков в связи со снижением инвестиционной привлекательности, падением деловой активности и нехваткой ликвидности на российском финансовом рынке. В результате речь идёт о нарастании как индивидуальных кредитных рисков (банков и их заёмщиков), так и совокупных рисков кредитного портфеля банков, качество которого существенно снизилось (по данным пруденциальной отчётности ЦБ РФ доля проблемных ссуд в 2014 г. возросла почти на 20%) [10].

Современная ситуация такова, что негативное влияние санкций, безусловно, сказалось на темпах роста ВВП, стабильности финансовых рынков, волатильности валютного курса рубля, финансовой блокаде российских банков со стороны США, стран ЕС и их союзников.

Но есть и позитивные последствия санкций как на микроуровне (уровне конкретных субъектов экономики, в том числе банков), так и на макроуровне национальной экономики. Речь в данном случае идёт о выявлении рисков, узких мест в экономике страны, оценке эффективности функционирования финансовых рынков, деятельности финансово-кредитных институтов и так далее; их преодолении и минимизации финансовых потерь. Ярким положительным примером действия санкций является создание в ответ на угрозу со стороны Запада «отключить» Россию от систем VISA и Mastercard национальной платёжной системы «Мир», которая была создана в кратчайшие сроки и начала функционировать на базе Банка России.

Национальная система платёжных карт создавалась для обеспечения бесперебойности, эффективности и доступности оказания услуг по переводу денежных средств внутри страны. Появление этой системы стало актуальным после того, как в марте 2014 г. платёжные системы VISA и Mastercard прекратили обслуживание карт некоторых российских банков из-за западных санкций.

27 мая 2015 г. все российские банки завершили перевод процессинга по картам VISA и

Mastercard в НСПК, что позволило жителям России без проблем пользоваться картами этих платёжных систем. Доля карт «Мир» по оценкам ЦБ РФ через несколько лет должна занять от 30% до 40% общего числа банковских карт [12].

Прямое влияние международных санкций на российские банки на макроэкономическом уровне оказал запрет для крупных системообразующих банков (Сбербанк, ВТБ, Газпромбанк, Внешэкономбанк, Россельхозбанк, Банк Москвы) осуществлять внешние заимствования на американском и европейском финансовых рынках. Кроме того, были заморожены зарубежные активы банков «Россия», «Собинбанк», «СМП Банк».

Вместе с тем, попавшие под санкции государственные банки нашли способ привлекать финансовые ресурсы на Западе. Например, Сбербанк³ через европейскую дочернюю компанию Sberbank Europe AG с июля 2014 г. привлекает средства в депозиты в Германии. Проект Sberbank Direct позволяет оказывать услуги в режиме онлайн, без открытия традиционных офисов обслуживания. Такая практика оказалась востребованной на рынке. Президент Сбербанка Г. Греф заявил на собрании акционеров 29 мая 2015 г., что проект оказался своевременным и позволил банку аккумулировать валютные ресурсы в период, когда они были жизненно необходимы для банка. По данным пресс-службы банка, на 2 июня 2015 г. его клиентами стали 46 тыс. человек, а объем депозитов составил 1,6 млрд евро, что позволило Sberbank Europe вернуть кредит в 1 млрд евро материнской структуре⁴.

Работать с физическими лицами в Европе по такой модели первым начал ВТБ⁵. VTB Direct — онлайн-банк, ориентированный на привлечение депозитов частных лиц, работает в Германии и во Франции с конца 2011 г. [3].

К концу 2014 г. объем депозитов, привлечённых VTB Direct, составил 3,9 млрд евро. К концу 2013 г. портфель составлял 2,5 млрд евро. В результате за 2014 г. в условиях санкций банк привлек 1,4 млрд евро.

Итак, формально антироссийские санкции на дочерние структуры российских банков не распространяются, поскольку они не являются резидентами России. Несмотря на это, дочерние банки сталкиваются с «мягкими санкциями» — негласными правилами ограничить сотрудничество с дочерними банками российских банков.

³ Сбербанк – крупнейшая банковская группа Центральной и Восточной Европы, обслуживает 110 млн физических лиц и 1 млн юридических лиц; работает в 22 странах, имеет более 10 млн клиентов за пределами России; доля зарубежных активов в совокупном объеме составляет 14%. (http://www.sberbank.ru/moscow/ru/about/affiliated_banks_abroad/).

⁴ Сбербанк и ВТБ нашли способ обойти санкции. Официальный сайт Сбербанка <http://sbrf.ru/>; <http://zhkhtv.ru/none/sberbank-i-vtb-nashli-sposob-oboiti-sankcii.html>

⁵ ВТБ – второй по размеру банк в России, имеет филиалы в г. Нью-Дели (Индия) и в г. Шанхай (Китай); представительства в г. Пекин (Китай) и г. Милан (Италия). В состав Группы входят: VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, JSC VTB Bank (Armenia), АО Банк ВТБ (Казахстан), JSC VTB Bank (Ukraine), JSC VTB Bank (Georgia), VTB Capital plc (UK), VTB Bank (France) S.A., VTB Bank (Belarus), Banco VTB Africa (Ангола), RCB Bank Ltd. (Кипр), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), VTB Bank (Belgrade), Vietnam-Russia Joint Venture Bank.

Эта тенденция негативно отражается на финансовых результатах. Например, VTB Capital plc. получил убыток в 92 млн долл. США в 2014 г. по сравнению с прибылью в 4 млн долл. США в 2013 г.

Введение международных санкций в отношении Сбербанка и ВТБ заставило руководство этих банков начать пересмотр своих стратегий. В частности, банк ВТБ объявил о приватизации в 2016 г. Сбербанк рассматривает возможность прекращения присутствия в пяти европейских странах: Словакии, Боснии и Герцеговине, Словении, Сербии и Венгрии [17]. В то же время, руководители банков активизировали контакты с коллегами на Востоке, учитывая интенсификацию российско-китайских деловых отношений. Например, Газпромбанк активно работает в КНР, рассчитывая (и не без оснований) на долгосрочное развитие своего бизнеса в этой стране.

Однако, общая ситуация такова, что в связи с санкциями большинство российских банков вынуждены переориентироваться на внутренний рынок, привлекая средства по более высоким ставкам, а это, в свою очередь, приводит к удорожанию кредитов и снижению доходности банков. Таким образом, косвенным влиянием санкций можно считать повышение ключевой процентной ставки и, как результат, резкий рост банковских процентных ставок по кредитам и депозитам для хозяйствующих субъектов и населения.

По данным «Левада-Центра», основные проблемы, беспокоящие россиян, это инфляция, бедность, безработица, коррупция, расслоение общества по доходам, кризис в экономике, наплыв мигрантов, проблемы с медицинским обслуживанием. При этом на первом месте стоит именно инфляция.

Анализ её темпов показал, что долгосрочный положительный тренд, очевидно, существует (см. табл.3).

Однако в результате влияния ряда непредвиденных факторов, включая ослабление рубля, вызванное неблагоприятными внешнеэкономическими событиями, внешнеторговые ограничения, введенные в августе 2014 г., временные

факторы, действовавшие на рынках отдельных продовольственных товаров, инфляция 2014–2015 гг. была существенно выше.

В ноябре 2014 г. ЦБ РФ сменил приоритеты денежно-кредитной политики: главным ориентиром валютной политики был объявлен уровень инфляции, а не курс рубля. Банк России одной из ключевых целей определил снижение к 2017 г. темпов инфляции до 4%.

Практика показывает, что реальные темпы инфляции существенно отличаются от запланированных, заложенных, в том числе, в действующем законе о бюджете на 2015–2017 гг. Как подсчитали в МЭР РФ, из 16,7% инфляции, отмеченных в России к середине марта 2015 г., 10–11% стали результатом санкций и падения курса рубля. В этих условиях важно обратить внимание на немонетарный характер инфляции в России. А это значит, что бороться с немонетарной инфляцией монетарными методами – дело бесперспективное. Действительно, речь должна идти об открытой и скрытой инфляции, выражающейся в исчезновении из продажи ряда товаров из санкционного списка, их замещении другими товарами, снижении качества отдельных потребительских товаров и услуг при неизменных ценах и т.д. Косвенным подтверждением факта наличия скрытой инфляции в стране являются текущие оценки её темпов руководителей экономического блока Правительства РФ в 2014–2015 гг.⁶

Итак, можно сделать вывод, что использование монетарных инструментов борьбы с инфляцией в России малоэффективно, поскольку значительное влияние на инфляцию оказывают рост тарифов естественных монополий и международные санкции.

Анализ используемых Банком России инструментов денежно-кредитного регулирования свидетельствует, что в настоящее время преобладают инструменты так называемой «тонкой настройки», используя которые Э. Набиуллина считает (и не без основания), что в конце 2014 г. «ужесточение денежно-кредитной политики», имея в виду повышение ключевой про-

Таблица 3.

Темпы инфляции в России (в процентах)

Год	Темпы инфляции	Год	Темпы инфляции	Год	Темпы инфляции
1992	1353	2001	18,6	2010	9,1
1993	800	2002	15,1	2011	9,6
1994	204	2003	12	2012	5,6
1995	65	2004	11,7	2013	6,5
1996	23	2005	10,9	2014	11,4
1997	11	2006	9,0	2015	13
1998	80	2007	11,9	2016	9 (план)
1999	30	2008	13,3	2017	4 (план)
2000	20,2	2009	8,1	2018	4 (план)

Источник: составлено автором по данным МВФ, Росстата, ЦБ РФ и Минфина РФ.

⁶ Из выступлений на 26 съезде Ассоциации российских банков. Москва, АРБ, 07.04.2015.

Таблица 4.

Динамика доли кредита в инвестициях российского бизнеса в основные фонды в 2006 – 2012 гг., %

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Доля кредита в инвестициях в основные фонды	9,6	10,4	11,8	10,3	9,0	8,5 8,6*	7,9 8,4*	10,0*	9,3*

Источник: составлено автором по данным Банка России и Росстата (данные Росстата отмечены «*»).

центной ставки до 17% и переход к плавающему валютному курсу рубля, «позволило избежать stagflationного сценария развития экономики страны»⁷. В 2015 г. Банк России последовательно снижал уровень ключевой ставки, которая в настоящее время составляет 11,0%⁸.

Вместе с тем, очевидно, что только варьирования уровнем процентной (ключевой) ставки недостаточно для контроля и таргетирования инфляции. Нужен комплексный подход с индексацией тарифов и снижением давления на процессы кредитования. Анализ денежно-кредитной политики последних лет показал, что именно кредитной политике монетарные власти уделяют существенно меньше внимания, чем денежной. Действительно, по данным Банка Рос-

сии доля кредита в инвестициях российского бизнеса в основные фонды в последние годы неуклонно снижалась, что негативно влияло на общее состояние экономики России и её финансовых рынков (табл. 4).

Итак, в период кризиса и посткризисного развития многие страны мира (включая Россию) постепенно смещали акценты на государственное регулирование экономики, используя, в том числе, инструменты макропруденциального регулирования, нацеленные на сдерживание кредитного бума, минимизацию валютного риска, ограничение леввериджа (финансового рычага), сглаживание финансовых циклов, повышение устойчивости системно значимых банков, управление потоками капиталов и др.

Таблица 5.

Консенсус-прогноз на 2016 год: продолжение рецессии⁹

Показатель	2015	2016		
		медиана*	минимум	максимум
Цена нефти, \$/барр. в среднем за год (Brent)	57,8**	50	35	55
ВВП, %	- 3,7 – 3,8***	- 0,5	- 2,5	0,8
Курс рубля к доллару, в среднем за год	61**	68,4	75	56,8
Курс рубля к доллару, на конец года	70,1***	63,5	80	56
Инфляция, %, конец года	12,7****	6,9	6,6	10,1
Ставка ЦБ РФ, конец года	11	8,5	7	11
Инвестиции, %	- 5,5*****	- 0,9	- 5,6	3,3
Промышленность, %	- 3,3*****	0,5	- 1,5	1,4
Оборот розничной торговли, %	- 9,3*****	- 2,3	- 6,3	0,9
Реальные доходы населения, %	- 3,5*****	- 0,8	- 3,6	1,6
Счет текущих операций, млрд. долл.	60,8*****	58,2	40	78,3
Баланс бюджета, % ВВП	- 2,8***	- 3,3	- 0,3	- 4,1

* значение, больше и меньше которого – одинаковое количество оценок

** по (на) 24 декабря, данные Bloomberg

*** ВВП – оценка Минэкономразвития, дефицит бюджета – оценка Минфина

**** на 21 декабря

***** за январь – ноябрь, данные Росстата, счет текущих операций – данные ЦБ РФ

⁷ Там же.

⁸ Совет директоров Банка России 31.07. 2015 принял решение снизить ключевую ставку с 11,5% до 11,0% годовых, учитывая, что баланс рисков по-прежнему смещен в сторону существенного охлаждения экономики, несмотря на некоторое увеличение инфляционных рисков. По прогнозу Банка России, замедление роста потребительских цен продолжится в условиях слабого внутреннего спроса. Годовая инфляция в июле 2016 г. составит менее 7% и достигнет целевого уровня 4% в 2017 г. В дальнейшем Банк России будет принимать решения об уровне ключевой ставки в зависимости от изменения баланса инфляционных рисков и рисков охлаждения экономики. <http://www.finam.ru/>.

⁹ Участники консенсус-прогноза: Альфа банк, ФГ БКС, ПФ Капитал, Ренессанс Капитал, Росбанк, Уралсиб, ЦМАКП, Центр развития ВШЭ, Центр макроэкономических исследований Сбербанка, Центр экономического прогнозирования “Газпромбанка”, Экономическая экспертная группа, Bank of America - Merrill Lynch, BNP Paribas, Capital Economics, Citigroup, Credit Suisse, ING, JP Morgan, Morgan Stanley, Royal Bank of Scotland.

Весь этот арсенал мер с той или иной степенью эффективности использовали Правительство РФ и ЦБ РФ в последние годы санкционного давления на российский финансовый рынок. В новом 2016 г. вопрос о перспективах роста экономики, её банковского сектора приобрел особую актуальность.

Стратегические аспекты развития банков и банковского бизнеса в России

К концу 2015 г. Россия столкнулась с новой волной кризиса [14]: за год экономика сократилась на 3,7–3,8% по данным Минэкономразвития. Согласно консенсус-прогнозу «Ведомостей» [21] (см. таблицу 5), в 2016 г. нефть будет дешевле, чем в 2015 г., в среднем на 15%, рубль – слабее на 10%; доходы людей, потребление и инвестиции продолжат падать. В экономике – рецессия.

Ни один из прогнозов не сулит России быстрого посткризисного подъема. По словам министра экономического развития А. Улюкаева, в ближайшие лет пять, если не провести структурных и институциональных преобразований, темп роста экономики составит 1,5–2% в год, ниже среднемирового. Пока не будут реализованы реформы, которые повысят конкурентоспособность экономики, Россия сохранит темпы роста 1–1,5% в год, считает замминистра финансов А. Моисеев.

«Индекс нормальности», который рассчитывают в Институте Гайдара на основе опросов промышленных предприятий, показывает, что текущее балансирование между рецессией и стагнацией считается нормальной ситуацией точно так же, как ранее считался нормой непрерывный экономический рост. С одной стороны, это говорит об адаптивных способностях экономики, умении приспосабливаться к изменившимся реалиям. С другой стороны, формирующаяся привычка к стагнации – это и есть кризис: депрессия, которая может продлиться ещё полтора десятка лет. Если только цена нефти не вернется к ежегодному быстрому росту, чего не ожидается, или если так и не состоятся реформы, нацеленные на повышение конкуренции и инвестиционной активности.

Исходя из базового прогноза Минэкономразвития, за следующие три года большинство основных показателей экономики останутся ниже уровней 2013 г.¹⁰

В этих условиях прогноз развития банков не может быть оптимистичным. Спад кредитной активности населения, продолжающийся с конца 2014 г., оказывает дополнительное давление на располагаемые доходы и потребление граждан: задолженность населения перед банками превышает объемы предоставления новых кре-

дитов, резко ограниченные как ростом ставок, так и ростом рисков. Если в 2012–2013 гг. объем новых кредитов был сопоставим с 20% всех денежных доходов населения, то в 2015 г. упал до 10–12%, объемы же выплат почти не изменились (15% и 11–13% от всех доходов соответственно). Просроченная задолженность населения на начало октября 2015 г. составила 8,3% кредитного портфеля (максимум прошлого кризиса – 7,7%, 2012 г. – 4,4%).

По прогнозу ЦБ РФ, доходы населения начнут восстанавливаться не ранее 2018 г. Внешнеэкономбанк прогнозирует, что норма сбережений населения снизится с текущих 11,9% до 9,6–10% в 2017–2018 гг. По данным Минэкономразвития, к концу 2018 г. инвестиции все еще останутся на 10% ниже уровня 2012 г.: экономического роста с опорой на инвестиции не прогнозируется.

Средства на счетах предприятий растут быстрее инфляции, в основном за счёт переоценки валютных депозитов, а инвестиции падают. Промышленность вместо концепции импортозамещения нередко придерживается «импортосохранения».

Возможности роста экономики в 2016 г. ограничены рестрикционным уровнем банковских процентов, жестким бюджетом, высокой (на уровне развитой Европы) налоговой нагрузкой, растущими административными издержками, резко нарастающей концентрацией рисков субъ-ективных решений и электорального цикла.

В любом случае если 2015 был годом адаптации к внешним рискам, то в 2016 фокус смещается на внутреннюю политику и экономику.

Выбор стратегического пути развития банковского сектора Российской Федерации – задача сложная, дискуссионная. Так, президент Ассоциации российских банков Г. Тосунян считает, что не столько санкции, сколько хронические системные проблемы экономики привели к замедлению динамики роста ВВП. В этих условиях низкий уровень монетизации и внутреннего долга в стране создают благоприятные предпосылки для проведения политики количественного смягчения. И поэтому приоритетом государственной денежно-кредитной политики на современном этапе должно стать создание инвестиционного спроса со стороны компаний-резидентов. При этом в связи с отсутствием внешних источников фондирования банков необходимо более активное участие финансовых регуляторов в стимулировании экономической активности и «финансового импортозамещения». Решение данной проблемы видится им в проведении целенаправленной политики количественного смягчения¹¹.

¹⁰ См. Российская экономика возвращается в застой. // <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/12/24/622381-rossiiskaya-ekonomika-vozvrashaetsya-v-zastoi>

¹¹ Новости АРБ, 26.03.2015; См. Материалы 26 съезда Ассоциации российских банков, 07.04.2015; Годовой доклад Ассоциации российских банков «Антикризисная тактика и стратегия: взаимодействие банков и регуляторов», Москва, АРБ. – 76 с.

Не в полной мере разделяя эту позицию, нам представляется важным обеспечить, прежде всего, количественное и качественное развитие кредитного рынка, который позволит решить комплекс актуальных для экономики страны вопросов: а) обеспечить компании финансовыми источниками быстрого обновления основных фондов без необходимости накопления значительного объёма денежных средств на протяжении длительного времени (а значит, потери конкурентных позиций); б) значительно сократить расходы бюджетов всех уровней на поддержку производителей; в) компенсировать ряд негативных воздействий макроэкономической политики (например, особенностей курсообразования) на производственный сектор и конечных потребителей.

Банк России, выполняющий функции мегарегулятора финансовых рынков, с одной стороны, усилил надзор за деятельностью финансово-кредитных институтов, а с другой, – совместно с Правительством РФ разработал систему антикризисных мер и программу поддержки банков, находящихся под давлением международных санкций, включая: программу докапитализации банков при помощи ОФЗ через Агентство страхования депозитов; предоставление ликвидности банкам в порядке рефинансирования; разрешение использовать при применении инструкций и положений ЦБ РФ рейтинги, действующие на 1 марта 2014 г., разрешение не понижать рейтинг заёмщика, если ухудшение его финансового состояния связано с изменениями валютного курса; разрешение использовать в расчётах курс валютных пар, зафиксированный в октябре 2014 г. и др.

Анализ роли банковского сектора в российской экономике показал, что основой политики Банка России в последние годы стало оздоровление банковского сектора путем вывода с рынка банковских услуг банков, осуществляющих сомнительные операции; не имеющих перспектив к восстановлению финансовой устойчивости; возможность принять оперативное решение о санации банка с учётом значимости предотвращения несостоятельности (банкротства) банка для экономики и общества в целом.

Банк России стремился делать упор в надзорной практике на профилактику представления банками недостоверной отчетности; идентификацию реальной концентрации риска на бизнес собственников; противодействие проведению сомнительных операций; повышение устойчивости банков к шокам ликвидности;

усиливая надзор за рисками на консолидированной основе; защиту прав заёмщиков, борьбу с ростовщичеством; контроль за процентными ставками по вкладам и потребительским кредитам [20].

Вместе с тем, вышеназванные меры носят в основном тактический, оперативный характер. Они, по сути, являются ответом на существующие в настоящее время вызовы. Поэтому, анализируя роль банковского сектора в экономике, очевидно, следует определить также стратегические долгосрочные целевые параметры развития банковского сектора России.

Восстановление экономического роста и оздоровление экономики в целом будет способствовать преодолению кризиса в банковской сфере. В условиях санкций жизнь в России не остановилась: экономика жива, банки продолжают работать, но их функционирование существенно осложнилось. Западные санкции «высветили» проблемы в банковском секторе России и предопределили необходимость их преодоления, включая совершенствование функционирования банков и надзора за их деятельностью со стороны мегарегулятора.

В условиях глобализации, интеграции, с одной стороны, и регионализации, распада существовавших ранее стран и объединений, с другой¹², роль России на международной арене, вопросы её экономической безопасности и стабильности приобрели особую актуальность.

На национальном уровне в недавнем прошлом эксперты имели все основания рассматривать российскую экономику как экономику сырьевой направленности, называя её даже экономикой колониального типа из-за серьёзного структурного дисбаланса добывающих и перерабатывающих отраслей промышленности. В настоящее время речь идёт о необходимости сосредоточить внимание на цели развития российской экономики. Очевидно, что такой целью является формирование социально-ориентированной рыночной экономики с оптимальной долей участия государства в её регулировании и контроле.

Современная кризисная ситуация в экономике России, её банковском секторе предполагает необходимость определить долгосрочную стратегию развития банков. Известно, что Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации до 2015 г. завершила свое существование. Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г. была разработана в 2008 г. [19].

¹² Примерами могут служить распад СССР, создание ЕАЭС, активизация взаимодействия стран ШОС, БРИКС, СНГ, планируемое создание Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства и др. Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП) (англ. *Transatlantic Trade and Investment Partnership*) — планируемое соглашение о свободной торговле между Европейским союзом и США. Его сторонники полагают, что соглашение приведёт к многостороннему экономическому росту, в то время как противники утверждают, что оно приведёт к увеличению власти корпораций и затруднит правительствам регулирование рынков на благо всего общества. Американское правительство ведет работу по двум направлениям: наряду с ТТИП реализует с аналогичными целями Транстихоокеанское партнерство.

Анализ этих документов показал, что их качество как стратегически важных документов для развития соответствующих секторов российской экономики было не велико. Достаточно сказать, что например, в принятом в 2011 г. важнейшем для банков документе «Стратегия развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г.» даже не упоминается возможность создания мегарегулятора финансовых рынков. А в 2012 г. было принято политическое решение, и с 01.09.2013 вступил в силу ФЗ от 23.07.2013 № 251 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с передачей Центральному банку Российской Федерации полномочий по регулированию, контролю и надзору в сфере финансовых рынков».

Нам представляется важным разработать государственную политику (стратегию и такти-

ку) развития финансового рынка России, включая: а) концепцию развития финансового рынка в целом и его секторов; б) поставить реальные стратегические цели; в) определить институциональные основы развития рынка, предложить перспективную модель финансового рынка для России (банк-ориентированная или ориентированная на рынок ценных бумаг); г) определить перспективы развития этой модели; д) какой при этом целесообразно использовать инструментов и т.д.

Теоретическое, концептуальное, методологическое её обоснование, расширение диапазона ретроспективного и перспективного анализа государственной стратегии развития банковского сектора российской экономики позволит осуществить постепенный переход от «ручного» к научному управлению банковским сектором в нашей стране.

Список литературы

1. Антикризисная тактика и стратегия: взаимодействие банков и регуляторов. / Годовой доклад АРБ 2015 / Подготовлен к 26 съезду Ассоциации российских банков. М.: АРБ, 2015. 76 с.
2. Денежная база в широком определении в 2016 году [Электронный ресурс]. // Банк России. 01.01.2016. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/MB.asp (дата обращения 24.08.2015)
3. «VTB Direct» теперь в Германии [Электронный ресурс]. // ВТБ 24 (ЗАО). 06.05.2011. Режим доступа: <http://bankir.ru/novosti/s/-vtb-direct-teper-v-germanii-10000071#ixzz3iVQhk1YD> (дата обращения 24.08.2015)
4. Денежно-кредитная политика как инструмент экономического роста ... или падения? / Из выступления на заседании круглого стола Вольного экономического общества России. 26.03.2015.
5. О порядке размещения средств Фонда национального благосостояния на депозиты во Внешэкономбанке // Документы Правительства Российской Федерации. 06.05.2015. Режим доступа: <http://government.ru/docs/18062/> (дата обращения 24.08.2015)
6. Кашин В. Избавиться от банков? // Аргументы и факты. 2015. № 46.
7. Кодекс либерализации движения капитала, 1961 г. [Электронный ресурс]. // Московский офис ОЭСР. Режим доступа: <http://oecd.ru.org/rusweb/general/codex.htm> (дата обращения 24.08.2015)
8. Официальный сайт МВФ. Режим доступа: <http://www.imf.org/external/russian/index.htm> (дата обращения 24.08.2015)
9. О просрочке замолвите слово [Электронный ресурс]. // Объединенное кредитное бюро. 03.06.2015. Режим доступа: <http://www.bki-okb.ru/press/media/o-prosrochke-zamolvite-slovo> (дата обращения 24.08.2015)
10. Отчет о развитии банковского сектора и банковского надзора в 2014 году. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2015. 120 с. [Электронный ресурс]. // Официальный сайт Банка России. Режим доступа: http://cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9878 (дата обращения 24.08.2015)
11. Гудкова В. Прекратите дёргать. Интервью Т. Голиковой. // Аргументы и факты. 23.12.2015. № 52.
12. Воздвиженская А., Николаев Я. Расплатись «Миром». // Российская газета. 18.12.2015. № 286.
13. Вопросы ВВП. О чем спрашивали Владимира Путина. Только цифры // Российская газета. 18.12.2015. № 6857.
14. Российская экономика возвращается в застой [Электронный ресурс]. // Ведомости . 24.12.2015. Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/12/24/622381-rossiiskaya-ekonomika-vozvraschaetsya-v-zastoi> (дата обращения 24.08.2015)
15. Официальная статистика. Цены [Электронный ресурс]. // Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (дата обращения 24.08.2015)
16. Воронова Т. РСХБ собирает урожай убытков // Ведомости. 08.12.2015. № 3976.
17. Сбербанк может прекратить работу в пяти странах Запада [Электронный ресурс]. // Arbat City. 21.05.2015. Режим доступа: <http://www.arbatcity.ru/bank/27705-sberbank-mozhet-prekratit-rabotu-v-ryati-stranah-zapada.html> (дата обращения 24.08.2015)

■ Мировая экономика

18. Сбербанк и ВТБ нашли способ обойти санкции [Электронный ресурс]. // Quote.rbc.ru. 05.06.2015. Режим доступа: <http://www.rbc.ru/finances/05/06/2015/55706a779a7947679f3d2c7b> (дата обращения 24.08.2015)
19. Стратегия развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 г. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12. 2008 № 2043-р. // "РГ-Бизнес". 03.02.2009. №688. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2009/02/03/finansy-strategia-dok.html> (дата обращения 24.08.2015)
20. Симановский А.Ю. (Банк России). Стратегические аспекты развития банковской системы Российской Федерации // Материалы II Международного форума Финансового университета «В поисках утраченного роста». 24-26 ноября 2015 года. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Москва, 21.11.2014. Режим доступа: <http://www.fa.ru/projects/forum24/news/Documents/eprvgt-forum-presentation-Simanovsky-24-11-2014> (дата обращения 24.08.2015)
21. Кувшинова О. Экономика пошла ко дну // Ведомости. 25.12.2015. № 3989.
22. The Economist. 04.10.2008. World on the edge.
23. Luc Laeven, Fabian Valencia Systemic Banking Crises Database: An Update/ IMF working paper. 2012. № 12. 32 p. WP/12/163. [Электронный ресурс]. // imf.org. Режим доступа: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp12163.pdf> (дата обращения 24.08.2015)
24. Summers G. Why Derivatives caused financial crisis [Электронный ресурс]. // Seeking Alpha. 12.04.2011. Режим доступа: <http://seekingalpha.com/article/198197-why-derivatives-caused-financial-crisis> (дата обращения 24.08.2015)
25. White W. International Agreements in the Area of Banking and Finance: Accomplishments and Outstanding Issues. Bank for International Settlements. Monetary and Economic Department. Working Paper #38. Basle. October 1996. 41 p. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://www.bis.org/publ/work38.pdf> (дата обращения 24.08.2015)

Об авторе

Панова Галина Сергеевна – д.э.н., проф., заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» МГИМО МИД России. E-mail: granova@mail.ru.

BANKS AND BANKING BUSINESS IN RUSSIA IN THE FACE OF INTERNATIONAL SANCTIONS

Galina S. Panova

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *The article provides an analysis of the present condition and prospects of development of banks and the banking business in the face of international sanctions. It identifies current trends, problems and the risks of banks and banking in Russia and in the world. Special attention is paid to the analysis of sectoral international sanctions against the Russian banks and the need to minimize negative impact of sanctions on the banking business, both nationally and internationally. Great value in these conditions has the state monetary policy. Anti-crisis policy pursued by the Bank of Russia, in a context of stagnating economy, leads to a reduction in the Russian share in the world economy and increases in the standard of living gap with the developed countries. The article argues that Russia's economic growth opportunities in 2016 are limited by restriction level of bank interest, the high volatility of the exchange rate of the national currency, insufficient development of credit relations, tough, high-budget (at the level of developed Europe) tax burden, increasing administrative costs, dramatically increasing the concentration of risks of subjective decisions at the present stage of the electoral cycle.*

In a situation of uncertainty of predictions regarding the scope and duration of the application of sanctions, the Russian Government and the Central Bank of the Russian Federation had rightly seek to use a combination of anti-sanctions measures of austerity measures on introduction of contra-sanctions to create more comfortable conditions for doing business in Russia and her allies from member countries of Eurasian Economic Union, SCO, BRICS.

The article examines the strategic aspects of development banks and banking business in Russia under the new circumstances. Given the practical recommendations on improvement of the development strategy of banks in Russia. The necessity to improve the theoretical, conceptual, methodological, her reasoning and

extend the range of retrospective and prospective analysis of the State of the banking sector development strategy of the Russian economy.

Key words: banks, banking, global finance-banking crisis, economic sanctions, monetary policy, inflation and post-crisis development.

References

1. Antikrizisnaia taktika i strategii: vzaimodeistvie bankov i regulatorov. / Godovoi doklad ARB 2015 / Podgotovlen k 26 s"ezdu Assotsiatsii rossiiskikh bankov [Anti-crisis strategy and tactics: the interaction of banks and regulators. / ARB/2015 annual report prepared for 26 Congress of the Association of Russian banks]. Moscow, ARB Publ., 2015. 76 p. (In Russian)
2. Denezhnaia baza v shirokom opredelenii v 2016 godu [The monetary base in the broad definition in 2016]. The Bank Of Russia. 01.01.2016. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/MB.asp (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
3. «VTB Direct» teper' v Germanii [«VTB Direct» now in Germany]. VTB 24 (ZAO). 06.05.2011. Available at: <http://bankir.ru/novosti/s/-vtb-direct-teper-v-germanii-10000071#ixzz3iVQhk1YD> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
4. Denezhno-kreditnaia politika kak instrument ekonomicheskogo rosta ... ili padeniia? [Monetary policy as a tool for economic growth. or fall?] Iz vystupleniia na zasedanii kruglogo stola Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [Meeting of the round table of the Free Economic Society of Russia]. 26.03.2015. (In Russian)
5. O poriadke razmeshcheniia sredstv Fonda natsional'nogo blagosostoianiia na depozity vo Vneshekonombanke [On the order of placement of the National Wealth Fund to be deposited with Vnesheconombank]. Dokumenty Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii [Documents Of The Government Of The Russian Federation]. Available at: <http://government.ru/docs/18062/> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
6. Kashin B. Izbavit'sia ot bankov? [Getting Rid of Banks?]. Argumenty i fakty. 2015. No. 46. (In Russian)
7. Kodeks liberalizatsii dvizheniia kapitala, 1961 g. [Code Of Liberalisation Of Capital Movements, 1961]. OECD Moscow Office. Available at: <http://oecd.ru/org/rusweb/general/codex.htm> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
8. IMF. Available at: <http://www.imf.org> (Accessed 24.08.2015)
9. O prosrochke zamolvite slovo [Say a word of the delay]. Ob"edinennoe kreditnoe biuro [The Combined Credit Bureau]. 03.06.2015. Available at: <http://www.bki-okb.ru/press/media/o-prosrochke-zamolvite-slovo> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
10. Otchet o razvitii bankovskogo sektora i bankovskogo nadzora v 2014 godu [Report on the development of the banking sector and banking supervision in the year 2014]. Available at: http://cbr.ru/publ/archive/root_get_blob.aspx?doc_id=9878 (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
11. Gudkova V. Prekratite dergat' T. Golikova interview. [Stop pulling. Interview with T. Golikova.]. Arguments and facts, 23.12.2015, no. 52.
12. Vozdvizhenskaya A., Nikolaev Ya. Rasplatis' «Mirom» [Reckoning "Peace"]. Rossiyskaya Gazeta, 18.12. 2015, no. 286.
13. Voprosy VVP. O chem sprashivali Vladimira Putina. Tol'ko tsifry [Questions of GDP. What Putin asked. Only numbers]. Rossiyskaya Gazeta, 18.12. 2015, no. 286.
14. Rossiiskaia ekonomika vozvrashchaetsia v zastoi [The Russian economy returns to a standstill]. Vedomosti, 24.12.2015. Available at: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/12/24/622381-rossiiskaya-ekonomika-vozvrashchaetsya-v-zastoi> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
15. Ofitsial'naia statistika. Tseny [Official statistics. Prices]. Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/# (Accessed 24.08.2015)
16. Voronova T. RSKhB sobiraet urozhai ubytkov [Rosselkhozbank collects the harvest losses]. Vedomosti, 08.12.2015, no. 3976. (In Russian)
17. Sberbank mozhet prekratit' rabotu v piati stranakh Zapada [Sberbank can stop working in five countries of the West]. Available at: <http://www.arbatcity.ru/bank/27705-sberbank-mozhet-prekratit-rabotu-v-pyati-stranah-zapada.html> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
18. Sberbank i VTB nashli sposob oboiti sanktsii [Sberbank and VTB found a way to circumvent the sanctions]. Available at: <http://www.rbc.ru/finances/05/06/2015/55706a779a7947679f3d2c7b> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
19. Strategiiia razvitiia finansovogo rynka Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 g. Rasporiazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 29.12.2008 № 2043-r. [Financial market development strategy of the Russian Federa-

■ Мировая экономика

- tion for the period up to 2020, the Government of the Russian Federation Act of 29.12. 2008, no. 2043-р]. RG-Biznes, 03.02.2009, no.688. Available at: <http://www.rg.ru/2009/02/03/finansy-strategia-dok.html> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
20. Simanovskii A.Iu. (Bank Rossii). Strategicheskie aspekty razvitiia bankovskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii [Simanovskiy A.J. (Bank of Russia). Strategic aspects of the Russian banking system]. Materialy II Mezhdunarodnogo foruma Finansovogo universiteta «V poiskakh utrachennogo rosta». 24-26 noiabria 2015 goda. Finansovyi universitet pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. Moskva, 21.11.2014. [Proceedings of the II International Forum of Financial University "In search of lost growth." November 24-26, 2015. Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow]. Available at: <http://www.fa.ru/projects/forum24/news/Documents/eprvgt-forum-presentation-Simanovsky-24-11-2014> (Accessed 24.08.2015) (In Russian)
 21. Kuvshinova O. Ekonomika poshla ko dnu [The economy is sinking]. Vedomosti, no. 3989 of 25.12.2015.
 22. The Economist. 04.10.2008. World on the edge.
 23. Luc Laeven, Fabian Valencia Systemic Banking Crises Database: An Update/ IMF working paper, 2012, no. 12. 32 p. WP/12/163. imf.org. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2012/wp12163.pdf> (Accessed 24.08.2015)
 24. Summers G. Why Derivatives caused financial crisis. Seeking Alpha. 12.04.2011. Available at: <http://seekingalpha.com/article/198197-why-derivatives-caused-financial-crisis> (Accessed 24.08.2015)
 25. White W. International Agreements in the Area of Banking and Finance: Accomplishments and Outstanding Issues. Bank for International Settlements, Working Paper #48. Basle. October 1996. 41 p. Available at: <http://www.bis.org/publ/work38.pdf> (Accessed 24.08.2015)

About the author

Galina S. Panova – Dr. of Economics, professor, Chair of the Department of Banks, Monetary Circulation and Credit, MGIMO, Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: gpanova@mail.ru.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ РОССИИ В ВАССЕНААРСКИХ ДОГОВОРЕННОСТЯХ

Л.С. Ревенко, Н.С. Ревенко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Центр исследований международных экономических отношений, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. 125993, г. Москва, Ленинградский проспект 49.

Современная военно-политическая ситуация в мире ставит вопрос о необходимости использования всех имеющихся у России возможностей для противодействия направленных против нее действий. Одну из возможностей представляет участие страны в международных режимах экспортного контроля, в том числе в Вассенаарских договоренностях (ВД).

Членство в ВД позволяет России поддерживать свой международный статус, содействовать укреплению международной стабильности, гарантировать ненаправленность этого форума против нее, участвовать в выработке решений, затрагивающих ее экономические интересы.

Участие в ВД важно также с точки зрения модернизации структуры экономики России в направлении перехода к новому технологическому укладу, который сопровождается появлением новых групп инновационных продуктов и модификацией существующих. Одним из условий для осуществления их экспорта является контроль за пересечением границ страны товарами и услугами двойного использования.

Вассенаарские договоренности созданы на замену КОКОМ в 1995 г. в целях содействия региональной и международной безопасности и стабильности. В рамках форума проводится большая работа по совершенствованию контроля за поставками обычных вооружений и высокотехнологичных товаров двойного использования.

Российская система экспортного контроля полностью отвечает требованиям международных режимов экспортного контроля, в том числе ВД, и эффективно работает. Вывоз из России контролируемых товаров или их передача иностранным лицам на российской территории возможны только на основании решений Комиссии по экспортному контролю Российской Федерации.

В современных условиях развития НТП обостряется дилемма между необходимостью поддержки экспортеров через снижение административных барьеров и обеспечением интересов безопасности страны.

Ключевые слова: экспортный контроль, международные режимы, Вассенаарские договоренности, требования к поставкам товаров двойного использования.

Современная военно-политическая ситуация в мире, для которой характерны обострение противоречий между Россией и западными странами во главе с США, продолжающиеся региональные конфликты, политическая нестабильность в отдельных регионах и странах, а также попытки использования различных рычагов давления на Россию с целью подрыва ее политических и экономических позиций и смены политического руководства в стране выводят на первый план необходимость использования всех имеющихся у России возможностей для противодействия таким действиям. Одну из таких возможностей предоставляет участие России в международных режимах экспортного контроля.

Членство нашей страны в таких режимах преследует несколько целей.

Во-первых, являясь правопреемницей Советского Союза и постоянным членом Совета Безопасности ООН, Россия обязана поддерживать свой статус мировой политической и военной державы, чей голос должен учитываться при принятии решений, имеющих общечеловеческое значение.

Во-вторых, задачей международных режимов экспортного контроля является укрепление режимов нераспространения оружия массового поражения (ОМП) и содействие международной стабильности путем предотвращения приобретения отдельными странами ракет для его доставки и современных обычных вооружений. Участвуя в их деятельности, Россия вносит существенный вклад в выполнение этой задачи.

В-третьих, все меры, разрабатываемые в рамках международных режимов экспортного контроля, действуют применительно к поставкам в третьи страны, то есть не являющиеся участниками этих многосторонних механизмов. Это, с одной стороны, гарантирует, что деятельность международных режимов с участием России не будет направлена против нашей страны, с другой – создает условия для поступления в Россию из-за рубежа высокотехнологичных товаров, поскольку заявки на экспорт высоких технологий партнеру по режиму имеют гораздо больше шансов на одобрение органами экспортного контроля государства-поставщика.

В-четвертых, членство России в режимах дает ей возможность участвовать в выработке решений о внесении изменений в основополагающие документы форумов, в т.ч. касающихся критериев осуществления поставки. Имеет также большое практическое значение участие российских экспертов в работе по корректировке контрольных списков. Как следствие, из списков выводятся товары и технологии, являющиеся важными позициями российского экспорта, а предложения о включении в списки предметов, имеющих широкое гражданское применение, порой не получают консенсуса из-за возражений российской делегации.

Участие в международных режимах экспортного контроля важно также с точки зрения

модернизации структуры экономики России в направлении перехода на инновационную модель развития, которая имеет множество аспектов и структурно подчиненных проблем. Складывающиеся новые контуры взаимодействия геополитических, экономических, технологических условий развития страны предполагают необходимость осмысления на современном этапе тех из них, которые являются реалиями хозяйственной жизни на протяжении среднесрочного и долгосрочного периодов.

В теории и практике торговой политики экспортный контроль относится к нетарифным ограничениям. При высокой степени разработанности тематики, связанной с торгово-политическими аспектами хозяйственной жизни стран мира, проблематика экспортного контроля раскрыта весьма скромно. Это объясняется не только сложностью взаимодействия интересов и функций различных структур, обеспечивающих его реализацию, но и определенной закрытостью информационных пластов.

Практическими вопросами экспортного контроля на международном уровне во всех странах, имеющих соответствующие национальные системы, занимаются межведомственные структуры (комиссии, комитеты, группы экспертов и т.д.). Фактически это одно из направлений дипломатии, целью которого является комплексная защита политических, военных, экономических интересов страны с использованием торгово-политического инструментария [3, с. 49-50]

Основными источниками и теоретической основой для исследования тематики экспортного контроля являются документы многосторонних режимов, нормативно-правовые акты России и развитых стран, отдельные немногочисленные публикации по тематике экспортного контроля – в основном в контексте проблематики нераспространения ОМП. В статье также обобщен опыт дипломатической работы одного из ее авторов, который в течение 10 лет участвовал с российской стороны вначале в работе по созданию Вассенаарских договоренностей – одного из пяти многосторонних режимов экспортного контроля и затем в деятельности этого форума.

Междисциплинарный подход к решению проблем экспортного контроля является базовым как в деятельности Вассенаарских договоренностей, так и для российской системы экспортного контроля и, соответственно, лежит в основе методики данного исследования.

Важнейшей чертой современного этапа экономического развития стран мира является переход к новому технологическому укладу. При этом, как справедливо отмечается в трудах С.Ю. Глазьева, «в ходе каждого структурного кризиса мировой экономики, сопровождающего процесс замещения доминирующих технологических укладов, открываются новые возможности экономического роста» [2, с. 200]. При этом на «восходящей волне наиболее интенсивно эксплуатируется конструкторская ветвь технического

прогресса, связанная с ростом новых отраслей производства» [4, с. 374] и, соответственно, появлением новых товаров.

Сценарии и прогнозы развития России предполагают опору на структуру формирующегося нового технологического уклада с целью преодоления отставания страны в сфере создания высокотехнологичных товаров – как для удовлетворения потребностей внутреннего рынка, так и для поставок на внешние рынки.

Такой подход соответствует общемировой тенденции. Создание новых продуктов и модернизация существующих идет не только в направлении удовлетворения внутренних потребностей, но и с ориентацией на внешний спрос. При этом «среди основных направлений НТП, оказывающих влияние на мировые товарные рынки, важно выделить те из них, которые формируются конвергентными технологиями, определяющими коммерческий потенциал его современной волны. Основанием для подобного предположения является активное взаимное проникновение (конвергенция) результатов научных исследований различных дисциплин и, соответственно, методов воздействия на материальный мир с целью получения новых товаров» [11, с. 31].

Несмотря на низкую долю высокотехнологичной продукции в современном российском экспорте (по данным директора Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте С.Д. Бодрунова, она снизилась с 18,3% в 2003 г. до 8,4% в 2013 г.), стратегические ориентиры экономического развития страны нацелены на инновационный путь [1, с. 160].

Потенциал развития российского высокотехнологичного экспорта можно оценить по ряду документов, одним из которых является Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Ее целевые показатели включают:

- «увеличение доли предприятий промышленного производства, осуществляющих технологические инновации, в общем количестве предприятий промышленного производства до 40-50% к 2020 году (в 2009 году – 9,4 %);

- увеличение доли России на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг (атомная энергетика, авиатехника, космическая техника и услуги, специальное судостроение и др.) до 5-10% в 5-7 и более секторах экономики к 2020 г.;

- увеличение доли экспорта российских высокотехнологичных товаров в общем мировом объеме экспорта высокотехнологичных товаров до 2% к 2020 г. (в 2008 г. – 0,25%);

- увеличение валовой добавленной стоимости инновационного сектора в валовом внутреннем продукте до 17–20% к 2020 г. (в 2009 г. – 12,7%);

- увеличение доли инновационной продукции в общем объеме промышленной продукции до 25–35% к 2020 г. (в 2010 г. – 4,9 %)» [15].

Прогноз социально-экономического развития России до 2030 года в его форсированном сценарии предполагает «концентрацию усилий на прорывных научно-технологических направлениях, которые позволяют резко расширить применение отечественных разработок и улучшить позиции России на мировом рынке высокотехнологичной продукции и услуг» [7].

Однако стратегическая задача расширения экспорта такой продукции из России не может решаться без выполнения ряда условий, находящихся за рамками технологических, инвестиционных, ресурсных и организационных проблем.

Одним из таких условий является контроль за пересечением границ страны товарами и услугами, использование которых за рубежом может способствовать разработке и производству ОМП, ракет для его доставки и современных обычных вооружений и тем самым подорвать режимы нераспространения, потенциально нанести ущерб России в сфере безопасности.

Система экспортного контроля России, призванная решать эти задачи, была создана в 1992 г. Составными ее элементами являются:

- законодательство и нормативная база (Федеральный закон «Об экспортном контроле» от 18 июля 1999 г. №183-ФЗ, указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации);

- списки товаров и технологий, экспорт которых контролируется;

- лицензирование поставок за рубеж контролируемых товаров;

- комплекс правоприменительных мер по обеспечению выполнения экспортерами требований экспортного контроля [13, с. 59].

При создании этой системы учитывались рекомендации пяти международных режимов экспортного контроля. Четыре из них (Группа ядерных поставщиков, Комитет Цангера, Режим контроля за ракетными технологиями и Австралийская группа) ставят своей целью предотвращение распространения ОМП и баллистических ракет, способных его доставлять. Вассенаарские договоренности регулируют передачи обычных вооружений и товаров двойного использования, применяемых при их разработке и производстве.

Как известно, ранее поставки товаров, входящих в компетенцию ВД, контролировались в рамках Координационного комитета многостороннего экспортного контроля (КОКОМ), созданного в ноябре 1949 г. для ограничения поставок высоких технологий в СССР и другие социалистические страны. Действовавшая в КОКОМ процедура принятия решений практически исключала получение Советским Союзом многих нужных для его экономики товаров, поэтому для закупок контролируемых этим форумом оборудования, товаров и технологий применялись разного рода обходные схемы с участием посредников. В итоге СССР получал далеко не все необходимые ему товары, а исполь-

■ Мировая экономика

зуемые схемы приобретения вели к удорожанию закупаемых товаров.

Основой для контроля в рамках КОКОМ были 3 списка:

- Ядерный список, в который входили расщепляющиеся материалы, ядерные реакторы и другое оборудование;

- Военный список, содержащий все товары и технологии военного назначения;

- Промышленный список, включавший товары и технологии, используемые при создании и производстве обычных вооружений [20, с.155].

Бессмысленность сохранения этой структуры стала очевидной сразу после окончания «холодной войны», но для ее ликвидации потребовалось несколько лет. Лишь на встрече «высокого уровня» КОКОМ 16 ноября 1993 г. было принято решение о роспуске этой организации и учреждении ей на замену Нового форума экспортного контроля [19, с. 33]. В итоге КОКОМ прекратил свое существование в ночь с 31 марта на 1 апреля 1994 г.

Необходимость в создании новой структуры была связана с тем, что после ликвидации КОКОМ появился пробел в контроле за передачами обычных вооружений и товаров и технологий, используемых для их разработки и производства, а их бесконтрольные поставки могли бы негативно сказаться на поддержании стабильности как в мире в целом, так и в его отдельных регионах.

Решением упомянутой встречи «высокого уровня» предусматривалось, что соучредителями Нового форума будут 17 стран – членов КОКОМ, Россия и государства Восточной Европы. Однако приглашение России затянулось на полтора года, поскольку со стороны США были выставлены неприемлемые условия. Лишь в июне 1995 г. была найдена компромиссная развязка, и осенью российские представители присоединились к работе по разработке основополагающих документов форума. Несколько раундов переговоров в рамках трех рабочих групп завершились принятием на встрече в пригороде Гааги Вассенааре в декабре 1995 г. решения о создании режима, который получил официальное название «Вассенаарские договоренности по экспортному контролю за обычными вооружениями, товарами и технологиями двойного использования» (ВД). Поскольку в ходе переговоров выявились существенные разногласия в подходах сторон к содержанию Руководящих принципов, было решено назвать их Первоначальными элементами¹. В соответствии с этим документом, целью форума является «содействие региональной и международной безопасности и стабильности путем повышения транспарентности и ответственности в области передач обычных вооружений, товаров и технологий двойного использования, чтобы препятствовать таким образом дестабилизирующим накоплениям» [18].

Участники согласились с тем, что режим «должен дополнять и усиливать, избегая при этом дублирования, существующие режимы контроля за ОМУ и средствами их доставки, равно как и другие международно признанные меры, направленные на повышение транспарентности и большей ответственности» [18]. По предложению России в документ было включено положение о ненаправленности договоренностей против какого-либо государства или группы государств, не препятствовании законным гражданским сделкам и праву государств приобретать законные средства самообороны согласно статье 51 Устава ООН [18].

Другими основополагающими документами режима, одобренными первым пленарным заседанием ВД, состоявшимся в апреле 1996 г. в Вене, являются список вооружений и список товаров и технологий двойного использования.

Хотя Россия участвовала в разработке списка вооружений, она заявила, что рассматривает его как справочный, то есть для иллюстрации того, в каких вооружениях применяются конкретные товары двойного использования. Аналогичной позиции придерживалась Франция², а позже эту же оговорку сделала Украина, принятая в ВД в конце 1990-х гг.

«Базовый» список состоит из 9 категорий товаров и технологий двойного использования: специальные материалы и связанные с ними оборудование и снаряжение; обработка материалов; электроника; вычислительная техника; телекоммуникации (часть 1) и защита информации (часть 2); датчики и лазеры; навигация и авиационная электроника; морское дело; авиационно-космическая промышленность и двигатели/силовые установки [14].

Основным принципом, использованным при его формировании, была важность тех или иных товаров и технологий для создания современных обычных вооружений. Одновременно участники стремились не включать в него товары, имеющие широкое гражданское применение. По этой причине многие позиции из этого списка имеют четко сформулированные технические параметры. Так, в категорию 3 вошли электронно-оптические и оптические интегральные схемы для обработки сигналов, которые имеют по крайней мере по одному лазерному диоду и внутреннему светочувствительному элементу, а также световоды.

Другим примером является входящее в категорию 6 оборудование, которое разработано для подводной топографической съемки морского дна, имеет скорость промеров более 3800 и может эксплуатироваться на глубине более 300 м.

«Базовый список имеет два приложения – «чувствительных» и «весьма чувствительных» предметов³, в которые вошли товары и техноло-

¹ В 2003 г. получил название «Руководящие принципы и процедуры, включая Первоначальные элементы».

² В 2003 г. Франция сняла эту оговорку.

³ С 2003 г. называются «чувствительным списком» и «особо чувствительным списком».

гии, являющиеся ключевыми для производства современных вооружений и военной техники.

В эти приложения включены такие товары и технологии, как токарные и фрезерные станки с высокой точностью позиционирования и имеющие не менее пяти осей (при этом, для контурного управления они могут быть скоординированы вдоль любой линейной оси); атомные эталоны частоты, пригодные для использования в космосе; обитаемые непривязные подводные аппараты, предназначенные для работы на глубине более 1 километра или способные автономно непрерывно работать в течение не менее 10 часов, и имеющие радиус действий не менее 25 морских миль; активные системы снижения шума или шумоподавления; материалы для поглощения электромагнитных волн в области конкретных частот.

Было достигнуто понимание того, что эти приложения применяются для целей транспарентности, поэтому для включенных в них позиций разработаны специальные процедуры направления уведомлений о поставках и отказах в выдаче экспортных лицензий. А при поставке включенных в приложения товаров должна проявляться «особая бдительность».

За время, прошедшее после создания ВД, произошла определенная эволюция этого многостороннего режима экспортного контроля.

Во-первых, был разработан целый ряд документов, а именно:

- Элементы для объективного анализа и оказания помощи по вопросу потенциально дестабилизирующих накоплений обычных вооружений;
- Рекомендации по наилучшим практикам экспорта легкого и стрелкового оружия;
- Основы экспортного контроля за переносными зенитно-ракетными комплексами;
- Основы эффективного законодательства по оружейной брокерской деятельности;
- Наилучшие практики осуществления контроля за неосязаемыми передачами технологий;
- Наилучшие практики для предотвращения дестабилизирующих передач легкого и стрелкового оружия;
- Рекомендации по наилучшим практикам в отношении внутрифирменных программ соблюдения правил поставок товаров и технологий двойного использования;
- Рекомендации по наилучшим практикам контроля за последующей передачей (реэкспортом) систем обычных вооружений;
- Основы контроля за транспортировкой обычных вооружений между третьими странами;
- Заявление о взаимопонимании о контроле за товарами двойного использования, не включенными в контрольный список.

Пленарное заседание ВД, состоявшееся 2-3 декабря 2015 г., утвердило Рекомендации по наилучшим практикам по вопросам транзита и перегрузок.

Эти документы являются важным подспорьем органам экспортного контроля государств-участников ВД в принятии решений о выдаче экспортных лицензий на поставку контролируемых товаров и технологий. Например, для поддержания региональной стабильности имеет большое значение предотвращение чрезмерных, то есть в количестве, превышающем потребности национальной обороны, поставок легкого и стрелкового оружия. Ведь именно с его применением происходят многие региональные конфликты и «цветные» революции. Попадание переносных зенитно-ракетных комплексов в руки террористов может иметь следствием гибель пассажиров гражданских воздушных судов. Всегда также существует риск того, что поставленные через посредников или через перевалочные пункты контролируемые товары будут использоваться в незаявленных целях, подрывая тем самым международную безопасность и стабильность.

Во-вторых, был несколько расширен и существенно детализирован основанный на Регистре ООН список категорий обычных вооружений, в соответствии с которым участники обмениваются уведомлениями о поставках. Так, в соответствии с Регистром обычных вооружений ООН, страны ежегодно обмениваются уведомлениями о количестве поставленных ими в течение предыдущего календарного года вооружений и военной техники по 7 категориям: боевые танки, боевые бронированные машины, артиллерийские системы большого калибра, боевые самолеты, боевые вертолеты, военные корабли, ракеты и ракетные системы. В ВД обмен уведомлениями осуществляется 2 раза в год по 8 категориям (к указанным семи добавлена восьмая – «Легкое и стрелковое оружие – переносные виды оружия, изготовленные или модифицированные для военного применения в качестве смертоносных средств войны»). Кроме того, детализированы отдельные категории Регистра ООН путем разделения их на подкатегории по целям использования и калибра.

Методично велась работа по совершенствованию контрольного списка товаров двойного использования путем включения в него новых технологий, изменения технических параметров конкретных контролируемых позиций и выведения из-под контроля товаров, получивших массовое гражданское применение. Например, в 2015 году с 8 до 12,5 взвешенных Терафлос был повышен показатель приведенной пиковой производительности цифровых ЭВМ. Одновременно из списка было исключено требование о том, что ЭВМ, сопутствующее оборудование и программное обеспечение, которое способно осуществлять криптоанализ, криптографию и выполнять другие функции, такие как сертифицируемая многоуровневая защита информации, должны быть также изучены на предмет соответствия характеристикам, указанным в категории 5.2. (защита информации).

Наконец, необходимо отметить такие направления деятельности ВД, как встречи сотрудников лицензионных и правоохранительных органов (ЛЕОМ) и информобмен в рамках ежегодных пленарных заседаний. На встречах ЛЕОМ производится полезный обмен опытом сотрудников национальных органов, вовлеченных в экспортный контроль, о применении на практике принципов ВД и разработанных в их рамках «наилучших практик». В ходе информобмена участники доводят до сведения остальных партнеров свое видение ситуации в отдельных странах и регионах, привлекают внимание к продолжающимся конфликтам и назревающим конфликтным ситуациям, действиям импортеров и посредников с целью обхода экспортных ограничений.

На протяжении всего периода существования ВД российская делегация активно участвовала в этой работе, содействуя тем самым повышению эффективности форума, а также создания благоприятных условий для поступления в нашу страну современных технологий.

Важно отметить, что в силу специфики товаров, контролируемых Вассенаарскими договоренностями, этот многосторонний механизм является скорее не режимом, а форумом, в рамках которого участники согласовывают свои национальные подходы. Например, в отличие от Группы ядерных поставщиков, Режимы контроля за ракетными технологиями и Австралийской группы в ВД не применяется политика «неподрыва» (требование о проведении предварительных консультаций перед принятием решения о поставке какого-либо товара конкретному зарубежному покупателю, если ранее от одного из участников режима поступило уведомление об отказе в осуществлении аналогичной сделки). Это связано с тем, что поставки вооружений являются частью национальной политики каждого государства. Кроме того, целью ВД является не укрепление режимов нераспространения ОМП и предотвращение поставок в интересах создания баллистических ракет большой дальности, а препятствование дестабилизирующим накоплениям обычных вооружений [18]. В этой связи страны обмениваются лишь уведомлениями об осуществленных поставках товаров двойного использования, причем по строго ограниченной номенклатуре товаров и в основном в агрегированной (т.е. об общем количестве) форме.

Применительно к теме статьи принципиально важно зафиксированное в Руководящих принципах положение о том, что «решение о передаче или отказе в передаче любого товара будет являться исключительной ответственностью каждого государства-участника» [18]. Таким образом, российские компетентные органы самостоятельно выдают заключение о возможности экспорта на основе согласованных в многостороннем формате критериев и списков.

В России головным органом является Комиссия по экспортному контролю Россий-

ской Федерации (КЭК), задачей которой является координация деятельности российских ведомств, а также организационное и методическое руководство работами по тематике экспортного контроля. А непосредственная реализация государственной политики и организация межведомственного взаимодействия в этой области возложена на Федеральную службу по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) [16]. Эта служба принимает заявки от российских экспортеров, организует проведение государственной экспертизы внешнеэкономических сделок с контролируемыми товарами, технологиями и услугами, а также готовит, оформляет и выдает разрешения КЭК на осуществление внешнеэкономических операций и экспортные лицензии [12, с. 59].

Под поставками за рубеж контролируемых товаров понимается их вывоз и (или) передача иностранным лицам, международным организациями или их представителям независимо от способа передачи. Таким образом, поставки включают в себя не только физическое перемещение товаров и технологий через границу, но и пересылку почтой или передачу технических данных по электронным каналам связи [10].

Чтобы получить разрешение на поставку предметов, входящих в составленный на основе вассенаарского контрольный список товаров и технологий двойного использования [14], экспортер должен представить в ФСТЭК России:

- заявление о выдаче разрешения;
- копию документа, удостоверяющего личность;
- документ, в котором подтверждаются цель вывоза и срок нахождения за рубежом контролируемых товаров и технологий;
- обязательство возратить на территорию России вывозимые предметы;
- документы с информацией о том, содержатся ли в вывозимых товарах в форме технических данных сведения, составляющие государственную тайну [10].

Важным условием для выдачи положительного заключения о возможности экспорта является указание в прилагаемом договоре или контракте цели и места использования передаваемых товаров и технологий, их конечного пользователя, а также обязательства иностранного покупателя о том, что полученные из России товары или технологии будут использоваться лишь в заявленных целях и не будут модифицироваться, копироваться, кому-либо передаваться или реэкспортироваться без письменного на то разрешения российского поставщика, согласованного с ФСТЭК России [10].

При передаче предметов из разделов 2 и 3 списка («чувствительные» и «весьма чувствительные» товары и технологии) в форме технических данных в страны, которые не являются участниками ВД, требуется письменное подтверждение этих обязательств со стороны уполномоченного на то органа государства, в котором

такие предметы будут использоваться. Кроме того, ФСТЭК России может установить в качестве обязательного условия предоставления конечным пользователем российскому участнику ВЭД права проверки их использования [10].

Вывоз из России контролируемых товаров или их передача иностранным лицам на российской территории возможны только на основании лицензий (разовых или генеральных), которые выдаются ФСТЭК России.

Право на получение генеральной лицензии, которая выдаётся на основании решений российского правительства, имеют лишь юридические и физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, создавшие внутреннюю программу экспортного контроля и получившие свидетельство о государственной аккредитации.

Важно отметить, что из списка технологических платформ, разработанного для целей высокотехнологичного развития страны, под правила экспортного контроля, согласованные в рамках ВД, подпадает потенциальная экспортная деятельность почти всех структур [9]. В этом контексте создание внутренних программ экспортного контроля, с одной стороны, содействует выполнению российскими экспортерами требований экспортного контроля, с другой – упрощает получение ими разрешения на осуществление экспорта, снижает людские и финансовые издержки.

В целях оказания организационно-методической помощи российским экспортерам в разработке и внедрении внутренних программ экспортного контроля (ранее называлось внутрифирменной системой) Федеральной службой по валютному и экспортному контролю, в сферу компетенции которой ранее входила эта тематика, было разработано методическое руководство. В соответствии с этим документом, под такой программой понимается «комплекс мер, добровольно осуществляемых предприятиями и организациями и направленных на то, чтобы экспорт материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации и услуг и принятия решений в этой области осуществлялись ответственно при неукоснительном соблюдении законодательства Российской Федерации» [5]. Основной целью этой работы является создание в организации проверочного механизма, который обеспечивал бы легитимность внешнеэкономических сделок, облегчал соблюдение процедур получения экспортных лицензий, а также не допускал поставок товаров и технологий, способных нанести ущерб государственным интересам Российской Федерации либо нарушить ее международные обязательства [5].

Методическим руководством, в частности, предусмотрено:

- назначение на предприятии (в организации) должностного лица, ответственного за вопросы экспортного контроля, в помощь которому придается персонал и соответствующие средства;

- комплексная проверка (скрининг) внешнеэкономических операций в плане соответствия их экспортноконтрольным требованиям с тем, чтобы выявить подозрительные заказы и избежать осуществления сомнительных сделок;

- классификационная оценка поставляемых товаров и технологий для выявления тех из них, которые подлежат экспортному контролю;

- проверка конечного использования с точки зрения надежности покупателя и конечного пользователя поставляемых предметов, а также выявления рисков, связанных с возможным переключением предметов поставки на запрещенные цели или другому несанкционированному назначению [5].

Для выявления подозрительных заказов и оценки надежности заказчика и конечных пользователей одной из предлагаемых этим документом действенных мер является доведение до сведения сотрудников, которые участвуют в осуществлении внешнеэкономической деятельности и отвечают за экспортный контроль, признаков («индикаторов») риска [5]. Следует также отметить, что в целях повышения эффективности внутренних программ экспортного контроля целесообразно их внедрение на каждом входящем в корпорации предприятии, имеющем право на осуществление внешнеэкономической деятельности.

В заключение следует отметить два аспекта в контексте темы данной статьи.

Во-первых, участие России в ВД и других режимах экспортного контроля не даёт гарантий введения против нее ограничений на поставку контролируемых товаров. Как было отмечено выше, в рамках всех режимов согласовывается политика поставок в страны-непартнеры. В то же время, любая страна вправе вводить ограничения против любого государства исходя из своих политических и военных интересов. Например, даже в середине 1990-х гг. прошлого века, когда российско-американские отношения были на достаточно высоком уровне, Соединенные Штаты не разрешали экспорт в Россию многих предметов из ядерного списка. В США также получила большой резонанс поставка в 1996 г. американской фирмой «Силикон грэфикс» четырех мощных компьютеров для Минатома России, которые были установлены в Российском федеральном ядерном центре – Всероссийском научно-исследовательском институте прикладной физики в г. Снежинске, известном также как «Челябинск-70» [6]. В Вашингтоне утверждали, что эти компьютеры, якобы используемые для моделирования ядерных взрывов, поставлены в нарушение правил экспортного контроля и безуспешно требовали их вернуть. Против «Силикон грэфикс» министерством юстиции США были поданы судебные иски. По двум из них фирма выиграла судебные процессы в 1996 и в 2000 гг., а по третьему в 2002 г. согласилась на урегулирование в досудебном порядке, признав себя виновной в двух случаях нарушения экс-

портных ограничений, и заплатила за каждое по 500 тысяч долларов [17].

Во-вторых, в существующих экономических, политических и военно-политических условиях обостряется дилемма государственного регулирования экспорта из России обычных вооружений и товаров двойного использования. С одной стороны, продвижение их на внешних рынках предполагает, в качестве мер поддержки, снижение административных барьеров для экспортеров и рассмотрение российскими компетентными ведомствами в благоприятном ключе поступающих от них заявок на поставки, с другой – интересы безопасности страны требуют неукоснительного выполнения требований экспортного контроля. Поскольку даже в нынешней нестабильной обстановке в мире существует понимание общности данной проблемы для всех стран, производящих и экспортирующих

обычные вооружения и высокотехнологичные товары и услуги, роль многосторонних режимов экспортного контроля, в том числе Вассенаарских договоренностей, трудно переоценить. Дилемма «конкурентоспособность – безопасность» в ближайшие годы будет решаться в ВД за счет нахождения, в ходе дальнейшего обновления контрольных списков, баланса между интересами обеспечения международной стабильности и устранения препятствий для экспорта товаров и технологий, имеющих широкое гражданское применение, продолжения практики взаимного информирования в рамках режима об основных направлениях развития научно-технического прогресса, снижения уровня конфликтности интересов. Поскольку Россия является активной участницей ВД, такой подход соответствует интересам страны и, в конечном итоге, – интересам российских экспортеров и импортеров.

Список литературы

1. Бодрунов С.Д. Промышленная политика России: уроки прошлого, черты настоящего, дизайн будущего // Труды Вольного экономического общества России. Юбилейное издание. М.: Вольное экономическое общество России, 2015. 1115 с.
2. Глазьев С.Ю. О необходимости смены экономической политики России // Труды Вольного экономического общества России. Юбилейное издание. М.: Вольное экономическое общество России, 2015. 1115 с.
3. Исаченко Т.М. Экономическая дипломатия в условиях политического кризиса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2015. Вып. 3. С. 46-64.
4. Клинов В.Г. Мировые товарные рынки и цены : учебник / В.Г. Клинов, Л.С. Ревенко, Т.И. Ружинская; под ред. Л.С. Ревенко. М., МГИМО-Университет, 2012. 498 с.
5. Методическое руководство по созданию на предприятии (в организации) внутрифирменной системы экспортного контроля [Электронный ресурс]. // ФСТЭК России. 02.12.2014. Режим доступа: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/vnutrifirmennye-programmy/292-metodicheskoe-rukovodstvo> (дата обращения: 15.12.2015).
6. Мушинская М. Победа российской науки над американской администрацией // Коммерсантъ. 20.02.1997. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/172834> (дата обращения: 02.02.2016).
7. О прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года: пояснительная записка [Электронный ресурс]. // Минэкономразвития России. 08.11.2013. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5 (дата обращения: 08.02.2016).
8. Об экспортном контроле: Федеральный закон РФ от 18.07.1999 г. №183-ФЗ. [Электронный ресурс]. // ФСТЭК России. 16.09.2015. Режим доступа: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/zakonodatelstvo/96-zakony/309-federalnyj-zakon-rossijskoj-federatsii-ot-18-iyulya-1999-g-n-183-fz> (дата обращения: 29.11.2015).
9. Перечень технологических платформ: утвержден решением Правительственной комиссии по высоким технологиям и инновациям от 01.04.2011, протокол № 2 [Электронный ресурс]. Минэкономразвития России. 03.04.2012. Режим доступа: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/621c0080472d8e989276deb4415291f1/ptp_.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=621c0080472d8e989276deb4415291f1 (дата обращения: 08.02.2016).
10. Положение об осуществлении контроля за внешнеэкономической деятельностью в отношении товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники : утверждено постановлением Правительства РФ от 07.06.2001 № 447 [Электронный ресурс]. // ФСТЭК России. 01.12.2014. Режим доступа: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/zakonodatelstvo/99-postanovleniya/339-postanovlenie-pravitelstva-rossijskoj-federatsii-ot-7-iyunya-2001-g-n-447> (дата обращения: 08.02.2016).
11. Ревенко Л.С. Мировые товарные рынки: тенденции XXI века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика. 2015. Вып. 3. С. 27-45.

12. Ревенко Л.С. Участие России в многосторонних режимах экспортного контроля как инструмент защиты российских экспортеров / Л.С.Ревенко, Н.С.Ревенко // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №7. С. 49-62.
13. Ревенко Н.С. Продвижение интересов российских экспортеров и импортеров через участие России в международных режимах экспортного контроля // Горизонты экономики. 2015. №4(23). С. 57-62.
14. Список товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль: утвержден указом Президента РФ от 17.12.2011 № 1661 [Электронный ресурс]. // ФСТЭК России. 05.12.2014. Режим доступа: <http://fstec.ru/component/attachments/download/210> (дата обращения: 15.11.2015).
15. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года: утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 N 2227-р [Электронный ресурс]. // Информационно-правовой портал «Гарант». Режим доступа: локальный. Дата обновления 15.12.2015.
16. Экспортный контроль в Российской Федерации [Электронный ресурс]. // ФСТЭК России. 12.05.2015. Режим доступа: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/obshchaya-informatsiya/94-obshchaya-informatsiya/301-obshchie-polozheniya> (дата обращения: 28.11.2015).
17. SGI выплатила штраф за поставку в Россию мощных компьютеров [Электронный ресурс]. // Информационный портал Ferra.ru. 24.12.2002. Режим доступа: <http://www.ferra.ru/ru/techlife/news/2002/12/24/sgi-vyplatila-shtraf-za-postavku-rossii-moschnyh-kompyuterov/#.Vk7dtr9mp5Y> (дата обращения: 04.02.2016).
18. Guidelines & Procedures, including the Initial Elements [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.wassenaar.org/docs (дата обращения: 08.02.2016).
19. Lipson M. The Reincarnation of COCOM: Explaining Post-Cold War Export Controls // The Nonproliferation Review. 1999. Winter. Pp. 33-51. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cns.miis.edu/npr/pdfs/lipson62.pdf> (дата обращения: 08.02.2016).
20. Technology and East-West Trade. Senate Report No. 96-169, Congressional Record. Vol. 125. Washington, DC, 1979. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.princeton.edu/~ota/disk3/1979/7918/7918.PDF> (дата обращения: 08.02.2016).

Об авторах

Ревенко Лилия Сергеевна – д.э.н., профессор кафедры международных экономических отношений и внешних экономических связей МГИМО МИД России. E-mail: liliarevenko@yandex.ru.

Ревенко Николай Сергеевич – ведущий научный сотрудник Центра исследований международных экономических отношений Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: reni100@yandex.ru.

THE WASSENAAR ARRANGEMENT AND RUSSIAN HIGH-TECH EXPORT

L.S. Revenko, N.S. Revenko

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Research Center of International Economic Relations, Institute for Economic Policy and Economic Security, Financial University under the Government of the Russian Federation 125993, Moscow, Leningradsky prospekt, 49.

Abstract: *The current military and political situation in the world raises the necessity of use by Russia of all existing tools to counter actions targeted against it. Participation of the country in international export control regimes, including the Wassenaar Arrangement (the WA), is one of these tools.*

Membership in the WA allows to Russia to maintain its international status, to contribute to strengthening of international stability, to ensure the non-targeting of this forum against the country, to participate in the development of decisions affecting its interests.

Participation in the WA is also important from the view of modernizations of Russian economy towards transition to a new technological mode accompanied by emergence of new groups of innovative products and modification of existing ones. Control of crossing the country's borders by dual-use goods and services is one of conditions for carrying out their export.

The Wassenaar Arrangement was established in 1995 to replace COCOM in order to contribute to regional and international security and stability. A huge work is carried out within the forum aimed at enhancing control over transfers of conventional weapons and high-tech dual-use goods.

■ Мировая экономика

Russian export control system fully meets requirements of international export control regime, including the WA, and effectively functions.

Export of the controlled goods from Russia or their transfer to foreign individuals and legal entities are possible only on the basis of decisions of the Export control Commission of the Russian Federation.

The dilemma between the need to support exporters by reducing administrative barriers and the ensuring security interests of the country gain momentum in current stage of scientific-and-technological advance development.

Key words: export controls, international regimes, the Wassenaar Arrangement, requirement for dual-use good transfers.

References

1. Bodrunov S.D. Promyshlennaia politika Rossii: uroki proshlogo, cherty nastoiashchego, dizain budushchego [Industrial policy of Russia: lessons of the past, today features, design the future]. Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. Iubileinoe izdanie [Writings of the Free Economic Society. Jubilee edition]. Moscow, Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo Rossii Publ., 2015. 1115 p (In Russian)
2. Glaz'ev S.Iu. O neobkhodimosti smeny ekonomicheskoi politiki Rossii [On the need for change economic policy of Russia]. Trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii. Iubileinoe izdanie [Writings of the Free Economic Society. Jubilee edition]. Moscow, Vol'noe ekonomicheskoe obshchestvo Rossii Publ., 2015. 1115 p (In Russian).
3. Isachenko T.M. Ekonomicheskaiia diplomatiia v usloviakh politicheskogo krizisa [Economic diplomacy in political crisis]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika. - Bulletin of the Sankt-Petersburg university. Issue 5. Economics, 2015, no. 3, pp. 46-64 (In Russian).
4. Klinov V.G., Revenko L.S., Ruzhinskaia T.I. Mirovye tovarnye rynki i tseny [World commodity markets and prices]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ., 2012. 498 p (In Russian).
5. Metodicheskoe rukovodstvo po sozdaniiu na predpriatii (v organizatsii) vnutrifirmennoi sistemy eksportnogo kontrolia [Methodological guidelines for the creation of the in-house export control system in the enterprise (the organization)]. FSTEC Russia. 02.12.2014. Available at: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/eh-gosudarstvo/j3p.htm> (Accessed 15 December 2015) (In Russian).
6. Mushinskaia M. Pobeda rossiiskoi nauki nad amerikanskoi administratsiei [Victory of Russian science on American administration]. Kommersant, 20.02.1997. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/172834> (Accessed 02.02.2016) (In Russian)
7. O prognoze dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2030 goda [On the forecast of the long-term social and economic development of the Russian Federation for the period till 2030]. Ministry of Economic Development of Russia. 08.11.2013. Available at: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5 (Accessed 10 December 2015) (In Russian).
8. Ob eksportnom kontrole. Federal'nyi zakon RF ot 18.07.1999 goda №183-FZ [On export controls. Federal law of the RF of 18.07.1999 no. 183-FZ]. FSTEC Russia. 16.09.2015. Available at: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/zakonodatelstvo/96-zakony/309-federalnyj-zakon-rossijskoj-federatsii-ot-18-iyulya-1999-g-n-183-fz> (Accessed 29.11.2015) (In Russian).
9. Perechen' tekhnologicheskikh platform. Utverzhden resheniem Pravitel'svennoi komissii po vysokim tekhnologiiam i innovatsiiam ot 01.04.2011, protokol no. 2 [The list of technological platforms approved by the decision of the Governmental commission on high technologies and innovations of 01.04.2011, minutes no. 2]. Ministry of Economic Development of Russia. 03.04.2012. Available at: http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/621c0080472d8e989276deb4415291f1/ptp_.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=621c0080472d8e989276deb4415291f1. (Accessed 15 November 2015) (In Russian)
10. Polozhenie ob osushchestvlenii kontrolia za vnesheekonomicheskoi deiatel'nost'iu v otnoshenii tovarov i tekhnologii dvojnogo naznachenii, kotorye mogut byt' ispol'zovany pri sozdanii vooruzhenii i voennoi tekhniki : utverzhdeno postanovleniem Pravitel'stva RF ot 07.06.2001 no. 447 [Regulations on control of foreign economic activity in respect of dual-use goods and technologies that can be used for development of weapons and military equipment approved by the decree of the RF Government of 07.06.2001 no. 447]. FSTEC Russia. 01.12.2014. Available at: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/zakonodatelstvo/99-postanovleniya/339-postanovlenie-pravitelstva-rossijskoj-federatsii-ot-7-iyunya-2001-g-n-447> (Accessed 11 November 2015) (In Russian).
11. Revenko L.S. Mirovye tovarnye rynki: tendentsii XXI veka [World commodity markets: XXI century trends]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika. - Bulletin of the Sankt-Petersburg university. Iss. 5. Economics. 2015, no. 3, pp. 27-45 (In Russian).

12. Revenko L.S., Revenko N.S. Uchastie Rossii v mnogostoronnikh rezhimakh eksportnogo kontrolia kak instrument zashchity rossiiskikh eksporterov [Russia's participation in multilateral export control regimes as a tool to protect the interests of Russian exporters]. Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik - Russian foreign economic bulletin, 2014, no.7, pp. 49-62 (In Russian).
13. Revenko N.S. Prodvizhenie interesov rossiiskikh eksporterov i importerov cherez uchastie Rossii v mezh-dunarodnykh rezhimakh eksportnogo kontrolia [The promotion of the interests of Russian exporters and importers through Russia's participation in international export control regimes]. Gorizonty ekonomiki – Horizons of economics, 2015, no. 4(23), pp. 57-62 (In Russian).
14. Spisok tovarov i tekhnologii dvoynogo naznachenii, kotorye mogut byt' ispol'zovany pri sozdanii vooruzhe-nii i voennoi tekhniki i v otnoshenii kotorykh osushchestvliatsia eksportnyi kontrol': utverzhden ukazom Prezidenta RF ot 17.12.2011 no. 1661 [The list of dual-use goods and technologies that can be used for development of weapons and military equipment in respect of which which export control is exercised approved by the decree of the RF President of 17.12.2011 no. 1661]. FSTEC Russia. 05.12.2014. Available at: <http://fstec.ru/component/attachments/download/210> (Accessed 15.11.2015) (In Russian).
15. Strategiia innovatsionnogo razvitiia Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda : utverzhdena raspo-riazheniem Pravitel'stva RF ot 08.12.2011 N 2227-r [Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020 approved by the decree of the RF Government of 08.12.2011 no. 2227-r]. Informatsionno-pravovoi portal «Garant» - Garant legal information portal. Available at: <http://www.garant.ru/> (Accessed 15.12.2015) (In Russian).
16. Eksportnyi kontrol' v Rossiiskoi Federatsii [Export controls in the Russian Federation]. FSTEC Russia. 12.05.2015. Available at: <http://fstec.ru/eksportnyj-kontrol/obshchaya-informatsiya/94-obshchaya-informatsiya/301-obshchie-polozheniya> (Accessed 28.11.2015) (In Russian).
17. SGI vyplatila shtraf za postavku v Rossiiu moschnyh kompiuterov [SGI paid fine for delivery of powerful computers to Russia] [Electronic resource]. Ferra.ru information portal, 24.12.2002. Available at: <http://www.ferra.ru/ru/techlife/news/2002/12/24/sgi-vyplatila-shtraf-za-postavku-rossii-moschnyh-kompyuterov/#.Vk7dtr9mp5Y>. (Accessed 04.02.2016) (In Russian)
18. Guidelines & Procedures, including the Initial Elements. Available at: www.wassenaar.org/docs
19. Lipson M. The Reincarnation of COCOM: Explaining Post-Cold War Export Controls. The Nonproliferation Review, 1999, Winter, Pp. 33-51. Available at: <http://cns.miis.edu/npr/pdfs/lipson62.pdf> (Accessed 08.02.2016).
20. Technology and East-West Trade [Electronic resource] Senate Report No. 96-169, Congressional Record. Vol. 125. Washington, DC, 1979. Available at: <http://www.princeton.edu/~ota/disk3/1979/7918/7918.PDF> (Accessed 08.02.2016).

About the authors

Lilia S. Revenko – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of International Economic Relations and External Economic Ties, MGIMO (University). Email: liliarevenko@yandex.ru.

Nikolay S. Revenko – Ph.D. of Political Sciences, Leading Research Fellow, Research Center of International Economic Relations, Institute for Economic Policy and Economic Security Financial University under the Government of the Russian Federation. 125993, Moscow, Leningradsky prospekt, 49. Email: reni100@yandex.ru.

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ: ГРАНИЦЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.Н. Швец

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Статья посвящена концептуальным вопросам определения масштабов, до которых целесообразно развивать национальные импортозамещающие производства с учётом включённости страны в международное разделение труда, а также той огромной роли, которую играет межгосударственная кооперация в современном глобализованном мире.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что неблагоприятная внешнеэкономическая и внешнеполитическая конъюнктура, сложившаяся в 2014–2015-х гг., с особой остротой поставила перед российскими властями и обществом в целом вопросы обеспечения устойчивости экономики к неблагоприятным внешним условиям, повышения её независимости и самодостаточности.

Секторальные экономические санкции, введённые развитыми странами Запада, потенциально могут привести к перебоям в поставках комплектующих и оборудования, обеспечивающего функционирование объектов электроэнергетики. В сегодняшней действительности большое влияние на деятельность электроэнергетических компаний оказывают внешнеэкономическая ситуация и девальвация национальной валюты. Отмечается существенное удорожание продукции зарубежного производства и сокращение возможностей по реализации электроэнергетическими компаниями инвестиционных и ремонтных программ.

В связи с этим новую остроту приобретают вопросы развития на территории Российской Федерации импортозамещающих производств высокотехнологичного электротехнического оборудования, а также его узлов и комплектующих.

Вопросы импортозамещения неразрывно связаны с реализацией государственной промышленной политики. Проекты развития отечественных производств, как правило, предполагают вложение значительных инвестиционных средств, в связи с чем возникает необходимость оценки экономической эффективности этих вложений. При этом важно обеспечить баланс между специализацией и диверсификацией экономики, а также между импортозамещением и экспортной ориентацией национальной промышленности.

Искусственное ограничение импорта при помощи таких механизмов, как введение санкций против иностранных товаров, создание системы исключительного благоприятствования для национальных предприятий путём их выведения из конкурентной среды и поддержки постоянными государственными дотациями, могут в перспективе привести к стагнации национальной промышленности.

Ключевые слова: импортозамещение; специализация; диверсификация; экспорт; промышленная политика; структурная сложность экономики; энергетическая безопасность.

Внешнеэкономическая и внешнеполитическая конъюнктура, сложившаяся в 2014–2015-х гг., с особой остротой поставила перед государством и обществом вопросы обеспечения устойчивости экономики к неблагоприятным внешним условиям, повышения её независимости и самодостаточности.

Секторальные экономические санкции, введённые развитыми странами Запада, потенциально могут привести к перебоям в поставках комплектующих и оборудования, обеспечивающих надёжность функционирования объектов электроэнергетики. Неблагоприятная внешнеэкономическая ситуация и девальвация национальной валюты уже привели к существенному удорожанию продукции зарубежного производства и, соответственно, сокращению возможностей по реализации инвестиционных и ремонтных программ компаний в ряде отраслей экономики [4, 7], в том числе в топливно-энергетическом комплексе.

В связи с этим вопросы развития на территории РФ импортозамещающих производств высокотехнологичного электротехнического оборудования, а также его узлов и комплектующих приобретают новое измерение, будучи неразрывно связаны с обеспечением бесперебойного функционирования инфраструктуры страны и, как следствие, её энергетической безопасностью.

Энергетическая безопасность определяется в Энергетической стратегии России как «состояние защищённости страны, регионов, граждан, экономики от угроз надёжному энергообеспечению, обусловленных как внешними (геополитическими, макроэкономическими, конъюнктурными) факторами, так и состоянием и функционированием энергетического сектора страны» [10]. В выступлениях высших руководителей Российской Федерации подчёркивается, что энергетическая безопасность – это одна из ключевых гарантий суверенного развития

страны, непосредственно влияющая на решение социально-экономических задач, конкурентоспособность России на глобальных рынках и рост её международного авторитета [5]. Устойчивость энергетического сектора к внешним и внутренним угрозам, в том числе экономическим, представляет собой важнейший компонент, формирующий состояние энергетической безопасности государства.

Реализация государственной промышленной политики, параметры которой определяются в современных условиях, будет задавать ближайшие перспективы развития основных фондов электроэнергетики, а значит, и надёжность функционирования системы энергоснабжения в целом.

В связи с этим актуальная проблема заключается в определении границ, до которых целесообразно развивать импортозамещающие производства. С одной стороны, необходимо обеспечить устойчивость экономики и энергетики к неблагоприятным внешним условиям, принимая во внимание значительные социальные эффекты, сопровождающие реализацию таких проектов. С другой стороны, вложения значительных инвестиционных средств несут в себе риски невозврата.

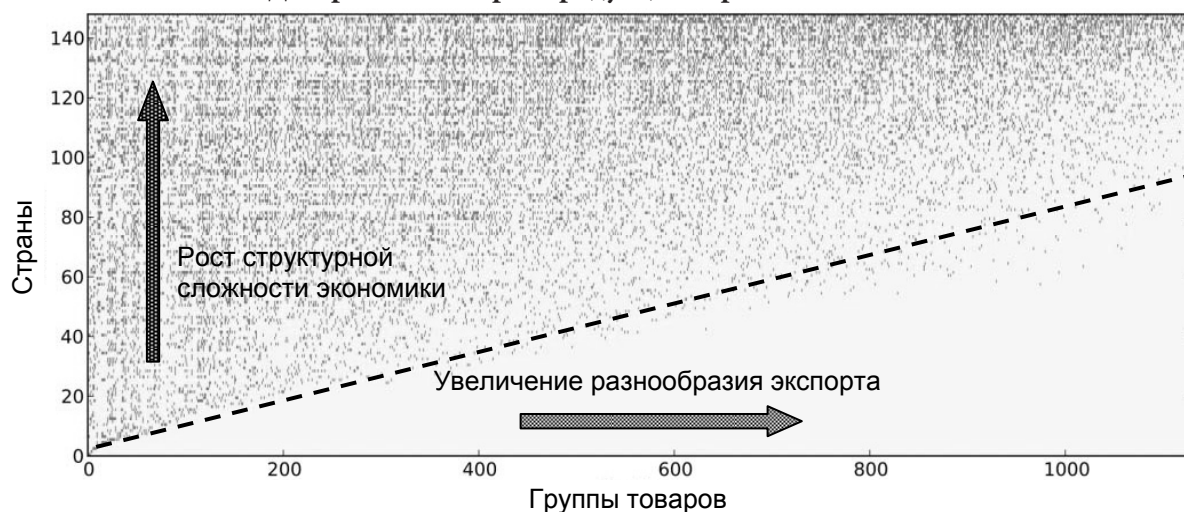
Накопленный международный опыт показывает, что импортозамещение представляет собой многомерный процесс, протекающий в контексте включённости страны в международное разделение труда, а также той огромной роли, которую играет межгосударственная кооперация в современном глобализованном мире.

Основные измерения этого процесса проходят в координатах специализация – диверсификация экономики и ориентация развития национальной промышленности на внутренние либо внешние рынки.

Производственная специализация стран рассматривается классическими экономическими теориями как естественная реакция на

Рисунок 1.

Диаграмма экспорта продукции странами в 2010 г.

Источник: [13].

■ Мировая экономика

расширение возможностей международной торговли, предоставляемых глобализацией. Считается, что нахождение собственной ниши в международной торговле благотворно сказывается на развитии национальной экономики. В качестве примеров этого традиционно приводятся так называемые «национальные бренды» – продукция мировых марок, ассоциируемых с отдельной страной: швейцарские часы, французские вина, германская сталь и т.д. [1].

В то же время, эмпирические исследования в области международной торговли показывают, что в реальной экономике применимость этого тезиса сильно ограничена.

Динамический характер современных мировых рынков выдвигает на первый план требования гибкости и адаптивности национального производства, что достигается расширением доступных технологий и производственных возможностей. Анализ данных по международной торговле показывает, что наиболее развитые страны обладают одновременно наиболее диверсифицированным производством и экспортом [12, 13].

На рис. 1 приведена матрица экспорта продукции различными странами по данным 2010 г. По горизонтали здесь отложено количество экспортируемых страной групп продукции, по вертикали – показатель, характеризующий структурную сложность экономики. Тёмными точками отмечены товарные группы, которые экспортировались данной страной.

На данной диаграмме явно прослеживаются следующие основные тенденции:

1. Отсутствие специализации стран в международной торговле, кроме той, которая обусловлена технологическими ограничениями. Каждая страна имеет тенденцию производить и экспортировать все возможные товары, производство которых доступно при заданном уровне развития технологий.

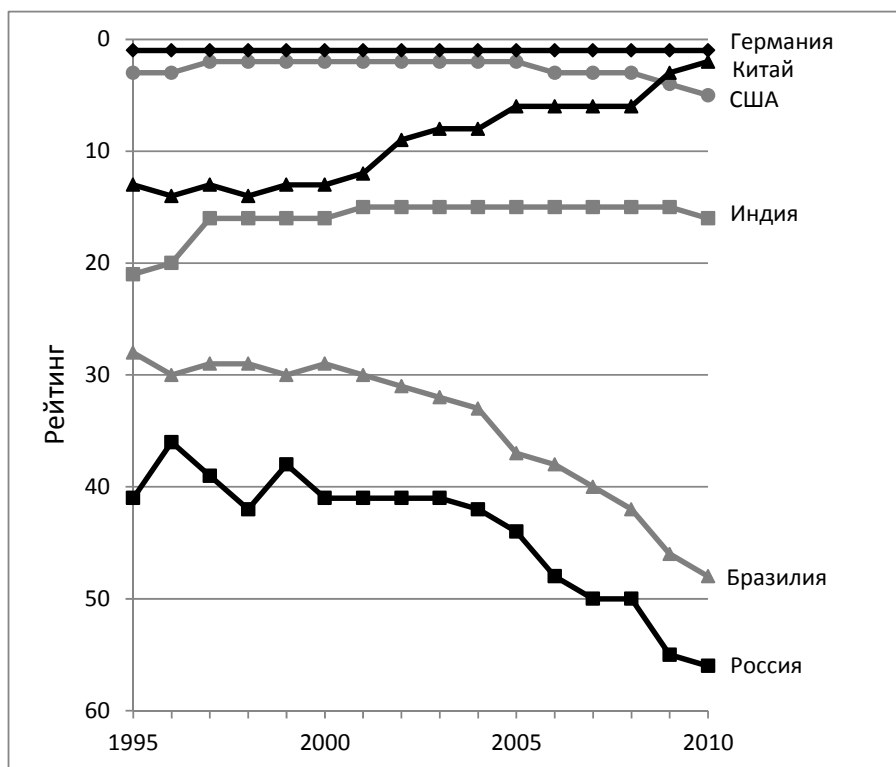
2. Взаимосвязь диверсификации производства и уровня развития. Наиболее специализированные страны, экспортирующие небольшое число товаров, одновременно являются наименее развитыми. Как правило, такие страны экспортируют в основном сельскохозяйственную продукцию, а также продукцию ресурсодобывающих отраслей.

Таким образом, в качестве одного из надежных измерителей уровня развития национальной экономики и её конкурентоспособности на мировой арене может быть использована структурная сложность экономики, характеризующая диверсификацией национального производства.

К настоящему времени разработан ряд страновых рейтингов, основанных на использовании данных показателей. Россия занимает в этих рейтингах далеко не первые строки. На графике, представленном на рис. 2, показана динамика рейтингов некоторых стран по показателю структурной сложности экономики.

Рисунок 2.

Рейтинг стран по показателю структурной сложности экономики

Источник: [13].

Видно, что у России за последние два десятилетия этот показатель неизменно снижался, в результате чего она опустилась с 41-го места в 1995 г. на 56-ое в 2010 г.

По мнению авторов работы [13], такое снижение структурной сложности обусловлено тем, что доходы от экспорта ресурсов использовались неэффективно, не обеспечивая развития отраслей, формирующих промышленную базу экономики.

Таким образом, широта охвата национальной промышленностью всего спектра современных продуктов тесно связана с уровнем экономического развития страны в традиционном его понимании. Следовательно, вопросы освоения новых и инновационных производств, в том числе за счёт реализации стратегий импортозамещения, представляют неотъемлемую часть государственной промышленной политики, направленной на развитие экономики в целом.

Как известно, создание современных предприятий требует вложения больших средств и сопряжено со значительными рисками, в связи с чем при реализации такого рода проектов инвесторы часто требуют предоставления гарантий или иной поддержки со стороны государства. В этих условиях особую значимость приобретает задача определения приоритетных направлений развития промышленности, по которым оказывается государственная поддержка. Необходимо отыскать оптимальное соотношение издержек и выгод, получаемых экономикой страны.

Реализация государством политики, направленной на развитие отечественной производственной базы, транслируется в сохранение существующих и создание новых рабочих мест, поступление налогов в бюджеты различных уровней, стимулирование инновационного развития, а также в заказы для смежных отраслей и, как следствие, в социально-экономическое развитие территорий и страны в целом, то есть приводит к возникновению мультипликативного социально-экономического эффекта [2, 8]. В свою очередь, развитие отечественного машиностроения, в том числе электротехнической промышленности, её способности самостоятельно снабжать энергетические компании необходимыми для их нормального функционирования основными фондами, положительно сказывается на энергетической безопасности государства в части обеспечения устойчивости энергетического сектора к внешним экономическим и политическим угрозам [9].

Непосредственным эффектом развития импортозамещающих производств является увеличение объёма создаваемой на территории страны добавленной стоимости и, как следствие, рост ВВП. Кроме того, в результате формирования спроса на продукцию смежных отраслей промышленности, услуги и трудовые ресурсы возникают мультипликативные социально-экономические эффекты. Происходит объединение связанных между собой отношениями купли –

продажи субъектов в сетевые структуры, в которых создаётся и перераспределяется стоимость конечного продукта. Чем большая часть этой сетевой структуры оказывается на территории страны, тем выше будет результирующий уровень локализации производимой продукции и тем большая часть генерируемой добавленной стоимости будет оставаться у отечественных производителей. Одновременно снижается зависимость себестоимости производства продукции от колебаний курсов валют, конъюнктуры мировых рынков, а также от политически мотивированных ограничений международной торговли.

С точки зрения обеспечения независимости и устойчивости национальной экономики к неблагоприятным внешним факторам наибольшие мультипликативные эффекты создаются при развитии импортозамещающих производств в секторах с высокой степенью монополизации, формирующих, в свою очередь, спрос на высокотехнологичные комплектующие, сырьё и материалы.

Создание на территории России производства таких групп товаров будет способствовать «расшивке» узких мест отечественной промышленности, потенциально уязвимых для неблагоприятных внешнеэкономических и политических факторов (колебания курсов валют, таможенные барьеры, санкции).

Однако использование однобокой стратегии развития импортозамещения, ориентированной исключительно на удовлетворение потребностей внутреннего рынка, чревато, прежде всего, утратой национальной промышленностью конкурентоспособности в связи с предоставлением ей национальными властями тепличных условий по сравнению с глобальной конкуренцией на мировых рынках. Кроме того, защита от внешней конкуренции позволяет крупным предприятиям занять доминирующее положение на внутренних рынках, что может привести к монополизации, необоснованному повышению цен и, как следствие, к ухудшению положения потребителей.

Примером неудачных протекционистских мер стала политика «импортозамещающей индустриализации», проводившаяся правительствами ряда стран Латинской Америки в 1950–1960-х гг. Если на первом этапе были достигнуты определённые успехи в развитии лёгкой и пищевой промышленности, то модернизация тяжёлой промышленности завершилась провалом, так как её продукция оказалась неконкурентоспособной по сравнению с импортными аналогами. В итоге произошёл отказ латиноамериканских стран от протекционистской политики. В конце 1960-х гг. был снижен уровень импортных пошлин, сокращены неэффективные производства, предприняты шаги к более тесной межгосударственной экономической интеграции [11].

В 1960-х гг. с аналогичными проблемами столкнулась китайская экономика, когда дирек-

тивное создание малых металлургических предприятий в стране привело к переизбытку производства низкосортной стали и, соответственно, низкокачественной промышленной продукции, неконкурентоспособной на мировом рынке [1].

Неконкурентоспособность национальной продукции на внешних рынках имеет следствием существенное ограничение спроса на неё и, соответственно, снижение возможностей финансирования, что в ещё большей степени тормозит развитие отечественной промышленности.

Более эффективная стратегия импортозамещения 60-х гг. XX в. «новых азиатских индустриальных экономик» заключалась в сочетании внешнеторговых и налоговых механизмов по ограничению импорта с активным наращиванием экспортного потенциала, в том числе путём встраивания в технологические цепочки транснациональных компаний в качестве поставщиков комплектующих [3].

Использование такой стратегии позволило достичь существенного экономического роста в течение последовавших 30 лет. Ежегодные темпы прироста валового внутреннего продукта в тот период составляли 7–10%, что позволило в 3–4 раза сократить отставание от промышленно развитых стран Запада по основным макроэкономическим параметрам [там же]. Параллельно с активизацией экономической жизни решались социальные проблемы, в частности, был существенно снижен уровень бедности населения.

Успешная реализация экспортно-ориентированной стратегии предполагает не только активную государственную поддержку национальной промышленности, но и создание условий для интеграции национальной экономики в систему мирохозяйственных связей, её открытость для иностранных инвестиций [6].

Важно обеспечить привлекательность отечественной экономики для инвестиций, а также тесное сопряжение инновационного и инвестиционного секторов. Основное противоречие между ними заключается в том, что инвесторы в массе своей заинтересованы в высоких прибылях и быстром возврате вложенных средств.

Значительную роль в повышении привлекательности инновационной деятельности российской электротехнической промышленности могут и должны сыграть крупнейшие потребители, заинтересованные в производстве надёжного и удовлетворяющего самым высоким современным требованиям электротехнического оборудования.

В настоящее время вопросы разработки нормативной базы в области развития электротехнической промышленности, импортозамещения и локализации производства электротехнического оборудования решаются параллельно различными министерствами и ведомствами, зачастую фрагментарно и не согласованно друг с другом. Консолидированная позиция органов власти в данной области нередко не доводится

до компаний ТЭК, что вынуждает их разрабатывать собственные нормативные документы и методологический аппарат. В результате отсутствует целостное единое видение перспектив развития отрасли.

С целью формирования единого центра компетенций в области развития отечественной электротехнической промышленности представляется целесообразным объединить усилия компаний ТЭК и других крупных потребителей электротехнического оборудования с целью выработки консолидированной позиции по вопросам развития электротехнической промышленности, синхронизации технических политик, программ инновационного развития и импортозамещения.

Эта деятельность позволит создать в стране новый институт развития, способный обеспечить участие инвесторов в реализации инновационных проектов, а также предоставить поддержку отечественным предприятиям в обеспечении доступа их продукции на мировые рынки. С точки зрения потребителей электротехнической продукции наличие этого института даст возможность снизить уровень внешнеэкономических и внешнеполитических рисков при реализации инвестиционных программ, что, в конечном счёте, укрепит энергетическую безопасность государства.

Таким образом, опираясь на международный опыт реализации стратегий импортозамещения, можно сделать следующие выводы:

1. В настоящее время осуществление полного импортозамещения электротехнической продукции в РФ экономически нецелесообразно и технологически неосуществимо. Для обеспечения энергетической безопасности приоритет следует отдавать созданию производств в секторах, характеризующихся значительным мультипликативным эффектом, а также критической зависимостью от импортных узлов и комплектующих.

2. Развитие современных электротехнических производств невозможно в условиях политики изоляционизма, без обеспечения международного разделения труда, трансфера технологий и освоения зарубежных рынков сбыта. Промышленность, развитие которой замкнуто пределами внутреннего рынка, в отсутствии международной конкуренции обречена на деградацию и утрату конкурентоспособности.

3. Перспективная стратегия развития импортозамещающих производств должна быть нацелена на стимулирование высокотехнологичных наукоёмких отраслей, продукция которых стала бы конкурентоспособной на мировом рынке.

Последнее требует формирования в стране институциональной структуры, обеспечивающей инвестиционную привлекательность развития инновационных производств. Деятельность этой структуры должна соответствовать

комплексной государственной политике по развитию энергетического машиностроения, должна быть тесно увязана со стратегиями, технической политикой, инновационными программами и программами импортозамещения основных потребителей электротехнической продукции, в первую очередь – крупных компаний ТЭК с государственным участием.

Создание объединения основных потребителей электротехнической продукции помогло

бы сформировать консолидированную позицию по вопросам развития электротехнической промышленности, синхронизации стратегических документов в отрасли, а также оказать поддержку отечественным производителям в реализации инновационных проектов и выводе продукции на мировые рынки и стало бы существенным подспорьем в разработке и реализации такой политики.

Список литературы

1. Арутюнов С. Импортозамещение, как оно есть // Практика управления. 2015. № 4. С. 6–19.
2. Бендиков М.А., Ганичев Н.А. Электронная импортозависимость и пути её преодоления (на примере космической промышленности) // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 3. С. 2–17.
3. Демиденко С.В. Импортозамещение: опыт Азии // Практика управления. 2015. № 4. С. 20–24.
4. Клочков В.В. Развитие российской наукоемкой промышленности в условиях обострения глобальных противоречий: проблемы и антикризисная политика // Друкеровский вестник. 2015. № 1. С. 5–17.
5. Медведев Д.А. Выступление на заседании Совета Безопасности РФ «О состоянии и мерах по обеспечению энергетической безопасности России». 13 января 2010 г. [Электр. ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9809>
6. Меры государственного регулирования по развитию энергетического машиностроения РФ // Академия энергетики. 2009. № 1 (27). С. 22–34.
7. Ратнер С.В. Исследование возможностей встраивания российских предприятий в глобальные технологические цепочки наукоемких производств (на примере ветроэнергетики) // Инновации. 2014. № 9 (191). С. 91–96.
8. Швец Н.Н., Колесник Г.В. Локализация производства электротехнического оборудования как фактор обеспечения энергетической безопасности государства в условиях глобального рынка // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 16. С. 37–45.
9. Швец Н.Н. Современные проблемы обеспечения энергетической безопасности России в сфере электроэнергетики и пути их решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 31. С. 9–16.
10. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715 р.
11. Baer W. Import Substitution and Industrialization in Latin America: Experiences and Interpretations // Latin American Research Review. 1972. Vol. 7. No. 1. P. 95-122.
12. Funke M., Ruhwedel R. Product Variety and Economic Growth: Empirical Evidence for the OECD Countries // IMF Staff Papers. 2001. Vol. 48. No. 2. P. 1.
13. Tacchella A., Cristelli M., Caldarelli G., Gabrielli A., Pietronero L. Economic complexity: Conceptual grounding of a new metrics for global competitiveness // Journal of Economic Dynamics and Control. 2013. Vol. 37. No. 8. P. 1683-1691.

Об авторе

Швец Николай Николаевич – д.э.н., заведующий кафедрой «Экономика и управление в электроэнергетике» МИЭП МГИМО МИД России. E-mail: electro@inno.mgimo.ru.

IMPORT SUBSTITUTION: THE BOARDERS OF THE ENERGY SECURITY

N.N. Shvets

Moscow State Institute of International Relations (University); 76 Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia.

Abstract: *The article analyzes issues of import substitution in national production and determination of its effective scale considering the country's involvement to international division of labor and an important role of interstate cooperation in today's globalized world.*

■ Мировая экономика

The relevance of the study relies on the fact, that unfavorable global economic and politic situation in 2014-2015 raised concerns among the Russian authorities and the society in general about the stability of the economy and the necessity to increase its independence and self-sustainability.

Sectoral economic sanctions imposed by western developed countries could potentially lead to disruptions in the supply of components and equipment that ensure the operation of power facilities. Currently power companies are influenced by the external economic situation and the devaluation of the national currency. As the result, goods of foreign manufacture have become significantly more expensive and opportunities for power companies to realize their investing and repair programs have been reduced.

Thereby there is a high importance of developing the substitution-oriented production of the high-tech electric equipment within the Russian Federation's territory.

Import substitution issues are closely related to the governmental industrial policy. The programs of the national production development need huge investments and that's why issues of economic effectiveness evaluation are highly relevant. But balances between economy's specialization and diversification, import substitution and export orientation are also highly important.

Such measures directed at artificial import rationing as sanctions against foreign goods, creating favorable competitive environment for national producers, governmental grants could in prospect lead to a stagnation of the economy.

Key words: import substitution, specialization, diversification, export, industry policy, structural economic complexity, energy security.

References

1. Arutyunov S. Importozameschenie, kak ono est [Import substitution, how it works]. *Praktika uprevleniya – Management Practice*, 2015, no.4, pp. 6–19. (In Russian)
2. Bendiktov M.A., Ganichev N.A. Electronnaya importozavisimost' i puti ee preodoleniya (na primere kosmicheskoi promyshlennosti). [Dependence on Import in electronics and how it can be overcome (on the example of space industry)]. *Economicheskii analiz: teoriya i praktika – Economic analysis: theory and practice*, 2015, no.3, pp 2–17. (In Russian)
3. Demidenko S.V. Importozameschenie: opyt Azii. [Import substitution: Asian experience]. *Praktika upravleniya – Management Practice*, 2015, no.4, pp 20–24. (In Russian)
4. Klochkov V.V. Razvitie rossiiskoi naukoemkoi promyshlennosti v usloviyah obostreniya globalnyh protivorechii: problemy i antikrizisnaya politika. [The development of the Russian science intensive industries under conditions of increasing global contradictions: problems and antirecession policy]. *Drukerovskii vestnik – Drucker's bulletin*, 2015, no.1, pp 5–17. (In Russian)
5. Medvedev D.A. Vystuplenie na zasedanii Soveta Bezopasnosti RF "O sostoyanii i merah po obespecheniyu energeticheskoi bezopasnosti Rossii". [The speech at the Security Council of the Russian Federation meeting "About the situation and measures to ensure the energy security of Russia"]. 13.01.2010. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/9809> (Accessed 12.02.2016). (In Russian)
6. Mery gosudarstvennogo regulirovaniya po razvitiyu energeticheskogo mashinostroeniya RF. [Measures of government regulation to develop the Russian power engineering industry]. *Akademiya energetiki – The Academy of energy*, 2009, no.1(27), pp 22–34. (In Russian)
7. Ratner S.V. Issledovanie vozmozhnostei vstraivaniya rossiiskih predpriyatii v globalnye tehnologicheskie cepochki naukoemkih proizvodstv (na primere vetroenergetiki) [The analysis of opportunities of the Russian production's integration to global process flow of science intensive industries]. *Innovacii – Innovations*, 2014, no. 9 (191), pp 91–96. (In Russian)
8. Shvets N.N., Kolesnik G.V. Lokalizaciya proizvodstva electrotehnicheskogo oborudovaniya kak factor obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti gosudarstva v usloviyah globalnogo rynka [Localization of production of electrical equipment as a factor of ensuring the energy security of the state in the age of the global market]. *Nacionalnye interesy: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and security*, 2014, no.16, pp 37–45. (In Russian)
9. Shvets N.N. Sovremennye problemy obespecheniya energeticheskoi bezopasnosti Rossii v sfere electroenergetiki i puti ih resheniya [Modern problems of providing energy security in Russian power sector and ways to solve them]. *Nacionalnye interesy: priority i bezopasnost' – National interests: priorities and security*, 2014, no.16, pp 37–45. (In Russian)
10. Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 goda. Utverzhdannaya rasporyazheniem Pravitelstva RF ot 13 noyabrya 2009 g. №1715-p [The energy strategy of Russia up to 2030. Approved by the Government of the RF of 13 November, 2009, №1715-p]. (In Russian)

11. Baer W. Import Substitution and Industrialization in Latin America: Experiences and Interpretations. *Latin American Research Review*, 1972, vol. 7, no. 1, pp. 95-122.
12. Funke M., Ruhwedel R. Product Variety and Economic Growth: Empirical Evidence for the OECD Countries. *IMF Staff Papers*, 2001, vol. 48, no. 2, pp. 1.
13. Tacchella A., Cristelli M., Caldarelli G., Gabrielli A., Pietronero L. Economic complexity: Conceptual grounding of a new metrics for global competitiveness. *Journal of Economic Dynamics and Control*, 2013, vol. 37, no. 8, pp. 1683-1691.

About the author

Nikolay N. Shvets – Doctor of Economics, Head of the department of Economy and management in electricity sector, MIEP MGIMO MID RF. E-mail: electro@inno.mgimo.ru.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО БИЗНЕСА И ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ В ГЕРМАНИИ

В.А. Онучак

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Поток беженцев в ФРГ можно рассматривать как политическую миграцию, при которой прибытие мигрантов увеличивает нагрузку на бюджет за счёт выплат социальных пособий. На первый взгляд кажется, что существующие льготы и стимулы создания малых и средних предприятий (МСП) достаточно велики и что проблем в трудоустройстве такого количества мигрантов не должно быть – они займут потенциальные рабочие места или откроют свой бизнес. Однако политическая миграция, в отличие от трудовой, не в состоянии привести к повышению самозанятости населения. В настоящий момент ограничить массовую миграцию той же Германии необходимо, если страна намерена сохранить свою экономику. Положительное влияние нынешнего миграционного потока на экономику будет кратковременным, связанным с увеличением спроса. В недалёком же будущем беженцы потребуют значительных расходов бюджета, так как они не платят налогов (или платят их в меньшем размере), но требуют дополнительных расходов по обеспечению безопасности в социальной сфере.

Ключевые слова: малые и средние предприятия, трудовая и политическая миграция, самозанятость населения, бюджет, выплата социальных пособий.

Обеспечение устойчивого и качественного экономического роста в долгосрочном периоде определяется переходом к стратегическому управлению развитием региональных экономических систем. Этот переход связан с деятельностью государства по управлению трудовыми ресурсами и поддержкой малого предпринимательства.

Германия занимает особую позицию в Европе по управлению потенциальными трудовыми ресурсами. Ежедневно в страну прибывает до 10 тыс. мигрантов. За первые 6 месяцев 2015 г. Германия приняла мигрантов больше, чем все европейские страны, – 450 тыс. человек, к концу 2015 г. их стало 1 087 478 [13].

Официально ФРГ не озвучивает затраты на беженцев. В 2015 г. Германия ожидала прибытия на свою территорию 1,1 млн беженцев, и при этом в сентябре 2015 г. расходы оценивались в 10 млрд евро [16]. Назвать более или менее точное число беженцев, которые будут находиться в Германии в 2015 г. и в следующем, 2016 г., трудно и по ещё одной причине. По немецким законам, лица, получившие постоянный вид на жительство в Германии в соответствии с 16-й статьёй Конституции ФРГ (политическое убежище) или временный – на три года – по Женевской Конвенции о статусе беженцев, имеют право на воссоединение семьи, так что в дальнейшем можно

ожидать дальнейшее увеличение численности мигрантов.

Общее число зарегистрированных мигрантов, претендующих на получение статуса беженцев в странах Европейского союза (ЕС), представлено ниже (см. табл. 1).

Заявленные и зарегистрированные мигранты за 2015 г. – это лица, подавшие заявку на международную защиту или включённые в такие заявки как члены семьи в течение отчётного периода. В первичных статистических документах фигурирует понятие «заявитель», которое означает лицо, подавшее заявку на международную защиту в первый раз. Как видно из этих данных, количество мигрантов увеличивается примерно на десять тысяч человек в месяц.

Из материалов официальной статистики, приведённых в таблице 2, следует, что из всех зарегистрированных мигрантов в ЕС в среднем более трети (35,34%) приходится на одну Германию.

В результате ФРГ необходимо было потратить на помощь беженцам в 2015 г. более 21 млрд евро (22,5 млрд долл.). В эти расходы входит обеспечение жилищными условиями, продуктами питания и образовательными программами [12].

27 ноября 2015 г. бундестаг утвердил проект бездефицитного бюджета на 2016 г., в котором

Таблица 1.

Страны с наибольшим количеством зарегистрированных заявителей-мигрантов, прибывших в Европейский союз в 2015 г. в качестве беженцев (по данным Евростата, человек)

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
ЕС, всего, в т.ч.	66140	71000	66700	63195	71390	94205	120140	144010	166220
ФРГ	25035	26085	32055	27175	25990	35445	37530	36420	43065
Франция	4440	5630	6090	5650	4745	5600	5735	5580	7370
Италия	4785	5140	5505	4590	5180	5335	8610	8825	11195
Венгрия	11925	16695	4925	6690	9970	16580	31285	47095	30795
Австрия	4030	3255	2925	4040	6395	7680	8790	8795	10780
Швеция	4895	4050	4120	3920	5375	6625	8070	11745	24265

Источник: [10].

Таблица 2.

Страны с наибольшим удельным весом официально зарегистрированных мигрантов в 2015 г. (в % к итогу)

	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь
ЕС, всего, в т.ч. (%)	100,00	100,00	100,0	100,00	100,0	100	100,00	100,00	100,00
ФРГ	37,85	36,73	48,06	43,00	36,41	37,63	31,24	25,29	25,90
Франция	6,71	7,92	9,13	8,94	6,65	5,94	4,77	3,87	4,43
Италия	7,23	7,23	8,25	7,26	7,25	5,66	7,17	6,13	6,74
Венгрия	17,58	23,51	7,38	10,59	13,96	17,59	26,04	32,70	18,53
Австрия	6,09	4,58	4,38	6,39	8,96	8,15	7,32	6,11	6,49
Швеция	7,04	5,07	6,18	6,20	7,53	7,03	6,72	8,16	14,59

Рассчитано автором по данным Евростата [10].

■ Мировая экономика

заложены расходы в 316,1 млрд евро, из них около 8 млрд предполагается потратить на приём беженцев. Власти ФРГ исходят из того, что число новых беженцев в 2016 г. составит около 800 тысяч [11].

На инвестиционные проекты в рамках принятого бюджета будет потрачено 31,48 млрд евро. Доходы от налогов, по оценкам властей, составят 288,08 млрд евро. ФРГ намерена в 2016 г., как и в предыдущие два года, обойтись без новых кредитов [11].

Правительство Германии ранее согласилось ежемесячно выделять по 670 евро на каждого вновь прибывшего мигранта. По сообщениям СМИ, канцлер Ангела Меркель предлагала проект автоматического предоставления статуса беженцев и вида на жительство выходцам из Сирии как беженцам из зоны военных действий.

Согласно средневзвешенному прогнозу экспертов, опрошенных агентством Bloomberg, теоретически ожидаемое пополнение экономики страны приблизительно 800 тыс. человек, обратившихся за политическим убежищем, способно добавить 0,2 процентного пункта к ежегодному росту ВВП ФРГ в 2016 г. [3]. Эксперты считают, что влияние притока беженцев на экономику сопоставимо с экономической программой по стимулированию экономики в краткосрочной перспективе.

Ожидавшийся профицит бюджета на 2016 г. не достигим из-за колоссальных расходов на приём, трудоустройство и содержание такого количества мигрантов, однако признаки восстановления темпов роста экономики Германии увеличились. Они, согласно прогнозам, вырастут на 1,7% в годовом исчислении в четвертом квартале 2015 г. и на чуть менее 2% до 2017 г. [3].

Чем можно объяснить заинтересованность ФРГ в приёме такого количества мигрантов, несмотря на увеличивающиеся бюджетные расходы?

По прогнозам Еврокомиссии, пик нехватки рабочей силы в ЕС придётся на 2050г., когда 25 млн чел. выйдут на пенсию и доля населения в возрасте старше 65 лет составит 1/3 [8, с. 35].

Германия обеспечивает своему населению высокий уровень жизни и высокую её продолжительность, что снижает в процентном отношении численность женщин репродуктивного возраста. В настоящее время Германия стала страной с самой низкой рождаемостью в мире. Коэффициент рождаемости женщин в ФРГ, т.е. среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю её жизнь, очень низкий. Десять лет назад немецкие женщины в среднем рожали 1,4 ребенка, и этот коэффициент остаётся неизменным до настоящего времени. Это означает, что каждое новое поколение немцев на треть малочисленнее предыдущего.

Для сравнения: во Франции и скандинавских странах этот коэффициент составляет 2,0. Демографы считают, что именно такой показатель достаточен для простого воспроизводства

населения. В России коэффициент рождаемости в 2013 г. составил 1,71, что на 31% выше, чем в 2006 г. По этому показателю она опережает в Европе, кроме Германии, ещё и Австрию, Грецию, Данию, Испанию, Италию, Португалию и Швейцарию, где коэффициент не превышает 1,6. Немецкое статистическое агентство Destatis ожидает, что к 2060 г. население ФРГ уменьшится примерно на 20 млн человек [15].

Низкий уровень рождаемости вызывает крупные проблемы для экономики: в первую очередь – нехватка рабочих рук; рост зарплат (благодаря низкой рождаемости немецкие рабочие могут стать одними из самых высокооплачиваемых в мире); как следствие, рост себестоимости товаров, произведённых в Германии, что отрицательно повлияет на конкурентоспособность страны.

Иммиграция в Германию привлекает людей из разных, в том числе благополучных стран, по многим причинам. Привлекательность рынка труда объясняется тем, что Германия – это экономически развитое государство, где сложились привлекательные условия для трудоустройства и открытия своего бизнеса. В стране сравнительно гибкая система налогообложения, достаточно простая процедура регистрации предприятий и нестрогие требования к их деятельности. Помимо того, Германия предоставляет возможность получить дополнительно профессиональное и высшее образование.

В исследовании экономистов ОЭСР ситуация с миграцией в ФРГ характеризуется следующими цифрами: в 2014г. в страну прибыли свыше 400 тыс. так называемых «постоянных мигрантов» (сальдо миграции – 1,2 млн человек въехали в Германию, а 800 тыс. её покинули). Большая часть этой миграции считается трудовой, потому что, во-первых, средний возраст прибывших составляет примерно 30 лет; во-вторых, многие из приезжих обладают высокой профессиональной квалификацией. Уровень мигрантов с высшим образованием превышал этот показатель среди самих немцев.

Рассмотрим, можно ли занять прибывших мигрантов в малом бизнесе на территории ФРГ.

Использование принципа государственно-частного партнёрства в отношении поддержки малого предпринимательства в регионах создает основу для организации эффективной связи власть–наука – бизнес [6, с. 58].

Согласно законодательству ФРГ, малые и средние предприятия (МСП) – это предприятия, в которых количество сотрудников меньше 500, а оборот не превышает 50 млн евро. В настоящий момент в Германии насчитывается три миллиона таких предприятий. Экспортно-ориентированные МСП с годовым доходом до 50 млн евро продают свою продукцию на 16 мировых рынках [4].

Каждое МСП Германии – член одной из 80 региональных торгово-промышленных палат (ТПП). Один раз в год примерно 200 тысяч основателей фирм-МСП обращаются в палаты за

консультациями при разработке бизнес-планов, требуемых для получения текущих или стартовых кредитов. Финансирование МСП осуществляется через Кредитный банк по восстановлению банковской группы (Kreditanstalt für Wiederaufbau, KfW). На общегосударственном и земельном уровнях существуют порядка 200 программ поддержки. Для получения финансирования начинающие предприниматели должны предъявить бизнес-план по месту жительства в коммерческий банк, где его оценят и примут решение о выдаче ссуды. Предприниматели могут получить кредит по льготной ставке, в среднем она ниже 1–2% [4].

Льготные кредиты государство выдаёт под серьёзные обязательства: необходимо создавать рабочие места, платить налоги, инвестировать в инновации. Бизнес-план проверяется на 4-х независимых уровнях: в коммерческом и страховом банках, кредитном институте, ТПП. Государственная программа учитывает положение слабых (развивающихся) участников рынка.

Кредиты предоставляются по программам поддержки мигрантов, женщин-предпринимательниц, основывающихся МСП, исследовательских фирм. Особое внимание обращается при этом на перспективные отрасли – туризм, рекреация. Отдельный вид льготных кредитов – «стартовое финансирование», процент по которому всего 3%. Если начинающий предприниматель представит одобренный перспективный план, он может получить заём до 100 тыс. евро.

В федеральных землях политика кредитования может иметь различные варианты. Популярная мера по поддержке занятости – безвозмездные госдотации малым предприятиям и лицам, которые потеряли постоянную работу. К социальному пособию, которое составляет до 65% от последнего заработка, государственные органы до полугодия выплачивают безработным ежемесячную помощь в размере 300 евро.

В ФРГ государственные льготы по кредитам, способствующие развитию малого предпринимательства, предоставляются по следующим направлениям:

- научные разработки;
- проекты, направленные на защиту окружающей среды и улучшение состояния экологии в стране;
- проекты, нацеленные на повышение темпов развития экономически слаборазвитых регионов Германии;
- социальное строительство для решения жилищных проблем;
- проекты по улучшению условий производства.

Условия регистрации малого предпринимательства в стране максимально упрощены: для регистрации нужно лишь встать на учёт в отделении местного торгового представительства. Есть целый ряд критериев и параметров, по которым определяется малый бизнес, но обычно малое предпринимательство считается таковым,

если годовой оборот компании не превышает 300 тыс. евро, а приносимая прибыль – 30 тыс. евро [7].

На первый взгляд, существующие льготы и стимулы достаточно велики и проблем с трудоустройством такого количества мигрантов в Германии быть не должно. Однако современный приток мигрантов резко отличается от потока трудовых мигрантов. Это не трудовая, а политическая миграция, представляющая собой беженцев, претендующих на соответствующий статус независимо от возраста, образования и, главное, желания работать.

Глава Федерального объединения немецкой промышленности (BDI) Ульрих Грилло также прогнозирует рост цен на коммунальные услуги и на продукты питания, что негативно скажется на общем состоянии экономики для граждан и вызовет широкое недовольство [9].

С 1 января 2015 г. в ФРГ введён минимальный размер оплаты труда (MPOT) в размере 8,5 евро в час для наёмных работников до уплаты налогов [2]. Небезосновательны опасения, что этот закон ударит по малому бизнесу, повысив его издержки на рабочую силу, и будет провоцировать рост безработицы.

В Институте экономических исследований (DIW) подчёркивают, что образовательные программы и профессиональная подготовка беженцев для трудоустройства в Германии представляют собой один из ключевых аспектов интеграции мигрантов в немецкое общество. Без специальной подготовки – или, по меньшей мере, переподготовки – трудоустроить беженцев, которым Германия предоставила убежище, не удастся – это для представителей немецкого бизнеса уже совершенно очевидно. «У нас очень высокие требования, – подчёркивает, к примеру, заместитель генерального директора Объединения немецкой строительной индустрии (HDB) Хайко Штипельман. – Того, кто не имеет законченного профессионально-технического образования, использовать на наших стройках практически невозможно». Только квалифицированные строители имеют, по его словам, «хорошие шансы». Глава химико-фармацевтического концерна Bayer Марейн Деккерс предупреждает: «Придётся потратить ещё много времени и сил, чтобы довести беженцев до того уровня, который должен иметь наёмный работник, чтобы трудоустроиться в Германии» [5].

Средний и малый бизнес в ФРГ сокращается. В Германии в 2012 г. было основано порядка 346 тыс. фирм, что на 14% ниже, чем в предыдущем году. В 2013 г. ожидалось снижение активности ещё на 5–6% [4]. Сравнительную численность samozанятости населения ЕС даёт Евростат (см. табл. 3).

Как видно из данных таблицы 3, samozанятость в ФРГ среди неграждан страны почти вдвое меньше, чем среди коренного населения. При этом ситуация резко отличается от таких стран, как Финляндия, Португалия, Италия, Ис-

Таблица 3.

Самозанятость населения в возрасте 20–64 лет по широким группам гражданства, по странам, 2014 г.

	Граждане	Граждане ЕС (*)	Неграждане ЕС	Всего
ЕС-28	28 540,9	1 008,2	908,3	30 467,9
Бельгия	526,7	55,7	11,1	593,5
Болгария	335,0	:	с	335,9
Чешская Республика	802,4	7,8	20,9	831,1
Дания	192,8	8,5	8,7	210,2
Германия	3 407,7	241,7	170,0	3 819,5
Эстония	47,6	:	и	52,9
Ирландия	253,1	19,2	8,5	280,8
Греция	1 039,2	5,5	24,0	1 068,6
Испания	2 601,3	116,3	151,3	2 869,0
Франция	2 580,3	77,6	74,0	2 733,2
Хорватия	205,7	:	и	206,9
Италия	4 547,8	90,5	190,0	4 828,3
Кипр	47,7	4,6	2,1	54,3
Латвия	81,3	:	и	90,2
Литва	135,2	:	:	136,0
Люксембург	10,4	8,1	:	19,0
Венгрия	416,1	:	и	420,2
Мальта	22,4	0,6	и	23,4
Нидерланды	1 160,3	28,7	19,0	1 216,5
Австрия	400,7	28,5	9,8	439,0
Польша	2 775,0	:	и	2 785,4
Португалия	646,5	4,6	8,8	659,9
Румыния	1 513,5	:	с	1 515,2
Словения	105,9	0,8	и	108,2
Словакия	356,4	:	и	357,7
Финляндия	290,6	3,7	и	298,9
Швеция	389,4	15,6	9,4	414,5
Соединённое Королевство	3 649,7	282,2	167,3	4 099,5
(*) кроме страны, представляющей отчётность				
' : ' – информация отсутствует				
' с ' – конфиденциальная информация				
' и ' – низкая надёжность информации				

Источник: [14].

пания, Греция, у которых доля самозанятых иностранцев в разы превышает коренное население.

Подавая пример другим, компании Deutsche Bahn и Daimler уже приступили к трудоустройству получивших регистрацию беженцев, хотя их усилия пока явно недостаточны для формирования тенденции. Государственная железнодорожная компания Deutsche Bahn 9 ноября 2015 г. взяла в Мюнхене на переобучение 15 беженцев, имеющих навыки в области электротехники. А на головном заводе автоконцерна Daimler в Штутгарте 40 беженцев в тот же день приступили к производственной практике. Таким образом, немецкий бизнес начинает тестировать различные варианты трудоустройства людей,

попросивших в Германии политического убежища.

Deutsche Bahn – один из крупнейших работодателей в Германии: здесь трудятся порядка 200 тыс. человек более ста национальностей. В последнее время железная дорога испытывает нарастающий дефицит кадров, который в ближайшие годы усугубится из-за выхода на пенсию многочисленных сотрудников. Поэтому компания среди прочих мер разработала общегосударственную программу по привлечению выпускников школ, которых в течение года готовят к дальнейшему профессионально-техническому обучению. В рамках этой программы для молодых беженцев выделены 36 мест.

Daimler предлагает ознакомительную практику. Концерн взял на практику беженцев самого разного возраста – от 20 лет до 51 года. В течение 14 недель выходцы из Афганистана, Гамбии, Нигерии, Пакистана, Сирии и Эритреи будут знакомиться с производственными процессами на заводе, выпускающем легковые автомобили Mercedes-Benz, и в небольших группах по 10 человек учить немецкий язык.

Первые шесть недель практику оплачивает Федеральное агентство по труду (Bundesagentur für Arbeit, BA), остальные восемь – Daimler. За производственную часть практики концерн будет платить установленную в Германии минимальную заработную плату в размере 8,50 евро. Таким образом, участники программы смогут получать в день почти 30 евро. Оплату языковых курсов концерн полностью взял на себя. Никаких гарантий трудоустройства практиканты не получают, однако в случае успешного завершения программы их шансы найти работу на других предприятиях или продолжить профтехобразование существенно возрастут [5].

В докладе KfW за 2013 г. подсчитано, что число предприятий, открытых бизнесменами-иммигрантами, составило 21% от общего количества новых фирм. На долю выходцев из Турции приходится 21% от числа всех зарегистрированных иммигрантами предприятий за последние пять лет. Среди тех, кто в эти годы открыл свой бизнес, 10% имеют русские корни, 7% – польские и 5% – итальянские. Больше 50% предпринимателей-иностранцев, открывших

свое дело в 2013 г., моложе 30 лет, в то время как в среднем по стране этот показатель составляет лишь 37%. Однако бизнесмены-иммигранты становятся банкротами чаще, чем коренные немцы. 22% таких фирм уже через год оказываются неплатёжеспособными, а 39% покидают рынок через 3 года. В среднем по Германии через год закрывается 15% новых предприятий, а через 3 года – 30% [1].

До настоящего времени мигранты замещали рабочие места в сферах, не требующих специальной подготовки, и стимулировали потребительский спрос на базовые товары и услуги. Сегодня, однако, эта экономическая зависимость перестаёт работать. Прежде всего, масштабная политическая миграция серьёзно увеличивает нагрузку на бюджет. Ограничить такую миграцию Германии необходимо, если страна намерена сохранить свою экономику. Положительное влияние миграционного потока на экономику страны будет кратковременным, связанным с увеличением спроса. В будущем беженцы потребуют значительных расходов бюджета: они не платят налоги или платят их в меньшем размере, требуют дополнительных расходов по обеспечению безопасности в социальной сфере. Положительный результат будет зависеть от способности экономики абсорбировать прибывающих беженцев, от реализации программ по профессиональной подготовке и трудоустройству, от желания и способности мигрантов открыть свой малый бизнес, от возможности собрать налоги и обеспечить снижение социального напряжения.

Список литературы

1. Бизнесмены-иммигранты в Германии. Бизнес в Германии [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://indeutschland.ru/business/2014/09/06/biznesmeny-immigranty-v-germanii.html> (дата обращения: 8.10.2015).
2. В Германии вводится МРОТ // Коммерсант.ru [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2506264> (дата обращения: 10.10.2014).
3. Германия растёт на мигрантах // Эксперт-Онлайн [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://expert.ru/2015/11/27/germaniya-rastet-na-migrantah/> (дата обращения: 30.11.2015).
4. Как живёт и работает малый бизнес в Германии. Российская Бизнес-газета. № 928 (50) 24.12.2013 [электронный ресурс]. <http://www.rg.ru/> (дата обращения: 04.12.2014).
5. Немецкий бизнес начинает трудоустраивать беженцев [электронный ресурс]. <http://DW.com/p/1H3RS> (дата обращения: 11.11.2015).
6. Онучак В.А. Основные принципы поддержки малого предпринимательства в условиях российских нефтедобывающих регионов // Предпринимательство. 2008. № 6. С. 56–58.
7. Предпринимательство в Германии [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://germany-in-russian.ru/predprinimatelstvo-v-germanii.html> (дата обращения: 8.10.2015).
8. Экономика стран ЕС после введения евро: от эйфории 1999 г. до долгового кризиса 2010-х годов / Под ред. А.В. Кузнецова, Е.С. Хесина. М.: ИМЭМО РАН, 2013. 250 с.
9. Экономика ФРГ зависит от ситуации с беженцами [электронный ресурс]. Mode of access: http://www.web-globus.de/articles/ekonomika_frg_zavisit_ot_situatsii_s_bezhentsami (дата обращения: 2.12.2015).
10. Asylum and new asylum applicants // Eurostat [электронный ресурс]. <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&code=tps00189> (дата обращения: 4.12.2015).
11. Bundestag approves 2015 budget with no new debt // Deutsche Welle [электронный ресурс]. <http://www.dw.com/en/bundestag-approves-2015-budget-with-no-new-debt/a-18099625> (дата обращения: 4.12.2015).

■ Мировая экономика

12. Germany may need €21bn to house and educate refugees // The Guardian [электронный ресурс]. Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2015/nov/11/germany-may-need-21bn-to-house-and-educate-refugees-report> (дата обращения: 8.11.2015).
13. How many are genuine? As Europe locks down its borders, eye witnesses claim fewer than a third of refugees who have made it to Germany are Syrian – and some are even ISIS infiltrators [электронный ресурс]. Mode of access: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3235972/How-genuine-Europe-locks-borders-eye-witnesses-claim-fewer-refugees-Germany-Syrian-ISIS-infiltrators> (дата обращения: 14.12.2015).
14. Migrant integration statistics – employment // Eurostat [электронный ресурс]. Mode of access: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_-_employment (дата обращения: 4.12.2015).
15. New projection of Germany's population by 2060 [электронный ресурс]. Mode of access: https://www.destatis.de/EN/PressServices/Press/pr/2015/04/PE15_153_12421.html (дата обращения: 9.12.2015).
16. Refugee crisis 'to cost Germany 10 billion euros' // Deutsche Welle [электронный ресурс]. Mode of access: <http://www.dw.com/en/refugee-crisis-to-cost-germany-10-billion-euros/a-18696346> (дата обращения: 12.12.2015).

Об авторе

Виктор Александрович Онучак – к.э.н., доцент кафедры учёта, статистики и аудита МГИМО МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru.

SOCIAL ASPECT OF SUPPORT OF SMALL BUSINESS AND PROBLEMS OF MIGRATION IN GERMANY

V.A. Onuchak

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Abstract: The flow of refugees in Germany is a political migration at which the flow of migrants increases load of the budget due to payments of social benefits. At first sight, apparently, the existing privileges and incentives of creation of small and medium-sized enterprises (MSP) rather big and that problems in employment of such number of migrants shouldn't be. They will take potential workplaces or will open the business, but a question in, whether it is possible to occupy the arrived migrants in small business in the territory of Germany. However, unlike labor migration which increases self-employment of the population, political migration of such effect can't give. At present it is necessary to limit global migration of the same Germany if the country intend store the economy. Positive influence of a migratory stream on national economy will be short-term, connected with increase in demand. In the near future refugees will demand considerable expenses of the budget as they don't pay taxes or pay them in a smaller size, demand additional expenses on safety in the social sphere.*

Key words: small and medium-sized enterprises, labor and political migration, self-employment of the population, budget, payment of social benefits.

References

1. Biznesmeny-immigranty v Germanii [Businessmen immigrants in Germany]. Biznes v Germanii [Business in Germany]. Available at: <http://indeutschland.ru/business/2014/09/06/biznesmeny-immigranty-v-germanii.html> (Accessed: 08.10.2015).
2. Hvostik E. V Germanii vvoditsja MROT [The minimum wage is introduced in Germany]. Kommersant.ru, 04.07.2014. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2506264> (Accessed: 10.10.2014). (In Russian).
3. Koroleva A. Germanija rastet na migrantah [Germany grows on Migration]. Jekspert-Onlajn, 27.11.2015. Available at: <http://expert.ru/2015/11/27/germaniya-rastet-na-migrantah/> (Accessed: 30.11.2015). (In Russian).
4. Roze A. Kak zhivet i rabotaet malyj biznes v Germanii [How is small business in Germany]. Rossijskaja Biznes-gazeta. №928 (50). 24.12.2013. Available at: <http://www.rg.ru/2013/12/24/germania.html> (Accessed: 4.12.2014). (In Russian).
5. Nemeckij biznes nachinaet trudoustraivat' bezhencev [German business starts to employ refugees]. Deutsche Welle. Available at: <http://DW.com/p/1H3RS> (Accessed: 11.11.2015). (In Russian).

6. Onuchak V.A. Osnovnye principy podderzhki malogo predprinimatel'stva v usloviyah rossijskih neftedobyvajushhih regionov [The basic principles of support of small business in the conditions of Russian oil-producing regions]. *Predprinimatel'stvo*, 2008, no. 6, pp. 56 - 58. (In Russian).
7. *Predprinimatel'stvo v Germanii* [Entrepreneurship in Germany]. Available at: <http://germany-in-russian.ru/predprinimatelstvo-v-germanii.html> (Accessed: 08.10.2015). (In Russian).
8. *Jekonomika stran ES posle vvedenija evro: ot jefforii 1999 g. do dolgovogo krizisa 2010-h godov* [The economy of the EU countries after the introduction of the euro: the euphoria of 1999 to the debt crisis of the 2010s]. Ed. by A.V. Kuznecov, E.S. Hesin. Moscow, IMJeMO RAN Publ., 2013. 250 p. (In Russian).
9. *Jekonomika FRG zavisit ot situacii s bezhencami* [The German economy depends on the situation with refugees]. web GLOBUS, 04.11.2015. Available at: http://www.web-globus.de/articles/ekonomika_frg_zavisit_ot_situatsii_s_bezhentsami (Accessed: 02.12.2015). (In Russian).
10. Asylum and new asylum applicants. Eurostat, 28.09.2015. Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tps00189> (Accessed: 04.12.2015).
11. Bundestag approves 2015 budget with no new debt. Deutsche Welle, 28.11.2014. Available at: <http://www.dw.com/en/bundestag-approves-2015-budget-with-no-new-debt/a-18099625> (Accessed: 04.12.2015).
12. Germany may need €21bn to house and educate refugees. The Guardian, 11.11.2015. Available at: <http://www.theguardian.com/world/2015/nov/11/germany-may-need-21bn-to-house-and-educate-refugees-report> (Accessed: 08.11.2015).
13. Reid S. How many are genuine? As Europe locks down its borders, eye witnesses claim fewer than a third of refugees who have made it to Germany are Syrian – and some are even ISIS infiltrators. Daily Mail, 15.09.2015. Available at: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3235972/How-genuine-Europe-locks-borders-eye-witnesses-claim-fewer-refugees-Germany-Syrian-ISIS-infiltrators> (Accessed: 14.12.2015).
14. Migrant integration statistics – employment. Eurostat, May 2015. Available at: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_-_employment (Accessed: 04.12.2015).
15. New projection of Germany's population by 2060. Statistisches Bundesamt, Wiesbaden, 28.04.2015. Available at: https://www.destatis.de/EN/PressServices/Press/pr/2015/04/PE15_153_12421.html (Accessed: 09.12.2015).
16. Refugee crisis 'to cost Germany 10 billion euros'. Deutsche Welle, 06.09.2015. Available at: <http://www.dw.com/en/refugee-crisis-to-cost-germany-10-billion-euros/a-18696346> (Accessed: 12.12.2015).

About the author

Victor A. Onuchak – Ph. D. in Economics, Department of statistics, accountancy and audit of MGIMO University of the MFA of Russia, associate professor. E-mail: vestnik@mgimo.ru.

МГИМО В ПЕНСИЛЬВАНСКОМ РЕЙТИНГЕ 2015 г.: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ЛОКАЛЬНЫЕ ОТВЕТЫ

М.В. Харкевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматривается очередной выпуск Пенсильванского рейтинга научных исследовательских центров мира за 2015 г. и позиции МГИМО в нем. Отдельно рассматриваются общемировые тенденции, связанные с изменениями среды и форм деятельности исследовательских центров, выявленные при составлении рейтинга. В частности, отмечено изменение в системе финансирования деятельности научных центров: от крупных грантов, немногочисленных грантов на продолжительный период к небольшим, но многочисленным грантам на короткий срок под конкретные проекты. Отмечено усиление давления на исследовательские центры со стороны государств по всему миру. Кроме того, указывается на обострение конкуренции на рынке идей и научной экспертизы. Исследовательские центры вынуждены адаптироваться к этим изменениям. Подробно рассмотрен опыт одного из исследовательских центров МГИМО, Центра военно-политических исследований. Инновации в деятельности данного центра в целом соответствуют общемировым тенденциям. Центр стремится к диверсификации источников финансирования своих исследований и повышает сфокусированность тематики исследований – долгосрочное прогнозирование международных и военно-политических отношений.

Ключевые слова: Пенсильванский рейтинг, МГИМО, исследовательские центры, Центр военно-политических исследований, финансирование науки.

В феврале 2016 г. вышел очередной, девятый по счету, ежегодный мировой рейтинг исследовательских центров, составляемый сотрудниками Пенсильванского университета. МГИМО каждый год присутствует в этом рейтинге, попадая во все большее количество номинаций [2]. Еще в 2013 г. МГИМО присутствовал в 8 номинациях, а в 2015 г. – в 12-ти (см.: табл. 1). Традиционно высокие места МГИМО занимает в номинациях «Лучшие исследовательские центры Центральной и Восточной Европы» и «Лучшие исследовательские центры на базе университета» (12-е место). В двух номинациях МГИМО является единственным российским исследовательским центром: «Исследовательские центры с наибольшим влиянием на государственную политику» и «Лучшие исследовательские центры в области науки и технологий» (см.: табл. 2). Из российских исследовательских центров конкуренцию МГИМО составляют Московский центр Карнеги, ИМЭМО РАН и ИСК РАН. Среди всех исследовательских центров мира МГИМО занимает 123-е место (см. табл. 2). Неизменным лидером рейтинга каждый год остается Брукингский институт (США). Если убрать из рейтинга все американские центры, то МГИМО поднимется на 97-е место, а первую строчку будет занимать британский Chatham House.

В качестве общей тенденции составители рейтинга отмечают продолжающееся уже второй год замедление прироста количества исследовательских центров в мире и даже сокращение их численности. Это происходит впервые за 30 лет. Возможно, мы наблюдаем начало конца эпохи исследовательских центров. Авторы рейтинга приводят несколько возможных причин, объясняющих данную тенденцию.

Во-первых, изменилась система финансирования исследовательских центров. Если раньше центры существовали за счет долгосрочных значительных по объему пожертвований на общие цели от нескольких немногих филантропов, теперь исследовательские центры вынуждены ориентироваться на краткосрочные небольшие по объему финансирования гранты под конкретные проекты. Чтобы поддерживать удовлетворительный уровень доходов сотрудников, центрам приходится набирать множество таких мелких грантов. В этой связи происходит, с одной стороны, сокращение численности штатов исследовательских центров, с другой стороны – сужение специализации их деятельности для повышения конкурентоспособности на переполненном рынке небольших проект-ориентированных грантов.

Следует отметить, что тенденции в финансировании исследовательских центров характерны и для финансирования фундаментальной науки в странах ОЭСР [3]. В финансировании фундаментальных исследований в ОЭСР отмечается общий тренд, который заключается в переходе от финансирования целых инсти-

тутов к финансированию отдельных проектов. Проекты отбираются на конкурентной основе и по показателям способности привлекать финансирование со стороны третьей стороны. Финансирование фундаментальных исследований является в высшей степени рискованной активностью. Привлечение третьей стороны к государственному финансированию является способом секьюритизации высоких рисков.

Во-вторых, в мире наблюдается рост политического давления на негосударственные исследовательские центры со стороны государств. Это объясняется тем, что мозговые тресты, как правило, поддерживают политические и экономические реформы и могут рассматриваться как угроза стабильности консервативным режимам. Особенно подозрение у властей такие центры вызывают, если они существуют на иностранные деньги.

В-третьих, современные информационные технологии обострили конкуренции на глобальном рынке идей. Если раньше практически монопольное положение на нем занимали исследовательские центры, то теперь на нем активно действуют различные медийные, правовые, консалтинговые организации и т.п.

Кроме того, авторы доклада предполагают, что закат эры исследовательских центров в будущем может быть связан с осуществлением революции «больших данных», о возможности которой в последнее время говорят многие эксперты [1]. Сегодня в мире накоплены огромные базы данных, которые продолжают ежесекундно пополняться. Однако анализировать эти данные пока не научились. Оперировать такими объемами информации могут только компьютеры. Если будут разработаны компьютерные программы, способные трансформировать огромные объемы количественной информации в качественные данные, на основании которых можно принимать эффективные решения, необходимость в многочисленных экспертных центрах, действительно сократится. Несмотря на весь энтузиазм вокруг «больших данных», остается сомнение, что компьютер когда-нибудь может полностью заменить эксперта.

Эти тенденции побуждают исследовательские центры к реформам форм и стратегий своей деятельности, к инновациям. В декабре 2015 года в Филадельфии состоялась международная конференция «2015 Think Tank Innovation Summit», на которой представители исследовательских центров делились своим опытом инноваций и адаптации к меняющимся условиям их деятельности. Этот опыт весьма ценен и требует отдельного осмысления. На изменения в финансировании научной деятельности реагируют не только сами исследовательские центры, но и государства. В частности, в ОЭСР государства развивают практику «инициатив научно-го совершенства» (research excellence initiatives), направленную на помощь хорошо зарекомендовавшим себя исследовательским коллективам

Таблица 1.

МГИМО в 12 номинациях рейтинга на фоне пятёрки лучших мировых центров

Номинации	Top Think Tanks in Central and Eastern Europe	Best University Affiliated Think Tank	Think Tanks with the Most Significant Impact on Public Policy	Top Science and Technology Think Tanks	Top International Economics Think Tanks	Top Domestic Economic Policy Think Tanks	Top Defense and National Security	Best Managed Think Tanks	Top Think Tanks Worldwide (Non-US)	Top International Development Think Tanks	Top Think Tanks Worldwide (U.S. and non-U.S.)	Top Foreign Policy and International Affairs Think Tanks
МГИМО	12 место	12 место	30 место	40 место	51 место	57 место	64 место	78 место	97 место	119 место	123 место	128 место
Первое место	Polish Institute of International Affairs (PISM) (Poland)	Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard University (United States)	Brookings Institution (United States)	Max Planck Institutes (Germany)	Peterson Institute for International Economics (PIIE) (United States)	Brookings Institution (United States)	Center for Strategic and International Studies (CSIS) (United States)	Brookings Institution (United States)	Chatham House (United Kingdom)	Brookings Institution (United States)	Brookings Institution (United States)	Chatham House (United Kingdom)
Второе место	Carnegie Moscow Center (Russia)	Center for International Development (CID), Harvard University (United States)	Carnegie Endowment for International Peace (United States)	Information Technology and Innovation Foundation (ITIF) (United States)	Bruegel (Belgium)	National Bureau of Economic Research (NBER) (United States)	International Institute for Strategic Studies (IISS) (United Kingdom)	Chatham House (United Kingdom)	Bruegel (Belgium)	Chatham House (United Kingdom)	Chatham House (United Kingdom)	Brookings Institution (United States)
Третье место	Center for Social and Economic Research (CASE) (Poland)	IDEAS/Public Policy Group, London School of Economics and Political Science (LSE) (United Kingdom)	Council on Foreign Relations (CFR) (United States)	Center for Development Research (ZEF) (Germany)	Brookings Institution (United States)	Adam Smith Institute (ASI) (United Kingdom)	RAND Corporation (United States)	Bruegel (Belgium)	French Institute of International Relations (IFRI) (France)	Korea Development Institute (KDI) (Republic of Korea)	Carnegie Endowment for International Peace (United States)	Carnegie Endowment for International Peace (United States)
Четвертое место	Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS) (Russia)	James A. Baker III Institute for Public Policy, Rice University (United States)	Chatham House (United Kingdom)	Battelle Memorial Institute (United States)	National Bureau of Economic Research (NBER) (United States)	Cato Institute (United States)	Brookings Institution (United States)	Institute for International Political Studies (ISPI) (Italy)	International Institute for Strategic Studies (IISS) (United Kingdom)	Woodrow Wilson International Center for Scholars (United States)	Center for Strategic and International Studies (CSIS) (United States)	Council on Foreign Relations (CFR) (United States)
Пятое место	Razumkov Centre (Ukraine)	Institute of Development Studies (IDS), University of Sussex (United Kingdom)	Amnesty International (AI) (United Kingdom)	Institute for Future Engineering (IFENG), FKA Institute for Future Technology (Japan)	Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW) (Austria)	Peterson Institute for International Economics (PIIE) (United States)	Chatham House (United Kingdom)	Amnesty International (AI) (United Kingdom)	Transparency International (TI) (Germany)	Center for International Development (CID) (United States)	Bruegel (Belgium)	Center for Strategic and International Studies (CSIS) (United States)

(не институтов) в условиях обострения конкуренции за короткие целевые гранты. Государства выделяют таким коллективам большие и «длинные» гранты [3]. В нашей стране данную практику перенял Российский научный фонд (РНФ), который выделяет большие по объему гранты небольшим коллективам из высокопрофессиональных исследователей на 3 года с возможностью продления срока.

В свете дискуссии об инновациях в деятельности исследовательских центров интерес представляет опыт одного из наиболее динамично развивающихся исследовательских центров на базе МГИМО – Центра военно-политических исследований. Центр был создан при поддержке ОАО Концерн ПВО «Алмаз-Антей», но постепенно диверсифицирует источники своего финансирования, выполняя научные исследования при поддержке российских научных фондов РНФ и РГНФ. Кроме того, в деятельности ЦВПИ отчетливо прослеживается тематическая специализация. Большинство исследований, выполняемых сотрудниками Центра, связаны с долгосрочным прогнозированием развития международных отношений. Чтобы увидеть эту специализацию, достаточно посмотреть на публикации Центра за последние два года:

1. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: коллективная монография. В 2 т. Т. 1: Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики / [А.И. Подберезкин и др.]; М.: МГИМО-Университет, 2015. 796 с.

2. Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: коллективная монография. В 2 т. Т. 2: Прогнозирование сценариев развития международной и военно-политической обстановки на период до 2050 года / [А.И. Подберезкин и др.]. Москва: МГИМО-Университет, 2015. 722 с.

3. Долгосрочное прогнозирование международной военно-политической обстановки: аналитич. Доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2014. 159 с.

4. Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналитич. Доклад / А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич [и др.]. – М.: МГИМО-Университет, 2014. 175 с.

5. Информационно-аналитическая система стратегического планирования противодействия угрозам национальной безопасности: аналитич. Доклад / П.М. Шмелев, А.И. Подберезкин [и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2014. 159 с.

6. Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО-Университет, 2014. 268 с.

7. Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России / А.И. Подберезкин, К.П. Боришполец, А.А. Казанцев, В.П. Козин, А.А. Орлов. М.: МГИМО-Университет, 2014.

Центр военно-политических исследований адаптируется к общемировым тенденциям и в организационной части своей деятельности. Если в первые годы своего существования авторский коллектив формировался под каждый проект по сетевому принципу и зачастую включал исследователей, которые формально не являлись сотрудниками Центра, в последние годы проекты выполняются преимущественно сотрудниками центра.

О движении Центра в верном направлении свидетельствуют и позиции МГИМО в рассматриваемом рейтинге в номинации «Лучшие исследовательские центры мира в области обороны и национальной безопасности». Впервые МГИМО был представлен в этой номинации в 2014 г., заняв в ней 66-е место, в 2015 г., он улучшил свои позиции на два пункта, поднявшись до 64-е места.

Об авторе

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России. E-mail: kharekvich@mail.ru.

MGIMO-UNIVERSITY IN GO TO THINK TANKS 2015 RANKING: GLOBAL TRENDS, LOCAL RESPONSES

M.V. Kharkevich

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: The article discusses the latest issue of Go to think tank ranking and MGIMO position in it. It also considers global trends related to changes in the environment and forms of activities of research centers, identified by the ranking. In particular, it notes the changes in the system of financing think tanks from the few large grants for an extended period of time to a small but numerous grants for short periods for specific projects. It also notes the increasing state pressure on think tanks from around the world. In

Таблица 2.

МГИМО в 12 номинациях рейтинга на фоне российских исследовательских центров

Номинации	Top Think Tanks in Central and Eastern Europe	Best University Affiliated Think Tank	Think Tanks with the Most Significant Impact on Public Policy	Top Science and Technology Think Tanks	Top International Economics Think Tanks	Top Domestic Economic Policy Think Tanks	Top Defense and National Security	Best Managed Think Tanks	Top Think Tanks (Non-US)	Top International Development Think Tanks	Top Think Tanks Worldwide (U.S. and non-U.S.)	Top Foreign Policy and International Affairs Think Tanks
МГИМО	12 место	12 место	30 место	40 место	51 место	57 место	64 место	78 место	97 место	119 место	123 место	128 место
Carnegie Moscow	2	-	-	-	-	-	-	34	14	-	24	-
IMEMO RAS	4	-	-	-	10	-	51	37	45	53	32	31
Centre for Economic and Financial Research	10	-	-	-	-	26	-	-	-	-	-	-
Independent Institute for Social Policy (IISP)	19	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Institute for the U.S. and Canadian Studies	25	-	-	-	-	-	30	-	-	-	-	32
Gaidar Institute for Economic Policy	31	-	-	-	64	107	-	-	-	108	-	-
Economic Expert Group	34	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
St. Petersburg Center for Humanities and Political Studies	38	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Analytical Center for the Government of the Russian Federation	50	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Russian International Affairs Council	62	-	-	-	-	-	105	-	-	-	-	132
Institute for Applied Economic Studies	79	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Council on Foreign and Defence Policy	-	33	-	-	-	-	57	-	-	-	-	42
Center for Fiscal Policy	-	-	-	-	-	50	-	-	-	-	-	-
Institute of Economy of the Russian Academy of Sciences	-	-	-	-	-	124	-	-	-	-	-	-
Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	120

addition, it points to increased competition on the market of ideas and scientific expertise. Research centers have to adapt to these changes. In view of these trends the experience of one of the research centers of MGIMO, the Center for Military-Political Studies is considered. Innovation activities of the Centre on a whole corresponds to global trends. The center is seeking to diversify its sources of funding and enhances the focus of research topics - long-term forecasting of the international military and political relations.

Key words: Go To Think Tanks, MGIMO-University, research centers, Center for Military-Political Studies, funding research.

References

1. Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big data: A revolution that will transform how we live, work, and think. Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
2. McGann J.G., (2016) 2015 Global Go To Think Tank Index Report. TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. Paper 10. http://repository.upenn.edu/think_tanks/10
3. OECD (2014), Promoting Research Excellence: New Approaches to Funding, OECD Publishing, Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264207462-en>

About the author

Maxim V. Kharkevich – PhD in political science, associate professor of world politics, MGIMO-University.
E-mail: kharkevich@mail.ru.

ПИСЬМА ИСПАНСКОГО ДИПЛОМАТА

Н.Е. Аникеева

.....
Jose Manuel Garcia Margallo. Todos los cielos conducen a Espana: cartas desde un avion, Planeta, 2015. 816 p.
.....

Книга на испанском языке министра иностранных дел Испании Хосе Мануэля Гарсия-Маргальо (2011-2016) под названием «Все пути небесные ведут в Испанию. Письма с самолета» написана в эпистолярном жанре. Она представляет собой текст, изданный в форме переписки Гарсия-Маргальо с известными политическими деятелями Испании и других стран.

Презентация этой книги состоялась в Мадриде в ноябре 2015 г. Это издание широким кругам общественности представил председатель правительства Народной партии Мариано Рахой. Он подчеркнул, что данный труд примечателен тем, что «он посвящён размышлениям министра иностранных дел о периоде перехода от диктатуры к демократии, внешней политике, преодолении экономического кризиса и сохранении единства испанского государства» (С.9). Выход в свет этой книги имел большое значение для политической жизни страны, т.к. это произошло накануне проведения всеобщих парламентских выборов 20 декабря 2015 г. Министр иностранных дел правительства Народной партии Гарсия-Маргальо, который в течение четырех лет возглавлял МИД Испании, заявил в ходе презентации о готовности и дальше продолжать сотрудничество с Мариано Рахоем и его партией. За последние годы Гарсия-Маргальо

неоднократно бывал с визитами в других странах. Эти визиты осуществлялись благодаря его многочисленным полетам на самолете, в ходе которых он продолжал много работать, регулярно писал деловые письма и одновременно отвечал на корреспонденцию от своих испанских и иностранных коллег. В связи с этим, необходимо подчеркнуть, объем данного издания, который составляет 816 страниц текста. Это результат непрерывной работы министра за эти годы.

Гарсия-Маргальо вел деловую переписку с такими политическими деятелями как М.А. Каньете, Х.М. Аснар, Ш. Бен-Ами, К. Эспиноза де лос Монтерос, Х.Ф. Диас, Ф.Гонсалес, К. Пауэлл, Х.Л. Родригес Сапатеро, Х. Солана, Х.И. Карбахаль, И. Иванов и др.

Издание состоит из введения, которое было подготовлено М.Рахоем, пролога, написанного самим автором, а также 8 глав и заключения. Всего оно содержит 43 письма и цветные фотографии, на которых запечатлены официальные встречи политика с другими политическими деятелями в ходе его визитов за рубеж.

В книге затронуты такие актуальные международные темы как особенности современного внешнеполитического курса Испании в отношении региональных направлений, представляющих особый интерес для страны. Речь

Аникеева Наталья Евгеньевна – д.и.н., профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России.

идет о Европе, Латинской Америке, Соединенных Штатах Америки, Средиземноморье, Африке и Азии. Особый акцент делается на важных для испанского государства мероприятиях с международной повесткой дня – Саммиты ЕС-Африка, Саммиты «Большой двадцатки», в ходе которых обсуждаются такие вопросы как иммиграция, сотрудничество в области изменения климата, борьба с бедностью. Также в книге автор подчеркивает значимость такого события для Мадрида как непостоянное членство в Совете Безопасности ООН в период 2015–2016 гг. Ведь, по словам М.Рахоя, тот факт, «что Испания достигла такого международного положения, во многом является также результатом эффективной дипломатической деятельности Гарсия-Маргальо на посту министра иностранных дел» (С.7).

Автор уделяет в своей книге внимание важным аспектам современных международных отношений, в частности, борьбе с терроризмом против ДАИШ, проблеме беженцев, решению сирийского вопроса, палестино-израильскому конфликту (С.525), а также отношениям с Ираком, Ливией, Ираном. Затрагивает он и такие актуальные темы как сотрудничество с Россией (С.457), проблему Украины (С.441).

Приоритетом внешней политики Испании является также вопрос о принадлежности Гибралтара в испано-британских отношениях. Гарсия-Маргальо считает, что «эта проблема является национальным приоритетом внешнеполитического курса страны», поэтому он не оставляет ее без внимания (С.719).

В книге есть главы, посвященные внутренней политике Испании. В частности, одна из глав называется «Дилемма Каталонии». В ходе переписки с бывшим министром иностранных дел Испании Х.Пике, каталонцем по происхождению, Гарсия-Маргальо высказывает «свое крайнее беспокойство в связи с возникшей угрозой территориальному единству страны». Сепаратистский процесс в Каталонии он характеризует «как «попытку переворота в стране», и считает «Конституцию гарантом единства испанского государства» (С.681).

Не менее важной темой для Испании остается проблема преодоления последствий мирового финансового кризиса. В связи с этим, речь в работе идет и о позитивных тенденциях, которые появились в стране в плане разрешения проблемы безработицы и положительной динамики экономического роста. Вместе с тем, подчеркивается, что Испания, прежде всего, является последовательным сторонником европейской интеграции. И именно в тесном сотрудничестве с Европой автор видит решение и экономических проблем (С.169).

В заключение необходимо отметить, что этот труд известного испанского политика имеет большой научно-практический интерес, будет полезен всем тем, кто интересуется историей и внешней политикой современной Испании. Издание представляет собой важный источник, имеющий большое значение для изучения данных тем.

THE LETTERS OF SPANISH DIPLOMAT

N. Anikeeva

Moscow State Institute of international relations (MGIMO). Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА В СОЦИОЛОГИИ

Н.Н. Зарубина

Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота: монография / С.А. Кравченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии; Ин-т социологии РАН. – М.: МГИМО-Университет, 2015 – 342 с.

Монография доктора философских наук, профессора, заведующего кафедрой социологии МГИМО МИД России С.А. Кравченко посвящена проблеме парадигмального характера социологического знания, его трансформаций в условиях становления сложного общества в глобальных масштабах [1]. Книга продолжает и дополняет историко-социологические и метасоциологические исследования автора на протяжении нескольких десятилетий [2], и представляет новый взгляд на развитие социологии в современном обществе. Автор вводит качественно новое основание для классификации и периодизации социологических парадигм и теорий: их соответствие императиву познания растущей сложности и динамизма социума, способность более адекватно отражать его. Такой подход соответствует идеям И. Пригожина и др. о «стреле времени» как ускоряющейся и усложняющейся динамике материи и социума.

С.А. Кравченко подчёркивает, что становление социологии как позитивистской науки в середине XIX в. отвечало задачам познания европейского общества эпохи становления капитализма, её дальнейшие парадигмальные трансформации соответствовали усложнению социума и возникновению качественно новых вызовов социологическому знанию [3, с. 14-25]. В соответствии с этой познавательной установкой

автор выделяет пять основных поколений социологических теорий, каждое из которых соответствует потребностям исследования общества на определённом этапе его развития. При этом социологические теории, созданные на каждом этапе, не устаревают и не обесцениваются, а, напротив, могут эффективно применяться для познания социума на соответствующем уровне его сложности.

В монографии С.А. Кравченко раскрываются новейшие тенденции в развитии социологического знания — «переоткрытие» социальной реальности в условиях её растущей сложности и динамизма; рефлексивность социологии как проявление новейшей тенденции познания, пришедшей в новых условиях на смену позитивизму; повороты в социологии как отражения потребности в новом «постдисциплинарном» знании, преодолевающие эпистемологическую ограниченность классической социальной науки и синтезирующих достижения социальных, гуманитарных и естественных наук для достижения большей валидности социологического знания, среди которых выделяются культуральный поворот, предложенный Дж. Александером, ресурсный поворот Дж. Урри, обосновывающий новый взгляд на становление социоприродного мира; производство «институционализированного незнания» как фактор развития науки. В

Зарубина Наталья Николаевна - д.ф.н., профессор, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России.

рецензируемой монографии автор обобщает и развивает результаты метатеоретических исследований, проводимых им на протяжении ряда лет [4, с. 11-18].

Эмпирическую базу науковедческих исследований самых новых тенденций в современной социологии в рецензируемой монографии составили материалы ряда всемирных социологических конгрессов и международных конференций, участником которых был автор, а также секций и рабочих групп международных социологических организаций. Анализ их организационной структуры и тематики позволил сделать ряд интересных выводов о наиболее перспективных и востребованных направлениях социологических исследований. В частности, С.А. Кравченко констатирует преодоление методологического и эпистемологического европоцентризма, характерного для классической социологии, растущего плюрализма социологического знания в условиях многополярной глобализации. Систематизируя и интерпретируя новейший социологический терминологический и понятийный аппарат, автор продолжает проводившиеся им на протяжении многих лет лексикографические исследования [5, 6].

Принципиально важный вывод, к которому приходит С.А. Кравченко на основе анализа

развития социологического знания в современном сложном социуме, состоит в императиве гуманистического поворота в социологии. Суть этого поворота – в переключении исследовательского интереса с изучения структур и «объективных» тенденций общественного развития на рефлексию, аутопойетические процессы, обусловленные ростом агентной активности человека в современном социуме. *Нелинейно-гуманистическое мышление*, являющееся продуктом такого поворота, характеризуется автором как *принципиально новая форма социологического воображения*, ориентированная на гуманистическую теорию сложности, идеи которой им также разрабатываются порядка десяти лет [7].

Монография «Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота» предназначена для студентов, аспирантов, изучающих социологию, представляет интерес для преподавателей и специалистов. При всей сложности рассматриваемых и решаемых в монографии теоретических и эпистемологических проблем, её ценностью является доступность изложения материала. Книга, несомненно, является важным достижением в развитии отечественной теоретической социологии и социологической школы МГИМО.

Список литературы

1. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота: монография / С.А. Кравченко; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. социологии; Ин-т социологии РАН. – М.: МГИМО-Университет, 2015 – 342 с.
2. Кравченко С.А., Мнацаканян М.О., Покровский Н.Е. Социология: парадигмы и темы: М., 1998. – 507 с.
3. Кравченко С.А. Динамика современных социальных реалий: инновационные подходы // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 14-25.
4. Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования, 2011, № 1, С. 11-18.
5. Кравченко С.А. Социологический толковый англо-русский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2012. – 690 с.
6. Кравченко С.А. Социологический толковый русско-английский словарь. М.: МГИМО-Университет, 2013. – 914 с.
7. Кравченко С.А. Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социологические исследования, 2006. № 8. С. 3-13.

SCIENTIFIC SUBSTANTIATION OF THE HUMANISTIC TURN IN SOCIOLOGY

N.N. Zarubina

Moscow State Institute of international relations (MGIMO). Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

References

1. Kravchenko S.A. Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vstrebovannost' humanisticheskogo povorota [Sociological knowledge through the prism of the "arrow of time": the relevance of the humanistic turn]. Moscow: MGIMO-University, 2015 342 p.

■ Рецензии

2. Kravchenko S.A., Mnatsakanian M.O., Pokrovskii N.E. Sotsiologiia: paradigmy i temy [Sociology: paradigms and themes]: Moscow, 1998. 507 p.
3. Kravchenko S.A. Dinamika sovremennykh sotsial'nykh realii: innovatsionnye podkhody [he dynamics of contemporary social realities: innovative approaches]. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2010. Vol. 10. Pp. 14-25.
4. Kravchenko S.A. Sotsiologiia v dvizhenii k vzaimodeistviu teoretiko-metodologicheskikh podkhodov [Sociology on the move to the interaction of the theoretical and methodological approaches]. Sotsiologicheskie issledovaniia, 2011, Vol. 1. Pp. 11-18.
5. Kravchenko S.A. Sotsiologicheskii tolkovyi anglo-russkii slovar' [Sociological Explanatory English-Russian dictionary]. Moscow: MGIMO-University, 2012. 690 p.
6. Kravchenko S.A. Sotsiologicheskii tolkovyi russko-angliiskii slovar' [Sociological Explanatory Russian-English dictionary]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2013. 914 p.
7. Kravchenko S.A. Gumanisticheskaia kontseptsiiia T. Lukmana i nelineinye realii rossiiskogo obshchestva. Sotsiologicheskie issledovaniia. 2006. No. 8. Pp. 3-13.

«ЗАПАД» / «НЕ-ЗАПАД»: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ДИХОТОМИЮ

Д.А. Кузнецов

Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? – М.: ИЛА РАН, 2015. 172 с.

Дихотомия «Запад» – «не Запад» сама по себе уже давно закрепились в огромном массиве международных исследований, будучи методологически и концептуально обоснованной в анализе современных международных отношений, процессов модернизации и политологической компаративистики, а идея заката западной цивилизации и ее постепенного низложения в качестве доминирующей получила свою формулировку если не в трудах Ницше и, еще дальше, Гете, связывающего ее разложение с союзом с Мефистофелем, то совершенно точно в знаменитой работе Освальда Шпенглера «Закат Европы»¹. Проблема, однако, стоит гораздо глубже рассуждений о принципиальных отличиях и отношениях лидерства между двумя традиционно противопоставляемыми друг другу глобальными культурами «коллективного Запада» и «не-Запада»². Для так называемого «незападного мира» (который, конечно, шире используемого в схожей цивилизационной дихотомии термина «Восток», включая его в себя) характерна

культурная и политическая фрагментация, что объясняется историческими, религиозными, географическими, политико-идеологическими и, что важно, самими культурными факторами, среди которых особое значение имеют язык, правосознание, традиции и обычаи. Подобные факторы обуславливают и неоднородность Запада: представление о западном мире как неком культурном и политическом монолите представляется упрощенным и значительно искаженным взглядом. Западная цивилизация имеет общие корни, сформировавшись в результате смешения христианских ценностей с наследием античности, что исторически превратило Европу в очаг этой цивилизации, которая затем распространилась в другие части света вследствие и в закрепление ее глобального лидерства. Но при этом, растягиваясь на Запад и Восток, эта цивилизация постоянно наталкивалась на проблемы внутренней идентичности, что особенно ярко проявляется в случае России и стран Латинской Америки.

¹ Часто название работы Шпенглера «Der Untergang des Abendlandes» переводят как «Закат Европы», именно под таким заглавием эта книга издавалась в России; в немецком языке Abendland – есть, однако, не столько европейское пространство, сколько вся христианская цивилизация (Запад), хотя и имеющая в своей сердцевине европейские корни, о чем так подробно и писал этот немецкий историкософ.

² Дихотомия «Запад-Восток» приобрела сегодня иное значение; «Восток» понимается значительно уже «не-Запада» и постепенно заменяется им в этой «глобальной» дихотомии.

Кузнецов Денис Андреевич - аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России.

Границы западной цивилизации определялись то пределами распространения христианства, то зоной капитализма, то географическими факторами, то ареалом либерализма. Все это послужило основанием для Арнольда Тойнби включить обе Америки и Европу в одну западную цивилизацию [4]. Другого мнения придерживался еще один сторонник цивилизационного подхода – Самуэль Хантингтон, который выделял Латинскую Америку в отдельную цивилизацию, а точнее как субцивилизацию, тесно связанную с западной [2]. При этом, так же как и Тойнби, Хантингтон считал Россию частью отдельного православного мира. Не утихают споры о принадлежности России к Западу и сегодня. Так или иначе, исторически современная латиноамериканская и русская культуры безусловно относятся к Западу в широком смысле, в то время как в современном социально-политическом смысле и Россия, и Латинская Америка имеют принципиальные отличия, что и является основанием для того, чтобы на фоне «заката Запада» им предсказывали то возвышение в качестве новой альтернативы западной цивилизации, то выживание в качестве последних форпостов христианства.

Попытка разграничить «Запад» и «не-Запад», представляется, в связи с этим, сложной задачей, вероятно даже более сложной, чем проведение границы между Западом и Востоком («окцидентом» и «ориентом»). Этим можно объяснить популярность критических и сравнительных исследований в сфере межкультурного, макрорегионального и трансрегионального взаимодействия. Ряд исследователей в этой области основывают свой сравнительный анализ на таких критериях дифференциации мирового пространства как социально-экономическая система, политическая система или конфигурации систем международных отношений в тех или иных региональных кластерах. Другие авторы, которые внесли особенный вклад в обоснование научной значимости этой дихотомии, избрали комплексный подход [3], пытаясь выделить комплексные характеристики западного и незападного культурного, политического, социально-экономического и цивилизационного кода. При этом малоисследованными остаются факторы, которые оказывают, тем не менее, значительное влияние не только на цивилизационную дифференциацию внутри «Запада» и «не-Запада», но и на глобальное взаимодействие – система права, правосознание, совместимость и конфликтный потенциал цивилизационно-культурных ценностей. С этой точки зрения, монография известного отечественного латиноамериканиста, заместителя директора Института Латинской Америки РАН Бориса Федоровича Мартынова «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее?» характеризуется несомненной новизной, восполняет этот пробел и дает толчок для новых дискуссий в данном проблемном поле. Книга была издана в ИЛА РАН, но при этом в своей проблематике выходит за рамки латиноамериканских исследо-

ваний и справедливо претендует на новое слово в дискуссии о современном мирополитическом и межкультурном взаимодействии.

В чем особенность и уникальность избранного автором подхода?

Во-первых, автор, как он сам подчеркивает во введении, опирается на цивилизационно-культурологический подход в качестве методологической базы исследования. Для автора приоритетное значение приобретают не только традиционные культурные факторы – язык, обычаи и религия, но и такой редкий для подобных исследований критерий как отношение к силе и праву. Как убедительно доказывает автор, правовая норма приобретает смысл лишь в контексте определенной культурной среды, то есть определенной культуры правосознания. В случае конфликта правовой нормы, правосознания и цивилизационных особенностей/ценностей конкретного общества правовая норма теряет всякий смысл. Этим объясняются не только провал любой инициативы по насаждению таких норм извне, но и проблемы с поддержанием системы международного права, которая усугубляется еще и тем, что ряд крупных игроков пытается встроить ее в свои национальные интересы.

Одним из интересных выводов автора является обнаружение влияния национальной правовой традиции на международное поведение государства. Еще более интересной эта связь оказывается при сравнительном анализе таких национальных подходов в рамках глобального Запада и не-Запада. Автор подробно описывает различия в восприятии права в сложившихся правовых семьях в современных международных условиях, где «нигилистический» и «силовой» англосаксонский подход можно считать одной из причин размывания международно-правовой системы [1, с.48]. По его мнению, в настоящее время необходимо в первую очередь развивать взаимодействие именно между теми глобальными игроками, которые относятся к международному праву «по крайней мере, уважительно». Сложно не согласиться с таким мнением. Будучи результатом определенного глобального консенсуса, международное право часто сталкивается сегодня с вызовами, исходящими из односторонних действий и силового подхода США – «выходца с Марса», по словам Роберта Кагана. При этом автор доказывает и то, что укрепление западной цивилизации всегда опиралось на военное превосходство, совершенство военных технологий и силу, некую нависающую и готовую к использованию «большую дубинку».

Анализ правовых систем и их связь с культурными и мировоззренческими особенностями позволяет автору убедительно подтвердить, что возникающий сегодня баланс сил в рамках западной цивилизации основан на лидерстве одной державы, которой не приходится вступать в соперничество с каким-либо конкурентом, в условиях, когда США превосходят всех в военной мощи, а остальные добровольно принимают это положение вещей.

При этом в XXI веке на фоне нарастания системного кризиса лидерства «коллективного Запада», вероятность которого, по мнению автора, была заложена в самой его природе, нарастает и межцивилизационная конкуренция [1, с.59], приходящая на смену внутрицивилизационной, что находит свое отражение в глобальном балансировании великих и региональных держав. Подчеркивая остроту данного тезиса, автор, тем не менее, не развивает его в формат сценарного прогноза межцивилизационных отношений, который мог бы представлять немалый интерес для читателя.

Во-вторых, автор подробно останавливается на месте и роли отдельных стран и региональных кластеров в протекающих сегодня мирополитических процессах. Безусловно, автор, прежде всего, уделяет внимание Латинской Америке. Хотя и признано практически повсеместно, что данный регион вырвался из периферии мирового развития и представлен сегодня сразу несколькими крупными державами, проецирующими свои интересы далеко за его пределы, регион Латинской Америки по-прежнему редко рассматривается международниками-политологами в контексте глобальной борьбы за власть, ресурсы и влияние, что очевидно является недальновидным. Б.Ф. Мартынов не только включает в анализ Латинскую Америку, но и делает ее центральным стержнем своего исследования, подчеркивая и цивилизационные особенности региона, определяющие его особое положение на политической карте мира, и его растущую роль в мировой политике и экономике. Это уже значительно трансформирует мировое политическое и экономическое пространство. Используя цивилизационный подход к оценке правовой и политической культуры стран региона, автор приходит к уникальным выводам, которые позволили ему убедительно доказать выдающуюся роль региона в кодификации и прогрессивном развитии международного права и защите его принципов. Исторические параллели, проведенные автором между историческими фигурами и событиями латиноамериканского континента и современностью, наглядно демонстрируют, по каким траекториям может развиваться современное мирополитическое взаимодействие.

В-третьих, новизна и актуальность выводов, сделанных автором, несомненны и для современного развития России. Б.Ф. Мартынов убежден, что в XXI веке «характер глобального позиционирования крупных держав» (таких как Россия и Бразилия) будет определяться «способностью или неспособностью эффективно контролировать собственную территорию» [1, с.83]. Действительно, многое объединяет траектории развития Бразилии и России – стран-гигантов, стран-континентов, обладающих колоссальными природными ресурсами и несомненным великодержавным мышлением. Россия, может быть еще в большей степени, чем Бразилия, ощутила на себе сегодня всю тяжесть глобальных трансформаций и глобальной экономической, поли-

тической и даже идеологической конкуренции. Это обусловило необходимость анализа и особенностей российского цивилизационного выбора и правовой культуры. Автор проводит сравнительный анализ и мировоззренческих категорий России и стран Латинской Америки, обнаруживая в них удивительные сходства. Эти схожие характеристики обусловили общее понимание норм международного права и его места в условиях современных глобальных трансформаций.

Историческая память государств и региональных кластеров, их цивилизационные и культурные характеристики, правовая культура – есть не отвлеченные понятия, а факторы, которые в современном мире ложатся в основу дихотомии «Запад» – «не-Запад», во многом определяя ее идеологическую подпорку. Такие выводы автора можно развить в тезис, что цивилизационные размежевания в рамках глобального Запада и глобального «не-Запада» не только усложняют современную международную систему, но и приводят к ее переформатированию: мир «распадается» не только на объективно-определенные континенты, географически-детерминированные регионы и социально-экономические уровни, но и на цивилизационные пространства, которые, хотя и крайне неоднородны, тем не менее, все еще укладываются в общую парадигму западного и незападного мира. Этот тезис вполне укладывается в размышление автора о необходимости обеспечить сотрудничество между центрами-полюсами межцивилизационного общения, которые представляют или стремятся представлять интересы определенного цивилизационного ареала [1, с.105]. Трудно спорить с данным выводом, ведь именно взаимодействие такого рода могло бы обеспечить поддержание международного правового режима в интересах всех, без его ломки, связывая руки тем актерам, которые стремятся предпринимать односторонние действия, и снижая остроту обсуждаемой в книге глобальной дихотомии.

Пока же такое взаимодействие активно развивается в формате БРИКС; этот формат подтверждает свою эффективность и конструктивность в обсуждении и решении глобальных проблем: автор видит уникальность БРИКС в его «мирном восхождении», отличном от восхождения великих держав прошлых эпох [1, с.136]. Вне всякого сомнения, оценка автором потенциала БРИКС в оказании влияния на глобальное развитие в будущем заслуживает самого высокого внимания и дискуссии в академической среде. Однако из такого оптимистичного взгляда на БРИКС возникает вопрос: насколько это трансрегиональное объединение не просто способно, как отмечает автор, сформулировать «альтернативные ценности» и выработать «практики борьбы с глобальными угрозами» [1, с.107, 156], а вообще жизнеспособно? Анализ внутренних связей БРИКС, выявляющий практически полное отсутствие сетевых экономических, социальных, научных и тем более политических связей, отсутствие

консенсуса по вопросам международного взаимодействия и даже присутствие конфликтного потенциала внутри группы и (что важно в контексте данного исследования) отсутствие единого понимания цивилизационной принадлежности (особенно в России, Бразилии и ЮАР) – все это говорит о структурной слабости БРИКС и в значительной мере ограничивает (если не полностью блокирует) возможности этой группы в реализации эффективного глобального управления. Дискуссионным и спорным является и вывод автора о том, что БРИКС представлен сегодня «центрами межцивилизационного общения, выражающими интересы и ценности того цивилизационного ареала, неформальными центрами которого они являются или стремятся стать» [1, с.105]. Хотя экономические, энергетические, организационные и прочие ресурсы этих стран несомненны, в складывающемся в настоящее время условиях консолидации региональных кластеров их способность и легитимность в «выражении» интересов регионов подвергаются сомнению: это выражается в сохранении противоречий между Китаем и Индией, в региональных трансформациях в Латинской Америке и создании там новых центров интеграционного притяжения, в развитии ситуации на постсоветском пространстве с преобладанием центробежных тенденций и многом другом. Смогут ли страны БРИКС преодолеть эти дестабилизирующие факторы и создать общие механизмы, которые позволят им стянуть ресурсы для достижения общих глобальных целей – вопрос, который все чаще задают исследователи. Автор исходит из того, что страны БРИКС обладают не только схожими цивилизационными ценностями и правосознанием, но и сосредоточились на разделяемых ими принципах международного права – верховенства сувере-

нитета, невмешательства и т.д. То, что это может стать двигателем взаимодействия – возможный сценарий, но также требующий новых научных дискуссий и политических решений.

Книга-размышление известного российского ученого Б.Ф. Мартынова (именно в таком формате размышления или разговора с читателем она видится) представляет собой не только изложение научных взглядов и результатов исследовательской деятельности профессора, но и весомый и уникальный интеллектуальный вклад в общую дискуссию по проблематике современного мирополитического развития. Автор, ставя перед собой сложный вопрос в самом названии монографии, тем не менее, оставляет его открытым не только для читателя, но и, кажется, для себя. При этом такой подход не умаляет достоинства работы, в которой обоснованно и систематически изложены ключевые тезисы относительно факторов дальнейшей эволюции мировой системы, а также предложены собственные и вполне уникальные взгляды по актуальным проблемам международного и национального развития. Правовой и цивилизационный подход, на который опирается автор, позволил ему проследить процесс становления «коллективного Запада», укрепления его доминирования в течение многих веков и развития современного кризиса. К сильным сторонам монографии можно отнести не только уникальность подхода и обоснованность выводов, но и ненагруженность сложной терминологией и доступность для самого широкого круга читателей. Это позволяет сделать вывод о том, что данная работа может быть интересна всем, от исследователей-международников, политологов, культурологов до тех, кто просто интересуется современными международными отношениями.

Список литературы

1. Мартынов Б.Ф. «Запад» и «не-Запад»: прошлое, настоящее... будущее? – М.: ИЛА РАН, 2015. 172 с.
2. Huntington, Samuel. The Clash of Civilizations? / Edvardas Spokas. Mode of access: <http://edvardas.home.mruni.eu/wp-content/uploads/2008/10/huntington.pdf> (last visited 29.01.2016).
3. Восток / Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. – М.: РОССПЭН, 2002. 526 с.
4. Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. – 2003. – № 2. – С. 66-86.
5. Постигание истории: избранное / А. Дж. Тойнби; под ред. В. И. Уколовой, Д. Э. Харитоновича; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М.: Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
6. Протопопова Н.С. Политические трансформации на Востоке сквозь призму особенностей политических систем и политических культур // Сравнительная политика. – 2012. – №. 3. – 195-199.
7. Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока / пер. с англ. А.В. Говорунова. - СПб.: Русский мир, 2006. 637 с.
8. Acharya, Amitav; Buzan, Barry. Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia. Routledge, 2010. 253 p.

THE WEST AND NON-WEST: A NEW APPROACH TO THE OLD DICHOTOMY

D.A. Kuznetsov

Moscow State Institute of international relations (MGIMO). Russia, 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76.

Abstract: Book review: Martynov, B.F. *The West and Non-West: the Past, the Present... the Future?* Moscow: Institute of Latin American Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015. 172 p.

Key words: Western world, non-Western world, international law, Latin America, Russia, BRICS, civilization approach, inter-civilizational competition, transregionalism, world order.

References

1. Martynov B.F. «Zapad» i «ne-Zapad»: proshloe, nastojashhee... budushhee? (The West and Non-West: the Past, the Present... the Future?). Moscow: ILA RAN, 2015. 172 p.
2. Huntington, Samuel. The Clash of Civilizations? / Edvardas Spokas. Mode of access: <http://edvardas.home.mruni.eu/wp-content/uploads/2008/10/huntington.pdf> (last visited 29.01.2016).
3. Vostok / Zapad: Regional'nye podsistemy i regional'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenii (The West/the East: Regional Subsystems and Regional Problems of International Relations) / Ed. by Alexei D. Voskressenski. Moscow: ROSSPAN, 2002. 526 p.
4. Pai L. Nezapadnyi politicheskii protsess (Non-Western Political Process) // Politicheskaya nauka, 2003, No. 2, pp. 66-86.
5. Postizhenie istorii: izbrannoe (A Study of History: selected parts) / Arnold Joseph Toynbee; Ed. by V. I. Ukolova, D. E. Kharitonovich; Translated by E. D. Zharkova. Moscow: Airis-Press, 2008. 521 p.
6. Protopopova N.S. Politicheskie transformatsii na Vostoke skvoz' prizmu osobennostei politicheskikh sistem i politicheskikh kul'tur (Political Transformations in the East through the Lens of Political Systems and Political Cultures) // Sravnitel'naya politika, 2012, No. 3, pp. 195-199.
7. Said, Edward. Orientalism: zapadnye kontseptsii Vostoka (Orientalism: Western Concepts of the Orient) / Translated by A.V. Govorunova. St. Petersburg: Russkii mir, 2006. 637 p.
8. Acharya, Amitav; Buzan, Barry. Non-Western International Relations Theory. Perspectives on and beyond Asia. Routledge, 2010. 253 p.